

вологдский
ЛАД
2019

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД
Литературно-художественный журнал

1 (37)
2019 год

1

Старец Илий на Вологодчине

Схиархимандрит Илий (Ноздрин), духовник Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, четыре июльских дня провел на Вологодчине.

Схиархимандрит Илий в алтаре Софийского Успенского кафедрального собора в Вологде

Старец Илий - духовник Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Он был пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха митрополитом Никодимом (Ротовым) во время обучения в Ленинградской духовной академии в 60-х годах XX века.

В 1966 году поступил в Псково-Печерский монастырь, где нес послушание в течение десяти лет. В 1976 году отец Илий вместе с четырьмя другими русскими монахами был направлен в Свято-Пантелеймонов монастырь на Святой Горе Афон, это спасло обитель от закрытия. В 80-е годы, когда началось возрождение монашеской жизни в прославленной

Оптиной пустыни после ее 65-летнего запустения, отец Илий стал духовником восстанавливавшейся из руин обители. Он принял постриг в великую схиму. Двадцать лет схиархимандрит Илий возрождал старческое служение, продолжая традиции великих оптинских старцев.

С 1999 года старец Илий несет послушание в Патриаршем подворье Троице-Сергиевой лавры в подмосковном поселке Переделкино.

Пребывание на Вологодчине схиархимандрит Илий начал 25 июля с Череповца, где совершил Литургию в кафедральном соборе преподобных Афанасия и Феодосия Череповецких.

Старец Илий в Никольском приделе Рождество-Богородицкого собора Ферапонтова монастыря, расписанного великим русским изографом Дионисием

Затем старец встретился с духовенством Череповецкой епархии, посетил храмы, построенные на площадке АО «Апатит». Вот же день отец Илий принял участие в вечернем богослужении в Филиппо-Ирапской пустыни в Кадуйском районе.

На следующий день старец совершил Божественную литургию в Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря, посетил также Ферапонтов и Горицкий монастыри (Кирилловский район), Казанский собор в Кириллове. 27 июля отец Илий встречался с духовенством Великоустюжской епархии, осмотрел местные храмы и древние монастыри. В воскресенье, 28 июля, старец сослужил епископу Череповецкому и Белозерскому Флавиану за Божественной литургией в Софийском кафедральном соборе. После посещения Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря и Вологодской духовной семинарии духовник Патриарха побывал на родине святителя Игнатия Брянчанинова - в селе Покровском. Завершился визит схиархимандрита Илия в Вологде посещением Рождество-Богородицкого собора и архиерейского подворья храма преподобного Димитрия Прилуцкого.

Статью о пребывании старца Илия на Вологодчине см. на 234 странице номера.

В усадебном доме Брянчаниновых старцу показали портреты святителя Игнатия в разные периоды его жизни

Татьяна Александровна Ватсон показала старцу Илию, как выглядел Покровский храм, когда она 25 лет назад впервые приехала в Покровское

Архимандрит Илий (Ноздрин):
«Россия жива за счет Церкви. И если повторится то, что было столетие назад, что останется от России? Господь дал нам молитву, дал возможность храмы построить. Всякая смута, всякий переворот ведут только к гибели, к тому, чтобы добить Россию. Нужно, чтобы сейчас сохранялось то, что есть. Президент у нас верующий, надо молиться о нем, чтобы он сохранял Россию. Святая Церковь каждый день молится за любовь, своей любовью может охватить всех...»

В Покровском храме крестился Дмитрий Брянчанинов, будущий святитель Игнатий. Четверть века назад здесь были руины

И НЫНЕ, И ПРИСНО

Старец Илий побывал в вологодском соборе Рождества Пресвятой Богородицы. Храм, в советское время бывший кафедральным собором, гостю показали настоятель собора иерей Сергей Викин (в центре) и благочинный монастырей Вологодской епархии игумен Иоасаф (Вишняков)

У могил родных святителя Игнатия на кладбище в Покровском схиархимандрит Илий вместе с другими священнослужителями совершил литию - краткое заупокойное богослужение

После Божественной литургии в вологодском Софийском соборе старец Илий обратился к прихожанам с пастырским словом

За благословением к старцу. В Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря

Два профессора, или Душевное обаяние Русского Севера

Нынешнее лето подарило вологжанам встречи с двумя замечательными людьми. Они живут далеко от России, на разных материках нашей планеты, но с нашим краем, с нашей культурой их связывает очень многое. «Без меня народ не полный», - говорил герой Андрея Платонова. Исследования профессоров Чжэна Тиу и Уильяма Брумфилда дают основание считать: без их плодотворных трудов полное представление о Русском Севере и его роли в мировой культуре составить уже невозможно.

ПРОФЕССОР ИЗ КИТАЯ: «ДАВНО ХОТЕЛОСЬ ПОЕЗДИТЬ ПО РОССИИ»

- Давно хотелось поехать по России, - откровенничает китайский профессор Чжэн Тиу, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков. - Как, будучи русистом, плохо знать русскую глубинку?

Гость из Шанхая - известный во всем мире русист, поэт и переводчик, автор фундаментальных исследований русской литературы, в том числе монографий о творчестве Александра Блока, Сергея Есенина и других поэтов русского Серебряного века. В вологодских краях профессор Чжэн собирал материалы для своей новой книги - о литературе русской провинции.

Из рассказа профессора Чжэна ясно, что нынешняя поездка по российской провинции - это его, так сказать, подарок самому себе: учебный год закончился, к тому же сдал в печать несколько книг, над которыми работал по несколько лет - это и переводы Блока и Есенина, и трехтомная антология русского модернизма, и другие проекты.

Отдохнуть, расслабиться китайский ученый предпочёл не на фешенебельном

курорте, а в самой настоящей русской глубинке. И ничего не испугало! «Дорога была в таком состоянии, что километра через три захотелось повернуть обратно», - вспоминает о путешествии в нюксенское село Пожарище Анатолий Ехалов, бывший проводником гостей по Вологодчине. Впрочем, на Новгородчине или в Тверской области дороги ничуть не лучше, однако все трудности гости успешно преодолели. С профессором Чжэном путешествует жена, Юэ Юн Хун, - тоже профессор, исследователь русской литературы (в России ее порой называли Машей, и профессор ничуть не протестовала), и председатель иностранной комиссии Союза писателей России Олег Бавыкин. Гости, кроме Вологодчины, побывали в Тверской и Новгородской областях, Рязанской и Воронежской, Краснодарском крае...

Главное впечатление, разумеется, не дорожные ухабы (наверняка и в Китае можно найти что-то подобное, страна-то большая). И даже не русская пляска, которой Чжэна Тиу учили в Пожарище. Главное впечатление гостей - это люди, конечно. В наших краях китайский ученый прежде не бывал, но знакомые вологжане были и до приезда к нам: Дмитрия Ермакова знал заочно, его рассказ «Поехали»

Профессор из Китая Чжэн Тиу в гостях у Анатолия Ехалова

по рекомендации профессора перевели на китайский и опубликовали в популярном журнале. А с Натальей Мелёхиной (профессор нежно зовет вологжанку «Наташа») Чжэн Тиу встречался на форумах молодых писателей Китая и России в 2015 и 2018 годах. Восхищенная эрудицией и энергией профессора, Наташа считает директора Института мировой литературы сердцем форумов, их движущей силой («Вологодский ЛАД» рассказывал о первом форуме, см. № 1 за 2016 год).

БЛОК НА КИТАЙСКОМ

Стихотворение Александра Блока «Всё это было, было...» по-китайски звучит так, словно это не стихи, а стихия - гортанные звуки то взрываются, то стихают, сквозь странную для нашего уха интонацию с трудом угадываются созвучия, которые не то чтобы скрепяют стихотворения, как рифма в русских стихах, но как-то расцветчивают...

Но верю - не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

Пыл, впрочем, до слушателей доходит - блоковские строки в чтении профессора Чжэна Тиу слышатся исполненными горячей страсти; это крик, вопль, а не раздумье человека, ищущего сочувствия...

А что вы хотите? Китайцы нашего Александра Пушкина называют «Ялишаньда Пусицизинь». Ни за что не догадаться, если не знать. То есть всё у нас разное - от истории и религии до природы и обычаев, не говоря о языке. Чудом кажется, что, несмотря на все различия, мы всё-таки понимаем друг друга.

Наверное, в различиях и дело. Конечно, интересно многим что-то новое узнавать, вроде русской пляски. Но стоит ли ехать за тысячи верст, чтобы перебирать ногами под гармошку?.. Гораздо важнее, чем удовлетворение любопытства, как мне кажется, - стремление глубже осмыслить собственную жизнь, глядя на чужой опыт. Мы же все - люди; и русские, и китайцы любят и горюют, страдают и радуются, воспитывают детей и внуков, болеют и строят дома, преодолевают общие для страны трудности - говорят, до сих пор «Как закалялась сталь» в Китае невероятно популярна. Общего у нас не меньше, чем различий, и литература может помочь жить внимательным и умным читателям.

ЗАЧЕМ СОВРЕМЕННОСТЬ СПЕЦИАЛИСТУ ПО ДЕКАДАНСУ?

Любимые поэты Чжэна Тиу - Александр Блок и Сергей Есенин. Профессор много лет занимается исследованием литературы Серебряного века. Как соотносится творчество, например, Валерия Брюсова, Федора Сологуба, Андрея Белого - и проза Дмитрия Ермакова и Натальи Мелёхиной? Профессор, кстати, встречался в России с литераторами самыми разными - и профессионалами из Союза писателей России в разных областях (в том числе и в Вологодской), и с участниками литературных объединений в Тотьме и Пестове, что в Новгородской области...

Оказывается, общее между сегодняшней вполне реалистической прозой и декадансом начала прошлого века всё-таки есть и наш профессор его отчетливо видит. В нынешнем году выйдет из печати подготовленный Чжэном Тиу двухтомник «Полная история русской поэзии от древних времен до наших дней». Налицо желание посмотреть на русскую литературу во всём объеме; вероятно, есть у автора этого исследования и намерение выявить какие-то взаимосвязи, направления развития, влияния... Так что современность - не чужая для профессора Чжэна Тиу территория.

Изучение современной литературы, считает китайский ученый, - это прежде всего живое общение.

- Непосредственное общение помогает мне понять Россию, понять русский характер, русский быт - и потом понять глубже Есенина и Блока. Этого сделать нельзя, отрываясь от современной жизни. Вы же идете за ними? А я иду за вами.

Известный русский поэт Александр Бобров, давний знакомый китайского исследователя, писал в 2018 году, что Чжэн Тиу «переводил только двух поэтов из Рязани - шедевры любимого Сергея Есенина и стихи молодого врача Ирины Иванниковой. Какие уроки серьезного отношения к литературе, к молодой смене, к наведению духовных мостов!»

Чжэн Тиу рассказал своих планах:

- Я решил написать книгу о русской провинции - не сугубо научную, а несколько очерковую, публицистическую. Можно включить в главу о вологодской литературе фрагменты из книг Анатолия Ехалова. Пусть он время от времени появляется и размышляет о русской деревне... Хотелось бы, чтобы у этой книги были отклики не только в научной среде.

Профессор согласен, что у нас с Китаем, несмотря на разительные различия во всем, много общего:

- Деревня пустеет, люди уезжают...

И в Китае есть писатели, которые, как Ехалов и Мелёхина, пишут о деревне, о её тяжкой доле - и вечной красоте.

Профессор славистики университета Тулейн в Новом Орлеане Уильям Брумфилд

Большинство из тех, кто представлял китайским гостям Вологодчину, - авторы или герои (как Олег Коншин, например, создавший в Пожарище этнокультурный центр) материалов, опубликованных в «Вологодском ЛАДЕ». Вот теперь мы и о китайском профессоре-русисте рассказали...

ОТЦОВСКАЯ МУДРОСТЬ - НА ВСЮ ЖИЗНЬ

В июне 2019 года американскому фотографу, историку, искусствоведу, профессору славистики университета Тулейн в Новом Орлеане Уильяму Брумфилду исполнилось 75 лет. Ну, а через год исполнится четверть века со времени его первого приезда в Вологду.

- Я вырос на юге США в очень сложное время, - вспоминает Уильям Брумфилд. - Ну, вы наверняка читали «Унесенные ветром» - это как раз про те места, где прошло мое детство. С юности эти вопросы - где справедливость, кто виноват? - занимали и меня. И когда я начал читать романы Толстого, Достоевского, они подействовали как бальзам. Я вдруг понял:

я не один. Есть другие люди, которые тоже задаются этими «проклятыми вопросами». С этого все началось.

Мама любила русскую музыку - помню эти старые пластинки, Чайковский, «Щелкунчик»... Гениальная музыка! Но, пожалуй, решающую роль сыграла отцовская мудрость. Мой отец служил в морской пехоте на Западном фронте во время Первой мировой войны. Он прошел всю эту мясорубку - и во Франции в 1918 году видел интернированных русских. Они воевали, погибли - а после Брест-Литовского мирного договора французы их боялись и интернировали. Мне было около 8 лет, как-то я играл солдатиками, воевал с русскими коммунистами - тогда шла война в Корее. И отец мне сказал: «Сынок, русские нам не враги. Я видел их тогда, после Первой мировой, видел, как их держали наши союзники - как скот. Я так жалел их...» Для меня это было как гром среди ясного неба. Эта отцовская мудрость со мной на всю жизнь.

Уважение к русским воинам крепло, чем больше Уильям узнавал о мужестве русских во время Второй мировой войны:

- В каждом селе, в каждом городе я фотографировал памятники погибшим в той войне. Иногда села уже не существует, но памятник там всё равно есть. Ваша страна спасла мир, и вы знаете, какой ценой. Я говорю об этом со своими студентами, потому что на Западе об этом не знают. И иногда, чувствую, не хотят знать. В Новом Орлеане есть огромный музей, посвященный Второй мировой. Но рассказывают в нем только о союзниках.

Уильям Брумфилд ведет в своем университете спецкурс о боях на Восточном фронте Второй мировой.

- На Западе много говорят о холокосте, - рассказывает профессор, - и я объясняю студентам: да, это - невероятная трагедия, но без Советской Армии холокост продолжался бы! Надо было сокрушить машину смерти, и ваша страна сумела это сделать. Как - для меня это загадка. Наверное, в этом и есть душа народа.

В школьные годы ответ на «проклятые вопросы» Уильям искал не только в русских романах, но и в церкви. А может быть, духовное напряжение книг Толстого и Достоевского и направляло эти поиски...

- Сейчас, к сожалению, молодежь не знает Библии, - сокрушается профессор. - А ведь в ней - вся мировая культура. Можно верить, можно не верить, но не знать Библию нельзя!

В протестантской церкви будущий профессор-славист почувствовал силу слова:

- Мне повезло, у нас был очень хороший пастор, он прекрасно владел

Отец Уильяма Брумфилда - участник Первой мировой войны

словом. Нет, сам я пастором быть никогда не собирался, но церковь мне дала очень-очень много.

«РОССИЯ ОТКРЫЛА МОИ ГЛАЗА»

- Столько поездок было по Вологодчине! - вспоминает профессор Брумфилд. - Никогда не забуду... У меня в архиве больше ста тысяч фотографий. Основная коллекция хранится в Национальной галерее искусства, и однажды сотрудники галереи мне сказали: «Больше не снимайте Вологду, у нас столько фотографий, ну не справляемся мы».

Рассказывает вологодский писатель Михаил Карачев, много раз сопровождавший американского ученого в путешествиях по Вологодчине:

- Помню, как мы ехали с Уильямом зимой через Тотьму в Великий Устюг. Сорокаградусный мороз, дорога ледяная, подъезжаем к Тотьме, внизу виднеются деревянные дома и идет дым - топят печи. Дым стоит облаком, очень красивый кадр. И я кричу: «Уильям, снимай, снимай скорее!» Он выбежал из машины и залез в своих ботиночках прямо в сугроб, чтобы успеть снять эту картину.

- Фотография потом публиковалась на большом развороте в журнале «Лайф», - добавляет профессор. - Такие экстремальные условия дают наилучшие результаты.

О каждой фотографии Брумфилд может рассказать историю. Как-то зашел в вологодский храм Иоанна Предтечи в Рошенье и долго стоял в ожидании, когда солнечный луч упадет на иконостас.

- Какая-то женщина подошла ко мне, - вспоминает профессор Брумфилд, - и спросила: «Что вы тут делаете?» И я ответил: «Улавливаю свет».

Снимок, как считает Уильям Брумфилд, позволяет улавливать не только свет, но и время:

- Мы передвигаемся через фотографию в любое время, в любую эпоху. И таким образом сохраняем память - о вашем наследии, о нашем общем наследии.

Нужно ли это сегодняшней Америке? Есть ли у профессора Брумфилда последователи среди студентов?

- Я их не вижу, - говорит Брумфилд, - но меня это не беспокоит. С терпением смотрю, чтобы молодые люди поняли хотя бы что-то о России.

Конечно, студентам профессор Брумфилд рассказывает не только о событиях на Восточном фронте. У него есть спецкурс по русской культуре, который он ведет на русском языке.

- Раньше у меня были большие обзорные курсы по искусству, - рассказывает профессор о преподавательской работе, - а сейчас веду спецсеминары, занимаюсь с небольшими группами студентов. Мы интенсивно работаем, они каждую неделю пишут маленькие сочинения, переводят статьи о разных городах... Студенты понимают, что у меня многопрофильная работа, знают, чем я занимаюсь, может, даже гордятся этим.

Интерес к нашей стране, нашей истории и культуре в Америке есть, но не все его разделяют.

- Да, у нас по-разному относятся к России, - говорит Уильям Брумфилд. - Есть такие коллеги, которые спрашивали: «Зачем ты, славист и литературовед, занимаешься русской литературой, культурой?» Я отвечал: «Это Божий Промысел». И всё-таки многие наши люди понимают и ценят русскую культуру. Да, я литературовед, славист, но фотография открыла мои глаза. В буквальном смысле: Россия открыла мои глаза.

Андрей САЛЬНИКОВ

**Фотографии Алексея Колосова,
автора и из архива Уильяма Брумфилда**

«Я знаю, родятся песни...»

В нынешнем году исполняется 135 лет со дня рождения замечательного русского поэта Николая Алексеевича Клюева, который родился и вырос в Вытегорье. Этому событию посвящен Всероссийский поэтический конкурс, учредителями которого стали Союз писателей России и его вологодское отделение, администрация Вытегорского района, Вытегорский объединенный музей.

НАЗВАНЫ ПОБЕДИТЕЛИ

Главный организатор Клюевского конкурса - член Союза писателей России Полина Рожнова, президент литературного клуба писательниц при ЦДЛ «Московитянка». Жюри возглавил первый секретарь правления Союза писателей России Геннадий Иванов, информационные партнеры - журналы «Наш современник», «Вологодский ЛАД», «Вертикаль. XXI век», «ВЕЛИКОРОССЪ»: альманахи «Третья столица» и «Притяжение»; газеты «Красный Север», «Российский писатель», «Московский литератор».

В конкурсе участвовали поэты из Москвы и Подмосковья, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Ростова, Воронежа, Крыма, Тюмени, Владивостока, Казани, Йошкар-Олы, Забайкалья, Екатеринбург, Якутска, Томска, Волгограда, Архангельска, Комсомольска-на-Амуре, Барнаула и многих других городов России, прислал свои стихи и житель казахстанского города Костонай. Голосование за работы было анонимным - члены жюри не видели данных об авторе. В финальный этап конкурса жюри отобрало стихи 41 автора.

Победителем конкурса жюри признало Татьяну Мирчук, уроженку села Анненский Мост Вытегорского района.

С 1974 года Татьяна Александровна живет в Комсомольске-на-Амуре, ежегодно бывает на родине. Издала более 10 книг стихов и прозы, член Союза писателей России. Десять лет не пропускает Клюевских чтений. «За годы знакомства с творчеством Николая Клюева я написала много стихотворений о нём и его времени, - пишет Татьяна Александровна, - Скажу самое главное - Клюев для меня остаётся недостижимым. Я не смогу постичь всей мощи и глубины его таланта, его личности, но не очень расстраиваюсь по этому поводу, потому что впереди меня ждёт ещё много открытий и счастливых моментов познания отдельных страниц большой книги по имени Николай Клюев».

На втором месте - поэт и переводчик, член Союза писателей России Валентин Голубев из Санкт-Петербурга. Третье место разделили поэты Людмила Громова из Орла и Ирина Алексеева (Талдомский район Московской области).

Награды вручены на традиционном ежегодном литературном празднике в Вытегре «Клюевские чтения», который состоялся 22-23 августа.

Редакция «Вологодского ЛАДА» поздравляет победителей и представляет читателям подборку стихотворений участников Клюевского конкурса.

Есть две страны: одна - Россия. Другая - Небо...

Стихи участников конкурса

Татьяна МИРЧУК
(поселок Анненский Мост
Вытегорского района -
Комсомольск-на-Амуре)

КЛЮЕВ

*На книгу С. Куняева
«Николай Клюев»*

*По нынешнему времени
Какой же он старик?
Ославленный, осмеянный,
А всё равно - велик!
Достичь бы разумением
Хоть краешка души -
Уже как откровение.
Да только не спеши
С оценкой скоротечною -
Она из тех красот,
Что Бог во веки вечные
Лишь редкому даёт.
Но то, что Там отмеряно,
Придётся оплатить
Невзгодами, потерями,
А «быть или не быть» -
Вопрос такой не ставится
Пророкам никогда.
Когда ещё прославится,
А нынче ждёт беда.
Летят ему булжжники
Не в спину, а в лицо,
И бывшие сподвижники
В рядах у подлецов!
Кричат ему: «Юродивый!
Свой шутовской колпак
Сними и новой родине*

*Служи, служи, чудак!
Он мог бы стать, как многие,
И жил бы лет до ста,
Но нелюди двуногие,
Что предали Христа,
Его избу копытили,
Пускали с молотка
Радетелей, Свяшителей,
Что свет несли века.
И радовались телени,
Галдели: «Клюев сник».
А он писал тем временем
Свой огнепалый стих.
Что страшной правдой Выговца
В людских сердцах горит.
Он из забвенья выбрался
И с нами говорит.
Из горних мест, где вечен свет,
Глядит на отчий край,
Смиранный Клюев - не поэт -
Раб Божий Миколай.*

Валентин ГОЛУБЕВ
(Санкт-Петербург)

ЗАСТОЛЬНАЯ

*Памяти
Николая Тряпкина*

*Даже в горькие лета
почтить тебя хочется весело,
как любил ты когда-то...
В застолье не будет чужих.
Пусть метель-хлопотушка
окошко в избе занавесила,
и на карканье воронов
бабка окстится: «Чур их...».*

Ты займёшь своё место,
 а нынче оно под иконами.
 Трёхлинейку засветим,
 хоть будет не вечер ещё.
 Мы Есенина спросим,
 стаканы подняв самогонные:
 - Хорошо ли сидим?
 Улыбнётся Сергей: «Хорошо».

Где гагара летела на север
 над рыбными плёсами,
 там, где клюквой-веснянкой
 в апреле болота цвели,
 нынче скрипы раскит,
 даль дымит снеговыми покосами.
 Ах, куда тебя памятки
 эти опять завели?
 В гости к нам толоконная сказка
 и присказка будет кудлатая,
 и гармошка над песней распустит
 павлиний свой шёлк.
 Мы у Клюева спросим (котомка его
 с золотыми заплатами):
 - Хорошо ли поём?
 Алексеич кивнёт: «Хорошо...»

Нам спешить ещё рано из нашей
 губернии-области,
 чтоб из Леты напиться
 с похмелья воды неживой,
 где отцы пообжили просторы
 долины заоблачной,
 Ванька-ключник давно с молодю
 гуляет княжной.
 Фитилёк не погас, и в лампадке
 есть масло пока ещё...
 Кто-то в сутемь с косою
 к покосам метельным прошёл.
 Значит, время и нам,
 хоть не сильно грешили, покаяться.
 - Хорошо ли лежим?
 И ответит Господь: «Хорошо».

Ирина АЛЕКСЕЕВА (Московская область)

Письмо Николаю Клюеву
 с берегов Онеги
 Есть две страны: одна - Больница,
 Другая - Кладбище, меж них
 Печальных сосен веренища (...)
 Николай Клюев (март, 1937 год)

Есть две страны: одна - Россия...
 Другая - Небо... И меж них
 всего лишь ветер синий-синий
 летит с Онеги...
 Не утих
 его порыв нещадно-влажный!
 Его несметные слова -
 ты слышишь их!
 И всё не важно,
 и лишь поэзия права.
 И только ветер - твой глашатай,
 Издатель, критик, поводырь!

Глагол, тиранами распятый,
 перекрывает неба ширь.
 Ему - навеки -
 Воскресенье
 среди российских чистых трав,
 его века - твои мновенья...

Он жив! И, «смертью смерть
 поправ»,
 спасает свет в сердцах и душах
 и побеждает мрак и боль...
 Приди к Онеге волны слушать,
 Прими Россию, как юдоль...

Есть две страны: одна Россия,
 вторая - Родина. И нет
 границы между...
 Только синий
 с Онеги ветер, жизнь и свет.

Марина ЗАРУБИНА
(Архангельск)
СЕВЕРНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

*Из морозной тишины
Льются сказочные сны.
Треплет снежную кудель
Ночь метельная.
Будет белым полотно.
И поёт веретено
Неразгаданных земель
Колыбельную.*

*Плечи хвойные тайга
Прячет в долгие снега.
К небу тянется сосна
Корабельная.
Что душа у моряка,
Нить молитвами крепка.
По-над севером слышна
Колыбельная.*

*Издалёка-далека
В нить сплетаются века.
Отголосками звучит
жизнь артельная.
Коли в море рыбаки,
От печали, от тоски
Над полосками лучин -
Колыбельная.*

*И прозрачна, и тепла,
Ночь июньская светла,
Что узорная рубашка
Нательная.*

*На белёном полотне
Травы шепчутся во сне:
То не песня, а судьба
Колыбельная.*

Константин МАТКЕЕВ
(деревня Сосновица
Митюковского сельсовета
Вожегодского района)
В НОЧЬ НАЧАЛА ОКТЯБРЯ

*В доме тихо. Мать болеет.
Осень, слякоть на дворе.
И в душе надежда тлеет,
Чуть теплится и не греет,
Словно солнце в декабре.*

*Я смотрю, как сумрак серый
Прогоняет свет дневной:
За окном еще несмелый,
Но вдали густой и смелый
Надвигается стеной.*

*Вот бы эта хлябь земная,
И тоска, и мрак ночей
Унеслись, как птичья стая,
Что кружилась, пролетая,
Над окраиной полей.*

*И в ответ на мысли ношу
(Видно, я просил не зря
И еще не всеми брошен)
Пала белая пороша
В ночь начала октября.*

Участники чтений
на Верхне-Пятницком
погосте, у могилы
родителей
Николая Ключева

Писатели - читателям богоспасаемой Вологды

С момента своего официального открытия 9 февраля 1919 года Вологодская областная универсальная научная библиотека ведет активную работу по поддержке высокого статуса книги и чтения, взаимодействует с писателями, литературными критиками, филологами. В библиотеке проходят премьеры книг, здесь бережно хранятся издания с автографами и личные книжные коллекции известных вологжан.

Остановимся на некоторых именах, оставивших значительный след в русской литературе, - писателях, которые проводили в областной библиотеке творческие вечера и встречи с читателями.

В тяжелые военные годы в библиотеке прошла встреча с Александром Серафимовичем. Вскоре после окончания Великой Отечественной провели литературный вечер, посвященный обсуждению романа Александра Фадеева «Молодая гвардия».

Начиная с 1972 года в Вологодской областной библиотеке регулярно проходят вечера, посвященные памяти Николая Рубцова, истинный масштаб громадного таланта которого стал понятен лишь после его гибели. В стенах библиотеки звучат стихи поэта и написанные на них песни, в мероприятиях принимают участие представители Рубцовских центров Вологды и Череповца, любители и почитатели творчества поэта. В 2018 году

Александр Серафимович, автор знаменитого в советские годы романа «Железный поток» (в центре первого ряда), побывал в Вологде в годы Великой Отечественной войны

Виктор Астафьев с женой Марией Коряжиной и директором библиотеки Галиной Карасевой (в центре)

на вечере памяти поэта был представлен документально-публицистический фильм «Письма из провинции. Тотьма». Он снят петербургскими кинематографистами, посвящен местам, связанным с жизнью и творчеством Николая Рубцова. Библиотека также принимает активное участие в ежегодном проведении открытого фестиваля поэзии и музыки имени Н. М. Рубцова «Рубцовская осень».

Неоднократно выступал на литературных вечерах в библиотеке вологодский поэт Виктор Коротаяев. В 2019 году в честь 80-летия поэта состоялся литературно-музыкальный вечер «А я иду своей тропой...», в котором приняли участие члены его семьи, сотрудники библиотеки, члены Вологодской писательской организации, а также почитатели его творчества.

Признанный глава вологодского литературного цеха Александр Яковлевич Яшин принимал активное участие в литературно-общественной жизни своего времени, часто встречался с читателями. В 2018 году Вологодчина отметила 105-летний юбилей писателя, в библиотеке в рамках праздничных мероприятий прошли выставки и конкурсы, посвященные его творчеству. Состоялся литературно-музыкальный вечер «Мы с тобой теперь неподсудны» по

лирике Александра Яшина и Вероники Тушновой.

Один из крупнейших русских писателей нового времени Виктор Астафьев жил и работал в Вологде в течение десяти лет. Именно здесь были написаны его лучшие произведения: «Царь-рыба», «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду», многие главы книги «Последний поклон» и другие. В областной библиотеке хранится более 350 различных книг писателя, среди которых собрания сочинений, избранное, а также отдельные издания и публикации. В Вологде неоднократно проходили литературные вечера, выставки и иные мероприятия, посвященные писателю. В юбилейном для него 2019 году библиотека провела межрегиональный творческий конкурс «Я пришел в мир добрый», в рамках которого все желающие могли написать письмо писателю или его герою, нарисовать обложку к любимому произведению. 22 апреля состоялась презентация посвященной Виктору Астафьеву книжной выставки «Сопричастный всему живому», в которой принял участие сын писателя Андрей Викторович Астафьев. А в мае в стенах библиотеки все желающие смогли поразмышлять над творчеством знаменитого писателя в формате сочинения-миниатюры.

На встрече в областной библиотеке известный советский поэт Сергей Орлов (слева), уроженец Белозерья, и автор исторических романов о Русском Севере Константин Коничев (в центре), родившийся близ Кубенского озера

Именно в нашей библиотеке прошла первая встреча молодого писателя Василия Белова с читателями. Было это в 1963 году на заседании клуба любителей книги. Белов, который в то время был студентом Литературного института, прочитал свои новые рассказы «Колоколена» и «Три часа сроку», вызвавшие у аудитории живой отклик и большой интерес. Встречи с писателем, неизменно собиравшие большую и разнообразную аудиторию, проходили в библиотеке неоднократно. Кроме того, проводились премьеры книг писателя, состоялся целый ряд «беловских» выставок, широко отмечались юбилеи писателя. Так, 21 октября 2002 года прошла приуроченная к 70-летию юбилею Василия Ивановича презентация его новой книги «Час шестый», сопровождавшаяся выставкой книг, периодических изданий и фотографий из личного архива Белова. Критик В. А. Оботуров рассказал об этапах творчества юбиляра, его месте в литературном процессе. Доктор филологических наук В. Н. Бараков осветил литературную природу романа-эпопеи. Были представлены материалы словаря языка Белова, над которым работала в то время доктор филологических наук Л. Г. Яцкевич. Этот словарь передан автором в фонд областной библиотеки и теперь доступен всем желающим. Также на встрече выступили юные почитатели творчества писателя - учащиеся городских и рай-

онных школ, участники литературной студии при гимназии «Гармония».

В период работы писателя над романами «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестый» в зале периодики часто работала сестра писателя Александра Ивановна, она собирала для брата материалы о жизни северной деревни.

В фондах Вологодской областной универсальной научной библиотеки собраны все отечественные издания произведений Василия Ивановича, есть несколько книг на немецком, румынском, венгерском, словацком языках. В отдельную коллекцию собраны издания с автографом В. Белова - двадцать девять книг с дарственными надписями писателя библиотеке, ее читателям, друзьям и близким Василия Ивановича.

В большинстве случаев надписи лаконичны и содержат только автограф автора и дату, иногда сопровождаемые указанием на адресата подарка. Из общего ряда выбиваются «Плотницкие рассказы», подаренные Василием Ивановичем библиотеке в 1969 году с надписью на форзаце: «На память работникам Вологодской областной библиотеки, в день юбилея. Белов. 9 февраля 1969 года». На авантитуле трилогии «Час шестый» первого издания написано: «Читателям богоспасаемой Вологды. Белов».

Пять книг с автографами В. И. Белова переданы в фонды библиотеки из личной коллекции известного вологодского литературоведа Виктора Васильевича

Вологодский прозаик Иван Полуянов, автор книг для детей и взрослых о природе и истории родного края, и сотрудница библиотеки Ирина Некрасова

Гуры, дарственные надписи на них проникнуты глубоким уважением к адресату. Например: «Виктору Васильевичу Гуре - первому моему благожелателю и наставнику. С искренним уважением Белов. 5 февраля 1964 г., г. Вологда» на форзаце вышедшей в 1963 году книги «Знойное лето». Надпись: «Виктору Васильевичу Гуре - ветерану всех литературных дел в Вологде, на память. Белов. 11 декабря 68 г., Вологда» оставил писатель на сборнике 1968 года «За тремя волоками». На книге «Кануны» надпись: «Ирине Викторовне и Виктору Васильевичу! Желаю здоровья и успехов на благо вологодской культуры и просвещения. Белов. 31.V.88».

Четыре книги ранее входили в состав домашней библиотеки семьи Яшиных, три из них были подарены Василием Ивановичем Злате Константиновне Поповой-Яшиной, жене поэта. Среди них сборник юмористических рассказов и повестей «Целуются зори», на титульном листе которого написано: «Злате Константиновне и всему ее дорогому для меня семейству на память. В. Белов. 7.1.76. В Рождество Христово».

Бережно хранятся у нас два экземпляра книги «Деревенька моя лесная», содержащие на титульном листе следующие дарственные надписи: «Ивану Митрофановичу Преображенскому сию деревеньку на

память о встрече 4. V.1962. Белов» и «Дорогому Константину Ивановичу Коничеву со стыдом за мою литературную молодость и с величайшим уважением к богатству старшего. Белов. 23 августа 1962 г.».

В 2012 году, в год 80-летия В. И. Белова, одним из крупнейших событий юбилейной программы стало издание собрания сочинений В. И. Белова в 7 томах. Это проект всероссийского масштаба, реализация которого заняла около пяти лет. Над созданием собрания сочинений трудился большой коллектив, в состав которого вошли и сотрудники Вологодской областной универсальной научной библиотеки. Этому творческому коллективу была присуждена Государственная премия Вологодской области в сфере культуры и искусства за 2012 год.

После смерти Василия Ивановича Вологодская областная библиотека активно участвует в сохранении и популяризации его литературного наследия. На сайте библиотеки в разделе «Память Вологды» представлены материалы о жизни и творчестве В. И. Белова. По-прежнему проходят посвященные Белову книжные выставки и презентации связанных с его именем книг. Так, 28 мая 2018 года вниманию читателей был представлен сборник «Василий Белов. Воспоминания современников». Событием не только для Вологодчины стали Всероссийские Беловские чтения, один из организаторов которых - област-

Прозаики Александр Грязев и Сергей Алексеев

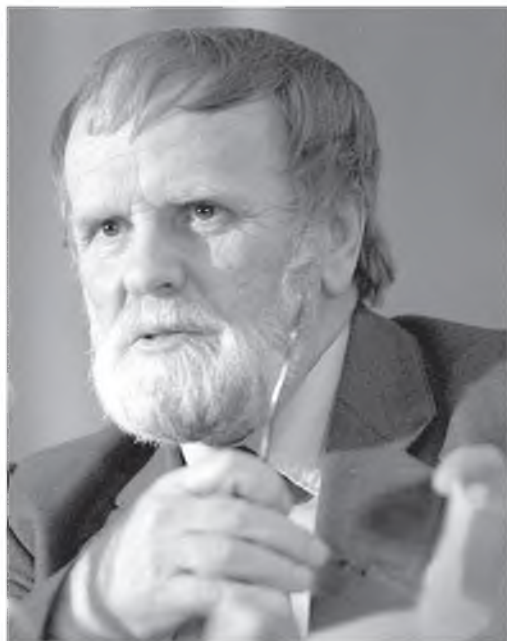
ная библиотека. Научно-популярный и литературный форум каждый год собирает видных представителей творческой и научной интеллигенции: литературоведов, публицистов, известных историков, культурологов, экономистов. В 2019 году Беловские чтения пройдут в шестой раз.

В коллекции автографов Вологодской областной библиотеки есть и собрания, связанные с именами других вологодских писателей: А. А. Романова, С. С. Орлова, В. В. Коротаева, В. В. Гуры, И. Д. Полуянова.

В 2017 году широко отмечался 80-летний юбилей Ольги Фокиной, Вологодская областная библиотека приняла активное участие в его праздновании. 19 января в большом зале библиотеки прошла творческая встреча «Сладони на ладонь», которая дала начало поэтическому марафону, посвященному творчеству поэтессы. Итоги марафона, в ходе которого были подготовлены и представлены зрителям более трехсот видеороликов на стихи Ольги Фокиной, были подведены в библиотеке 1 декабря. Гостям вечера был представлен фильм Светланы Синицыной «Храни огонь родного очага», снятый летом 2017 года на родине Ольги Фокиной - в Верхнетоемском районе Архангельской области.

В библиотеке представлено двадцать книг с дарственными надписями Ольги Александровны Фокиной. Все они подарены поэтессой читателям, сотрудникам областной библиотеки и друзьям - вологодским писателям со словами признательности и пожеланиями добра.

Встречи с писателями и творческие вечера стали доброй традицией областной библиотеки, которую поддерживают современные библиотекари. В настоящее время такие литературные мероприятия проходят ежемесячно. Среди гостей есть и начинающие литераторы, и маститые авторы из разных городов. В 2019 году в библиотеке выступили поэт и прозаик Сергей Ладухин из Грязовецкого района, вологжане Андрей Лушников, Юрий Пухлов, Анатолий Ехалов, Лариса Патракова, Ирина Кемакова из Каргополя, москви-

Василий Белов не раз встречался с читателями в областной библиотеке

чи Николай Смирнов и Ольга Ерёмкина. С читателями встретились историк театра Борис Ильин, поэтесса-петербурженка Екатерина Полянская и череповецкие краеведы Леонид Вересов и Нина Рябова. Поэтический сборник Михаила Сопина «Сто стихотворений» представила заместитель главного редактора петербургского альманаха «Русский миръ» Татьяна Ковалькова.

Подводя итоги столетней деятельности, с уверенностью можно сказать, что библиотека остается добрым домом для всех, кто ценит писательский труд, дорожит русским словом, уважает книгу.

Ирина КОЛЕСОВА,
ученый секретарь
Вологодской областной
универсальной научной библиотеки,
кандидат филологических наук

Все книги, о которых говорится в статье, можно посмотреть в областной библиотеке имени И. В. Бабушкина.

И жизнь пробуждается!..

В Вологодской областной библиотеке в конце июня состоялась встреча с поэтом Ириной Кемаковой

Идея провести встречу поэта из Каргополя с вологодскими читателями родилась внезапно, всего дня за два-три до приезда Ирины. Если бы не библиотекарь Ирина Николаевна Трапезникова, не её организаторский талант и постоянная готовность помочь хорошему делу, - ничего бы не вышло. Так что гостя-каргополочка не в пустом зале стихи читала, а перед многочисленной публикой. Причем публикой подготовленной: Ирина Николаевна сумела собрать и поэтов, и журналистов, и филологов.

Ирина Кемакова - не чужой для вологжан человек. И потому, что живет от нас не так уж далеко - еще в середине прошлого века её родные края входили в состав Вологодской губернии, и потому, что читатели встречали ее стихи в «Литературном маяке» и «Вологодском ЛАДЕ».

Каждое стихотворение сопровождалось иллюстрацией (это у автора такая привычка - предварять стихи картинками современных художников), а некоторые и музыкой: мы услышали несколько песен на стихи Ирины Кемаковой. С первых минут встречи в зале возникло напряжение совместной работы: а что, стихи воспринимать - это тоже труд, и серьёзный.

Ирина Леонидовна работает в средней школе, где сейчас учеников всего-то около 50.

Школы деревенские становятся малоллюдными, потому что ведь и деревни-то пустеют... Уже опустели. Об этом, конечно же, Ирина Кемакова тоже пишет - с болью, но без отчаяния. Есть у нее стихотворение «Челобитная деревни» - русская деревня обращается к барыне Москве:

*Письмышко моё, прошу, прочти.
Я рада, будто мать: тебя лелеют.
А я слабею, без конца болею,
Ослепла, обезножела почти.*

Мать-деревня не жалуется, о скорб-

Ирина Кемакова

ной своей жизни она говорит с легкой улыбкой:

*У нас же только летом и житьё,
Под солнцем прорастает жизни семя -
Зимой тоска, и за окошком темень,
На ощупь вьюга белый саван шьёт.*

Поэт понимает, что времена изменились, но всё-таки надеется, что деревня еще проживет, и просит у столицы помощи:

*Не будет больше так, как было встарь,
Хотя стараюсь я не падать духом.
Прошу тебя: пришли моим старухам
На всю деревню хоть один фонарь.*

Поэзия для души - то же солнышко, и семя жизни прорастает и под её животворным светом. Порой уж так на душе пасмурно, так беззвездно - а вспомнишь какую-нибудь строчку любимого поэта, и рассеется тьма, и отойдет тоска...

Русская поэзия богата, и в ней немало драгоценностей, способных не только украсить жизнь читателя, но и укрепить её. В ней не один Тютчев, конечно, или Пушкин. Можно говорить о животворности стихов и наших современников - Ольги Фокиной, например. Кстати, о

духовном родстве поэзии нашей прославленной поэтессы с творчеством Ирины Кемаковой на встрече в библиотеке говорила дочь Ольги Фокиной, поэт и филолог Инга Никитина. Как и Ольга Александровна, Ирина Леонидовна не только горюет о судьбе деревни - она ею любит, ищет в ней жизненную опору. И находит!

НА СТРАСТНОЙ

*Опять на Страстной
зажиреют суглинки: распутица
Смешает в растворе
и талую воду, и грязь.
У бани, осевшей, на солнышке,
верба распустится,
Ночами отчаянно с воздухом
стылым борясь.*

*А снег ноздреват, как кусок
рафинада искристого,
Что дед доставал из кармана
в крупинках махры.
И ждётся, и в лучшее верится
искренне, истово,
И жизнь пробуждается почкой
из грубой коры.*

Ирина - поэт очень высокой степени искренности. В стихах она порой говорит о самом личном, и это не навязывание читателям и слушателям своих переживаний, это - столь же высокая степень доверия к ним. Поэт делится с читателями самым главным для себя - и болезненным, и радостным, и делает это отважно, с уверенностью, что найдёт сочувствие и понимание. Ведь к родным обращается, не к чужим... На встрече родилась идея новой встречи - и, может быть, в Каргополе. А что? Поэтам и читателя надо чаще встречаться...

Андрей САЛЬНИКОВ

Книги Ирины Кемаковой, выпущенные архангельским издательством «Лоция»

«Сто стихотворений» Михаила Сопина: начало новой судьбы?

Книгу Михаила Сопина «Сто стихотворений» представила в конце июня в Вологодской областной универсальной научной библиотеке Татьяна Ковалькова, заместитель главного редактора санкт-петербургского альманаха «Русский мир». Она - составитель томика, в котором представлены стихи поэта всех периодов его творчества. Вышла книга в петербургском издательстве «Русская культура».

Татьяна Ковалькова

Стихи Михаила Сопина, - это тот самый мандельштамовский «разрыв аорты». Он предупреждал читателя:

*Пока не выкричится в горе,
Пока не выплачется в горе,
Любя, душа не запоёт.*

Выкричится, выплачется - но петь душа может, только любя. И тогда песня, рожденная бедой, поможет читателю справиться со своим горем.

Опыт жизни Михаила Сопина - это, точнее, опыт близости к смерти. Мальчишка, скитавшийся по военным дорогам с 11 лет, потом почти на 20 лет - заключенный. И это путешествие по кругам ада не погрузило Михаила Николаевича в бездонную черную глубину, а, наоборот, возбудило желание обрести другую жизнь:

*Не зная рая - что бояться ада?
Не зная света - что страшиться тьмы?*

Обрести свет в жизни Сопину помогла его жена Татьяна Петровна, она сохранила стихи мужа, издавала их. Сопина пе-

чатали вологодские газеты, вышло несколько небольших книжек.

Сам поэт, судя по его стихам, считал, что его так и не услышали:

*Всё, что вверялось
лично мне,
Я говорил по доброй воле
Глухой,
Бесчувственной стране... -
горькие строки.*

Но, кажется, Сопин ошибался. Время от времени, совершенно неожиданно, то

тут, то там рождается отклик на поэтический голос Михаила Сопина, казалось, загустевший в одиночестве. То это весточка с Белгородчины, где знают и любят стихи Михаила Николаевича. То - статья о творчестве Сопина в петербургском журнале...

Татьяна Ивановна собирается провести презентацию «Ста стихотворений» в Москве, есть в планах проведение Сопинских чтений - научной конференции по творчеству поэта.

Фото Алексея Колосова

Новые книги о современном классике

В сборник **«Василий Белов. Воспоминания современников»**, изданный в начале 2019 года, включены воспоминания 45 авторов - писателей, журналистов, политиков, государственных и общественных деятелей. Среди них - писатели Игорь Золотуский и Станислав Куняев, Владимир Крушин и Владимир Личутин, деятели кино Анатолий Заболоцкий и Николай Бурляев и многие другие деятели литературы и искусства, знавшие и любившие Василия Ивановича. Поделались впечатлением от общения с классиком и вологжане: писатели Анатолий Ехалов, Валерий Дементьев, Дмитрий Ермаков, Владимир Корюкаев, Наталья Мелёхина, журналист Наталья Серова, художник Евгений Соколов. Трогательно и сердечно рассказала на страницах сборника о Белове супруга писателя Ольга Сергеевна. Инициатором издания и составителем сборника выступил депутат Государственной Думы РФ Анатолий Грешневилов.

Книга вышла тиражом 1000 экземпляров, 20 из них поступят в фонды Вологодской областной библиотеки. Книгу получают все городские библиотеки Вологды и районные библиотеки области.

* * *

Книга вологодского писателя и журналиста Геннадия Сазонова **«Сияние слова Василия Белова»** выпущена в свет летом текущего года. Автор работал над ней более трёх лет.

Книга состоит из пяти частей, названных писателем тетрадами: «Далёкая заря» (Грязовецкая тетрадь), «Печальник земли русской» (Вологодская тетрадь), «В краю ольховом» (Харовская тетрадь), «В кругу друзей» (Петербургская тетрадь) и «От Франции до Японии» (Зарубежная тетрадь).

В каждой из «тетрадей» собраны воспоминания друзей Василия Ивановича, беседы с писателем. Украшают книгу рисунки вологодского художника Эдуарда Фролова, который неоднократно оформлял книги Белова. Литературным консультантом издания «Сияние слова Василия Белова» выступила вдова писателя Ольга Сергеевна Белова.

«Продолжая традицию русской литературы, Василий Иванович Белов сумел сказать своё, неповторимое, национальное слово, подтвердив тем самым искренний, большой талант», - отмечает в своей книге Геннадий Сазонов.

Литературные альманахи

«Храни огонь родного очага...» - так называется альманах произведений вологодских писателей-краеведов, выпущенный в текущем году.

Книгу составили стихи и проза членов Вологодского союза писателей-краеведов - содружества творческих людей, занимающихся литературой и краеведением.

«Глубинной основой деятельности писателей-краеведов является искренняя любовь к родному краю, восхищение его природой, популяризация его истории, культуры, традиций, памяти о выдающихся земляках», - пишет в предисловии к сборнику председатель организации, вологодский писатель и художник Виктор Борисов.

На страницах книги представлены проза и поэзия двадцати четырех участников, среди которых Дмитрий Ермаков и Юрий Малоземов, Владимир Корюкаев и Алексей Маклахов, Константин Павлов и Александр Соколов, Виктор Борисов и Виктор Новиков, Игорь Ваганов и Леонид Вересов, Татьяна Канунова, а также другие авторы из Вологды, Череповца, Грязовца и Тарногского Городка.

* * *

В августе текущего года вышел из печати литературно-художественный сборник «**Красное становье**», в который вошли произведения тарногских и вологодских поэтов и прозаиков.

Книга подготовлена к печати Вологодской писательской организацией и вышла в свет при финансовой поддержке администрации Тарногского района. Редакторы - Александр Цыганов и Виктор Бараков.

Отрадно, что в сборнике широко представлены прозаики и поэты, которые не раз публиковали свои произведения в «Вологодском ЛАДЕ». Среди них и Станислав Мишнёв, «писатель общероссийского масштаба», по мнению одного из составителей «Красного становья» - доктора филологических наук Виктора Баракова. Вот что пишет литературовед, доктор филологических наук Людмила Яцкевич: «Писатель Станислав Мишнёв в своём творчестве продолжает традиции тех праведников, которые «особенно остро ощущали зло и грех, разлитый в мире...» Не раз публиковал наш журнал прозу Виталия Ламова, лауреата межрайонной литературной премии имени Н. В. Груздевой «Твоё имя». Публиковались в журналах и другие тарножане, представленные в сборнике, среди них - редактор районной газеты «Кокшеньга» Александр Силинский, его очерки говорят об истории родного края.

В презентации альманаха участвовал вологодский писатель Роберт Балакшин

С добром - не пропаду!

**Ольга
ФОКИНА**

Стихи замечательной русской поэтессы Ольги Александровны Фокиной публикуются в «Вологодском ЛАДЕ» почти в каждом номере - начиная с первого. Редакция старается не оставлять читателей без задушевной фокинской поэзии: люди говорят, в нынешние годы без легкого, теплого слова сложно жить...

ВЕСЕННЕЕ

*Дождик брызнул. Грянул гром.
То-то любо почве!
На рябине под окном
Набухают почки.*

*Загустели тополя
Мощные вершины!
Человече, не болей,
Двигай мышцы пружины!*

*Солнце шпарит - не унять!
День - длиннее ночи
Человече, хватит спать -
Век твой не бессрочен!*

*Успевай навстречу дню,
Будь готовым к лету,
Радуй бодростью родню,
Шли друзьям приветы.*

*И с рассветом - влет, иль вплавь,
Или ходом пешим,
Не страшась, дорогу правь
К водяным и лешим.*

*Гни вершины, щупай дно,
Огибай болотца,
Пользуй, что тебе дано!
...Что пока дается.*

*Не без причуд на белом свете,
Не без придумок и затей:
Гражданка на велосипеде
Везет зараз троих детей.
Молодший - спереди на раме,
Постарше двое - уцепясь
За седлышко, прижались к маме,
Грозя, того гляди, упасть.
Поток машин - попутных, встречных!
Ад перекрестков... Мать, очнись!
Ты можешь деток изувечить,
Свою - под шины бросить - жизнь!
...Везёт.*

В детсад? В больницу? В школу?
К заботной бабушке? Как знать!
Осенний день не так уж долог.
Чуть утро, - надо успевать:
Поднять, умыть, одеть, да кашу
Сварить, да сдобрить молоком,
Да не забыть про кошку Машу,
И всё - бегом, бегом, бегом!
Скорей - сама! Скорее - дети!
...Скрипит-кряхтит велосипед,
Но терпит: он за них в ответе,
У них другого друга нет.

Магазин «Магнит»
Расглексал огни,
- Заходи! - манит, -
Кошельком тряхни! -
Магазин для нас
Кой-чего припас:
Пиво, соки, квас,
Пять сортов колбас,
Овощной гарнир
И фруктовый мир,
Молоко, кефир,
И творог, и сыр!

У бабуси - шок:
- Посмотри, сынок,
Этой банке шпрот
Не истек ли срок?
У меня глаза
Застылат слеза,
Есть желанье - взять,
Да, боюсь, - нельзя:
Отправлюсь, боюсь!..
- Срок истек, бабусь,
Но зато - долой
Полцены былой!
- Ну, так что ж гадать?
Видно, надо брать...

Предки штопали и мыли.
Нам на предков наплевать!
Господа теперь не мы ли?
Нам ли штопать да стирать?
Моровая эта язва
Губит душу, ранит слух:
Одноразовая фраза

Вместо песен-вековух!
Одноразовая вилка,
Облизнул - и в яму - вжик!
Одноразовая мишка,
Одноразовый мужик.
Ничего - на перспективу!
Пить и есть - сейчас и здесь!
Тридцать лет не пашем ниву,
Грабим недра, рубим лес.
Одноразовых не жалко!
Одноразовость - в ходу!
...И растут за свалкой свалка,
И заходитя в чаду
Чуть родившееся чадо,
Дохнет семужный малек...

Это нам, земляне, надо?
Это - ладно? Это - впрок?
Нам, видать, не до потомков:
Одна живем, не трусь!
На потомкову котомку
Ничего не копим Русь.
Одна живем! - известно!
И, боюсь, уже при нас
Над Землею повсеместно
Воцарит угарный газ.

Наши люди терпеливы:
Переждут, повремят!
Срубят лес, распащут ниву,
Соберутся в коллективы,
Обозначат перспективы
И живут - другим на диво.
И другого не хотят.

Но «другим» опять нейдет, -
Что за дурость - русаки:
Носят воду из колодца,
Поливают огороды
Не из шланга, как ведется,
(Кнопку тронь - само польется!) -
А - жестяной из руки!

Кто-то где-то тонет в деньгах, -
(Сгинет, если не пловец!)
А в российских деревеньках
Примитивненько-бедненько,
Не привыкший нить и веньгать,
- Хоть маленько, да вкусненько! -

Примостившись на ступеньку,
Ванька гложет огурец.

Хорошо ему, трудяге,
Шевелить босой ногой
Муражок в нагретой ляге,
Земляничник в глубь-овраге,
Полоскать лицо во фляге,
Где лакали и собаки,
Мягкой - с облака! - водой...

У бабушки в амбарушке
Чего там только нет!
На блюде - свеч огарышки,
В углу - серпа скелет,
Хомут с гужами, прялица,
Плетеный кузовок,
Точно... сбоку пляшется
Горелый чугунок,
Вот - ступы стан березовый
С тупым пестом внутри;
Вот пестеришко бросовый;
Корзинок целых три!
Коса, ручная мельница,
Утюг, трепало, таз,
Квашня, мутовка, сельница -
Всё живо про запах!
И если жизнь испортится,
В амбарушек войду -
И не о чем заботиться:
С добром - не пропаду!

Серебриста липа листом!
Серебрист у липы лист!
...Подбоченившись форсисто,
В круг выходит гармонист.

Кудри - шелк! Огонь - рубашка!
Сапоги мягки-легки!
И пошла, пошла Дуняшка
Вкруг него писать круги:

Сарафан - от плеч до полу!
По спине - коса до пят!
Руки в боки, очи долу,
Каблучки гремят-дробят!

Не «фанера», не транзистор!
Голосок высок и чист:
«Серебриста липа листом!
Серебрист у липы лист!»

«В речке - приглубо:
Вброд - не рискуй!
Гибнуть - преглупо:
Этот Кокуй -
Будет и завтра
В хмель-пихтаче. -
Справься с азартом,
Риски - зачем?» -
Разум толкует...
Но не смирюсь.
Сунусь в реку я,
Переберусь!
И, как награда,
Сразу, в упор -
Хвойное стадо -
В пихтах угор!
А на угоре
Под сосняком
Рыжиков море! -
Чуть не слишком
Скачут в мой короб, -
Ай, молодцы!
...Катом - с угора!
В воду - концы!
Верю в устои:
С ношей в руках.
Речка - не смоем,
Сколь ни бойка!

Пожив не артельно, отдельно
От внуков, детей и жены,
Почувствовал через неделю:
Они ему всё же нужны.
Ладонями щеки поколикав,
Глаза рукавом утерев,
Подумал:
- Чего ж бирюком-то?
А вдруг - невтерпеж умереть?
Ведь годы-то всё прибывают.
Ведь смерть-то, поди, сторожит!
Умрешь - и никто не узнает.
Лежишь - и лежи... и лежи...

*Береза не суетится:
Посажена - и растет!
Не бегают - ни в больницы,
И ни на переучет.
В морозы приемлет иней,
В тепло - на листву грозу...
Подроят коренья свины -
Придут муравьи - спасут;
Отгрохают муравьищи
Почти человечесий храм!
Прикроют своим жилищем
Следы поросячьих ран...
Береза - опять на месте!*

*И крестит зеленый мир
Сережек своих трехперстьем
Под всплески пичужьих лир...*

*Тело успокоилось, согрелось,
Очи - видят, кости не болят...
Вот еще бы мне опять запелось,
Как хотя бы сорок лет назад!*

*Но - неисполнимое желание!
Господи, прости! Молчу, молчу.
Приструни меня могучей дланью:
Что-то слишком многого хочу!*

Небо над озером. Фото Алексея Колосова

Выходи ко мне!

**Николай
ДЕГТЕРЁВ**

Николай Дегтерёв родился в 1986 году в посёлке Шексна. Работал дворником, воспитателем в детском лагере, корректором, литературным редактором на радио, режиссером народного театра. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького и Вологодского православного духовного училища, участник Форума молодых писателей России в Липках. Ныне - учитель воскресной школы при храме Казанской иконы Божией Матери в Шексне. Печатался в «Литературной газете», поэтических сборниках «Новые имена России», «День поэзии Литературного института», в альманахах «Литературная Вологда», «День поэзии», в газете «Вологодский литератор», а также в журналах: «Искусство в школе», «Литературная учеба», «Сибирские огни», «Континент», «Просторы» (Болгария), «Родная Кубань». «Вологодский ЛАД» публиковал стихи Николая Дегтерёва и его «Записки катехизатора». В издательстве Московской Патриархии в 2016 году вышла книга Николая Дегтерёва «Преподобный Сергей Нуромский». Стихи молодого автора переведены на болгарский и вьетнамский языки. Н. Дегтерёв - лауреат Всероссийской литературной премии имени Евгения Курдакова (2015) и литературной премии имени Н. В. Груздевой «Твоё имя» (2016). Член Союза писателей России.

*Кто тут есть? Кого я здесь не вижу,
Только слышу в полной тьме?
Выходи, тебя я не обижу.
Выходи ко мне.*

*Дай мне руку, чтобы не споткнуться,
Чтобы не упасть.
Коль не можем мы переглянуться,
Хоть такая будет связь.*

*Ни касания, ни слез, ни смеха.
Тишина. И больше ничего.
Только эхо, эхо, эхо, эхо
Одинокого бессилья моего.*

*Когда тебе покажется, что уже пора -
Постой еще, погоди.
Недаром зима спешит со двора
И сердце затихло в груди,*

*Недаром поверх суетливой молвы
Тонким слоем лежит тишина.
Не делай шагов, не поднимай головы,
Не бросай слова-семена,*

*Подумай о чем-нибудь, неважно, о чем -
О какой-нибудь ерунде:
О том, как ранец гремит за плечом,
О марте, о талой воде;*

*Вспомни какой-нибудь мимолетный день
Детства - на вкус, на слух,
И перейди в него, словно тень,
Призрак, пришелец, дух,*

*Исходи его поперек и вдоль
До изнеможения сил,
И появятся слезы, отступит боль,
Даже если ты не просил.*

*И не надо решать уже ничего,
Ни винить - ни себя, никого,
Просто слишком много в душе всего,
Слишком много в душе всего.*

Поэзия, отдай меня обратно,
обратно - мне.
Мне тяжело с тобой, мне неприятно.
В такой стране,

где жизнь людская судится
по книгам
Толстых и проч.,
я не хочу служить твоим веригам,
твоим пороч-

ным истинам, твоим кульбитам.
Ты - плен, ты - сеть,
где счастье в том, чтобы лежать
убитым
или висеть

(зато стихи переживут, пребудут
года, века).
Я - твой изменник, верный твой
Иуда,
слюна, труха.

Так выплюнь, выброси меня,
не мешкай,
туда, где свет,
где нет твоей пророческой усмешки,
бессмертья нет.

* * *

Мальчик девочке говорил:
«Бога нет, а я гамадрил.
Человеком стал - не шучу.
И от этого я грущу».

«Не грусти, - говорит она, -
Это ведь не твоя вина.
В сущности, гамадрил и я.
Гамадрильях будет семья,

Гамадрильчиков народим
И домашний уют создадим».
Мальчик в ужасе убежал,
Ведь жениться он не желал.

«Доннерветтер, да как же так!
И какой же я был дурак!
Бабам - лишь бы семью создать,
Я же - просто хочу в кровать!»

И девочка не ждет удач:
«Что поделаешь - не альфац.
Намекай ему, говори...
Если ты гамадрил - бери!»

Плачет девочка, мальчик хмур,
Небосвода сер абажур,
Только ангел стоит, шепча,
У мальчишеского плеча

И толкует ему, любя:
«Пожалей, человек,
Вспомни слово шестого дня
И родись из его огня».

РУССКИЙ ПОЭТ

I

Однажды мы пили настойку.
Вдруг под одобрительный гул
на скромную нашу попойку
какой-то пацан заглянул -

Худой и немного сутулый
(где видел его - не пойму).
Ему сразу подвинули стул и
штрафную налили ему.

Он выпил, не морщась. Во взоре
безумье клубилось на дне,
как будто он пережил горе,
вернее, не пережил, не

смог справиться, сдался, сломался,
сбухался, пошел по кривой
(а я все не мог догадаться,
почему он знакомый такой).

Гитару ему передали,
и такой затянул он мотив,
что все мы вдруг замолчали,
головы опустив.

В той песне была Россия,
в которой померкли цветы,
и что-то еще - про бессилие
красоты.

Я думал: «Да кто же это?
Тарковский? Шефнер?» Не мог

никак угадать поэта
таких пронзительных строк.

«Молодчик!», «Евгений, bravo!»,
«В натуре - Есенин второй!» -
закричала вся наша орава.
Но тогда поднялся герой

и в общее наше веселье
он гаркнул на весь белый свет:
«Я вам не второй Есенин,
я Палицын - русский поэт!»

II

Был мальчик талантлив от Бога.
И кто-то сказал ему:
«Тебе прямая дорога
в поэзию или в тюрьму».

Он был заводилой в микрахе,
хоть ростом был мал и худ.
В своей широкой рубахе
всегда он был тут как тут,

начнутся ли где предьявы,
или кто-то кинет рамсы, -
всегда придет кучерявый
по фамилии Палицын:

«Какие проблемы, паря?» -
и быстро уладит спор.
А вечером на гитаре
слышен его перебор.

И вот однажды (уж летний
день за рекой погас)
усталый, пятнадцатилетний,
у «Березки» он встретил нас.

«Че, Жека, какой-то смурый?» -
спросил, поздоровавшись, Ил.
«Да так», - и ушел понурый.
«Может, кто-то ему вломил?» -

сказал в темноте Игоряха.
Но мы быстро забыли о нем,
когда большая его рубаха
скрылась за гаражом.

Мы всю ночь тогда проболтались
(никому не хотелось спать),
а когда под утро растались,
он поймал вдруг меня опять:

«Слушай, ты же читаешь много,
зацени, пожалуйста, стих», -
и прочел мне что-то про Бога,
вернее, про них двоих,

как он с Богом спорил как будто.
Я сказал ему: «Слушай, я
не знаю, но это круто.
В общем, это поэзия».

Он ушел тогда и светился.
А я долго смотрел ему вслед,
думал: «Может быть, появился
Новый русский поэт».

III

Мы были детьми в те годы,
о которых спорят сейчас,
мы не ведали, что свободы
так много будет у нас.

Она, как волна, с разбега
выплескивалась на песок,
советского человека
смывая, как старый сор.

.....
.....
.....
.....

И во времени том далеко
за нами спешил во двор
из старых советских окон
родительский нежный взор.

Но со двора убраться
спешила исподтишка
беспечная генерация
бытийного сквозняка.

Мы бежали дальше и дальше,
за поле, к бонам, к реке,
как будто за птицей удачи,
маячившей вдалеке.

Такие смешные дети
в порыве крылатых лет,
как будто на белом свете
есть только один сюжет,

как будто за всей мишурою
богов и героев - он,
подросток, с его игрою
в погоню за миражом.

IV

Уже опьянев, под утро
я тронул его за плечо:
«Послушай, поешь ты круто,
сыграй что-нибудь еще».

Он мигом вскочил со стула,
гитару отдал другим,
и ненависть промелькнула
в глазах его, сизых, как дым:

«Литинститут закончил -
учить теперь будешь, да?
Ты бы тут из себя не корчил.
Да все это ерунда -

Писать не научишь! Баста!
Гениальность - она в душе!
Тебе не понять, ты - каста,
а я это понял уже.

Все рифмочки подбираешь
в научном своем раю?
Ты в поэзию только играешь,
а я душу ставлю свою!»

Все пьяные вдруг протрезвели,
и слышали мы в тишине,
как входные хлопнули двери.
Удалялась фигура в окне,

И грустно как-то мне стало.
Да и вправду, сложно понять,
что поэзия нас связала,
а он хотел развязать.

V

Ушли в забытье те годы.
Попойка была давно,
меняется вкус свободы,
тускнеем мы сами. Но

та песня звучит временами:
Россия, цветы и тьма -
аккордами и ладами
сводя каждый раз с ума.

Средь пьяного разговора
нам Жека ее сыграл,
но больше его перебора
я так и не услышал.

Был мальчик талантлив от Бога,
но кто-то сказал ему:
«Тебе прямая дорога
в поэзию или в тюрьму».

Он выбрал ни то, ни это.
Вернее, не выбрал он,
а был в середине лета
на кладбище отнесен.

И в русской земле широкой
лежит он, прямой, как луч,
густою укрыт осокой
и саваном белых туч.

И если б меня попросили:
«Скажи о нем суть саму» -
как много поэтов в России,
не видимых никому.

Песни осеннего сердца

**Елена
ВИНОГРАДОВА**

Елена Михайловна Виноградова родилась в Великом Устюге, где живет и сейчас. Окончила факультет прикладного искусства Московского текстильного института, затем в родном городе - художественное училище по классу «Резчик по дереву». Стихи публиковались в районной и областной прессе, в «Литературной газете», коллективных сборниках и региональном альманахе «Звезда Поюжья», в журналах «Нева», Алтай», «Двина», «Вологодский ЛАД» и других. «Её стихи, - написано в предисловии к подборке Елены Михайловны, опубликованной в 2018 году в журнале «Эмигрантская лира», - это не набор различных текстов, но делящийся, живой и, зачастую, исповедальный разговор с читателем, как с близким и понимающим человеком». Елена Виноградова - автор нескольких поэтических книг.

*Цвет под окошечком задумчивым
привычной свежестью пылает.
О, мне его не видеть лучше бы...
он ничегошеньки не знает...
В своём незнании непорочный, он
раскидывает чуть белёсые
живые руки - ветки сочные
под опадающей берёзой.
Тугой бутон в заботе вычурной
вновь разжигает для свечения.
Возможно ль это чудо вычеркнуть,
когда ложится тьма вечерняя?*

*Когда крапива первая расти
потянется вдоль каждого забора,
Она прошепчет дому: «Отпусти...
Я возвращусь, возможно, но не скоро...»*

*Потом нальёт в заржавленный кувшин
(он мало места отнял у кладовки)
воды колодезной (колодезной души)
и встанет на хромой (такой неловкий!),
ушедший в землю ножкой,
венский стул,
чтоб грязь смывать (как мину
после шока)
со всех её, до солнца жадных, окон...
и запоёт...*

*От песни той самой
ей делается горько и слезливо.
Потом пойдёт тихонечко домой
и ляжет спать (так нышет ветка ивы),
прильнув к собаке, чёрной и большой,
угреется и телом и душой,
и в сон уйдёт дорогою счастливой.*

*Мы Троицу прожили у реки, -
денёк невзрачный у невзрачной речки.
Поодаль мыли тачки мужики, -
невзрачные такие человечки...*

Мы жгли костёр из веточек сухих,
вода бежала в речке очень быстро.
Мы обошлись без водки и ухи, -
четыре бабы, - отдыхали чисто...

Наташка рассказала нам про Лувр, -
про то, что Мону Лизу там не видно
из-за китайских множества фигур.
Но нам, однако, было не завидно.

Когда под вечер стали уходить,
то оказалось, что нам страшно очень
наш костерок доверчивый убить, -
невзрачного денька живой кусочек...

Я будто листик на весу.
От знанья никуда не деться...
Так мало песен про весну
живёт в моём осеннем сердце!
Пусясь солнечных лучей, -
спящих отражений снежных.
От страха становлюсь не нежной,
от безысходности - мрачней.
Мне ближе вздохи тишины
в пейзаже, от жары уставшем.
Мудрее делаюсь, - не старше,
пуская светлыни лишены
и жёстки сумерки зимовий.
Мне так понятней время вспять,
мне так приятней оправдать
Ваятеля «Всё восстановим!»
И соловья мне очень жаль.
С апреля он поёт на ветке, -
продутой ветром и некрепкой, -
печаль мне с песни той, печаль...
А ведь поёт, не умирая!
Мне больно воздухом дохнуть,
который холоден и в мае.
Любви он воспевает путь, -
но не фальшарта... Слава Богу!
Зато потом неслышен год.
Он потому и может много,
что знает правду наперёд.

Я выпускаю бабочку в сентябрь,
поймав в ладошки, чтоб не повредить ей
трепещущие крылышки. Летите,
мечты мои, навстречу всем смертям!

Гляди-ка, - расхлебянено окно,
совсем как в мае, - лето ещё дышит,
да и душа моя пока что не ледышка!
Лети, камлай подальше и повыше, -
пленения иссякло волокно!

Ещё вчера мне было всё равно, -
мне, растоптавшей небо под ногами,
зелёными, в цветочках, сапогами;
мне, говорящей скучные слова;
мне, для которой жизнь что бечева,
а бабочка - лишь только оригами...

Лети, ни в чьи ладони не присев,
на ликованье клумбы в старом сквере.
Лети, пока полёт не эфемерен, -
тебя заждался юный львиный зев.

Гасить запретом губ и глаз
попытку разговора.
Неисчерпаемый запас
упрёков, слёз и вздора
хранить, как хранит чёрный день
обмылки в умывальне.
И заползающую тень
крестить в бессонной спальне.
Умом и воспалённым ртом
искапать слова молитвы.
Лишь со смиренцем - потом -
оставить поле битвы.
Оставить но не напоказ...
их нет, - разгрома, сора...

Гасить запретом губ и глаз
попытку разговора.

Сама с собою неустанно
она болтает днём и ночью.
То просит ТАМ за маму Анну,
то над собакою бормочет.
То ей приспичит заругаться
на грязный двор и бездорожье,
на то, что милых восемнадцать
ей вернуть никто не сможет...

Её общение с собою
напоминает шорох роци.
Там ветви рвутся в голубое,
но, не взлетая, роцинут, роцинут...

Покружила, села на карниз.
Как с таможи, - вести её с воли.
Удружила! Женский сей каприз
ей-то можно весело позволить!

- Че-че-че! В лесу переполох!
Честно, в свой черед весна настала!
Че-че-че! Без сна чертополох
чествует ее в логу подталом!

Ночью всё дышало и росло,
сочно чавкал ржавчиной валежник,
речке месяц чудился веслом,
всем воочью разомлел подснежник...

За окном толпятся тополя,
почки пахнут детским сном и негой.
Снегом напоенная, земля
бредит под проталиной с побегом.

Я люблю вас, пасмурные дни!
Неба взгляд закутан в поволоку...
Эй, сорока, я тебе сродни:
дай напьюсь весны из водостока!

Над затоном чайки хором кричат,
в лодках зычные моторы рычат,
бабы с берега полощут бельё, -
всё в Рязанихе клюёт окуньё!

А над Кичугой в Исадах светлю,
через верх садок, - на славу улов.
Смачно варится уха в котелке,
мелочь вялится в сухом ветерке!

На Заёмкучах разлив в берегах,
в щуку целится и бьёт острога,
три заглотиша, - мал мала хвосты,
всех в крапиву, да в тенёк под кусты!

Плоскодонка чуть касается дна,
щука в зарослях стоит - не видна.
Чуть дыша лежишь, бликует вода...
Стрекоза в траве...рука в оводах...

В Лузе стерлядь, - ей на нерест идти.
Ох, в охотку рыбачок попыттит!

Под Ковырзой ночь не спит браконьер,-
самоловы, сеть на хитрый манер.

В месте Ламаниха, Богом храним
(на живца минога), скользкий налим.
На проводку с лодки спиннинг хорош,
на блесну - судак, на доночку - ёрш.

Под Бернятино на Шёмоксе клёв.
Говорят, сороги в ней до краёв.
Бреднем речку обуздав поперёк,
лихо бухает хмельной паренёк!
загоняет рыб корягой в мотню.

...Вот и лето так - денёчек ко дню.

А над Сухоной клубят облака,
к бурым тянутся двинским берегам.
Устье Юга тонет в море дымков.
Вот таков рыбацкий край мой, таков!

Меня сегодня ночью испугала
большая в небе синяя звезда
такую никогда я не видала
казалось что вот-вот ей будет мало
ночного места и тогда тогда
она обрушится на лес и города
и больше никогда уже не станет
их больше никогда уже не станет
но кто-то должен после рассказать...

Спилили берёзоньку, а на пенёк
поставили тазик дырявый
с цветочками.

Берёзы не стало. Она не поёт,
упрямой не тянет листвы прямо
в форточку.

Под форточкой роза ликуя сидит
в кастрюле проржавленной,
тюлем сокрытая.

Она любит солнце, и фикус-джигит
стоит на полу рядом - ноги в корыте. И
может он только на розу смотреть -
капризную кралю в лиловых бубенчиках.
Берёзе пришлось ради них умереть.
... а в комнате глатье с фатою
на плечиках...

Осень своё возьмёт, -
с грязью, опять же с грязью.
Дождичек дождёт, -
в пенё своём увязнет...
Голос в грозу сорвал,-
нынче же а капелла
песни иной слова
шепчет и чертит мелом:
«С каждым рывком большей
листьям скользить по ветру.
Скоро опять зиме
всех испытать на веру
станет важней всего.
Листики, вы... листочки...
я ведь ещё живой,
рано же ставить точку...»

Звонко свистят клесты,
наперекрест мелькая.
Чёрные ждут кусты
белого снега, мая...

Стою и думаю: вот это всё зачем?
Зачем деревья? камни? человеки?
И что потом последует за всем,
когда иссякнут небеса и реки?

И кем я буду после вот всего, -
берёзой? кошкой? камнем? или птицей,
червя в разгар весенней посевной
клюющей жадно?..

Кем мне воплотиться?

Деревьям больно в стужу и в жару,
а на одной ноге не убежать ведь!
Любые звери тоже все умрут, -
лишь камень выстоит и в жатве.

Ему не холодно, ему и не тепло...
но может гнуть любой мимоидущий.
Я у окна стою, мне у окна светло,
и воспитатель больно рвёт мне уши.

Вместе с букетом шмеля
в дом принесла осенний...
Песен бы... В муках, земля,
ждём твоего спасенья.

С лета готовишь в пургу
прятать свои изъяны.
Нет... я ещё не могу
падать, зализывать раны.

Слёзы и те на бегу, -
дескать, потом наплачусь.
Счастье иголкой в стого
спрятано, не иначе...

Дай мне ещё воспеть
под листвою, родная,
нет, не разлуку и смерть,
капли-слова роняя, -
а удивление зреть
вместе с твоей долиной,
чтобы листом полететь
стае вослед журавлиной.

Ты не грусти, что я сильно тревожусь
в хмурый рассвет.
Всякий тревогу ту чувствует кожей,
будто раздет.

Будто раздет, и стою на ветру я, -
не обессудь...

Конь лихоманский звенит белой сбруей, -
просится в путь.

Просится в путь и листва ледяная.
Пар изо рта.

Как же опять дотянуть нам до мая, -
как скоротать
срок нескончаемый - век не короткий -
целой зимы?

Ты мне поможешь вытащить лодку?
Прежде с кормы

всё же закинем щедрые снасти
в поздний сезон.

Холоден, сер, одинок, беспристрастен
стал горизонт.

Снега

**Сергей
ПАХОМОВ**

Сергей Станиславович Пахомов родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького, семинар Ларисы Васильевой. Автор трех книг. Стихи Сергея Пахомова публиковались в журналах «Новый мир», «Нева», «Север», «День и ночь», «Арион», «Литературная учеба», «Лепта», «Волга», «Вологодский ЛАД». Член СРП. В настоящее время живет в деревне Мерёжа Устюженского района.

«В его стихах, - говорится в аннотации к его книге «Неболочь», вышедшей в серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей), - соединяется трудновосместимое: мифология и будничная действительность, образы мировой культуры и реалии российской глубинки. Пахомов живёт на речке Мерёжа, где рыбу прежде мешками черпали - мерёжами. И поныне небезрыбно это место. И стихов дается «мешками», и в каждой строчке - энергия, рвущаяся вовне».

ОЗЯБШИЕ СНЫ

I

*Откройте величие русских снегов
Под пенные брызги шампанских подков.*

*Спросите французов у Березины,
Чьи правнуки видят озябишие сны,
Татар, лошадей направляющих вброд,
О том, как вода превращается в лёд.*

*Узнайте у немцев о звёздных ночах,
Когда Сталинград застывает в очах,
У них же - об озере чудном Чудском
И знания шведам продайте потом.*

*А не расшевелится ужас в уме -
У русских проведайте о Кольме.*

II

*Снег по дождю, а дождь по снегу -
Располованной стерне...
Зимы колеблется телега,
Как занавеска на окне.
То ясно поупру, то тёмно,
То - очевидна, то - черна
Дорога... Набухают зёрна
Туч кучевых. Истощена,
Как роца сосен у пригорка,
Луна, чей смутный силуэт
Скользит по прилолке, полкам,
По чайнику, где чая нет.
Я расплету судьбы поводья,
Я помолось на Божий свет,
Чтоб там... потом, в иных угожьях,
Он мой заметил силуэт.*

III

*Как вероломная солома,
Позёмок зимний под ногой...
Горят огни родного дома,
Царит звезда над головой.
Остолбенел вблизи колодца
Детьми забытый снеговик,
И с гордостью первопроходца
Небесный серп являет лик.*

Люблю души оцепененье,
Прозрачность мира и покой...
Какое чудное мгновенье!
Слезись и празднуй, критик мой.

IV

Клён-кленёночек дрожит во сыром саду,
Время тихое шуршит, как метель
по льду.

Не пробраться за водой: снегу намело.
Окаянную травой проросло стекло.

Смерть в оконце постучит зимним
вечерком,
Приласкает, пожурит исподволь,
тайком...

Не позволю никому заодно тужить:
Человеку одному легче смерть
прожить!

V

Снега разбегались по кругу,
Пробитые ветром насквозь...
Полярную чёрную вьюгу
И мне пережить довелось.

Скрипели в снегу по колено
Деревья, дрожали дома...
Мой слух проникал постепенно
За грань, где цвела кутерьма.

От пола - до самого потолка
Тряслась и скрипела душа,
Темнела часов позолота,
Где время укрылось, дрожка.

И, вздыбившись шерстью собачьей
Оглохшего насмерть села,
Природа, как мелочь на сдачу,
Наутро людей отдала.

VI

Страшно...
Страшно за редкие листья,
Что легли в непролазную грязь.
По ухабам разъезженных истин
Не пройти, ничего не боясь.

Страшно за...
За случайных прохожих.
Леденящая жуткая мгла
Сыглет снег,
Словно моль из рогожи,
На оборки слепого села.

Страшно за...
За родные берёзы,
За покрытые льдом родники,
От мороза промёрзшие слёзы.
Страшно за...
Недрожанье руки...

VII

Стога, нахохлившись от стужи,
Тянулись к дыму деревень,
Трещали различные лужи,
Знобию вишню и плетень.

Старик, закуривая, чиркнул
По льду тележным колесом
И на подворье въехал чинно,
Гремя слежавшимся овсом.

Я постоял, дышать морозно...
Сквозь полночь, как сквозь полотно,
Прозрев, просвечивали звёзды...
Сквозь наши души - заодно.

СНЕГ ИДЁТ

Снег идёт беспробудный,
оловянный, слепой...
И поэтому трудно
мне уехать домой.

Ты подумаешь, я здесь
ради прошлой любви -
и поэтому ясен
по колено в крови.

Ты надеешься, снова
сможет сердце стучать -
и поэтому слова
я боюсь прокричать.

И поэтому блёклый
целый день напролёт
по застенчивым стёклам
опускается лёд...

ХОЛОДНО

Сегодня холодно... Укройся.
На небе долгая луна...
Покажется, для беспокойства
Нет основания... и нам
Мерещится, для беспокойства
Причины нет... Зима пришла.
Чертовски холодно... Укройся.
Луна исчезла со стола,
Как будто блюдо со свечою...

Я всё проспал. Зима пришла.
Сомкнула крепкою рукою
Замёрзших речек удила.
В «буржуйке» щёлкают дрова,
Как оружейные затворы...
Слегла на снег у косогора
Простудой смятая трава.

Я всё проспал. Зима пришла.
Гравюрна клинопись сугроба.
Я покрошил синицам сдобы...
Луна исчезла со стола.

КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО

Сегодня читается снег на дворе:
Бродила собака (лежит в конуре),
Сугроб вышит крестиком; стая ворон
Клевала объедки, что выкинул вон
Сосед из окна. Вензеля, вензеля...
Не хуже, чем пишет новеллы Золя.
Штрихи от иголок, покинувших ель,
И ржавые капли - мной выпитый эль.
У верб за воротами рыльца в пуху -
Наведалась в гости лиса к петуху.
Двойная лыжня - длинный жёлоб глубок -
Состряпал ром-бабу соседский сынок.
Сосульки, состарясь, упав с высоты,
Проделили дыры в снегу, как кроты.
Метель по прогнозу - метель без границ!
И жизнь начинается с чистых страниц.

МЕТЕЛЬ

Ни дня, ни ночи нет, ни дна...
Метелью - в очи, глубина
Окна столь пристальна.
В ней утопает свет лампад,
В ней остывает синий сад,

В ней звёзды - выстрелом.

Ни тьмы, ни света, ни огня...
Метель хоронит у плетня
Сугробы - ордами.
Хоронит сад, хоронит ад,
Часы, гремящие назад
Пустыми вёдрами.

Ни вознесенья, ни мольбы...
Трещат сугробы, как горбы,
Гробы безуглые...
На расписные образа
Горят и молятся глаза
Печными углями.

НЕ УМЕРЕТЬ

Саднит приговорённое желтеть,
Ручей - ценпрострелительней и хлёще,
Гораздо пристальнее выцветший
на треть

Сохатый бор, просветливее роуци.
Моя земля не может умереть.
Так деревце, залапанное снегом,
Дыханием пытается согреть
Крестьянином забытую телегу...
На самой непроглядной глубине
Дневные звёзды стучаются лбами,
И рыбы, возлежащие на дне,
Их шевелят прохладными губами.
Доцатый наст в сиянье голубом -
Порошей, словно саваном, подёрнут -
Трещит, как скорлупа под каблукком,
И эхо поворачивает зёрна.

СТОЛБЫ

Мне видятся столбы - во фрунт
к ночной дороге.
Простудливо гудят стальные провода.
Смятение листвы, едва унёсшей ноги,
Неведомо зачем, но ведомо куда.
Проточная луна - дырою на просвире,
Неведомо зачем, но ведомо когда...
Душа моя - мишень, прострелянная
в тире,
Речная полынья, где плещется звезда.
Мне видятся столбы, уставшие
от скуки,

*Деревня, человек, собака... точка, ру...
Стальные провода опущены, как руки,
Под тяжестью снегов, сошедших поутру.*

ДОНОС

*Закупорен в недрах российской зимы,
Забит в разветвлённые щели кормы
Колочкою паклей - не высунуть нос,
Пищу на снегу чрезвычайный донос.
Его содержание обидно на вид,
Поскольку обида во мне говорит,
Как шапка на воре, горит, а воров*

*В округе - не хватит ни шапок... Ни дров
Топить (минус тридцать) белёную печь,
Где снег в чугулке оседает. Сиречь
Донос мой. И вот - закипает вода,
Куда я перловку кладу без труда,
Сухие грибы, соль и лавровый лист
(Навар поднимается, желчно-бубнист).
Понятно и дятлу, что будет в конце:
Ни лавров в подаренном Музой венце,
Ни славы, обещанной Богом взамен -
Подвешенной рыбы на ржавый безмен.
Се участь поэта в России... Едва ль
Изменится что-то с утра по февраль.*

На Сухоне. Фото Алексея Колосова

Опять задумаюсь О ЖИЗНИ...

**Александр
ПОШЕХОНОВ**

Александр Алексеевич Пошехонов - поэт, член Союза писателей России. Выпустил более двадцати книг стихов и афористической прозы. Лауреат Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского в номинации «За верность поэтическому образу России».

Стихи Александра Пошехонова вошли в трехтомную антологию русского лиризма XX века (2000 год, Москва, «Студия», составитель и автор идеи А. Васин, редактор В. Белецкий).

В «Вологодском ЛАДЕ» стихи Александра Андреевича публикуются ежегодно.

МОЛИТВА

*Господи, мытарем сирым
Я пред Тобюю стою.
Приподними же над миром
Грешную душу мою.*

*По справедливости горней
Грешную душу суди,
Будет вольней и просторней
Виден ей свет впереди.*

*Если же с глиной и пылью
Тело сроднится моё,
Дай ей надмирные крылья.
Дай ей пространство её,*

*Где - без числа, без истленья
Мирно б текли времена,
Где в благодати смиренья
Вечно бы пела она!*

ДЕРЕВНЯ ОПУСТЕЛА ДО АПРЕЛЯ

*Деревня опустела до апреля,
Приблуда-пёс покинул конуру,
И звук несвоевременной капели
Уже не вдохновляет поутру.*

*Погода нам устраивает козни,
Вот и сегодня у неё - «напряг»...
И наша жизнь становится
нервозней
На фоне всепогодных передряг.*

*Больное сердце многому не радо,
Дни бытия - как сериш кино...
Но злые губы шепчут: «Так и надо!..»
Ведь так и надо нам давным-давно.*

ОПЯТЬ ЗАДУМАЮСЬ

Опять задумаюсь о жизни:
Где чёт, где нечет, где обман?..
Опять в мистической Отчизне
То синь без края, то туман.

Своя судьба давно не ранит,
Притёрлись острые края.
Тревожат и волнуют грани
Общественного бытия.

Тревожат и волнуют братья,
Живущие в мирке страстей
И угодившие в объятья
Зубодробильных новостей.

И, забредая глубже в росы,
В уме вычитываю вновь
Земные, вечные вопросы -
Про ненависть и про любовь.

Про зависти гвоздочек ржавый,
Про жуть тюрьмы и суть сумы.
Про рубежи родной Державы,
Про то, как неподкупны мы...

ДРУГ ДРУГА УЧИМ, НЕ УЧАСЬ

Друг друга учим, не учась,
Времён вращающую связь
Не ценим, ветрено скучая.
Когда же лихо жжёт нутро,
Звёзд замечаем серебро
И пыль на стеблях иван-чая.

Лохматя русые вихры,
Хватаемся за топоры,
Как будто в топоре всё дело.
Потом клянёмся всем в любви
И строим храмы на крови,
Себя бичуя обалдело.

В чужие, странные умы
Такими вот запали мы
И затерялись там навеки.
Им не понять нас никогда,
Для них мы - горе и беда,
С другой планеты человеки.

Мы и себя-то, грех скрывать,
Порой не ведаем, как звать,
Запутавшись в портках
славянства.

С ухмылкой Ваньки-дурака
Плутаем целые века
Меж святостью и окаянством.

Вся жизнь - то воля, то острог.
Но ведь за что-то любит Бог,
Ведя на небо наши души...
Не стоит нас в бока толкать,
Нам выживать не привыкать -
Под звон меча и залп «капюши»!..

ОПЯТЬ ПОЛЗУТ СО ВСЕХ КОНЦОВ

Светлой памяти
Василия Макаровича
Шукишина

Опять ползут со всех концов
На земли дедов и отцов
Разноплемённые вояки.
В лихие эти времена
Я вспоминаю Шукишина
И вижу лик его во мраке...

Мы не без глаз в родной стране,
И ведомо не только мне,
Какие псы скулят у трона.
Тревожны души и сердца,
Но нет страшнее подлеца,
Чем наша «пятая колонна».

Гниль эта всё ещё жива
И претендует на права
Судьи в отеческих долинах.
Не знаю, что там впереди,
Но заклинаю: «Ванька, бди
На перепутьях журавлиных!..»

Две глубины

**Андрей
ЛУШНИКОВ**

Андрей Евстафьевич Лушников родился в 1964 году в городе Рубцовске Алтайского края. Окончил факультет журналистики Алтайского государственного университета. Работал на Алтае журналистом, литературным редактором. Печатался в журналах «Алтай», «Сибирские огни», «Север». Автор четырёх сборников стихов и прозы, романа «Опрокинутый жертвенник». Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

У ОКНА

*Подсвеченный лампой настольной,
Увяз подоконник в снегу.
От этой зимы хлебосольной
Теперь никуда не сбегу.*

*Всё то, в чем здесь сердцу потреба,
Доставлено ею к столу:
Кусок благосклонного неба,
С любовью прижатый к стеклу,*

*А вечер мне выдал в довесок
Хрустальный ларец тишины,
Насупившийся перелесок
И полную чашу луны.*

*Оставлен в пустыне заносов
Один оборону держать,
От вечных проклятых вопросов,
Как и он зимы - не сбежать.*

*Расстроен лесок нелюдимый.
Но чем? Из окна не видать.
...А если я небом любимый -
Зачем принуждён я страдать?*

*Сугробов стоят равелины,
Мерцают вдали серебром.
...А если я создан из глины,
Зачем обожжён Гончаром?*

*Всмотрюсь долго в угол иконный
И снова к окошку прильну,
И, думать устав, полусонный,
Я встану, задую луну.*

*А за полночь, словно случайно,
Когда станет вовсе темно,
Творения всмотрится тайна
Мне в сердце, как будто в окно.*

РУССКИЙ СЕВЕР

*А небо здесь, по правде говоря,
Сияет над равнинами такое,
Что даже в середине января
Оно полно величья и покоя.*

*Здесь круглый год туман к речушке льнёт.
И по утрам так низко ходит солнце.
И древний храм. И древний хрупкий лёд -
До сей поры всё помнит он ливонца.*

*Как выразителен покой лесов окрест!
Как громко шляхты разбивалась сила
О тишину, о православный крест
Величественной крепости Кирилла!*

*Размерен день, и разговор не скор.
Здесь всех проезжих и приезжих уважают.
И, мудрецами, неба да озёр
Две глубины друг друга отражают.*

СЕРАЯ ШЕЙКА

*У стынущего перешейка,
Черно где от воронья,
Спасается Серая Шейка.
Спасенье одно - польнья.*

*Из леса лиса за поживой,
Мелькая, как рыжая тень,
С улыбкою приторно-лживой
Приходит сюда каждый день.*

*Красивая белая грудка
Да злая зубастая пасть...
Так сердце - трепещет, как утка,
А рядом - коварная страсть.*

*Березняк уже от солнца светел,
Только ели всё стоят седые.
Утром я с улыбкою заметил
На крыльчке белочки следы.*

*Будто мысль была у рыжей белки,
Как я только двери отворю,
Предложить мне поиграть
в горелки
Иль полюбоваться на зарю.*

*Будто мне из своего соседства,
Из лесного тайного дугла,
Как привет из солнечного детства,
Приносила толлику тепла.*

*Я оставил хлеба на крыльчке
И сегодня, видно, не усну.
Буду ждать у раскалённой печки
Принесёт ли белочка весну.*

*В селе Красный Волок
пригожий народ.
Николай Клюев*

*С утра над Красным Волоком,
Где синевы карниз,
Закрывшись кто-то облаком,
Крыло нацелил вниз.*

*А облако - чудесное!
А дело, в общем, в том,
Что синева небесная
С утра струится в дом,*

*И у крыльца проталина -
Как будто бы с крыла
Упала в снег окалина
И до земли прожгла.*

*Синиц повсюду пение.
Здесь, на краю села,
Приняв письмо весеннее,
Старуха весела.*

*Не водится с напраслиной,
Ей целый день почёт,
Ведь на неделе масленой
Блины она печёт.*

*Две кошки ходят важные,
Румянятся окно,
И образа бумажные
Все выцвели давно.*

*Старик с ногами мается,
Но, кротко, у стола
Сидит и улыбается:
«Дожили до тепла!»*

*Этот день будет вновь пережит,
Как бы память ни стала скупа.
Сонный донник, и где-то лежит
В облаках от луны скорлупа.*

*Березняк одинокий продрог.
И, зажжён от сгоревшего дня,
Как святашня, в ночи костерок
Для того, кто сидит у огня.*

*Видно, выбрав когда-то суму,
У костра он застыл вне времён
Безучастный совсем ко всему
И как будто в огонь устремлён.*

*Выделяется в темени сей
Только контуром светлым спина.
Словно это сидит Моисей,
Словно это горит Купина.*

НА ДЕРЕВЕ

*Всегда во всём сметливый,
Всегда во всём хитрей,
На дереве счастливый
Сидит мытарь Заксгей.*

*В толпе не протолкнуться -
А здесь Мессии путь.
Да что там прикоснуться -
Хотя бы лишь взглянуть.*

*От Господа награда -
Ему ответ прямой:
«Заксгей, сойди. Мне надо
Прийти к тебе домой».*

*Так вера в сердце внидет.
Я влез на клён с трудом.
Господь меня увидит
И посетит мой дом.*

*Всё связано мудро и прочно:
Уснула на ветке пичужка,
Уснул в парке в кюльбе цветочной
Небритый и грязный пьянчужка.*

*Он спит и во сне видит сказки,
И в детстве крещение святое,
И смотрят анютины глазки
Печально в лицо пропитое.*

*Он спит, в своей радости млея,
Кругом головы его венчик.
И, голову эту жалея,
Склонил колокольчик бубенчик.*

*А где-то уснувшие люди
Его засудили заочно,
Но в мире, стоящем на чуде,
Всё связано мудро и прочно.*

*Когда, огибая куртину,
В лицо его взглянет прохожий -
Увидит он, что сквозь цветину
В цветах просиял образ Божий.*

ЧАСОВНЯ В РОДЮКИНО

*Был день седьмой. От города к востоку
Я по рыбацким затеям друзей
Шагал тропой к заветному истоку,
Где много ловится сорожек и язей.*

*Казалась мне дорога коротенька,
По склону березняк стоял стеной,
И у лесной речушки деревенька
Легла, как на ладони, предо мной.*

*В садах дома с большими флигелями,
Бензошла рассерженно урчит,
И в центре, видно, что за тополями
Часовенка белёная торчит.*

*Над банями весёлый дым курится,
В крапиве лодки старые ничком.
И мне совсем легко разговориться
С приветливым подпшитым мужичком.*

*- У нас уж не деревня - просто дачи.
В хозяйстве - ни коров и ни телят,
И если так пойдёт, то не иначе
Тут в садоводы всех определят.*

*Да и на дачах лишь одни старухи.
Повымерла, разъехалась родня.
На, вот, попробуй нашей медовухи -
Родился внук сегодня у меня.*

*А в пятницу преставилась соседка.
Уж больно сильно рак её стужал.
- Вы молитесь в часовне?
- Очень редко.
На День Победы к нам священник
приезжал.*

*Мы посидели молча у колодца,
И я спросил, помедлив:
- А зимой
жить кто-нибудь в деревне остаётся?
- Да только дед один глухонемой.*

- Больной?
- Здоров! Ему здесь нету ровни.
В деревне фору даст любому наш сухарь.
Зимой он чистит снег вокруг часовни
И на крыльчке вешает фонарь.

И я, от медовухи соловья,
Подумал вот о чём: когда душа болит -
Выходит, что душою здоровее,
Кто, может, прямо с детства инвалид.

И как же он - ни тётки-богомолки,
И ни проезжих - снега под конёк -
Один зимой живёт? И только волки
Приходят из лесу к нему на огонёк.

Февраль атаманствует гневный,
Где с миром, до лучших времён,
Как Лазарь тот Четверодневный,
Под снегом наш дом погрёбён.

Но голос всё звонче особый
Синицы - пичуги лесной.
С утра веселят сугробы
И пахнет из леса весной.

А ночью на запах измены
Таинственно, с мороком тьмы
Подходит под самые стены
Станичное войско зимы.

И если в окошко взглядеться,
То видно: седой атаман
Раскинул, как прядь оселедца,
Над замершей речкой туман.

Он будет вершить всё по-свойски,
Он будет весну шельмовать,
Своим обмороженным войском
Наш дом до утра штурмовать.

Но там, ещё слаб и непрочен,
Всё зреет над ночью простор.
И месяцем остро наточен
Рассвета кровавый топор.

* * *

Я бессилён. Сердце мести
Давят рёбра каземата.
Ночь глуха. На лобном месте
Утром ждёт меня расплата.

Я бы выжег страстью город
В том пространстве заоконном,
Где палач со страшным стоном
Гильотины крутит ворот,

Спину тощую сутуля,
Где, к расплате изготовясь,
Неусыпно карауля,
За стеною ходит совесть.

ЧАЙКИ

Когда пройдут песком года сквозь пальцы,
Чтоб дать работу ржавым якорям,
На курс обратный лягут все скитальцы,
По штормовым намаявшись морям.

И встретят на рассвете криком чайки
Всех тех, кто в битве с морем одичал,
Как берегов крылатые хозяйки,
Укажут им вдали родной причал.

Латунные свои начистят бляхи,
С улыбкой вспомнят свой забытый кров,
Наденут чистые тельняшки да рубахи
И, тихие, замрут у лееров.

И трап столкнут, и все сойдут вразвалку
Так, что земля под ними задрожит.
И чайки путь укажут им на свалку,
Где вороньё голодное кружит.

Фото Ольги Пономаревой и Михаила Климова

В нынешнем номере раздел «Книга в журнале» у нас особенный. Отличается от публикаций этого раздела в других номерах темой - он посвящен материалам о природе. Мы представляем двух авторов - прозаика Наталью Мелёхину и натуралиста Сергея Шадрунова. Объединяет Наталью Михайловну и Сергея Валериевича любовь к природе, к братьям нашим меньшим, глубокое понимание того, что в сегодняшнем мире мы все крепко связаны и выжить всем нам можно только вместе.

Наталья Мелёхина - известный прозаик, автор нескольких книг рассказов, в которых чаще всего повествует о жизни обитателей вологодской деревушки Полтинки (или Паутинки). Наталья - давний автор нашего журнала. Читатели знают ее не только по прозе, но и по документальному исследованию о жизни героя Великой Отечественной войны Александра Панкратова. Сергей Шадрунов - биолог по образованию, председатель Вологодского отделения Союза охраны птиц России, автор многочисленных статей и книги «В озерном краю». Жанр, в котором работает Сергей, можно назвать «Записки натуралиста» - предшественниками вологодского писателя были Михаил Пришвин, Иван Соколов-Микитов, Виталий Бианки, Василий Песков и многие другие замечательные писатели, на книгах которых учились любви и вниманию к окружающему миру поколения русских читателей.

Дашка из Паутинки и её друзья

Рассказы

ДАШКИН КАРАВАЙ

Зимний день на Севере короток, но кажется он нескончаемо длинным, если тебе, как Дашке, всего лишь пять лет и если ты целый день не знаешь, чем себя занять.

В садик Дашка не ходила, потому что садика в их деревне не было. Да и откуда ему взяться, если жилых двенадцать изб осталось, да и в тех одни старики? Кроме Дашки, детей в деревне не осталось. И вот мама ушла на смену - на коровью ферму, отец со старшими братьями - в лес дрова рубить, но и ружьишко с собой захватили, попутно поохотиться. Осталась Дашка одна с бабушкой. Чем заниматься?

Уж она и на санках покататься сходила, точнее, повозила их туда-сюда за собой по пустой деревенской улице, посадив на них пластмассовых зверушек: котиков, собачек, лисичек, зайчиков, медвежат. Везет и поет: «Тра-та-та! Тра-та-та! Мы возем с собой кота, чижика, собаку, петьку-забияку!» Пусто в деревне, морозно, солнечно! Далеко разносится одинокий Дашкин голосок. Расслышал пение сосед дедушка Толя, отправившийся на колодец по воду, заругался. «Нелзя, Дашка, на улице горло драть! - говорит. - Простудишься на морозе! Ангину схватишь! В медпункт далеко тебя родителям везти придется».

А молча, просто так, санки по деревне возить неинтересно. Проведала тогда Дашка всех знакомых собак в деревне. У деда Толи - ласковая серая Пальма. Ее и на цепь-то не садят, потому что такая никогда и никого не укусит. У бабушки Лены - крупный неповоротливый Бакс, лапы у него как лопаты. Весь снег у будки изрыл. Молодой, не сидится ему на месте, всё чего-то копает. Не пёс, а чисто экскаватор! У деда Вени - Умка, похожая на овчарку, старая, даже слышит плохо. Зовешь ее: «Умка! Умка!» А она и голову не повернет, даже если в двух шагах сидит. Каждую собаку Дашка погладила и каждой принесла угощение - всем по корочке хлеба, а старушке Умке - мякоти хлебной кусочек. Своих собак, охотничьих лаек, дома не было: их отец с братьями в лес с собой забрали. Дашка постояла у пустующих вольеров и побрела домой.

Дома она и телевизор смотрела, и рисовала в альбоме и в «разукрашках», и играла в охотников, и с дивана на кресло прыгала, и заставляла бабушку книжки вслух читать, и помогала ей ужин готовить, но всё без толку! Тянется и тянется зимний день, и нет ему конца и краю! Наконец начали сгущаться сумерки. Они были для Дашки, как добрые глашатаи из фильмов-сказок: пришли сумерки, значит, и родные скоро вернуться! А ночей и темноты Дашка нисколько не боя-

лась. По ночам вся семья дома, включая отца, так какие ж тут могут быть страхи? К тому же родители иногда по вечерам ходили с ней на лыжах кататься под светом единственного на всю деревню уличного фонаря. И если ночь ясная, то заблестят звезды на небе, просыплются снежными искорками вниз, в сугробы, и там заискрятся, зарумянятся луна на черном фоне, что те румяный колобок на печном противне, - красотища! И наконец-то, наконец-то закончится скучный одинокий день.

Вот и на этот раз лишь упали на деревню сумерки, послышался за околицей лай. Один - густой и низкий. «Это Тобол!» - узнала Дашка. Второй - высокий, звонкий. «Это Белка!» - обрадовалась она и побежала в прихожую к дверям. Вернулись из лесу отец и два старших брата. У всех черные волосы покрылись белым инеем, все трое высокие, широкоплечие, как богатыри, и пахнут хвоей да морозом. Сначала накормили собак. Показали Дашке и бабушке и тут же вынесли в сени сегодняшнюю добычу - куницу да белочку. Бабушка и внуков, и зятя хвалит, на кухне хлопочет: надо мужикам ужин подавать! Помогает Дашка бабушке, чем может: ложки несёт, майонез и горчицу на стол ставит, хлебный нож отцу подаёт. Самое интересное после ужина начинается.

Каждый вечер брат Игнаха приносит Дашке из лесу гостинец: то из-под снега горсть клюквы или брусники, то большое полотнище бересты, на котором рисовать и писать можно, то хвостик заячий, на помпон похожий, то шишки еловые, сосновые, кедровые, ольховые, то колючего шиповника вместе с ягодами веточку, то еловый букет, чтобы игрушками самодельными украшать, - много в лесу богатств! Ждет не дождется Дашка, когда Игнаха чай допьёт и из рюкзака сегодняшний гостинец достанет. Но вот отставил брат чашку, говорит:

- Ой, Дашка, что я тебе сегодня принес! Ни за что не угадаешь!

- Опять шишку? Опять хвост? Или ягоды? - гадают Дашка.

- Лучше! Послали тебе лесные жители каравай хлеба. Но ты уж не обессуди! Часть я отъел, проголодался на работе! Тебе три куска оставил, но зато на костре поджарил!

Достал Игнаха из огромного рюкзака пакетик, а в нем поджаренный на костре хлеб, а поверху - кусочки солёного сала.

- Передали они тебе, Дашка, с поклоном.

- Кто они? Какие бывают жители лесные? Смешные или страшные? - спрашивает Дашка.

- Перво-наперво белки, - начинает свой рассказ Игнаха. - Ведь как дело-то было. Увидел я двух белок, сидят на ёлке, шишки лущат, а в меня шелухой кидаются, смеются: «Экий Игнаха дурачок! Мы наверху на ёлке сидим, а ему-то нас и не видно!» Ну, думаю, смейтесь-смейтесь! Хорошие из вас выйдут для Дашки беличьи стельки в сапожки, вскинул я ружье, прицелился, а белки мне и говорят человеческим голосом: «Не бей нас, Игнаха! Не губи! Что Дашке стельки в сапожки, уж лучше бы ей шапочку! Мы тебе покажем, где заяц прячется!» - «Не верю я вам, вертихвостки!» - говорю я им. А они цыкают-уверяют: «Цы-цы-цы! Не бойся, Игнаха! Мы хоть и рыжие, но ведь не лисы, не обманем!»

И верно, не обманули. Указали на заячью лёжку - лежит он себе под корнями выворотня, под огромной-огромной осиной. Ни за что без чужой помощи его не найдешь. Прицелился я в зайца, а длинноухий как задрожит! Аж выворотень весь затрясло! «Не губи, - говорит, - меня, Игнат! Почему все время заяц крайний?! Вечно чуть что, так сразу меня на шапку! Ничего я тебе плохого не сделал! Да и Дашке лучше уж шубку пошить! Теплее ей будет. Расскажу я тебе, где лиса живёт, тем более, что она меня из родного дома выселила».

Сам пойти и показывать отказался, струсил, но на снегу лапкой путь-дорожку к лисьей норе нарисовал. Пошел я для тебя, Дашка, шубку добывать. Пришел

к норе, а это оказывается, и не нора вовсе, а избушка лубяная, та самая, из которой лиса зайца выгнала! Заглянул в окошко: лисонька обрягается у печи: кашу варит, курочку на противне запекает, каравай в печь ставит, а за столом на лавках сидят лисятки, песенки поют и ложками стучат. Заметили меня в окно, соскочили, под лавки забились. Взмолилась лисонька: «Не губи, Игнаха, ни меня и ни моих детушек! Возьми в откуп каравай для Дашки! Не простой, а волшебный! Как съест она от него два куска, так вырастет на два вершка!» И вот, Даша, принес я тебе волшебный хлебушек.

Дашка куски рассмотрела и говорит Игнахе.

- Вставай, Игнаха, давай! Иди к косяку! Ты же хлеб тоже ел! Давай сначала тебя измерим, насколько ты вырос!

На дверном косяке у входа в кухню отец широким охотничьим ножом ставит зарубки, как дети его росли: прямые - эти старшего сына, Шурки, наискось - среднего, Игнахи, а треугольные отметки - это дочкины, Дашкины.

Смеются все: и отец, и братья, и бабушка. Игнаха отнекивается:

- Ну что ты! Это ведь для тебя хлеб, я от него не вырасту, разве что вишь!

- Давай, Даша, чаю тебе налью, - говорит отец, - Попьешь, и до прихода мамы уже чуть-чуть подрастешь! Тебя и измерим, на косяке вон новую метку вырежем, твою, треугольную.

Так они и сделали, как только мама с фермы вернулась. Обманула, правда, лиса: выросла Дашка с лета не два вершка, а всего на один, ну так это ж известное дело: кто ж лисам верит, пусть и говорящим, все они до одной обманщицы.

ДЮДЯ И ЗЛОТИНКИ

Повадился к Дашке в деревню дюдя летать. Обычно дюде все рады: он дурьям - доктор. Если где-то червячок или личинка точат берёзу или яблоню, дюдя тут же их острым слухом, как радаром, засечёт, крепким клювом выдолбит в стволе дырочку и сожрёт вредителей!

Но нынче зимой дюдя дурья лечить отказался и подался в бандиты. Да и зачем ему стараться, если Дашка с бабушкой устроили под окнами дома шикарную птичью столовую. Подвесили на клёне круглую пластиковую хлебницу на верёвочках и стали в нее утром и под вечер насыпать семечки подсолнуха да комбикорм из зернодробилки. Рядышком на ветке пристроили кусочек сала. Как только открылась столовая, столько в нее крылатых гостей пожаловало! И все поют на разные голоса: кто чирикает, кто тенькает, кто свистит, кто шипит, кто и вовсе всегда молчит.

У Дашки для каждой птички, кроме семечек да зерна, еще и своё имя было припасено. Пока устраивали столовую, бабушка рассказывала, что когда Бог сотворил человека, он привел к Адаму всех зверей и птиц, и каждой твари дал человек своё название, потому что отныне это была его обязанность - заботиться о братьях меньших: и кормить их, и называть. «От Адама и до нас - завет: должны люди не только о себе думать», - пояснила бабуля, щедро насыпая семечек в хлебницу. «Ну раз, Адам был обязан, значит, и я должна», - решила Дашка.

Тенькающие птички с жёлтым пузиком стали у неё золотинками. Шарообразные птахи в ярко-красных нагрудниках - фонариками, а чирикающие, невзрачные хулиганы, которые вечно ссорятся между собой - чикунями. Пёстрых, рыжевато-коричневых птиц с голубыми пёрышками на крыльях Дашка назвала тётушками, уж больно важные и толстые они были! Как бухнут в кормушку, так не то что хлебница, но, кажется, и клён ходуном ходит. Прилетала изредка и волшебная птичка, которая поражала Дашку своим талантом. Птаха умела вниз

головой по стволу ползать туда-сюда, за что и получила имя - акробат. И только свиристелей переименовать Дашка не стала, уж больно точное Адам подобрал для них название. Даром что первый человек, вон как хорошо постарался!

Дюдя поначалу Дашке очень понравился: доктор, да еще и такой красавец! На голове шапочка, штанишки красные, крылья с белыми нарукавниками! Но оказалось, что дюдя - жадюга. Сядет на сало и долбит-долбит, пока не наестся до отвала, а затем бегаёт по стволу дерева вверх-вниз и караулит, чтобы золотинки сало не клевали. Как только пробует малютка опасно присесть на кусок, так он к ней подлетает и бьёт, причём метит своим каменным клювищем либо в голову, либо в жёлтую грудку. Сам не ест, потому что в него не влезает больше, но и другим не даёт.

До чего дошло, стал он золотинок, чикунов и фонариков выгонять даже из кормушки с зерном и семечками, да так жестоко, как заправской бандит. Пробовала Дашка малых птиц защищать и разбойника стыдить. Встанет под клён и поёт: «Дюдя - жадина! Жадина-говядина!» Золотинки да чикуны настолько к Дашке привыкли, что песен ее не боялись, и не только в кормушку прилетали, пока она дюдю отгоняла, но даже садились к ней на шапочку. Но пение на морозе не одобряла бабушка, да и не будешь же целый день под клёном стоять, как часовой.

Не осталось выхода! Нажаловалась Дашка на дюдю старшему брату.

- Ишь, рэкетир! - покачал головой Игнаха. - Надо его проучить!

- Он знаешь, какой хитрый! Сразу от тебя улетит, - предостерегла Дашка.

- Ничего, - рассмеялся Игнаха. - Выпишем мы ему лекарство от жадности.

Клин клином вышибают.

И на сливу в отдалении повесил брат второй кус сала. Дюдя обезумел. Пока на клёне сидит - малыши на сливе сало едят, и дюдя рвётся к ним, второй кус тоже себе заграбастать хочет. Пташки тут же возвращаются на клён, первым сальцем лакомятся или семечками из кормушки! А дюде это нож по сердцу! Несётся, как боевой истребитель, с клёна их гонит, а они тут же - обратно на сливу! До того бандит устал мотаться за крылатками туда-сюда, что сел на землю, безучастный, и долго под кормушкой печалился, а потом, посрамлённый, сбежал в сумерках в лес за Паутинку.

Вечером пришли к бабушке на посиделки паутининские жители, старички да старушки. Стала им Дашка рассказывать, как Игнаха дюдю проучил, и все смеялись, кроме строгой тетюшки Лены (настоящей тётюшки, без крыльев). Заворчала она:

- Что эта девчонка говорит? Дюдя, золотинки, чикуны - неужто простых названий для птиц не знает? Ничего у ней не понятно, а ведь пять лет ей уже! Ходила бы в садик, как другие ребятки, всё бы знала!

Однако никто тетюшкино ворчанье уже не слушал, потому что не только люди, но даже дюдя всё отлично понял.

СКАЗКА ДЛЯ ЗАВЁРТЫША

Приклеилось к Дашке ласковое прозвище «завёртыша».

Слово это приезжему человеку непонятно, а местному, деревенскому, сразу всё о Дашке расскажет: значит, ребенок - непоседа, сладу с ним нет, но зато ловкий и к работе охочий! И верно, везде Дашка успевает: на сенокосе подгрести остатки сена, когда валки в копны складывают, - это запросто - пожалуйста! Дед Веня даже грабли ей сделал - легкие, невысокие, под Дашкину руку. За грибами-за ягодами с отцом и братьями пойти - всегда готова! И в лесу никогда не пожалуется ни на комаров, ни на усталость, ни на промокшие или стёртые ноги. Ягод

наберет - больше взрослых баб, а грибов - больше мужиков. Братья смеются: «От Дашки живым ни один боровик ещё не уходил!»

Помочь маме белье развесить - тут Дашку и просить не надо! Ей уже одиннадцатилет, и она уже сумеет развесить неповоротливые громоздкие простыни и пододеяльники, будто пудовые от воды банные махровые полотенца. Бельевые веревки натянуты в тополином углу в огороде, где деревья, старые и молодые, поднимают вверх свои кроны и шплетаются ими, образуя шатер из ветвей, летом да весной - зелёный, осенью - разноцветный, зимой - белый. И Дашка приходит в этот шатер, как в гости к друзьям. Каждое дерево здесь для нее - товарищ.

Закончив работу, к всякому тополю Дашка подойдет, поздоровается, а рядом с тополями растёт ее любимица - тонюсенькая черемуха. По весне она, как невеста в белой фате, а ближе к осени наряжается в тяжелые вдовьи серьги - сгибают ее ветви грозди крупных и сладких чёрных ягод. Один из молодых тополей так над черемухой склоняется, что Дашке кажется, будто хочет он подружку свою заслонить-сберечь от какого-нибудь врага. И кажется Дашке, что это влюблённых, жениха с невестой, заколдовали и обратили в деревья злые волшебники.

Набралась как-то Дашка смелости и рассказала о своем подозрении старшему брату Игнахе. Было это той поздней весной, когда ручей за колодцем уже перестал звенеть, как оглашенный, а начал лишь тихо бубнить что-то себе под нос, когда предвестник белых ночей бледный месяц подолгу не уходил по утрам с неба. Игнаха с утра готовился к вечерней вальдшнепиной тяге и рубил пыжи из старого валенка на кряжике у крыльца. Думала Дашка, засмеёт ее брат, опять отмахнется, скажет: «Завёртыш! Не путайся без дела». Не стал Игнаха дразниться почему-то, отложил в сторону недорубленное на пыжи голенище, посмотрел на черемуху в белом облаке и кивнул:

- Может быть. Помнишь мультик? Там Баба-Яга детей у Василисы тоже в клёны превратила. А в нашу-то черёмуху, Дашка, месяц влюбился.

- Как это? - удивилась Дашка. - С чего ты взял?

- А вот так. Вон, видишь, с неба не уходит, - брат пыжерубкой указал на бледнеющий за крышей избы серп. - Ревнует. А признаться - кишка тонка. Небесный житель. Куда уж ему до земных-то парней-тополей. Вот они какие - бравые!

И тут Игнаха прочитал нараспев:

*За рекой, за лесом солнце подымается,
Юная заря светом умывается,
И сестрица-ночь утром спать уходит,
Звёздный хоровод за собой уводит.*

*Только братец-месяц в небе задержался,
И почти за полдень в нём бледнеть остался.
Всё смотрел, как тополь милицю целует,
Белую черёмуху братец-месяц любит.*

*И бледнеет искренне, и сказать боится,
Хотел в чёрном омуте ночью утопиться.
Но вода тяжёлая не для лёгкой тени,
Лунная дорожка в дом к нему ступени.*

- Чьи это стихи, Игнаха? Есенина? - спросила Дашка, думая о том, что и в самом деле по ночам месяц отражается в дамбе за деревней, будто пытается уйти на дно запруды диковинной рыбой. С вальдшнепиной тяги Дашка всегда вместе с Игнахой возвращалась по берегу. Всякий раз она любовалась сере-

бряной лодочкой месяца, плывущей по тяжелым волнам, черным от торфяного болотного осадка.

- Скажешь тоже - Есенина... - покраснел почему-то Игнаха.

Вспомнила Дашка и о том, что в эти выходные из Вологды приезжала давняя Игнахина зазноба - Люба. Она не деревенская, и из города лишь в субботу-воскресенье навещается к своей бабушке. Ходили Игнаха и Люба вместе в клуб на дискотеку в соседнюю деревню, а когда вернулись, долго сидели у колодца на скамеечках для ведёр и о чем-то тихо беседовали. Потом Игнаха Любку свою провожал и букетище черёмухи размером с банный веник ей подарил.

- Игнаха, а ты сам-то когда своей Любке признаваться будешь?

- Завёртыш! - заорал вдруг Игнаха не своим голосом. - Чего без дела-то слоняешься?! На-ка вот, руби пыжи! На тягу нам вечером. Опять все патроны у меня расстреляешь. А я пойду поросёнка накормлю.

И засадил завёртыша за нехитрую земную работу.

ЖИВОТИНКИ ИЗ ПОЛТИНКИ

(заметки о животных)

Улыбнитесь: вылетит птичка!

Удивительно, как мало порой требуется человеку для радостного настроения! Иногда достаточно всего лишь стайки воробьев у небольшой кормушки.

В деревне Полтино, которую в народе кратко зовут Паутинка, мы обустроили для птах зимнюю столовую. Казалось бы, ничего особенного, подумаешь - птички, ну, летают, ну, чирикают, ну, клюют семечки... Ан нет! Наблюдение за их повседневной жизнью даже интереснее многих телесериалов.

Оказывается, в нашей воробьиной стае тоже есть распределение «профессий». Так, среди наших полтинских воробьев обращают на себя внимание два молодых смельчака. Это «разведчики». Если положить в кормушку какое-нибудь птичье лакомство и спрятаться, чтобы не смущать крылатых, именно «разведчики» прилетят первыми. Они оценят обстановку на предмет безопасности и только потом громким условным «чик-чик-чирик» призовут своих товарищей. В кормушку сначала влетает вожак - пушистый и важный «директор» стаи, вслед за ним, очевидно, его «супруга» - изящная и немного капризная воробиха, которая любит выбирать только самые крупные семечки подсолнечника. И никто не смеет отнять их у нее! И только затем к трапезе приступают остальные воробьи.

Кроме чирикающей братии, постоянные клиенты столовой - это синицы. Они знают, во сколько дважды в день (утром и вечером), мы кладем еду в кормушки, и если это время пропустить, синицы напомнят. Они начинают показательно суетиться под окном или садятся на подоконник, если, по их мнению, «официанты» уж слишком запаздывают.

Однажды моя мама поутру сильно занята была домашними хлопотами, и синицы ужасно переживали, что про их завтрак забыли. Когда мама вышла за водой на колодец, одна из желтогрудых кинулась к ней, как к родной, и едва ли не села на плечо. Словно поторапливала: «Елена Евгеньевна, очень кушать хочется!» Она сопровождала «хозяйку» столовой и до колодца, и обратно, и очень старалась всем своим видом показать, что готова к приему пищи.

Мама начинает кормить птичек еще до выпадения снега - поздней осенью и продолжает до поздней весны, до тех пор, пока они сами не отказываются от посещения кормушки. В итоге птахи так привыкают к своей хозяйке, что летом,

когда мама занята прополкой огорода, без страха и стеснения садятся прямо у ее рук, так что при желании мама запросто могла бы взять их в ладонь. Они показательно, прямо при ней уничтожают жучков и козявок, как бы «отрабатывая» зимнее содержание. Правда, иногда и сами вредят: в холодные весенние дни раскапывают только что посаженные семена.

Но главная их плата за питание - это, конечно, весёлое чириканье и тиньканье, озорная суета под окнами. Все-таки в деревенской жизни не всё измеряется хозяйственной пользой. Не зря же писал Александр Яшин:

*Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.*

Переполох в клубничнике

Переполох в клубничнике! Вор пойман на месте преступления!

Приметы: дерзок и колюч, прехорошенькие лапки, черный носик. Фыркал и огрызался. Очевидно, дальний потомок легендарного разбойника Ежа Ивановича.

Ёж Иванович был принесен моим папой из лесу в те незапамятные времена, когда меня еще и на свете-то не было. Родители приняли его, как дорогого гостя, и по деревенскому обычаю поселили в доме, чтоб мышшей ловил. Все ежи - знатные мышеловы, поэтому раньше, если в деревне не водились ежи, их специально приносили из лесу. Кроме того, ежи очень ловко уничтожают гадюк. Колючие создания мало восприимчивы к змеиному яду. Это наши северные Рикки-Тики-Тави. (Кстати, на ежей также слабее, чем на многих животных, действуют такие яды, как мышьяк, сулема, опиум и даже синильная кислота). В общем, очень полезные в хозяйстве животные. Но вредные по характеру.

Коварный Ёж Иванович презлым заплатил моей семье за предобрейшее. Родители кормили его молоком и мясом, но Ёж Иванович охотился не только на мышшей, но и на цыплят, однажды уничтожив весь выводок, кроме одного несчастного птенчика, которого папа успел у Ежа Ивановича выхватить из пасти. Но и это ещё не всё! Ёж Иванович укусил моего брата за большой палец ноги, когда брат спал. После этого разбойника с позором отселили в огород. Там он нашёл себе подругу жизни и размножился. Потомство его распространилось по всему Полтнину. Встречи с Ежом Ивановичем, его детками и внуками не всегда были приятны.

Так, однажды папа растянул на огороде рыболовные сети, чтобы просушить их и почистить. А в это время ежиха выгуливала ежат. Поскольку от сетей пахло рыбой, выводок решил проверить, а не осталось ли в ячее какого-нибудь позабытого там ерша. И ежи в поисках ершей дружно всем выводком запутались в сетях. Вот вам когда-нибудь приходилось выпутывать ежа из сетки? Изошренная попытка! Это в фильмах ёжики сворачиваются в клубок и смиренно ждут своей участи, в жизни они очень больно кусаются вдобавок ко всем своим иголкам. После ежиной рыбалки ни один ёж и ни один ёрш не пострадал, а вот люди оказались исколоты, как подушечки для иголок.

Полтининский ёж - зверь разбойный и вороватый, под стать своему предку. Тот, что попался среди ягод, воровал, конечно, не клубнику. Каждый день он ходит поесть от пуза из собачьих и кошачьих мисок. Наведывается и к пороссятам. Ежиный ежедневный маршрут пролегает через клубничник, где и обнаружил воровайку пятилетний Тимка, мой племянник. Так и встретились потомки двух семей, ежиной и человеческой.

Тимка обрадовался и позвал других детей и взрослых. Ёж немного испугался,

но потом освоился, и, не обращая на нас внимания, бесстыдно при всём честном народе стал принимать клубничные ванны, катаясь по ягодам. Фрукты и ягоды в небольших количествах всеядные ежи тоже употребляют, но больше всего они любят в них кататься (а вернее, шаркают во фруктовой массе сначала один бочок, потом другой, на спинку ежи переворачиваться не умеют). Особенно им нравятся косметические процедуры в кислых подгнивших яблоках. Дело в том, что фруктовая кислота помогает ежам избавиться от паразитов, живущих в иголках. Знаете известную детскую картинку, где ёж несёт яблоко на колючках? Действительно, после таких ванн на спинке ежа иногда можно увидеть остатки плодов. Во время яблочных купаний нам уже не раз доводилось наблюдать ежей в нашем саду, а вот во время клубничных - впервые.

Остается только добавить, что ежи и сами деликатес. Вкусны и питательны, входят в рацион некоторых северных народов. Но мы нашего вора есть не стали, конечно же. Сфоткали и оставили там, где нашли - купаться в клубнике. Все-таки Ежа Ивановича дальний внучок. Хоть и разбойный был у него пращур, но не чужой нам.

В честь Пика

Жил-был в моем деревенском детстве мышонок Фомка. Я его сама поймала. Ну как сама... Кот Васька поймал, а я у него отобрала. Васька вообще сильно от меня настрадался: он у меня то тигром в зоопарке работал, то пограничной собакой служил, то вот добычи лишился.

Отобрать у кота мышонка мне захотелось не просто так, конечно же. Все дело в том, что в первом классе наша учительница Татьяна Михайловна прочитала нам на продленке рассказ Виталия Бианки «Мышонок Пик». Напомню, что в этой истории злой братец поймал полевку и хотел убить, а добрая сестрица догадалась, как Пика от мальчишки спасти: дети пускали кораблики, вот она и предложила устроить мышонка пассажиром на борт и пустить по волнам. В длинном путешествии много Пик пережил приключений и страданий, но закончилось все хорошо. В честь этого храброго мышонка я и не позволила Ваське задавить Фому.

Васька, естественно, остался недоволен, долго потом со мной не мурлыкал-не разговаривал, но зато спасенный Фома был на меня не в обиде. Мирно спал себе в ящике под зеркалом. Я ему там устроила гнездо из тряпочек и ваты. Фомка очень почему-то любил рис. Может, в прошлой жизни он был и не мышонок вовсе, а какой-нибудь важный китайский сановник. Или вьетнамский охотник на слонов из племени мнонгов (даже само слово «мнонг» значит «охотник на слонов»), или индийский йог, или японский поэт, а, может, к примеру, король Камбоджи - и там тоже рис почитают, как у нас хлеб. Дашь Фомке мисочку риса, а он аккуратнo, уважительно берет по рисинке двумя лапками и с наслаждением вкушает, как будто не в коробке под зеркалом сидит, а за царским столом. Другое какое угощение всегда могло оставаться недокушанным-недогрызенным (подозреваю, что Фомку я перекармливала), но вот только не рис!

Мы с Фомкой дружили. Он ездил у меня на плече, не убегая, играл со мной (катал мне деревянную катушку из-под ниток: я - ему, он - мне, веселуха!). Мыши - это ведь вам не безмозглые хомяки, у них интеллект сопоставим с собачьим.

Но Фомку все-таки пришлось отпустить на волю. Во-первых, он сам как-то страдал и печалился, все-таки он был гордым, диким мышом, возможно, королем Камбоджи в прошлой жизни, а не просто декоративным питомцем из зоомагазина. Во-вторых, очень уж мама у меня грызунов боится. В общем, простились мы с Фомкой, обнялись на прощание, и выпустила я его в заулке. Фомка тут же скрылся под поленницей, только хвостиком на прощание махнул, и больше я его никогда не видела.

Мой Буян

Я еще помню то время, когда коров пасли на полях. Теперь-то они по большей части не покидают ферм, и мне буренок очень жаль. Бедные: поживи-ка всю жизнь в неволе, как автомат для производства молока!

Такова современная технология. Производство молока - это отныне та же фабрика, завод, только вместо станков - живые животные. Эти сломались-сдохли, на их место тут же ставят новых. Не до сантиментов! Выжить бы! Сколько аграрных предприятий, подобно тонущим кораблям, идут ко дну, увлекая за собой целые деревни! Поэтому цель одна в жесточайших условиях рыночной экономики: выжить - выжать молоко!

Но когда-то к коровам относились не просто как к расходному материалу. И вот тогда без лошадок было не обойтись! У нас в деревне коров пас дядя Витя Кустов на мерине Буяне, старом, добром, да еще и с хромой ногой. Выгонит дядя Витя коров за Полтинку, а мне уж так хочется на Буяне покататься! Приду к нему, скажу: «Дядя Витя, мама пирогов сегодня напекла, да и чай горячий!» А он знает, что мне на самом деле хочется на Буяне «погонять», но включается в игру. Говорит печально так, будто взрослому человеку: «Так как же, Наташа, я пойду? Мне ведь коров пасти надо!» Я его уговариваю: «Так подменю я вас, дядя Витя, а вы пока чайку попейте!» Он соглашается, но с уговором: «Только ты смотри, Буяна сильно-то не гоняй! И за коровами гляди хоть левым глазом!»

Вот так я за ними и глядела - одним левым глазом. Вернется дядя Витя с чаепития, у меня все коровы которая где, только что в Клыгино не убежали (это деревня такая нежилая, далеко от Полтинки), ну и Буян в полуобморочном состоянии, уже готов письмо писать в комитет по защите животных прямо своей хромой ногой...

Дядя Витя смеялся, конечно. Было мне в ту пору лет девять-десять. Я уже не вполне помню, как седлать лошадь, но все еще в памяти и резкий запах конского пота, и свежий запах трав, и оводы с комарами, и, главное, - ощущение после быстрой конной прогулки - счастье.

А еще дядя Витя очень красиво рисовал. И был у него любимый сюжет - коровы, пасущиеся на берегу реки Комёлы: одни разлеглись на песчаном пляже, другие - «принимают ванну» посреди неспешного течения, третьи - щиплют травку. Такая картина украшала красный уголок на ферме, где моя мама работала бригадиром.

В праздники в красном уголке включали радиолу и танцевали, а еще устраивали чаепития, куда нас, детей, тоже допускали. Мне нравилось танцевать под какую-то советскую песню о каратэ, где были такие слова: «И без сожаления бросили курение». В будни в красном уголке проводили планерки и собрания, без конца работала рация: «Заря-5», «Заря-5», - говорила рация голосом начальника участка. - Вызываю «Заря-7». Сообщите надои за день!» Колхоз «Заря» очень большой, и потому его поделили на производственные участки, а поскольку с телефонной связью в те годы было неважно, то рация служила основным средством связи.

Вспомнилось мне все это - хромой и добрый Буян, красный уголок, купающиеся коровы - не случайно. Недавно я побывала на племенном конном заводе «Вологодский» в деревне Ерофейка. Там выращивают чистокровных русских тяжеловозов и русских рысаков. Но поскольку коров уже почти нигде не пасут, поскольку всюду на сенокосах и пашнях лошадей давно заменила техника, поскольку с советских времен в нашей стране уничтожили почти все ипподромы, спрос на этих красавцев небольшой.

Исконно русские породы лошадей и коров в наши дни находятся под угрозой. Видите ли, национальное достояние - это вещь обременительная и экономически невыгодная. Например, холмогорские коровушки никогда не смогут доить по де-

сять тысяч кг в год, а импортные «голландки» - смогут... О буренках и лошадях как о гордости народа в наши дни заботятся в Норвегии, США, Великобритании, а мы пока не доросли еще, видимо, до такого отношения к животным. Возможно, потому, что и людей-то, разных и непохожих друг на друга, уважать и ценить не вполне еще умеем. У нас в России все еще пробуют с точки зрения экономики рассуждать о вещах, не имеющих никакого отношения ни к купле, ни к продаже, ни к спросу, ни к предложению. Некоторые вещи нельзя посчитать на калькуляторе. Однако их можно любить, ими можно гордиться, их можно нарисовать, вспоминать всю жизнь с нежностью, их даже можно спеть.

Как спел, к примеру, Борис Гребенщиков:

*Лошадь белая на траве,
Далеко ушла в поле.
Дома упряжь вся в серебре,
А ей нужно лишь воли.
Твердая земля да долгий путь
Из огня в полымя.
Много кто хотел ее вернуть,
Ни один не знал имя.*

Спохватятся однажды, вернуть захотят. Дай Бог, чтоб не поздно было. Ну а я имя своей «лошади белой» помню, да что толку? Мой хромой Буян теперь тоже мне уже не откликнется...

Кармен

В моей комнате в деревенском доме в огромном горшке растет розан. Это мой друг. Каждый июнь он балует меня огненными всполохами цветов. Они напоминают яркие юбки Кармен, и я каждый раз удивляюсь: почему не звучат кастаньеты и гитары? Где ослепительно рыжее солнце? Сочная зелень с заплатками апельсина? Почему за окном все тот же северный бледный июнь, искусанный комарами?

Когда-то розан жил в госучреждении. Он, подобно охраннику, стоял в коридоре. Мимо проходили очень занятые солидные люди. Розан не цвел, потому что ему было не до глупостей. Он состоял на госслужбе. Потом учреждение расформировали, и розан вынесли на помойку. Никто не хотел забрать цветок: он был слишком большим и не цвел. И вот уже крысы облизывались на его экзотические верхушки и корешки, но розану повезло. Мой брат, который живет в деревне, в тот день приехал в город по делам на своем «уазике». Увидев чудо-куст посреди мусорных развалов, брат сжалился над бездомным гигантом и увез цветок в наш дом.

В большом зале, куда розан поставили, шумно играли дети. На цветочном кусте беспардонно прыгал и качался котенок. Новое жилище разительно отличалось от госучреждения. От стресса розан по-прежнему не расцветал. Прошла пара лет. Женщины нашей семьи решили, что цветок слаб, и на лето вынесли его на улицу. Говорят, это помогает домашним растениям окрепнуть. Но в конце августа неожиданно грянули заморозки, и розан превратился в голый скелет в ошметках жухлой плоти. Он воздевал к небу ветви, то ли молясь, то ли проклиная. Казалось, розан погиб, но в последней надежде его все же занесли домой. И он не сдался. Сначала ветки приобрели зеленый оттенок, потом появились листочки, а следующей весной - пунцовые бутоны.

Иногда мы говорим о людях: «Судьба у него тяжелая». Именно так: у судьбы

тяжелая рука и легкий нрав. Она такая юмористка, что передаче «КВН» и не снилось. Любит разыграть не только человека, но и животных, и даже растения. Боюсь, микробы и вирусы и те не застрахованы от ее опасных шуточек. Однако розан не потерял желаний любить, он всего лишь долго ждал подходящего момента, чтобы явить миру алые всполохи соцветий, и мне кажется, что у него с Кармен много общего.

МЭНСОН И ВРЕМЕНА ГОДА

ЛЕСНЫЕ ГОСТИ

В мою деревню зачастили лесные гости. Видимо, Паутинка окончательно попала в блокаду лесов и некошенных дремучих полей. А может быть, дело в погоде: слишком сыро в лесу, и животные выходят к людям. Так, в начале лета в огород к нашему соседу Валерию прибежала зайчиха на сносях. Оставила потомство прямо под нарядной беседкой и по заячьему обычаю была такова. Кстати, про заячьи обычаи. Считается, что зайчихи - плохие матери, раз кидают своих детенышей сразу после их появления на свет. Но это не так. Мать она прекрасная, и все в ее поведении логично. Длинноухие находятся в конце пищевой цепочки: у них ужасно много врагов! И зайчиха оставляет своих ребятишек, чтоб по ее следам хищники не нашли драгоценное потомство. Мало того, она вовсе не бросает зайчаток на произвол судьбы, а искусно прячет их. Надо же догадаться - оставить их в огороде! Туда уже точно дикие хищники (и даже просто собаки) не сунутся, потому что человек не позволит такого самоуправства на своей земле. Зайчиха сытно кормит новорожденных деток перед своим уходом. Причем ее молоко настолько жирное, что малыши переваривают его три-четыре дня, а потом мать возвращается, чтобы снова накормить их. Если же попадутся на пути чужие зайчата, то заодно и их напоит молочком, а ведь даже у людей не всякая мать накормит чужих детей. Так что нечего нам, людям, зайцам морали читать: нам и самим есть чему у них поучиться, например, не делить детей на своих и чужих в час нужды. Зайчата в огороде под беседкой росли не по дням, а по часам, и так им у нас в Паутинке понравилось, что, когда они выросли, то отказывались переселяться. Но Валерию пора было косить свой участок, а косые, прощу прощения за каламбур, имеют неприятную привычку путаться под косой (а также обгрызать стволы яблонь). В общем, кое-как, путем шантажа и уговоров отправили длинноухих во взрослую жизнь в лес. Кроме зайцев, заходила к нам в деревню выдра. Она неспешно прогуливалась по улице, помахивая хвостом, и, видно было, что ей, как и зайцам, очень у нас нравится. Особенно пруды, полные жирных, никем не пуганных карасей и лягушек. Но вот виляющий хвост ее подвел. Наш котенок Марик Мэнсон по младости лет не знал, кто такая выдра, и решил, что эта забавная неведома зверушка с ним играет. В чем-то Мэнсон был, конечно, прав: выдры - животные очень игривые, спору нет! Но не тогда, когда им в хвост со всей дури вцепляются зубами и когтями. Выдра ведь тоже никогда таких наглых и кровожадных зверьков, как Мэнсон, доселе не видывала, поэтому сначала удивилась, а потом удирала от котенка так, что только лапы засверкали. Мэнсон разочарованно бежал ей вслед, и если б умел говорить, то, наверное, крикнул бы: «Вернись! Это была ошибка! Мы еще подружимся!» Но выдра своим хвостом рисковать не пожелала даже ради дружбы.

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Юный котик Мэнсон, ловкий охотник и ласковый убийца птичек и мышек, оказался трусом! Сегодня целое утро просидел в заулке под черной полиэтиленовой пленкой, потому что боялся кота Рыжика. Рыжик - уличный кот. Он то дерёт Мэнсона смертным боем (когда ему не лень), то с презрением не замечает (когда лень). А вот Мэнсон боится Рыжика всегда. Даже из дому не выходит, когда Рыжик в заулке. Или если встретились все-таки там случайно, молниеносно и виртуозно прячется от него. Например, под чёрный полиэтилен, которым от дождя укрыта поленица яблоневых дров. Вот так: для синичек и мышек Мэнсон - гроза, а для Рыжика - когтеточка. Всё в этом мире относительно.

ПРО ПЕРЕПЁЛОЧКУ

Котик Мэнсон отпраздновал наступление осени возвращением в родной дом. На лето он, как говорят у нас в деревне, «уходил бурлачить», то есть гулял сам по себе. Но реки замерзли, хорошенькие кошечки спрятались по домам, птички улетели, мышки скрылись в норки, и Мэнсон вернулся. Весь в укусах, полученных в боях за любовь. Спит по двадцать пять часов в сутки (коты - знатные воры, лишний час он ворует у вечности). Делает короткие перерывы только на походы к миске. Требуется глажки, внимания и заботы. Он же вернулся. Ощастливил. Ликует все!

В начале ноября Мэнсон вдруг затосковал и заболел: повредил лапу, хромает: то ли Рыжик-бродяга его подрал, то ли кто ещё. Кроме того, его любимый хозяин, мой племянник Мишка (из старшаков, так мои младшие племянники называют моих старших племянников), лежит в больнице, застудил ухо. Мэнсон по нему тоскует, Мэнсон сам болеет, Мэнсон спит на его кровати по двадцать пять часов в сутки. Дошло до того, что сам пришел ко мне на ручки погладиться (никогда такого не бывало). Я спела ему песенку: «Как у перепёлки заболела лапка, бедная, бедная перепёлочка...» Мэнсон слушал и согласно подмурлыкивал: да, мурлычет, бедная эта перепёлочка, бедная, дайте, говорит, мне её в коготки, в здоровые лапы, тотчас её пожалею...

ЗИМНИЕ ПЕСНИ

Котик Мэнсон холодам явно не рад, но в целом к зиме готов: шубку новую отрастил, газет на растопку на опечке насушил! Посмотришь на него, дремлющего на жаркой лежанке, и сразу вспомнишь бабушкину частушку:

*Хорошо тому живётся,
Кто записан в бедноту.
Есть на печку подается,
Как ленивому коту.*

Или потешку родной деревни. Она произносится речитативом, когда качаешь ребенка на коленях в ритм словам:

*Сидит котя на окошке,
На свидание ждет кошку.
А дома котятки на лавке,
Кошурки в печурке!
- А кто из вас старшой?*

Да кто из вас меньшей?
 - А мы все подрастем,
 И мышей ловить почнём,
 Только дедушка-кот
 Будет дома нас ждать,
 На печке лежать,
 Добычу считать!

Можно, и песенку спеть на стихи поэтессы Галины Лебедевой:

Без него нельзя никак
 Разобрать портфель бумаг,
 Прочитать газету
 Эту вот и эту.
 На плече у папы,
 Подбравши лапы,
 Кот не спит, всё щурится,
 Труженик и умница.

Правда, труженик и умница на минувшей неделе был не он, а его бабушка Мурлыка. Она двух мышат поймала и посреди кухни всем на обозрение добычу выложила. Смотрите, дескать, остры еще мои старые когти! Хотя на самом деле куриную грудку ей уже режут на мелкусенькие кусочки, как котенку, крупные трудно жевать старушке.

У внучка охота пока не задалась. Недавно его мышка обидела. Мэнсон караулил ее в прихожей, мечтал, что поймает и подарит хозяевам на Новый год к праздничному застолью. Это была домовая землеройка, они часто на зиму прячутся от морозов в голбцы (голбцы - подполья с земляным полом). Хитрый мышонок с длинным носиком (в деревне у нас их так и называют - «долгоносики») выглядывал из щели между половицей и плинтусом. Глазками сверкал, носиком из стороны в сторону крутил. Мэнсон лапу в щель пытался засунуть: куда там! Лапа сильная, мускулистая, почти тигриная, не влезает! «Фырк-пи!» - говорил ему мышонок («Отвали, кот!»). «Р-р-мяу!» - отвечал ему Мэнсон («Все равно поймаю!»). Но у мышонка терпения оказалось больше. Не выдержал Мэнсон психологического поединка. Нервы у него отнюдь не тигриные. Как врезал лапой по половице с досады! И ушел с горя на улицу гулять. А мышонок вылез, важно прошелся по полу, поклонился зрителям и сказал: «Пи-фыр!» («Видали, как я его! Во, псих!»)

Разочаровавшись в охоте, Мэнсон бездельничает: днем почивает, а как только темнеет, убегает на прогулку, чтобы затем около полуночи вернуться и с разбегу прыгать в окно (да-да, именно с разбегу, это важное условие). Когда я впервые сквозь сон услышала этот неповторимый звук удара кота о стекло, ужасу моему не было предела. Предположения возникли такие: «Мой дом штурмует стая голодных зомби!», «Сотня оборотней в полнолуние пришла танцевать в наш заулок!», «Деревню осадили полчища монголов и татар!», «Цыгане потеряли за околицей пьяного медведя, и он пришёл похмелиться!»

Вот такое эффектное и эффективное средство придумал Мэнсон, чтобы в полночь разбудить людишек. Ни один человек, естественно, не вынесет такого звука, любой проснувшийся тут же стремглав, теряя тапки, кинется открывать котику дверь. Тут Мэнсон пулей влетает в дом, но в прихожей вспоминает, что надо бы отряхнуть от снега свою роскошную шубку. По неписанным кочашьим законам желательно сделать это на голые ноги только что проснувшегося человека. Да-да! Чтoб ледяные брызги, чтoб комочки снега летели в разные стороны, чтoб человек смешно вскрикивал. Для закрепления результата можно обтереть свои мокрые холодные бока о

теплые и сухие людские лодыжки. Потом Мэнсон идёт к миске перекусить, потом в постельку. Мэнсон любит спать по-человечески, чтоб подушечка мякненькая, чтоб одеяльце пуховое, пледик клетчатый, чтоб белье после стирки сушили бы на морозе под тополями ради свежего запаха. В общем, чтоб всё по-людски. Он засыпает до следующего вечера, прерываясь только на завтрак, обед и ужин. Вечером снова идет гулять, возвращаясь, штурмует окно, и так по кругу день за днем.

ДО СВАДЬБЫ ЗАЖИВЁТ

Весна пришла: юный котик Мэнсон бегал на кошачьи дискотеки, получил первые в этом году раны в боях за любовь, повзрослел и окреп. Теперь он больше не хочет играть в мячик, не мечтает поймать снегиря у кормушки для птиц, не желает на ручки и прячется от надоедливых людишек в джунглях из тюльпанов, подаренных женщинам нашей семьи на 8 Марта.

Во сне взмывкивает тревожно. Встает только на раздачу мяса и рыбы. Эх, бедняга! Вот и он познал тщету и суетность этого бренного мира. Под шерсткой заживающие болячки, ухо - в кровь! Всё! Больше не дитя! Гулять ходит и старая кошка Мурлыка. Про нее мама спела частушку:

*Старуха старая-престарая
Ходила с батогом,
Влюбилась в лейтенантшика,
Забегала бегом.*

В эти выходные в деревне Мэнсон вернулся с прогулки, увидел, что я-таки дома, и напрямик из дверей поспешно заскочил ко мне на колени. Начал что-то сбивчиво мурчать и подмывкивать, будто пытался что-то важное рассказать, но не находил нужных слов на своем кошачьем языке и заикался от волнения. Отчаявшись донести до меня мысль, он от нетерпения и для убедительности даже начал впускать когти мне в колени, чего за ним раньше не водилось. К счастью, его «речь» мне «перевела» мама (мамы всё могут, даже с кошачьего на русский переводить).

Как только она начала синхронный «перевод», Мэнсон мурчать перестал, внимательно ее слушал, и, казалось, даже одобрительно кивал в ключевых моментах изложения событий. Мол, верно говорите, Елена Евгеньевна, верно, одобряю, продолжайте. Оказывается, в Паутинке в моё отсутствие состоялось ВЕЛИКОЕ КОТОВСКОЕ ПОВОИЩЕ! В его результате власть переменялась.

Помните, я рассказывала, как молодой Мэнсон боится старого общедеревенского кота Рыжика и даже гулять из-за этого не выходит? Так вот, терпение Мэнсона лопнуло. Он-таки навалял кое-кому по наглой рыжей морде. И даже сумел вцепиться врагу в горло! После этого Мэнсон больше не боится Рыжика и ходит гулять, когда захочет. Но кажется, такой отваги Мэнсон и сам от себя не ожидал. До сих пор от ВЕЛИКОГО КОТОВСКОГО ПОВОИЩА отойти не может. Наверное, ему стоит обратиться к хорошему психоаналитику.

У Мэнсона нос расцарапан крест-накрест, а у Рыжика - огромный укус на горле. Рыжику пришлось выдать рыбки для снятия стресса (он ее больше любит, чем мясо). Ничего! До свадьбы заживёт.

Сергей ШАДРУНОВ

Записки натуралиста

Рассказы об увиденном своими глазами

ДРОЗД И КАРТОШКА

В июне в наших вологодских краях приходит время окучивать картошку. Не скажу, чтобы я был в восторге от этого процесса, тем более что земля на нашей даче «тяжелая», глинистая. Но после того как грядку перекопали вручную, а не запускали на нее трактор, земля легко поддавалась обработке. Пройдя несколько рядков, я вдруг обнаружил, что вместе со мной по картофельной грядке передвигается дрозд-рябинник. Птица, несколько не стесняясь моего присутствия, деловито скакала по боровкам, то поднимаясь вверх, то опускаясь в междурядья. Время от времени дрозд останавливался, быстро наклонялся, и я только успевал заметить, что в его клюве появлялась какая-то добыча. Таких остановок он делал не одну и не две, и вот уже в клюве у охотника два, а то и три-четыре червяка. С добычей дрозд не задерживался на грядке, а стремительно улетал в соседний перелесок, где, по всей видимости, у него было устроено гнездо. Отдав корм птенцам, он снова возвращался на грядку и продолжал поиски.

Обычно птицы в природе опасаются приближаться к человеку, но мой сосед, как я окрестил дрозда, совсем не боялся подходить ко мне очень близко. Пока я орудовал тяпкой, птица следовала за мной чуть поодаль, внимательно исследуя свежеподнятую землю, но стоило мне остановиться для отдыха, как рябинник приближался ко мне на полтора-два метра. Бросив на меня быстрый взгляд темных птичьих глаз, он снова приступал к сбору пищи для своих детей. Иногда он уморительно наклонял голову, после этого следовало быстрое, почти неуловимое движение, и добыча снова оказывалась в его клюве.

Остановившись отдохнуть в очередной раз, я решил «поговорить» с птицей:

- Ну что, сосед, забот полон рот?

Дрозд на секунду отвлекся от поиска пропитания для вечно голодных птенцов, посмотрел в мою сторону, среагировав на голос, но тут же развернулся ко мне спиной и поскакал вдоль по боровку.

- Ну-ну, работай, работай, - бросил я ему вслед.

Пройдя боровок, я останавливался, чтобы перевести дух. Дрозд в это время в очередной раз улетал к гнезду. Решив засечь, сколько птице требуется времени, чтобы накормить птенцов, успел досчитать до ста двадцати. В следующий раз - до ста тридцати... То есть, пособирав насекомых три-четыре минуты на грядке, дрозд улетал на две минуты, возвращался и снова приступал к работе. Можно представить, сколько таких вот рейсов за день совершал заботливый родитель.

Дрозд обследовал картофельную грядку вдоль и поперек и всегда находил добычу.

Неожиданно мой сосед всполошился, встревожено заклохотав, бросил сбор насекомых и быстренько взлетел с грядки. Спустя несколько секунд он, издавая звуки тревоги, уже сидел на электрическом проводе над дорожкой, которая разделяла две дачи. Птица, как мне показалось, внимательно наблюдала за тем, что происходит в дальнем углу соседской дачи. Тревожно протрещав еще раз, дрозд сорвался с провода и полетел к яблоне на соседнем участке, сделал вираж и вернулся на место. Своим маневром он спугнул какую-то птицу, которая сидела на яблоне. Вновь недовольно затрещав, дрозд повторил свою атаку...

Я остановился и решил посмотреть, что же так всполошило моего соседа.

Дрозд по-прежнему сидел на проводе, недовольно трещал, словно извещая всю округу о чем-то. В ивняке таким же тревожным треском откликнулся другой дрозд... И тут я обнаружил, кто так взволновал дрозда: сорока. Ее присутствие не давало ему покоя. И только после того, как «неприятель» был с позором изгнан с территории дачи, дрозд успокоился и вернулся к сбору пропитания для потомства.

Вернувшись от гнезда в очередной раз, дрозд не стал обследовать картофельную грядку, а, видимо, решив разнообразить меню своего семейства, попрыгал рядом с грядкой по скошенной мной утром траве. Поиск увенчался успехом: обернувшись, я увидел, как дрозд держал в клюве зеленую гусеницу...

Спустя какое-то время к дрозду присоединилась белая трясогузка. Прощебетав что-то на своем птичьем языке, птичка быстро засеменила по грядке. Но долго обследовать «накрытый стол» она не стала, а улетела по своим делам. Я вспомнил, что с удовольствием столовалась она здесь весной, когда я только перекапывал грядку.

А вот и еще один ловец насекомых пожаловал в гости - на куст смородины приехала яркая чечевица. Сделав несколько быстрых прыжков по тонким веточкам, птичка соскочила в траву и исчезла в ней...

Дрозд же продолжал методично обследовать картофельную грядку.

Я закончил работу, убрал инструменты в сарайку, умылся и неторопливо пошел к машине. Оглянувшись, увидел птицу всё на том же месте. Ну что же, сосед, до встречи!

СЕРЫЕ АГРЕССОРЫ

За птицами можно наблюдать всюду: в лесу, в поле, на болоте, в парке или сквере, на городских улицах, даже из окна дома можно подсмотреть много интересного из птичьей жизни.

Ну, разве не интересно увидеть, как жарким летним днем, после недавнего дождика, воробьи и голуби «принимают ванны», купаясь в лужах!

Суетливые воробьи окунаются в лужицу быстро, взъерошивают все перышки, стремительно отряхиваются. Голуби делают это медленно, степенно. Интересно наблюдать, как галки или серые вороны собирают на земле веточки для гнезда, они же могут и обламывать веточки на деревьях, применяя чудеса сноровки. А как наши синицы обследуют стволы деревьев, заглядывая в каждую трещинку коры, выискивая насекомых для пропитания! В общем, наблюдение за птицами - дело увлекательное.

Однажды, проходя по центру Вологды, мимо универсама, я обратил внимание на стайку воробьев, которая, что-то бойко «обсуждая» на своем птичьем языке, толкалась посреди площади. Я бы так и прошел дальше, как вдруг с крыши здания, словно ястреб, на воробьев налетела серая ворона. Шумная компания с тревожным чирканьем разлетелась в разные стороны, но одна пичуга не успела удрать. Ворона схватила бедолагу своим мощным клювом поперек тельца, взмахнула крыльями - и вот она со своей жертвой уже на крыше здания. Воробей продолжал отчаянно верещать, но ворона не собиралась упускать добычу, зажав воробышку лапой, она принялась работать своим клювом.

Такое же поведение серой вороны в городе я увидел еще раз. На газоне одной из городских площадей летним вечером собралось множество ворон и галок. Они ходили по земле, что-то выискивали в траве. Неожиданно одна из ворон подскочила к галке, стремительным движением повалила ее на землю и, удерживая поверженную птицу лапой, принялась ее клевать. Отчаянные крики галки привлекли внимание и ворон, и ее сородичей. К хищнице и жертве неторопливо подошла еще одна ворона и подлетело несколько галок. Они пронзительно закричали. Не знаю, что подействовало на агрессора: крики товарок поверженной галки или она сама все-таки сумела вырваться из лап обидчицы, но спустя минуту галка, вывернувшись, взлетела и отлетела подальше от этого места, а ворона, как ни в чем не бывало, продолжала методично обследовать газон.

Мой учитель и друг Алексей Александрович Шабун, доцент кафедры биологии и экологии Вологодского госуниверситета, тоже становился свидетелем агрессивного поведения серых ворон:

- Наблюдал (над площадью в центре Вологды, у памятника Ленину), как ворона спикировала в воздухе на пролетавшего голубя и ударила его клювом. Полетели в разные стороны перья. Голубь несколько раз перевернулся и, скорее по инерции, опустился на крышу - ворона за ним, с явными намерениями добыть птицу. Не раз наблюдал, как ворона трепала галку, буквально катая её по земле и долбя клювом. Каждый раз галкам удавалось избежать смерти...

О том, что вороны способны разорять птичьи гнезда, я знал. Вороны - очень умные создания. Они способны внимательно наблюдать за поведением мелких птиц, буквально выслеживая, где находится гнездо, а потом лакомиться яйцами или птенцами. Проявления такой агрессии меня, честно говоря, немного удивили.

Причина того, что популяции серых ворон в городах увеличиваются - прекрасная кормовая база. Городские свалки, незакрытые мусорные контейнеры - все это способствует тому, что численность ворон растет. И виноват в этом, прежде всего, человек, который на протяжении многих десятилетий не может разобраться с бытовыми отходами. А разросшиеся популяции серых ворон в городах способствуют уменьшению числа певчих птиц, те просто не выдерживают мощного пресса серых агрессоров. Поэтому, если мы весной по утрам за окном хотим слышать пение соловья, а не гвалт вороньей стаи, надо решить проблему с утилизацией мусора, да и со стрижкой газонов и кустарников не перебарщивать: на открытых местах воронам легче обнаружить гнезда мелких птиц.

КАК МЫ СПАСАЛИ СИНИЦУ

Как-то в начале июня мы обнаружили на даче в зарослях малины гнездо садовой камышовки. Порадовались, когда в гнезде появились яйца, но, увы, соседские коты уничтожили гнездо.

Многие, наверное, видели погибших птиц в теплицах. Бедолаги залетают в открытые теплицы, а вот найти выход очень часто не могут, мечутся в закрытом пространстве и разбиваются о стекла. Нередко пернатые запутываются в сетках, которыми бережливые садоводы укрывают ягодные кустарники, стараясь уберечь урожай от нашествий дроздов и скворцов. А поскольку на дачном участке чаще всего хозяева появляются не каждый день, такие защитные приспособления превращаются в смертельные ловушки.

Бывает, что, обнаружив птичье гнездо на участке, люди часто наведываются к нему, интересуясь судьбой своих маленьких соседей. Они и не подозревают, что пернатые не любят такой назойливости. Родители могут бросить кладку или даже птенцов. А еще, постоянно подходя к гнезду, дачники привлекают внимание к нему серых ворон, которые не преминут воспользоваться легкой добычей.

Однажды на даче нам пришлось спасти большую синицу из... дымохода

печки. У нас в доме раньше стояла печка-буржуйка. Труба из оцинкованного железа выходит на крышу. Сверху труба прикрыта от дождя небольшой конической крышечкой, имеется зазор для выхода дыма. Печку пару лет назад убрали, а вот трубу оставили - вдруг снова печку поставим. Отдыхая на веранде от трудов праведных в жаркий июльский день, мы вдруг услышали какие-то посторонние звуки: как будто кто-то где-то скребется. Естественно, первая мысль была о том, что где-то в доме появилась мышь (что бывает, согласитесь, весьма нередко). Но, прислушавшись, поняли, что звук исходит из... дымохода. Кто мог туда попасть? Крупное насекомое? Ящерица - вряд ли, тем более что звук был довольно громким.

Открыв заслонку и посветив в нее фонариком, мы увидели в трубе мертвого воробья (птица погибла давно), а в десяти-двадцати сантиметрах, в глубине трубы, на изгибе, сидела испуганная большая синица. Видимо, она залетела под крышку на трубе и провалилась вниз.

Птица замерла. Когда я попытался достать ее, просунув руку в трубу, она предприняла очередную попытку подняться вверх, отчаянно перебирая лапками по металлу, пытаюсь взмахнуть крыльями в этом узком пространстве, но у нее ничего не получалось: труба была слишком скользкая и тесная. Я все же попытался взять птицу в руки, но только испугал ее. Синичка испуганно закричала, продолжая биться в узкой трубе. Тогда, оставив заслонку открытой, мы предоставили ей возможность вылететь. Пленница не заставила себя долго ждать. Уже через полминуты она выпорхнула из своей темницы и принялась кружить по комнате. Когда она села на занавеску, удалось ее поймать и выпустить на улицу. Мы успели увидеть, как она стремительно улетела в заросли ивняка.

После этого случая отец разобрал трубу, сказав, что установит новую только вместе с печкой.

«ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

Случилась эта история в начале двухтысячных.

Дело было в начале лета. К этому времени массовый пролет птиц закончился, и пернатые давно приступили к строительству гнезд и выведению потомства. Поэтому когда я узнал о появлении под Вологодой лебедей, очень удивился.

Лебедеи в Вологодской области в последние десятилетия, за исключением территории Дарвинского заповедника да одного из озер в Вашкинском районе, встречались только на пролете. Да и в названных местах их гнездование трудно назвать массовым: в заповеднике на тот момент гнездились около 20 пар, а в Вашкинском районе - всего одна-две пары. По данным орнитологической литературы, лебедеи-кликуны в Вологодской области - на озерах Молого-Шекснинского междуречья - гнездились в начале XX века. После создания Рыбинского водохранилища отмечались встречи с этой большой и красивой птицей только во время пролета.

Сам я неоднократно видел лебедей-кликунов во время весенних и осенних миграций в Вытегорском районе области. Друзья и коллеги рассказывали о встречах с лебедеями на Оларевской гряде под Вологодой, на Кубенском озере, но все это происходило в гораздо более ранние сроки, во время весенних миграций белоснежных птиц. Я сначала даже не поверил, что на водоеме поселились именно лебедеи, мало ли что кому привиделось. Пришлось обращаться к «официальным» источникам. Глава Спасского сельского поселения подтвердил, что да, в начале июня на искусственном водоеме на окраине поселка появились восемь лебедей.

И вот я приехал в Непотягово. Меня проводили к водоему, который был построен на реке Шограш в 80-е годы прошлого века. Берега водоема заросли кустарником и тростником, поэтому птиц я заметил не сразу. Сначала обнаружил у прибрежных зарослей крякв, над водой летали речные крачки и озерные чайки, но вот от дальнего берега отделилась крупная птица, а потом еще одна, и еще... Действительно,

это были лебеди-кликуны! Все восемь птиц прекрасно себя чувствовали, они перемещались по водоему, опускали клювы в воду в поисках пищи, прятали головы под крыло и мирно дремали посреди водохранилища. Конечно, я сфотографировал замечательных птиц. Поначалу я боялся спугнуть их, но они не выказывали никакого страха перед людьми! Лишь отплывали подальше от берега на пару - другую метров, а потом снова приближались.

Птицы, прилетевшие в Непотягово, были взрослыми. Молодые лебеди отличаются от старших своих собратьев более темной окраской. Они не боялись людей и даже, как рассказали местные жители, позволяли себя кормить! Из всего этого напрашивался вывод, что птицы или сбежали из какого-нибудь зоопарка, или жили в непосредственной близости от человека - там, где их не обижали - в каком-нибудь парке или ботаническом саду. Но местные жители рассказали, что и год назад лебеди уже прилетали на это озеро. Вспомнили и еще одну историю, происшедшую пять или шесть лет назад. Тогда на водоеме поселилась пара лебедей, но нашлись какие-то негодяи, которые убили птиц. Людей так возмущило убийство лебедей, что они обратились к местным охотоведам и те по горячим следам нашли браконьеров. Мне, кстати, об этом рассказал чуть позже мой хороший знакомый, охотник, таксидермист Василий Иванович Никифоров. Он вместе с другом-охотоведом и занимался поиском убийц.

В этот прилет лебедей люди относились к птицам очень трепетно, лишний раз никому не рассказывали об их присутствии на водоеме, вечерами приходили проверять, все ли птицы на месте, кормили лебедей. Красивые птицы прожили на водоеме две недели и покинули Вологодский район в середине июня. Как мне рассказали, в один из дней все восемь птиц поднялись в воздух, сделали три круга над поселком и взяли курс на север. В последующие годы не доводилось слышать, чтобы лебеди возвращались сюда, но совсем недавно узнал, что лебеди здесь появляются регулярно: и весной, и осенью. Что привело красивых, сказочных птиц в необычное для них место? Загнездиться здесь они вряд ли смогли: водоем для четырех пар крупных птиц был явно мал, да и постоянное беспокойство со стороны людей не позволило бы им спокойно вывести потомство. Заблудились? Отстали от стаи во время весеннего перелета? Возможно. Но встреча эта мне, да и, думаю, всем неравнодушным жителям поселка, запомнилась на всю жизнь.

СОВИНАЯ ФОТОСЕССИЯ

Дело было в моем родном городе Соколе. Стояла уже почти середина января, заканчивались школьные зимние каникулы. На следующий день надо было выходить на занятия. Друзья были заняты своими делами, и я решил прогуляться по городу. Прошагав с полтора километра от дома по главной улице, я пришел к любимому мною парку. Минул уже полдень, помню, что мороза особого не было, погода стояла пасмурная, но в парке было очень хорошо: тихо, деревья укрыты снегом, кругом чистый, белый снег. И вот всю эту идиллию нарушила воронье карканье. Сначала я не очень-то обратил на него внимания, но, поскольку вороны не прекращали настырно оглашать всю округу своим «кар-кар» да и явно сосредоточились в одном месте, решил все-таки посмотреть, что вызвало такое бурное возмущение серых аборигенов.

Пройдя несколько десятков метров по заснеженной тропинке, я увидел такую картину: на старой березе, на высоте пяти-шести метров над землей, сидела огромная, как мне показалось, птица, а вокруг нее на ветках расположились четыре или пять ворон. Они окружили сову со всех сторон, каркали, но приблизиться к ней явно боялись. Если честно, то сначала я даже не понял, кто сидит на ветке... Но это была именно сова, тут сомневаться не приходилось.

В город залетела неясность. Правда, позже, когда я вспоминал эту историю, мне почему-то казалось, что увидел я... ни больше ни меньше, а полярную сову! Может быть, потому, что стояла зима, может быть, оперение птицы было очень светлым, почти белым, с небольшим количеством темных пестрин, да и размеры птицы были внушительными. Не знаю, но птица очень красиво смотрелась на фоне зимнего парка. Она сидела неподвижно, казалось, даже не замечая присутствия надоедливых ворон, лишь иногда плавно поворачивала круглую голову. Ворон тем временем еще прибавилось. Привлекаемые криками товаров, они слетались со всей округи. Мне было ужасно жаль сову, но как помочь этой гостье, случайно залетевшей в городской парк, я не представлял.

Я продолжал стоять под березой еще несколько минут, наблюдая за птицами. Вороны становились все нахальнее, но сова только переместилась по ветке поближе к стволу дерева.

И тут я подумал о том, как было бы здорово сфотографировать сову. Конечно, ни цифровых фотоаппаратов, ни мобильных телефонов в то время не было еще и в помине. Дома у меня лежал подаренный на день рождения простенький, но многократно проверенный в деле «Смена-символ». Правда, я вспомнил, что фотоаппарат не заряжен. Быстро просчитав в уме, сколько мне потребуется времени на то, чтобы добежать сначала до магазина, где можно было купить фотопленку (какая-то мелочь у меня лежала в кармане), а потом, заскочив домой, вернуться обратно, решил, что успею до того, как начнет темнеть.

О том, что сова может просто улететь, я сначала даже не подумал. Быстрым шагом, а местами бегом я отправился выполнять свой план. Мне повезло: магазин располагался как раз по дороге домой, и фотопленка была в продаже. Дома, быстренько зарядив фотоаппарат и не помню уж, что сказав бабушке по поводу такой спешки, я помчался обратно. Мне снова повезло. Сова сидела на том же самом месте, где я оставил ее минут тридцать - сорок назад. Воронья вокруг стало меньше, да и держались они теперь на более почтительном расстоянии. Может быть, им надоело атаковать равнодушную к их нападкам хищницу, а может, они ослабили свое внимание по каким-либо другим причинам.

Конечно, для моей «Смены» расстояние до совы было почти критическим, да и уже начинало смеркаться, но все же, поймав сову в видоискатель, сделал снимок, затем другой. Сова, до сего момента спокойно сидевшая на ветке, повернула голову в мою сторону, несколько раз моргнула и, взмахнув крыльями, сорвалась с березы и полетела. Я с тревогой наблюдал за гостьей, очень не хотелось, чтобы она вот так быстро исчезла. Но сова, пролетев всего несколько десятков метров, расположилась на тополе, только на этот раз повыше. Ее серая «свита» не преминула переместиться на это же дерево. Сумерки сгущались, я сделал еще несколько снимков и отправился домой.

С трудом дождался, когда доснимаю все 36 кадров на пленке и с трепетом отправил пленку в фотобачок на проявку. Конечно, рассмотреть крошечную сову на еще мокрой пленке было не просто, но снимок, пусть и очень мелкий, получился. Спустя много лет, перебирая старые фотографии, обнаружил этот черно-белый снимок. На нем действительно была сова, но, конечно, никакая не полярная, а наша обычная - длиннохвостая неясность. Но от этого сова не стала менее красивой.

КАК ЧАЙКА В КИНО ХОДИЛА

Как-то в конце лета в Вологодское отделение Союза охраны птиц России обратились сотрудники киноцентра «Вологда», сообщившие, что уже два дня рядом с кинотеатром «Ленком» живет тихоокеанская чайка. У птицы, наверное, повреждено крыло, она не летает, а разгуливает по крыльцу кинотеатра и близлежащей терри-

тории. Вскоре позвонили журналисты одного из телеканалов Вологды с просьбой прокомментировать ситуацию с чайкой.

В этот же день сотрудники Вологодского отделения побывали у кинотеатра. Сразу поясню, что чайка оказалась нашей, местной, а не тихоокеанской. В мире птиц, конечно, случается всякое. Например, известны случаи, когда на территорию Вологодской области попадали белоголовые сипы - хищные птицы, обитающие в Средней Азии. В этом случае людей смутил размер птицы.

У кинотеатра мы с коллегой увидели молодую серебристую чайку. Молодые птицы сильно отличаются окраской от взрослых: молодежь окрашена довольно пестро, в отличие от взрослых птиц, к белым цветам которых все привыкли. А размеры серебристой - самой крупной из встречающихся на территории области чайковых - впечатляют. Размах крыльев взрослой птицы достигает полутора метров.

Действительно, птица чувствовала себя довольно уверенно, не проявляя признаков какого-то беспокойства, и разгуливала по крыльцу кинотеатра как по берегу озера. Заботливые работники «Ленкома» поставили для нее мисочку с водой и даже собрались в магазин - за рыбкой для госты. Они же рассказали, что всё-таки видели, как на непродолжительное время чайка поднималась в воздух, слышали, как она перекликалась с птицами, парящими в небе.

В руки чайка, естественно, не далась, отходя при приближении человека каждый раз на несколько десятков шагов. Но и такого осмотра оказалось достаточно, чтобы понять, что птица здорова.

А как она сюда попала? Этому нашлось простое объяснение. Вот уже несколько лет на крыше одного из высоких административных зданий в центре города существует небольшая колония чаек. Птицы здесь появляются уже в марте, сразу после прилета с зимовки. Пока идет высиживание птенцов, птицы ведут себя довольно тихо, но, как только птенцы покидают гнезда, начинают летать между зданиями с довольно громкими криками. Скорее всего, и серебристая чайка нашла себе здесь прибежище.

В последние годы чайки активно осваивают городскую территорию. Колония чаек одно время существовала на крыше промпредприятия на улице Гагарина. В городе птицы находят себе пропитание.

Объяснив сотрудникам киноцентра, а чуть позже и сотрудникам телеканала, что птица здорова, мы предложили не волноваться за нее, а немного подождать. Во второй половине дня, еще раз придя к киноцентру, птицы мы не обнаружили - она улетела.

ЖИВОТНЫЕ В ГОРОДЕ

В последнее время мы нередко видим в выпусках теленовостей сюжеты о визитах лесных обитателей в города, читаем об этом в интернете, иногда сами становимся свидетелями таких явлений. Конечно, лесные визитеры заглядывают в город не каждый день, не так часто, как мы с вами наведываемся к ним в лес то по грибы, то по ягоды. Да и хлопот, как правило, они доставляют нам меньше, чем мы им, когда вдруг возжелаем насладиться прелестями природы.

Чаще других в город заглядывают небольшие лесные обитатели. Неоднократно в Вологде я встречал ласок, причем в разное время года. Этот маленький, изящный хищник из семейства куньих по весне частенько прибежал и к нам на дачу. Зимой я встречал ласку и видел ее следы в Ковыринском парке в Вологде. Но больше мне запомнилась случайная встреча с лаской в самом, казалось бы, неподходящем месте - на одной из городских улиц, рядом с железнодорожным переездом.

В октябре, как обычно, я ехал на работу на машине. Около семи часов утра я остановился перед закрытым железнодорожным переездом. Боковым зрением увидел, как что-то перемещается по асфальту. Было еще темно, и в свете уличных фонарей

мне сначала показалось, что это ветер гоняет по земле лист, упавший с дерева. Но, судя по движениям этого «объекта», я понял, что это какое-то живое существо.

- Смотри, мышка бегаёт, - сказал я жене, показывая на какую-то кроху, стремительно перемещавшуюся у обочины дороги. И тут же понял, что это не грызун, а ласка. Видна была её светлая грудка. Гибкий тоненький зверек бегал у самого края дороги, и было страшно, что он попадет под колеса автомобилей. Но маленький хищник решил не задерживаться у столь опасного места и через несколько мгновений исчез из виду, скрывшись в зарослях пожухлой травы рядом с дорогой.

Случается, забегает в город и ещё один ловкий и гибкий хищник - куница, давшая название целому семейству млекопитающих. Однажды мне позвонили и попросили определить, что за зверя такого обнаружили осенним утром в... фонтане у областного драмтеатра. Уже через несколько минут я был на месте. Картина, которую я увидел, была довольно печальна. Куница, каким-то образом попавшая в фонтан, была мертва. Бедолага, оказавшись в непривычных для себя условиях, скорее всего, растерялась, упала в воду, а выбраться из фонтана по гладким бетонным стенкам уже не смогла...

Более оптимистичную и даже комичную историю, связанную с куницей, мне рассказал мой друг - преподаватель педагогического университета. Студентка принесла в университет несколько фотоснимков и рассказала, что в их двухэтажный деревянный дом стала постоянно навещаться лесная гостья. Куница через вентиляционную шахту в туалете попадала в квартиру, в которой обследовала антресоли и кухню. Хозяйка даже подбрасывала хитрой зверюшке колбасу, от которой та не отказывалась. Визиты продолжались не один день.

Более крупные хищники заходят в большие населенные пункты гораздо реже, поэтому их визиты становятся более заметными и запоминающимися. Так, несколько лет назад Вологду посетила... рысь. Сюжет о том, как большую лесную кошку снимали с верхушки дерева спасатели, показывали по всем местным телеканалам.

Стали в последние годы в город захакивать и лисы, сам их не видел, но зато неоднократно видел этих рыжих красавиц на обочинах дорог совсем рядом с городом. Происходило это обычно в утренние или вечерние часы.

А вот волки, случалось, захакивали в наши города. По крайней мере, я помню, как лет пятнадцать назад зимой на окраине города Сокола стали обнаруживать следы серых хищников. В ту зиму волки убили несколько собак в микрорайоне, граничащем с лесом.

Еще один крупный лесной зверь довольно часто заходит в наши города. Речь идет о лосях. Неоднократно сохатые навещались и в областной центр, и в рядом расположенный Сокол, и в не менее шумный Череповец. Среди визитеров были и молодые, и взрослые животные. Не всегда такие путешествия заканчивались благополучно для лосей. Некоторых удавалось усыпить и вернуть домой - в лес, а некоторые, оказавшись в городе, теряли ориентацию и погибали. Так случилось с молодым лосем, несколько дней навещавшим одну из школ в районе Заречья Вологды. В конце концов лось погиб, разбившись о металлический забор-сетку. А уж сколько их гибнет на автотрассах, нередко унося с собой и человеческие жизни... Выход есть - специальные виадуки для животных через автотрассы, но это дорого. Протяженность автомобильных дорог в области велика, обнести их все забором нет возможности. Поэтому водителям приходится следить не только за дорогой, но и за обочинами дорог, а дорожники обязаны содержать обочины в порядке, чтобы заросли кустарников не подступали вплотную к трассе.

У всех еще в памяти, наверное, 2009 год, когда во многих населенных пунктах области появились белки. Эти маленькие симпатичные грызуны в течение осени и зимы жили в городских скверах и парках, на садовых участках, на городских аллеях. Белок было много в Вологде, Соколе. Несколько этих зверьков довольно

вольготно чувствовали себя в самом центре Вологды - на улице Пушкинской, где они облюбовали высокие ели и яблоневую аллею. Шустрые и симпатичные зверьки устраивали целые фотосессии, привлекая внимание прохожих. Но с приходом весны они исчезли из города.

Нередко в городе можно увидеть и других грызунов, например, ондатр. Эти довольно крупные животные чувствуют себя неплохо рядом с водоемами, если они расположены даже прямо рядом с дорогой. Много лет я наблюдал за ондатрами в городской черте - на улице Клубова. Проезжая на автобусе по этой улице, я чуть ли не каждый раз видел ондатр, обитавших в больших придорожных канавах, заполненных водой.

Очень часто на дачные участки, расположенные буквально в городской черте, навдываются зайцы. Кто-то видел этих ушастых гостей сам, кто-то узнавал об их визитах по объеденным яблоням.

Я уже не говорю о визитах в город ежей. Эти насекомоядные животные гостят на дачах, заходят в городские скверы и парки, в массе гибнут на автомобильных дорогах.

К тому, что в городах, поселках рядом с нами обитают птицы, мы привыкли. Вряд ли кто удивится дроздам или скворцам, чайкам, синицам, снегирям, воробьям. Но случается, что в город залетают пернатые, для которых такие визиты не очень характерны. О появлении в городах хищных птиц слышали многие, многие и встречали лесных гостей. Частенько в город навдываются совы, дневные хищные птицы - ястребы, соколы. И хотя их стихия - воздух, они не всегда могут самостоятельно покинуть населенный пункт. Не редкость, когда хищная птица, погнавшись за голубем или воробьями, не замечает на своем пути препятствий в виде окон, стеклянных витрин и ударяется о них. Иногда птицы сразу гибнут, иногда получают повреждения, но бывает, что, отсидевшись несколько часов после полученного стресса, хищник все-таки вновь обретает способность к полету.

Что тянет лесных обитателей в город, почему, рискуя жизнью, они вновь и вновь идут к нам?

Причин много. Во-первых, там, где сегодня растут новые микрорайоны городов и поселков, еще совсем недавно стояли леса, эти пространства были заняты перелесками, лугами, на которых обитали животные и, возможно, виной таких визитов является генетическая память. Города все время расширяются, захватывая все новые территории, которые еще совсем недавно были вотчиной лосей, лис, волков, зайцев и других животных. Поэтому ничего удивительного в том, что дикие животные продолжают посещать эти места, нет.

Другой фактор, который привлекает животных в город, - обилие корма на свалках, в мусорных баках да и просто отсутствие конкуренции в борьбе за пищу. Возможно, сказывается еще и тот факт, что сегодня климат в городах в зимний период более мягкий, чем в окружающих его лесах. Известны случаи, когда из леса к людям приходили заболевшие или раненые животные.

В природе случаются вспышки численности того или иного вида, особенно это характерно для грызунов (как в случае с белками), и тогда они расселяются на новых территориях, ищут себе пропитание. Как правило, вслед за такой вспышкой численности приходят различные болезни, численность их снижается, и всё возвращается на круги своя.

Из всего этого следует, что в появлении животных в наших селах и городах нет ничего необычного. Это естественный процесс. Да еще мы и сами провоцируем своих соседей, создавая кормовую базу для многих животных, устраивая повсеместно свалки, обогревая воздух в городах, отнимая у них их территории. Поэтому надо спокойно относиться к таким визитам. Ведь мы же соседи, а с соседями лучше жить мирно.

День за днём

Главы из книги

«Сегодня порой кажется, что человек уже знает всё о планете, на которой живет, - размышляет автор, представляя свою новую книгу. - Но это далеко не так». Сергей Валериевич предлагает читателям научную экспедицию - причем «не в дальние страны; мы будем совершать открытия у себя во дворе, на даче, в соседнем поле или лесу, на реке или озере! Каждый день, каждый миг просто уникален и неповторим». Сергей Валериевич описывает, что происходит в нашей природе сезон за сезоном, день за днем - и это необыкновенно интересно. Редакция журнала приглашает наших читателей принять участие в путешествии Сергея Шадрунова по родной земле. Представляем (в сокращении) главы книги вологодского натуралиста, рассказывающие о конце лета и об осени.

КОНЕЦ ЛЕТА

В конце июля, начале августа и позже - в сентябре - можно увидеть большие стаи галок и грачей днем в поле, где они вместе кормятся, а вечером - ближе к ночи - в населенных пунктах, где они устраиваются на ночлег. Гвалт в таких местах стоит невообразимый. Такие вот совместные стаи очень характерны, например, для Молочного. Неоднократно видел, как птицы ищут пищу за поселком в поле, а вечером оккупируют березовую аллею и крыши рядом расположенных домов. Позже, когда стемнеет, они перемешаются с крыш на деревья.

В июле - начале августа случаются мгновенья тишины. Обычно это бывает перед грозой. Стихает даже самый маленький, едва заметный ветерок, птицы в это время давно уже не поют, на какое-то время умолкают стрекозущие от зари до зари кузнечики. И вы вдруг слышите... тишину! Воздух перед грозой бывает очень теплым, он (или тишина?) словно обволакивает вас... Но такое состояние природы длится недолго: кузнечики, словно опомнившись, включают свои «стрекоталки», налетевший порыв ветра приносит выкрик какой-то птицы из соседнего перелеска, издали доносятся первые, глухие, но уверенные в своей силе раскаты грома, на землю падают крупные капли дождя...

Есть такая примета: если рябины много, то осень будет дождливой. Откуда она появилась? Не знаю, скорее всего, из многолетних наблюдений наших предков. В это же время начинают краснеть ягоды на бузине...

Поздним августовским вечером на горизонте иногда можно заметить яркие вспышки света - зарницы. Это природное явление чаще происходит именно в последний летний месяц. Зарницы - это вспышки молний далекой-далекой грозы. Настолько далекой, что мы видим только отраженные от облаков молнии, а раскатов грома не слышим.

У птиц закончился гнездовой период. Теперь многие пернатые кочуют, готовятся к осенним миграциям, а кое-кто в августе уже и покидает родные места, отправляется на зимовку. В это время можно услышать обрывки песен различных птиц не только в лесу, но и во дворе или парке. Не раз доводилось мне слышать песенки пеночек-теньковок в августе или даже сентябре в самых неподходящих для этих маленьких любителей хвойных лесов местах. Существует мнение, что

это молодые птицы пробуют петь. Птенцы выведены, и ничто не удерживает птиц на одном месте, тем более что меняется продолжительность дня, постепенно понижается температура воздуха, особенно в ночные часы, изменяется кормовая база птиц. Вот и скитаются они в поисках пропитания. В это время можно увидеть и молодых белых трясогузок, еще отличающихся от взрослых птиц более скромным нарядом, и ярких щеглов, вновь «проявляются» в городах и поселках незаметные летом большие синицы, громкоголосые зяблики скромно «пинькают», сидя на ветвях деревьев, перелетают с места на место стаи скворцов и дроздов.

Получается так, что первыми в наших краях места гнездования покидают именно те птицы, которые и прилетели-то к нам позже остальных: стрижи, иволги, чечевицы. Иволги и чечевицы вслед за стрижами уже в августе отправляются к местам зимовки.

...В конце августа в большие стаи собираются серые журавли. В это время где-нибудь на убранным поле или на болоте можно встретить до нескольких десятков этих красивых больших птиц. Постепенно их стаи будут расти. К середине сентября, ко времени отлета, они могут состоять уже из нескольких сотен птиц! А пока, в августе, можно услышать журавлиное курлыкание, увидеть кружащую высоко в небе стаю журавлей. Мне не раз доводилось видеть это завораживающее зрелище, слышать, как птицы прощаются с родными местами перед тем, как отправиться на зимовку. А путь и им предстоит долгий - в Северную Африку или Переднюю Азию...

...В конце лета начинают созревать ягоды еще на одном всем хорошо известном кустарнике - калине. Тот, кто пробовал калиновое варенье, никогда не забудет его оригинальный вкус. У калины в ход идут не только ягоды, и кора используется как лекарственное сырье. Растет калина преимущественно в сырых местах, по берегам рек и озер. Давно подметил интересную вещь. Сколько бы и где бы я ни встречал кусты калины, листья на них всегда были повреждены, и довольно сильно, насекомыми-вредителями...

Богат август на яркие краски, богат и на урожай ягод. В садах и на дачных участках ближе к осени созревает ярко-оранжевая облепиха. В дикой природе она облепихается либо восточнее, либо южнее, у нас же растет только окультуренная облепиха. Название свое растение получило за то, что плоды тесно облепляют веточки кустарника или дерева. Ягоды облепихи богаты витаминами и широко используются в медицине.

На дачах, на клумбах в городах и поселках в августе еще нет никакого уныния, наоборот, всё цветет и благоухает. Цветут бархатцы, настурции, петунии, флоксы, лилии, георгины, зацветают астры и гладиолусы. Это только самые известные всем цветы. Выращивают любители цветов рудбекии, циннии, агератум, тоже радующие нас своими яркими красками в конце лета. Над цветами все еще порхают бабочки: дневной павлиний глаз, крапивницы, можно увидеть редких для наших мест переливниц, летают траурницы. У последних полоса на крыльях желтая. У перезимовавших бабочек этого вида она выцветает, и весной мы наблюдаем траурниц с белой полосой.

Массовый рост грибов, как правило, в наших вологодских краях начинается именно в августе. Конечно, все зависит от погоды. Важно, чтобы почва была прогрета и напитана влагой, чтобы не было ночных заморозков. Если все эти условия соблюдены, то грибы начинают активно расти. Бывают, конечно, и бедные на грибной урожай годы, но любители «тихой охоты» знают заветные уголки, где грибы растут в любой год. Есть знатоки, которые даже могут указать, под каким именно деревом надо искать тот или иной гриб.

На памяти многих грибников есть годы очень богатые на грибы, когда их не набирает только ленивый. Грибы в такие годы, кажется, растут везде. Даже в лес не надо углубляться, достаточно остановиться у лесной опушки и пройтись

вдоль нее... И я помню такие годы. Подосиновики росли прямо в траве. Трава была высокой, и ножки у них вымахали тоже очень высокие. Такие же «длинноногие» красные грибы я как-то собирал... во мху - на краю болота. Незабываем и год, когда во всех лесах массово росли белые грибы.

Есть в наших местах и грибы, которые растут... в поле. Это шампиньоны. Мы привыкли их видеть на полках магазинов, но это, конечно, не дикие, а выращенные в тепличных хозяйствах грибы. Шампиньоны довольно неприхотливы и растут даже в условиях города, где, конечно же, собирать их, как и любые другие грибы, не рекомендуется, так как они впитывают в себя все вредные вещества, какие только есть в городской почве и атмосфере. А вот в поле шампиньоны обычно росли на покотине, там, где пасли коров.

На Вологодчине у шампиньонов есть довольно интересные «родственники». Наверное, многим известны не очень симпатичные на первый взгляд грибы наземники. Они растут даже в городе, даже на газонах. Молодые грибы имеют пирамидальную форму белого цвета, но позднее шляпки раскрываются и темнеют, становясь угольно-черными. Гриб этот при всей его внешней непривлекательности считается условно съедобным, а в некоторых странах даже признается деликатесом. Но его нельзя употреблять в пищу вместе с алкоголем, так как это может привести к отравлению. Дело в том, что яд, содержащийся в грибе, может оказывать влияние на человеческий организм только после взаимодействия со спиртом, содержащимся в алкоголе.

С детства многим известен и другой гриб из рода шампиньонов - дождевик. Сначала белые, а затем слегка коричневатые его плодовые тела напоминают по форме шарики, на которые в детстве все с восторгом наступали, чтобы во все стороны разлетелось пылевое облачко, на самом деле состоящее из спор.

Приходя в лес, мы встречаем множество грибов, которые именуем одним словом - «поганки», хотя у каждого из этих созданий есть собственное имя и далеко не все из них ядовиты или не годятся в пищу. В связи с этим всегда вспоминаю случай, произошедший со мной и моими однокурсниками во время прохождения летней полевой практики по ботанике. Под руководством нашего преподавателя - Валентины Ивановны Антоновой мы проходили ее в лесах Верхояжского района. И вот на одной из экскурсий кто-то из студентов, пнув росшие рядом с тропинкой грибы, проговорил с разочарованием: «Опять поганки!» Наш руководитель услышал такое высказывание и среагировал моментально: «Это не поганки! Это калоцибе. Вполне съедобные грибы. Собирайте, будете их сегодня на обед готовить!» Конечно, мы не сомневались в знаниях преподавателя, да и наш студенческий рацион был, мягко говоря, беден (практика проходила в 90-е годы прошлого века, когда в магазинах были совершенно пустые полки), но собирать «поганки» не очень хотелось... И тем не менее супчик получился отменный! Но хорошо, когда рядом есть такой специалист в ранге кандидата биологических наук.

Рядовым же грибникам не советую экспериментировать. Лучше всего брать только те грибы, в которых вы на сто процентов уверены, иначе можно получить серьезное отравление. Ошибиться очень просто: в наших лесах встречается немало грибов, похожих друг на друга, и иногда только специалист может разобраться, где гриб съедобный, а где - нет. А иногда, как в случае с калоцибе, бывает очень трудно убедить себя в том, что этот гриб безопасен. Я, например, не смог попробовать польский гриб. Да, гриб с таким названием встречается в наших лесах, это «родственник» моховика, и я неоднократно находил его в лесу недалеко от Вологды. Внешне он похож на белый гриб. Такая же темная шляпка, только более плоской формы, но ножка у него не белая, а с буроватыми «штрихами», и на срезе гриб слегка синеет. В литературе о нем написано, что он обладает прекрасными вкусовыми качествами...

Если все-таки говорить о ядовитых грибах, то в первую очередь все, наверное, вспомнят мухомор. Этот гриб трудно спутать с каким-либо другим. Он, конечно, очень красив, но лучше его не трогать. Назвали его так не случайно. Раньше из него готовили препарат для борьбы с мухами. Мало того, что мухомор ядовит, так он еще является и галлюциногеном. Его использовали шаманы некоторых народностей Сибири. Но есть и те, кто периодически употребляет мухоморы без особого вреда для себя... Это лоси и олени. Они используют свойства этого ядовитого гриба, скажем так, в лекарственных целях. В наших местах встречается и пантерный мухомор. Он имеет коричневую окраску и еще более ядовит, чем его красный собрат. А еще в народе говорят: если много мухоморов, значит, много белых грибов. Какая связь между этими двумя грибами - не знаю.

Самым ядовитым грибом является бледная поганка, тоже, кстати, относящаяся к роду мухоморов. Неопытные грибники могут спутать ее с сыроежкой или шампиньоном. В отличие от них у бледной поганки сверху на ножке имеется характерное кольцо - «манжетка», а внизу утолщение. К счастью, на Вологодчине этот гриб встречается нечасто.

Но не хочется заканчивать рассказ о грибах, рассуждая о «поганках», ведь правильная «тихая охота» принесит столько положительных эмоций! Как бывают красивы (а уж как вкусны!) белые, подберезовики, подосиновики, рыжики, грузди... Наверное, любой, кто хоть раз ходил за грибами, помнит массу интересных историй, связанных со сбором грибов. Я, например, еще с детства запомнил случай, когда нашел подосиновик такого размера, что его шляпка не вошла в довольно приличную по размеру корзину! Как правило, грибы таких размеров бывают червивыми, но нам повезло, и из одного гриба мы приготовили полноценный ужин для четверых!.. Еще интересное наблюдение, которое делал, наверное, каждый грибник: шляпки у одних и тех же грибов бывают различного цвета. В одном и том же лесу можно найти, например, подосиновики с розовой, ярко-красной, оранжевой или темно-красной, почти коричневой окраской шляпки. Дело в месте произрастания гриба. На цвет шляпки, по которой мы и обнаруживаем гриб, влияет освещенность на том или ином участке леса, состав почвы, видовой состав деревьев, под которыми растут грибы. Но есть и еще одна причина такой разномастности - в нашей местности растут несколько видов подосиновиков.

Во второй половине августа крайне редко, но уже случаются заморозки. Зато нередки туманы и холодные росы. Ранним августовским утром весьма прохладно, воздух свеж, он бодрит и заставляет двигаться энергичней. Солнце поднимается уже на три часа позже, чем во время белых ночей. Небо кажется таким же голубым и бездонным, но... холодным. Теплые летние дожди незаметно сменяются нудными осенними: тучи затягивают все небо, не оставляя ни малейшего просвета, сверху едва моросит, и дождь идет повсеместно - там, где вы находитесь, и за десять, двадцать, сорок километров от вас. Дневные температуры постепенно снижаются, и хотя солнышко еще ощутимо прогревает воздух, в тени бывает довольно прохладно, а ночи становятся еще длиннее и холоднее. Вечером, еще до полуночи, в августовском небе можно наблюдать целые россыпи звезд, от которых мы уже отвыкли за время белых ночей.

А еще в августе любители астрономии могут наблюдать в летнем небе интереснейшее явление под названием Персеиды. Это метеорный поток, ежегодно появляющийся в нашем небе со стороны созвездия Персея. Образуется он в результате прохождения Земли через шлейф пылевых частиц одной из многочисленных комет. Мельчайшие частицы сгорают в атмосфере Земли, образуя «звездный дождь». Наблюдать это явление можно с конца июля и почти до самого конца августа, но наиболее яркое «представление» происходит обычно 12 августа. Наблюдая тихим августовским вечером за звездным небом, можно, если повезет, без всякого телескопа увидеть «падающие звезды» и загадать желание...

Персеиды - не единственный метеорный поток, который мы можем наблюдать в нашем небе. В начале ноября поток «падающих звезд» под названием Леониды привлекает внимание любителей астрономии. Название Леониды поток получил за то, что метеоры появляются недалеко от созвездия Льва.

...Уже в августе, ближе к его концу, на некоторых породах деревьев листья начинают менять окраску, становясь желтыми или бордовыми. В числе первоцев чаще всего выступает вяз. Он поначалу бывает очень красив в своем ярком, очень броском осеннем наряде. На тополе листва тоже начинает желтеть уже в августе. Но выглядит тополь в своей осенней одежке зачастую не так красиво. Все дело в том, что тополя часто болеют и листва в таком случае становится не золотой, а грязно-коричневой, быстро темнеет, сохнет и опадает. Случается, что уже в августе начинают «сесть» березы. На кончиках еще зеленых ветвей вдруг появляются желтые «пряди». Они еще не играют золотом, как в сентябре, а смотрятся на березе именно как седина: устала березка за лето... К концу августа «выгорают», светлеют листья на ясенях, на которых так же, как и на кленах, к этому времени созревают семена-крылатки.

Смена окраски листьев связана с разрушением хлорофилла, который придает листу зеленый цвет, а желтый, оранжевый и красный цвета придают растениям присутствующие в них другие пигменты. Но это все тонкости науки, мы же чаще всего просто любим яркие осенние краски, находя моменты прекрасного и осенью, когда все вокруг, казалось бы, увядает, готовится к зиме. Букет из разноцветных кленовых листьев, «золото» лип и берез, багрянец вязов и рябин добавляют немного грусти в мировосприятие, но они же и вдохновляют, дарят радость, праздник! Опавшая листва имеет свой неповторимый запах, она приятно шуршит под ногами...

ОСЕНЬ

С наступлением осени созревают и начинают опадать плоды на дубах. Желуди - прекрасный корм для многих животных. Они же и распространяют их повсеместно. Не однажды я находил по весне на грядках проросшие желуди - видимо их обронили птицы. В дикой природе дубы у нас встречаются редко, больше - в городских посадках, в парках и скверах. Помню, во дворе редакции в Соколе, где я начинал работать, рос старый дуб. Двор был «техническим», закрытым - здесь находились складские помещения, гараж, а дерево росло рядом с двухэтажным деревянным зданием, в котором располагались редакция газеты и типография, и во дворе, если честно, прибирались редко, а потому под дубом накопился толстый слой старой листвы. И вот, как-то выйдя во двор здания, я оказался под дубом и случайно обнаружил множество желудей, причем многие из них были уже проросшими! Старая листва, лежавшая на земле толстым слоем, создала прекрасные условия, и созревшие желуди, опавшие с дерева, принимались расти. Правда, молодых дубков здесь не было. Взяв несколько треснувших желудей, из которых уже показались маленькие росточки, я посадил их дома в цветочные горшки. Два дубка прижились и пошли в рост! За зиму они выросли в маленькие деревца 10-15 сантиметров высотой. С приходом весны я пересадил дубки на дачу. Но эксперимент не удался. Один из саженцев погиб сразу, а второй не пережил зиму. А вот обнаруженные на даче маленькие дубки, которые начали расти из желудей, оброненных, видимо, птицами и также пересаженные мною в более подходящее место, пока растут!

...В начале сентября на болотах созревает клюква - наш северный виноград. Ягода вкусная и полезная. Она обладает целебными свойствами, ее легко и приятно собирать. Я очень люблю это занятие, и для меня это знаковое событие осени. Кто-то может сказать: чего же хорошего на болоте, да еще осенью? Но

осеннее болото по-своему прекрасно. Нет жары, если повезет, нет дождя, нет назойливых насекомых... Раскатаешь бродни, упадешь на колени - и хоть целый день собирай ягоды, передвигаясь от одной кочки к другой. Крупные бордовые ягоды очень красиво смотрятся на ковре из разноцветного мха - сфагнума. А как приятно, когда собрана «набирушка» - небольшая емкость для сбора ягод, и ты пересыпаешь ее в рюкзак, который сразу становится тяжелее. Мне доводилось собирать эту ягоду на разных болотах, в разную погоду: и во время осеннего морозящего дождика, и под лучами сентябрьского солнца, когда к полудню становилось даже жарко, и после заморозка, когда уже минут через пятнадцать - двадцать пальцы скрючиваются и их приходится отогревать... Люблю собирать клюкву в тишине, тогда можно услышать, что происходит вокруг. Вот поднялся ветерок, и зашумел в кронах берез и осин в соседнем лесу, вот где-то вдалеке прокричали журавли... Иногда ветер доносит обрывки фраз таких же, как ты, ягодников, собирающих клюкву в нескольких десятках метров в стороне, иногда из леса доносится переключка грибников, выстрелы охотников... Через несколько часов начинается чувствоваться усталость, но с болота уходить не хочется и, как всегда, когда уже шагаешь к выходу с болота, начинают попадаться кочки, усыпанные крупными, спелыми ягодами, друзья сердятся, что ты отстаешь, но так хочется собрать и эти ягоды...

Не менее полезные плоды, похожие на мелкие яблочки, созревают в конце лета - начале осени на боярышнике. Плоды боярышника, красновато-оранжевые или янтарно-желтые, мучнистые на вкус, обладают целебными свойствами, но, как и любое лекарственное растение, требуют осторожного подхода - усердствовать и здесь не рекомендуется. Собирать боярышник непросто - его ветви утыканы довольно внушительными по размеру и очень острыми колючками. Не зря про него говорят: «Красно наряжен, да гвоздями усажен». За это свойство в некоторых местностях боярышник именуют «колючкой». Зато для птиц - это прекрасная столовая.

Лето в наших краях настолько непредсказуемо, настолько скоротечно, что хочется, чтобы тепло постояло подольше, но, как ни крути, приближение осени ощущается уже в августе, а уж когда наступает первое сентября, - всё, до свидания, лето. Правда, нам так не хочется расставаться с ярким солнцем, голубым небом, редким для наших северных мест теплом, что мы каждый год с нетерпением ждем наступления... бабьего лета. У этого «времени года» нет четких временных границ. Оно может наступить в... августе, после длительного похолодания (его еще называют «молодым бабьим летом»), может прийти в начале сентября, а может случиться и в его середине или даже конце. «Молодое бабье лето», по данным, которые можно найти в словаре Даля, начиналось 28 августа и длилось до 11 сентября (по старому календарю; получается, что с середины августа). С приходом бабьего лета устанавливается ясная, теплая, сухая погода. В разных странах этот отголосок лета именуют по-разному, где-то, как у нас, бабьим летом, где-то «старушечьим», «цыганским», «индейским», где-то название его связывают с именами святых, празднование дней который приходится на этот промежуток времени.

Откуда пошло название «бабье лето»?.. В одном из словарей мне удалось обнаружить такое объяснение этого понятия: «Время, когда на осеннем солнце еще могут погреться старые женщины». На Руси в это время обычно заканчивались основные сельскохозяйственные работы, и пожилые женщины вечерами могли предаться спокойным, задушевному разговорам. Но есть и другие толкования этого названия. Например, мистическое, а смысл его в том, что женщины обладают способностью возвращать назад времена года, влиять на погоду... Шутка, конечно. Но есть и научное объяснение этому явлению. Бабье лето - это время, когда в природе властвует устойчивый антициклон, в дневные часы воздух

прогревается довольно сильно, а ночью воздух и почва не успевают остыть. Доводилось читать и о другой версии прихода бабьего лета, что, мол, причиной временного возврата летней погоды становится огромное количество тепла, выделяемое при разложении хлорофилла в массово желтеющих и опадающих в это время листьях. Это тепло увеличивает атмосферное давление, что в свою очередь способствует установлению антициклонального характера погоды... Правда, на мой взгляд, наиболее правдоподобно выглядит первая версия об антициклоне, иначе как объяснить различное время наступления бабьего лета, а иногда и его отсутствие или различную (то день-два, а то неделя - полторы) продолжительность. Интересно, правда, что в толковом словаре Даля есть даже точная дата начала бабьего лета - 14 сентября (1 сентября по старому стилю) - день Симеона-летопроводца и дата его окончания - 21 сентября (8 сентября по старому стилю) - осенины, Рождество Богородицы.

В это время, правда, независимо от того, наступило бабье лето или нет, можно наблюдать, как летит по воздуху паутинка. Говорят, что если ее много - это к сухой осени. Дождливую осень, по народным приметам, обещает богатый урожай рябины. А еще, если во время «молодого бабьего лета» на небе появляется радуга, - это, согласно народным приметам, к сухой и теплой осени.

С начала сентября и до его конца, а иногда и в октябре, можно увидеть тысячные стаи грачей, скворцов, дроздов. Зрелище это впечатляющее и захватывающее, особенно если вам посчастливилось наблюдать птиц на открытом пространстве. Грачи - птицы крупные, и когда они поднимаются в воздух, то кажется, что они закрывают собой небо. А вот небольшие по размеру скворцы, собравшиеся в стаю, насчитывающую несколько сотен птиц, становятся подобны единому организму. Каждая птица в стае повторяет движения соседа, и стая может моментально изменять направление полета, причем такие «виражи» могут повторяться очень часто. Кажется, что перед вами единый живой организм. Но если такая «сплоченная» стая налетит на приусадебный участок, то расправится с урожаем ягод очень быстро. Самому довелось наблюдать, как грачи (!) облюбовали облепиху! После их пиршества на дереве практически ничего не осталось. Можно повстречать в сентябре и стаи других птиц, готовящихся к отлету. Для этого тоже обязательно уезжать далеко. Даже под Вологдой, недалеко от какого-нибудь водоема, можно увидеть небольшие стаи уток, а чуть позже и гусей.

Во время бабьего лета стоят удивительно теплые, тихие вечера: в кронах негромко перекликаются щеглы, большие синицы, зяблики, молча пролетают более крупные птицы, иногда прокричит дятел... А какие в небе облака! Вечером в лучах заходящего солнца они приобретают замысловатые формы. Каждому человеку воображение рисует разные картины. Мне эти осенние, немного отяжелевшие, грузные, «постаревшие за лето» облака представляются горными хребтами с вершинами, покрытыми снегом. Они напоминают мне предгорья Копетдага, где я служил в армии. Горы долго снились мне. Даже во сне я восторгался их величием и красотой и, проснувшись, старался сохранить эти воспоминания...

Бабье лето скоротечно. На смену теплым и солнечным денькам придут холода и скучные осенние дожди. И вот уже в кронах деревьев, кроме криков и свистов еще не улетевших на зимовку перелетных птиц, можно услышать тихое посвистывание-поскрипывание вернувшихся в наши города и поселки из соседних лесов снегирей. А следом за ними появятся и шумные ватаги свиристелей. Птицы эти всегда обращают на себя внимание своими голосами, окраской и своей суетливостью, непоседливостью. Частенько одна из птиц стайки, устроившейся на ветках рябины, боярышника или мелкоплодной яблони, вдруг взлетает вверх на несколько метров, разворачивается и садится обратно на дерево. В позапрошлом, да еще и в начале прошлого века появление свиристелей люди почему-то считали дурной приметой. Хотя ничего страшного и странного в их прилете нет, просто наступила осень.

Бег времени неумолим. К концу сентября тополя уже, как правило, сбрасывают всю листву и стоят голыми. Довольно грустное зрелище... Клены, березы, вязы, ясени уже переодеты в пестрые, яркие наряды. Лишь дубы еще упрямятся. Не хотят менять летнюю одежду на осеннюю, хотя и их листву уже тронула желтизна. Дольше других сохраняет зеленый наряд сирень, и в середине октября и ноября листья на ней могут быть зелеными. Такими они и уйдут под снег.

После дня осеннего равноденствия, 23 сентября, световой день начинает убывать еще быстрее: утром рассветает позже, вечером темнеет раньше. Меньше становится и ясных солнечных дней, все чаще небо хмурится серыми тяжелыми тучами, которые проливаются на землю и наши головы холодными осенними дождями... Жаль прошедшего жаркого лета с его солнечными днями и теплыми ночами, правда, и осень еще не успела толком надоесть, но уже находишься в предвкушении первого, чистого, белого снега, зимы с ее морозами... Интересное это время.

Вслед за дождями частенько приходят и заморозки. Иногда понижение утренней температуры происходит плавно в течение нескольких дней, а иногда - резко. Выйдя поутру из дома, вы обнаруживаете, что лужи подернулись тонкой пленочкой, и зеленая, и пожухлая уже трава вдруг стали белыми, гордо стоявшие до этого момента на клумбе цветы почернели и сникли... Детворе всегда доставляет удовольствие пробовать лед на лужах на прочность. Но этот первый ледок, как правило, бывает совсем тонким.

Нередки в это время года и туманы. Они часто бывают очень сильными, особенно за городом, в понижениях местности, над реками. Проснувшись рано утром, поначалу бывает трудно даже понять, что за погода сегодня за окном. Конечно, очень хочется, чтобы еще постоял солнечный денек, но ведь природе не прикажешь. По мере того как начинает рассветать, кажется, что все небо закрыто плотными тучами, но в свете городских фонарей вдруг понимаешь, что это не тучи никакие, а плотный, густой туман. Рассеивается он долго, бывает, что только ко второй половине дня. А зная примету, что туман случается к хорошей погоде, надеешься, что после того как он пропадет, покажется голубое небо, не будет скучного осеннего дождя... Чаше всего так и происходит.

К началу октября многие наши пернатые соседи улетели к местам зимовок. Потянулись на юг утки и гуси. Но по-прежнему с нами еще остаются грачи, скворцы, дрозды, чайки, белые трясогузки, зяблики... Некоторые птицы могут остаться зимовать. Грачи зимой в Вологде - уже не редкость, встречаются, особенно на свалках, зимой и скворцы с дроздами. И такая картина наблюдается не только у нас: причина - всё более мягкие зимы да деятельность человека, оставляющего после себя столько отходов, что птицы, пусть и в небольшом количестве, способны прокормиться и в осенние, и в зимние месяцы. Но основная масса перелетных птиц всё-таки не нарушает заведенного много веков назад порядка и, дождавшись определенного времени (на отлет птиц влияют не только холода, отсутствие корма, но и продолжительность светового дня), отправляется в путь. И сразу тогда пустеют наши леса, сады и парки, дачные участки, поля. Лишь переключка синиц, тонкий посвист снегирей да озорные трели свиристелей будут нарушать эту тишину. Конечно, зимовать у нас остаются не только эти три вида птиц, их гораздо больше, но об этом - чуть позже.

Происходит изменения и в жизни других животных. Осенью мы чаще бываем в лесу, на болоте - собираем грибы, ягоды и чаще встречаем лесных обитателей. Можно увидеть медведя, лису, зайца или белку, кабана или лося. Последнего можно встретить не только в лесу, да и встреча с сохатым может оказаться очень опасной. Приблизительно с конца августа у лосей начинается гон - брачные игры. Нередко в наших вологодских краях в это время лоси оказываются на автомобильных дорогах. Могут они просто стоять на обочине, могут переходить,

перебегать трассу в самых неподходящих местах. Причем происходит это, как правило, неожиданно. Особенно опасна такая встреча в темное время суток. К сожалению, частенько такие «свидания» заканчиваются печально и для человека, и для животного: большая скорость автомобиля, вес взрослого лося может превышать полтонны... Мне самому доводилось видеть лося на обочине трассы Вологда - Архангельск между Вологдой и Соколом. Лось просто стоял на обочине и даже позволял себя фотографировать выходящим из останавливавшихся автомобилей людям. Мой старший сын, возвращаясь в конце сентября из Сокола в Вологду поздно вечером, чудом избежал столкновения с лосем, хорошо ещё, тот не выскочил на трассу, а степенно переходил ее. В последнее время лоси стали появляться рядом с крупными населенными пунктами, видели сохатых на дороге рядом с поселком Майским, рядом с Молочным...

Обычно погода в середине осени неустойчива: то зарядит дождь, то сквозь плотную завесу облаков проглянет солнце, оживив все вокруг, то задует холодный ветер, который сорвет с деревьев целые охапки пестрых листьев и бросит их вам под ноги...

Случается, что постоянный снежный покров устанавливается только во второй половине декабря, а настоящие морозы приходят только под новый год. В отсутствие морозов и снега многие животные и даже растения чувствуют себя не очень комфортно. Поменявшие свой бурый наряд на зимний (белый) зайцы становятся очень заметны для хищников, птицы, случается, задерживаются на родине дольше обычного. А на некоторых кустарниках и деревьях начинают, словно весной, набухать почки. До распускания листьев или цветения, конечно, почти никогда не доходит, хотя известно, что такие случаи на Вологодчине бывали, причем, в довольно давние времена. Это наталкивает на мысль о цикличности всего происходящего в природе, но такое весеннее «поведение», спровоцированное теплой погодой, может пойти во вред растениям. По этому же поводу переживают и работники сельскохозяйственных предприятий, когда озимые посевы долгое время стоят не укрытые снегом.

14 октября - Покров Пресвятой Богородицы. К Покрову крестьяне на Руси старались убрать весь урожай и сделать заготовки на зиму. Скот уже не выгоняли на пастбища, а держали в хлевах и переводили на зимний корм. Примерно в это время, около праздника Покрова, выпадает первый снег. К празднику Покрова заканчивалось на селе для девушек и парней время хороводов и начинались посиделки, когда длинными осенними и зимними вечерами девушки занимались прядением, вышиванием, вязанием. В этот день - первый праздник холода - пекли блинцы (тонкие блины), «запекали углы», чтобы из жилища тепло не выдувало. По этому дню замечали, какой будет зима. Говорили: «Какая погода на Покров, такая погода и зимой будет». Если в этот день ясно и солнечно, то осень еще долго стоит, а снег не выпадет вплоть до Михайлова дня (21 ноября). Еще говорили: «С какой стороны ветер дует на Покрова, с той стороны всю зиму дуть будет. Ветер с севера - злая и суровая зима. Ветер южный - зима теплая и мягкая. Западный ветер - снежная зима. Восточный ветер - зима холодная и бесснежная». Если на Покров снег не выпал, то его еще не меньше двух недель не будет. Считалось, что Покров день - последний срок сбора рыжиков и груздей. А вот пчеловодам народный календарь на Покров говорит, что дождь на Покров - к хорошему сбору меда в будущем году. А вот если от Покрова до 1 ноября кроты землю роют, то зима будет с морозами и снегами. Народный календарь на Покров гласит, если до Покрова все листья с дуба и березы опадут, то ожидается легкая зима. Если листья останутся, то зима будет суровая. Первый снег - знаковое событие осени.

Осенью, пока не ударили настоящие морозы, хорошо наблюдать звездное небо. Перед заморозками обычно выясняется, вечера, а тем более ночи, стоят очень темные. На темно-темно-синем, почти черном небе рассыпаются миллионы

звезд. Поначалу видишь только самые яркие, самые крупные звезды. Начинаешь искать знакомые созвездия...

Существует легенда, что в древности люди определяли остроту зрения по звездам. Для этого надо найти на звездном небе, наверное, самое известное у нас созвездие, имеющее форму ковша - Большую Медведицу. Рядом со звездой Мицар, что в переводе с арабского обозначает «конь» (вторая от конца «ручки ковша»), располагается звезда Алькор (в переводе с арабского - «всадник»). Она менее яркая. Считалось, что те, кто ее видит, обладают хорошим зрением. Причем, это только нам кажется, что эти звезды расположены рядом друг с другом: расстояние между этими двумя «соседками» в «хвосте» Большой Медведицы в 17000 раз превышает расстояние между Землей и Солнцем...

Интересна осень и тем, что во время миграций можно увидеть довольно редкие виды птиц. Однажды, выйдя на балкон, а дело было как раз на Покров, я увидел, как на верхние, уже голые ветви тополя, во дворе нашего дома в Молочном села какая-то птица. По комплекции было ясно, что это не рябинник; на скворца птаха тоже была не похожа. Одиночный свиристель?.. Чтобы не гадать, я взял бинокль и увидел... дубоноса! Приятный сюрприз! Птица размером со скворца, довольно плотного телосложения, главной примечательностью которой является массивный клюв. Она редка в Вологодской области. Дубонос посидел спокойно пару минут, почистил свой несоразмерно телу большой клюв и перелетел на другое дерево.

Уже в октябре многие птицы перебираются поближе к человеческому жилью. Все чаще на глаза попадают снегири, стайки свиристелей, большие синицы начинают в поисках корма обследовать балконы, цепляясь за раствор между кирпичами, заглядывают в окна многоэтажек. Одна моя сотрудница рассказывала, как в деревне к их дому регулярно прилетал дятел. Сначала один, а потом и с выводком. Однажды его угостили... макаронами. Угощение, на удивление, лесной птице понравилось. И дятел стал не просто прилетать, а еще и стучать в окно, словно требуя продолжения банкета...

Во второй половине октября обнаруживаешь, что в шумных стаях птиц, галдящих по утрам и вечерам, остались почти одни галки, редко среди них промелькнет грач. Уже нет огромных стай дроздов и скворцов, хотя отдельные их группы еще перемешаются по дачным участкам и дворам. Нахлынувшие массово свиристели рассредоточились и теперь встречаются не так часто и более мелкими стайками. Улетели чайки, суетливые трещотки-сороки стали чаще залетать в населенные пункты, чаще на глаза попадают синицы, а за городом - сойки. Постепенно все вокруг замирает, стихает, пустеет.

Температура воздуха к концу октября, если даже до этого стояла исключительно теплая погода, снижается и приближается к нулевой отметке. Холодно уже не только по ночам и утрам, но и днем, и вечером. Вместе с дождем частенько с неба сыплется снег. Это уже зима пробует свои силы. Для любителей природы наступает очень интересное время. Сейчас, уже по первому снегу, неплохо бы оказаться за городом, в лесу. Правда, если снега выпало достаточно много. Почему? Просто на свежем снегу четко отпечатываются следы лесных обитателей. Для следопытов наступает время «чтения запутанных записей». Это целая наука. Сложная, но очень полезная и интересная.

Водоемы в это время выглядят очень неуютно, вода в реке, озере, пруду кажется свинцово-серой, тяжелой. От одного взгляда на нее становится холодно.

В самом конце октября, когда нередко по ночам температура опускается на несколько градусов ниже нуля, дует пронизывающий северный или северо-западный ветер, когда уже выпал первый снег, в небе вы замечаете стайку еще не улетевших дроздов или несколько сизых чаек. Под Вологодой можно встретить в это время и тех, и других. Возможно, это те птицы, которые останутся у нас зимовать. Как-то я слышал, что на городской свалке в Вологде зимуют и чайки...

1 ноября по народному календарю - Иванов день, проводы осени. В старину в этот день привечали птиц, которые появлялись в деревнях и городах ближе к зиме: снегирей, свиристелей, поползней. В ноябре осень и зима продолжают «выяснять отношения»: температура воздуха то опустится ниже нуля, пойдет снег, а то вдруг потеплеет, столбик термометра поднимется выше нулевой отметки, и из серых тяжелых туч, которыми в это время обычно затянуто небо, пойдет дождь. В городах и селах к ноябрю практически не осталось перелетных птиц. Теперь чаще на глаза попадаются галки, серые вороны, домовые и полевые воробьи, сизые голуби. В дикой природе сизые голуби - обитатели скал, поэтому они не умеют рассаживаться на деревьях, но их полудомашние потомки, которых мы наблюдаем ежедневно, приспособились и к этому. Сизые голуби создают пары на всю жизнь, а в течение года они несколько раз выводят потомство. Стоит понаблюдать за голубями, и вы увидите много интересного. Например, как самец ухаживает за самкой, распушив хвост, опустив крылья и громко воркуя. Ещё можно кое-где увидеть голубятни, в которых любители содержат породистых голубей.

Кроме сизарей, в нашей местности встречаются еще и вяхирь, клинтух и горлицы: обыкновенная и кольчатая. В городе их встретишь крайне редко, а клинтух даже занесен в Красную книгу области.

12 ноября - «птичья» дата. В этот день православные отмечают день памяти святого священномученика Зиновия. А еще этот день именовали Зиновий-синичник, синичкин праздник. Считалось, что синица приносит счастье, а еще является предвестником зимы. В этот день было принято кормушки развешивать.

В последнее время не раз приходилось слышать о новом, по крайней мере для меня, виде осадков: «ледяном дожде». И уже довелось с ним познакомиться. Явление интересное, но, честно говоря, мало приятное. Ледяной дождь образуется, когда в атмосфере слой теплого воздуха попадает между двумя слоями холодного. Замерзшая в верхнем холодном слое влага, превратившаяся в снег, расплавляется, падая в теплый слой. Снег превращается в дождь. Происходит это довольно высоко при определенном атмосферном давлении. Продолжая снижаться с большой высоты и с большой скоростью, капли дождя у самой земли попадают в слой воздуха с температурой ниже нуля, но переходят не в снег или лед, а в переохлажденное состояние воды (состояние, при котором температура воды оказывается ниже температуры ее кристаллизации). Это состояние особенно опасно тем, что любая встряска приводит к мгновенному затвердеванию жидкости. Такие переохлажденные капли при ударе о землю, ветки деревьев и т.д. сразу же превращаются в лед. Ледяной дождь становится очень серьезным испытанием для деревьев, каждая веточка которых герметизируется, превращается в очень хрупкую, похожую на хрустальную.

В октябре и ноябре в городских парках и скверах, во дворах можно встретить небольшую симпатичную птичку, которая в другие времена года совсем незаметна. Иногда, проходя осенним днем мимо дерева, вы слышите тоненький писк, но самой птицы на ветвях дерева, как ни стараетесь, обнаружить не можете. Зато можете увидеть, как по стволу дерева, наискосок, передвигается маленькая, меньше воробья, пичужка. Это пищуха, получившая свое название за характерный голос. Сверху она имеет бурую с пестринами окраску, которая маскирует птичку на коре, низ тельца у нее - грязно-белый. Примечателен у пищухи клюв - длинный, тоненький, изогнутый, с помощью которого она достает насекомых из-под коры деревьев. Длинные коготки помогают птице держаться на стволе дерева. Пищухи держатся поодиночке, предпочитая своим сородичам общество больших синиц. Когда пищуха занята поиском насекомых, к ней можно подойти довольно близко.

Осенью в наших краях можно обнаружить еще одну птицу, искусного древолаза - поползня. Название птицы говорит само за себя. Она ползает по стволам деревьев в поисках пищи - насекомых. В отличие от пищухи поползень способен

ползает по стволу дерева головой вниз. Он несколько крупнее своей коллеги, выглядит более крепко сколоченным, по сравнению с изящной пищухой. У поползны довольно длинный, прямой и сильный клюв, большая голова и очень короткая шея. И окрашен он более ярко: сверху голубовато-серый, через глаз проходит черная полоса, горло и грудь белые, а низ брюшка - рыжевато-коричневый. Голос у поползней громкий. Раньше его еще называли «ямщиком» - за громкое, похожее на ямщицкий посвист пение.

Со сменой времен года изменения происходят не только на земле, но и в небе. Над территорией нашей области в теплое время года преобладают высококучевые и слоисто-кучевые облака. С наступлением холодов чаще можно увидеть слоистые облака, они располагаются в нижних слоях атмосферы, и отсюда это гнетущее, давящее впечатление, когда облака скрывают от нас на несколько дней, а то и недель голубое небо, солнце...

Вы, наверное, обращали внимание на стволы и ветви деревьев, покрытые непонятным, на первый взгляд, «налетом»... Первое впечатление - дерево поражено какой-то болезнью... Но на самом деле все обстоит иначе. Просто на коре дерева поселились лишайники. Эти организмы многим, особенно тем, кто любит ходить в лес за грибами, ягодами, хорошо известны. И там они встречаются довольно часто, но в условиях крупного поселка или города дела обстоят по-другому. Их отсутствие или малое количество говорит о наличии серьезного загрязнения атмосферы, а присутствие, наоборот, о... чистоте воздуха! Лишайники выступают в роли живых индикаторов состояния атмосферы.

Что же представляют собой лишайники? Если говорить просто, то это симбиоз (взаимовыгодное сосуществование) гриба и микроскопических водорослей (чаще зеленых). Русское название лишайники получили за внешнее сходство с проявлениями некоторых кожных заболеваний, известных под общим названием «лишай». Науке известно более 20 тысяч видов этих организмов. Они могут иметь самую различную, порой, очень причудливую форму и окраску: белую, серую, коричневую, черную, розовую, зеленую, золотисто-желтую. Лишайники могут быть накипными (в виде накипи на камнях, коре деревьев, на деревянных и каменных постройках и т.д.), листоватыми и кустистыми. К последним, например, относятся лишайники рода уснея, напоминающие «бороду», свисающую с ветвей и стволов деревьев. Увидеть такой лишайник в городе практически невозможно, он очень чувствителен к загрязнению воздуха. Растут лишайники довольно медленно, а живут несколько сотен, а в отдельных случаях - тысяч лет. Человек научился с древних времен использовать лекарственные свойства некоторых лишайников. Еще из них получали красители, а из некоторых - яды.

У меня в Молочном во дворе дома растут ясени. Осенью, когда деревья полностью сбрасывают листву, становится видно, что все ветви деревьев покрыты золотисто-желтым «налетом». Много таких же лишайников на тополях и осинах, вязах. Это лишайник из рода ксантория. Таким же «налетом» покрыты деревянные рамы балконов, на соседних березах много лишайников серого цвета и другой формы. Наличие одних видов лишайников свидетельствует о чистоте воздуха, других - о его загрязненности. Ксантория указывает на некоторую загрязненность воздуха. Способ определения чистоты воздуха с помощью лишайников называется лишайноиндикацией. Кроме того, есть данные, что лишайники защищают деревья, на которых растут, от губительного разрушения грибов. Антибиотические вещества, вырабатываемые лишайниками, подавляют рост грибов, разрушающих древесину. Лишайники спасают кору деревьев от перегрева в зной и удерживают влагу, однако среди садоводов бытует мнение, что лишайники, сохраняя влагу, способствуют появлению здесь всевозможных паразитов и препятствуют поступлению воздуха в ткани дерева. Вот такие интересные соседи. Присмотритесь к лишайникам, среди них есть очень красивые.

Людмила Алексеевна Шаткова выросла в военном городке Федотово, в Вологодском районе, сейчас живет в Вологде. Вместе с мужем Павлом воспитывает троих детей. Стихи и прозу пишет с детства. Она часто выступает в различных литературных клубах, организовала творческую мастерскую «Муха и варенье», проводит благотворительные вечера и встречи поэтов. Стихи Людмилы печатались как в вологодских изданиях («Ступени», «Местная газета», «Листва»), так и в российских сборниках («Литературная Евразия», «Сокровенные души», «Классики и современники»), а также в международном литературном журнале «P.S.». Финалист литературного конкурса «В начале было Слово» (2019). Выпустила книгу стихов «Карта сердца» (2017) и сборник рассказов «Внутри и снаружи» (2018), в нынешнем году увидел свет роман Л. Шатковой «Соня, проснись!».

Людмила ШАТКОВА

Бабушка-гора

Из детских воспоминаний

Невысокие горы - южный отрог Уральского хребта - были видны с улицы, где я бегала девчонкой. А если встать спиной к горам, тянулись бесконечные степи. Ровная их поверхность простиралась от горизонта до моих босых ног и была покрыта высушенной травой, будто жестким коротковорсным паласом. Температура в степях летом достигает +45 градусов на солнце. Ни рек, ни морей, ни лесов. Только голые выжженные степи. Ветру, который носился на просторах от неба до земли, как сивый мерин, нравилось крутить маленькие торнадо из иссушенной почвы, давно превратившейся в мелкую пыль.

Я была малышкой лет шести, и горы вдалеке казались большими. Они то таяли в дымке, то показывались и манили к себе. На вопрос, можно ли пойти к ним, бабушка отвечала, что придется брести не один день, а мне это не под силу. Ответ ничуть меня не пугал и не останавливал, но давал понять, что бабушка переживала бы, уйди я к горам.

Тогда мне представлялось, что одна из тех гор, которые виднелись вдали, отсоединилась от своих сородичей ради земной жизни обычного человека, встала, превратилась в мою бабушку и поселилась в горячих степях, чтобы видеть свой прежний дом. Я смотрела

на нее снизу вверх - она была высокой и крупной. Представить бабулю маленькой девочкой было невозможно, ведь горы сразу большие. Великие. В то время она была бабушкой только по статусу, но не физически. Назвать ее старушкой вовсе не поворачивался язык. Сияние зрелости. Уже не молодости, но крепости и силы жизни. Надежная, большая, согретая солнцем степей.

Помнится, как она собиралась на работу. Трудясь заведующей аптекой, бабушка была обязана выглядеть достойно: ежедневно надевала свежее платье, степенно и обязательно наносила на губы красную или розовую помаду. А еще в ритуал сбора на работу входило нанесение духов. В то время еще не было «пшикалок». Повертев несколько секунд бутылочку «Красной Москвы» в руке, бабушка откручивала крышечку и прикладывала палец к горлышку фигурного флакончика. Затем мокрый палец касался нескольких знаковых точек: за мочками ушей и ярёмной впадинки. Подготовившись к трудовому дню, бабушка поправляла короткую прическу и спешно выходила в коридор. Я же еще несколько секунд рассматривала помады, духи, расческу и даже место, где она стояла только что. Ее красота запечатлевалась в моей памяти.

Часто я гостила у бабушки на работе, где её фигуру скрывал белый халат, так снег окутывает горную вершину. В аптеке было несколько помещений: в одном - темном - на длинных полках высоких стеллажей хранились таблетки, бинты, ампулы, шприцы, вата и прочее. В другом - посветлее - стояли весы, столы, хранились бумаги в шкафах. В третьей - самой маленькой и светлой комнатке с зеленой краской на стенах - хранилась 50-литровая бутылка дистиллированной воды. Она стояла на железном столе. Между комнатами были узкие сумеречные коридоры: казалось, что старая аптека на краю поселка хранит страшные тайны. Возможно, пройдя по коридорам, можно попасть в другую страну или вовсе потеряться во времени и пространстве. Остаться одной там было страшно. Бабушка иногда разрешала съесть гематогенку в большой темной комнате. После приходилось идти в светлую маленькую за водой, ведь привычной кипяченой воде в аптеке взяться было неоткуда. Бабушка наливала полный граненый стакан и протягивала мне. Вода была всегда холодной, неповторимо вкусной и казалась густой, вязкой. Я пыталась разобраться: аптека пахнет водой? Или вода пахнет аптекой? И до сих пор для меня эти запахи неразрывны, сплетаются и неизменно вызывают воспоминания о том времени.

В зале, где стоял прилавок, бабушка проводила большую часть рабочего времени. Там было по-настоящему прохладно. Двери на улицу всегда держали открытыми - независимо, громыхает ли редкая для тех мест гроза или палит солнце. Воздух оттуда пытался проникнуть в аптеку, сравнять температуру, поглотить не подчиненное ему пространство. Но прохлады никогда не уступала! Она как бы давала понять: здесь тебе не место. Заходя в этот зал, люди громко вздыхали, пытаясь выпустить из легких весь горячий воздух, что успел накопиться, пока они двигались в аптеку; затем жадно вдыхали прохладу, ещё и

ещё... Многие посетители «цеплялись языком», стараясь задержаться в этом райском месте хотя бы на несколько минут. Бабушка, конечно, всё понимала, но с удовольствием рассказывала о новинках, о рецептах и отвечала на все вопросы, которые, в сущности, задавались без особой надобности. Я не понимала практически ничего, когда она начинала «бросаться» умными фармацевтическими выражениями: «Тербинафена давно не привозили, обещали через месяц... От головной боли? Возьмите дротаверин или ибупрофен...» Мой мозг отказывался воспринимать эти загадочные слова. А бабушка их любила.

А также она любила делать заготовки на зиму. Летом неизменно из года в год наступала пора клубники, малины, крыжовника, а затем яблок и овощей. Ягоды появлялись первыми. В связи с этим появлялся большой алюминиевый старый таз со вмятинами, царапинками и неровным дном. Его заполняли сахаром и ягодами, всё это варилось несколько часов, а по дому разносился аромат спокойного зимнего вечера с клубничным или малиновым вареньем. Я подбегала к тазу, а бабушка пыталась меня отогнать, как назойливую муху. Мне попеременно вручались то пиала с пенкой от будущего варенья, то какая-то ложка, которую требовалось срочно облизать, то чашка с уже готовым вареньем - на пробу. Через несколько часов таких «проб» на варенье глаза не глядели.

Когда сваренное уже было разложено по банкам, его отправляли в погреб, как и остальные припасы. Для меня погреб был отдельным государством со своими правилами и законами. Во-первых, здесь - как бы ни было жарко в доме - всегда царил холод, и зимой, и летом. Во-вторых, стены его были покрыты конденсатом. В-третьих, на крутой деревянной лестнице часто обнаруживались грибы, по виду напоминающие чагу, только белые и с бархатистой поверхностью, если провести по ней каким-нибудь твердым предметом,

оставался рисунок. В самом погребе располагались полки и несколько больших деревянных ящичков. На полках до самого потолка уютно располагались пузатые подписанные банки. «Компот вишня без кост.», «Варенье малиновое», «Яблоки белый налив», «Огурцы солёные» и многое другое. На некоторых банках уже образовался слой пыли, что придавало хранилищу припасов загадочность и таинственность. Разноцветное содержимое банок переливалось при включенном свете, казалось магическим зельем. Бабушка здесь превращалась в волшебницу, которая знает множество рецептов и не выдает их мне. Я ждала, что она вот-вот повернется и скажет с хитрой улыбкой: «А это, внучка, эликсир вечной молодости».

Вечерами, когда вся работа была переделана, мы с бабушкой выходили на крыльцо. Ночи в степях темные, сумерки опускаются быстро. Заходящее солнце оставляло землю в покое, от чего она, как и посетители аптеки, начинала «выдыхать» горячий воздух, скопившийся за день. Мне даже слышались эти вздохи. Тепло, исходящее снизу, отличалось от солнечного пекла: вечернее согревало ноги, расслабляло, обволакивало тело и убаюкивало. Мы сидели в обнимку, наслаждаясь тишиной, которую нарушала музыка сверчков. Казалось, можно слиться с окружающим пространством, если расслабиться чуточку сильнее.

Бабушка закрывала глаза. Серьезное выражение лица медленно пропадало,

будто кто-то ластиком стирал напряжение, проступившее морщинками; появлялось спокойствие, умиротворение, удовольствие от прожитого дня. Через несколько минут сами начинали литься песни. «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?» - тянула бабушка. А вдалеке мерцали степные огоньки, в соседних домах горел теплый свет.

«Вечер тихой песнею над рекой плывет», - продолжала бабушка излияние души. «Там вдали, за рекой, загорались огни», - подхватывала она саму себя. «Огней так много золотых на улицах Саратова», - заканчивала с грустью этой песней.

Запас песен был велик. Тогда бабушка открывалась передо мной с неожиданной стороны. Ведь просто сидеть и петь может не каждый - только счастливый. Сидя рядом, я боялась пошевелиться, чтобы не вспугнуть ее настроение; оно сладко проникало и в меня, отчего я тоже становилась счастливой. Слова некоторых песен я сумела выучить, что сделало меня еще счастливее.

Мои сверстники часто говорят, что их бабушек и дедушек давно нет. Некоторые даже не видели их и не успели узнать, каково это - быть внуком или внучкой. Ну, а мне повезло, как никому на свете: горы, степи, жара и моя бабушка - составляющие моего счастливого детства.

Фотография Леониды Старикова

Алла КАСЕЦКАЯ

Алла Георгиевна Касецкая (Воробьева) родилась 8 июня 1973 года в дер. Гончарке Вологодского района. Окончила десятилетку, затем - Вологодский губернаторский колледж народных промыслов по специальности «художник».

Алла Георгиевна рассказывает о себе: «Основное, чем всю жизнь занимаюсь с удовольствием (и этим же зарабатываю на жизнь), - мастерю кукол и периодически иллюстрирую книги, которые выходят в вологодских частных издательствах; например, книгу сказок вологодского писателя Владимира Аринина «Оранжевая звезда» (издательство «Легия»). В этом же издательстве в 2011 году вышла маленькая книжечка моих юношеских стихов. Занимаюсь в литературном объединении «Красная палатка» (руководитель Инга Никитина).

До 2011 года жила в Одессе (вышла замуж за одессита), но муж погиб, и я вернулась домой, в Вологду. Воспитываю дочку и сына». В 2019 году участвовала в региональном литературном конкурсе «В начале было Слово». Вышла в финал в двух номинациях: поэзия и малая проза.

Снег пахнет небом

Я - ИВА

Гордо раскинут кроны
Тополь, берёза в срок.
Я же стою склонённой -
Ивовый я пруток.
Мне ль тополиной статью,
Ростом ли щеголять?
Белой берёзы платье
Иве ли примерять?
Иве - вдове глакучей -
В реку ронять печаль.

Небо набухнет тучей.
Ветер совьёт в спираль.
Смерч пролетит, ломая
Гордые тополя.
Я же стою. Живая.
Гибкая ива - я.

ЗИМНИЙ ГОРОД

Мой старый город, я больна сегодня
Твоей простудной слякотной зимой.
Бреду неспешно в давке новогодней.
Мой дряхлый город, посиди со мной
Вот здесь, на хлипкой парковой скамейке,
В интимно-тёплом круге фонаря.
Мир кутается в снег, как в телогрейку,

Не веря на исходе декабря,
Что снег вечерний лёгок, как девчонка.
Недолговечен, как её «люблю».
Луна, как шарик летнего пинг-понга,
Скатилась в руки древнему кремлю.

МОЖНО ИНАЧЕ

А время было -
Стихи я свои топшила,
Как в ведре котят.
А как иначе?
Топшишь их, топшишь и глачешь -
Тонуть не хотят.

Нельзя оставить
Дышать их да в ведре плавать...
Но разве раздашь?
У других - лучше.
У моих - хвосты да уши -
И весь антураж.

Иной жалеет -
Холит своих да лелеет -
Они жрут да спят.
Мои - убоги.
Сослепу лезут под ноги.
И в тепло хотят.

Не разберутся,
О руки чужие трутся -
Но страшны на вид.
Моим, кургузым,
Поддать сапогом под пузо
Любой норовит.

Топлю в ведре я,
Не пестуют коль, не греют -
Не родись на свет.
Топлю и глачу -
С котами можно иначе...
Со стихами - нет.

ЧУЖАЯ ЗИМА

Как тяжело зима мне легла на плечи,
Словно соболя шуба с плеча чужого.
Лето извечно лечит, зима - калечит.
Только б дожить до лета,
дожить до слова -
Первого слова, тёплого, как телёнок,
Как горизонт в июне - взаслѣб
громадный.
Рыбой зубастой воздух цедить калѣный,
Медными жабрами звон издавать
нескладный.
Жить в тёплой заводи, двига
плавниками,
Не для того, чтоб плыть -
чтоб забыть в покое
Про ледяное брюхо и серый камень,
Шубу соболю, снег и плечо чужое.

На патлах седых, но с лихостью
Заломлен берет с помпоном.
Поэты немного психи все -
Что в юности, что в преклонном.
А ты мне про осень - вкрадчиво.
Приплѣл Пастернака, Блока.
Мол, золото дней растрачено...
...а сам за колени трогал.
Заглядывал в вырез платища
Потеющими глазами.
На губы безбожно плялися,
Да сыпал меж тем стихами -
Что осень, как шляха - рыжая,
А всё норовит - святошей...

Не вздрагивай - не обижу я:
Ты - псих, но - поэт хороший.

ТЫ ХОЧЕШЬ?

Выйду в холодный март,
задохнусь тоской.
Ветер-слепец будет трогать мое лицо...

Хочешь Москву? Что ж - я буду
тебе Москвой.
Хочешь кольцо? - добуду тебе кольцо.

Что же тебе ещё? Ну, давай - желай!
Щукой волшебной ржавено
в твоих сетях:

Пальцы на клавишах?
Тихий собачий лай?
Книги на полках? Дом на семи ветрах?

Все ты давно имеешь - лицо, крыльцо.
Рыбкой непозванной тихо иду ко дну;
Хочешь колечко? Я буду тебе кольцом.
Хочешь... луну? - достану тебе луну.

БЕЗ ПРАВА НА...

Да кто я, чтоб решиться на такое -
Лицом уткнуться в смоль волос
пушистых?
Когда есть двое, безнадежно двое,
Там третьему надеяться - нет смысла.

И разве пауком расставляю сети?
Опутаю? Стряхну пыльцу с ладоней,
Твои сминая крылья? Кто в ответе,
Что я к тебе дворяною бездомной?

Все царства мира за одну ключицу,
За впадинку на шее, за... касанье.
Но права нет мне даже на ресницу,
Что на щеке.

...загадывай желанье.

ЧУЖИЕ

А мы чужие. Совсем чужие.
Быть может, взгляды из под ресниц
Слегка роднят нас. Мы жили-были
В краю полыни и серых птиц,

Теперь - чужие, и ближе вряд ли
Однажды станем. Да суть не в том.
Вот пальцы - видишь, совсем озябли.
Твои, напротив, - горят огнём.

Но - мы чужие. Совсем чужие.
...полынь горчила, кричала выпь...
Лишь бились пальцы мои живые
В твоих ладонях, как стайка рыб.

ЗАРИСОВКА. КРЫМ

Острым лезвием «Казанка»
тушу моря потрошит.
Перешейком, грубой штопкой,
остров к берегу пришит.
И уже он и не остров. Полуостров он уже...

Грозно фыркнула «Казанка»,
заголясь на выраже.

Рой стрижей резвится в небе
босоногой ребятей.

Солнце шкваркает глазуньей
над тефлоновой волной.

И следит из-под ладони
отдыхающий бухой,

Как старик-рыбак сетями
тянет море за собой.

НЕБОМ

Сын смеётся, румянясь от бега:

- Мам, тебе нравится запах снега?

- Нравится, сынок. Очень.

А впрочем -

- Чем пахнет снег? - душа-то ведаёт...

- Мама, небом ведь!

ХОЛОДНО - ГОРЯЧО +?

Спрячется детство в памяти глубоко -
Чёрной горбушкой плюхнется в молоко.
Звонкой кричалкой хитро блеснёт зрачок:
«Холодно... Холодно... Холодно... Горячо!»

Сказкой забытой приметя ворковать.
Рваным мячом закатится под кровать
Иль зашуршит за печкою, как сверчок:
«Холодно-холодно-холодно-горячо».

Вспомнятся шрамы, ссадины, синяки...
Соло шмеля мохнатого, светляки.
Старые кеды - выдранный «язычок».
«Холодно-холодно-холодно-горячо».

Вера святая в чудо, в «мы не умрём»...
Детство и лето - кончатся сентябрём.
Снова, как в жмурки, ощупью, за плечо...
Холодно. Холодно. Холодно... вот и всё.

БЕРЕГА ДВИНЫ

Над рекой Двиной облака ничьи
С ветром маются неприкаянным.
Чередуются крики чайчьи -
То с надеждою, то с отчаяньем.

Берега Двины далеко стоят -
Не отважусь вплавь - руки слабые.
Правый берег крут, левый тих, покат.
Слёзы прячу - глупая баба я.

Зачерпну воды, на лицо плесну:
Вот ведь - жаркий день, а студёная.
Солнце бросило в глубину блесну -
Не достанем со дна ни ты, ни я.

Берега Двины далеко стоят -
Не сойдутся - хоть плачь белугою.
Правый берег крут, левый тих, покат.
От обоих веет разлукою.

ИЮЛЬ

Парит удушливо. Вдали ворчит гроза.
Торгует бабка розовой геранью.
Но мы не смотрим старикам в глаза -
В них отражается всё то, что ЗА...
За гранью.

ГОЛОЛЕДИЦА

Мартовский вечер. Весь город
покрыт глазурью -
Белой блестящей коркой - ромовая
баба к чаю.

Ботиночки на каблучках - эх,
головушка дурья -
Иду по-пингвиньи, сумочкой
в такт качаю.

Экая барыня - нос к небесам - шагаю.
Звёзды меж туч глазеют: «Сейчас
она поскользнётся.
Будет дурьнде глазурь, ромовая баба
к чаю»...

...Ангел на тучке сидит, в кулачок
смеётся.

Минуло Крещение. Падал снег,
Сыпал на уставший за день город.
Разместились, точно на ночлег,
Тучные сугробы вдоль заборов.
В кипенных рубашках фонари
За руки схватились словно дети.
Хрупкие снежинки - «раз-два-три» -
Тихий вальс в янтарно-тусклом свете.

Город спал.
Мороз узорил стёкла.
Стыла подоконная герань...
Хрусткой льдинкой стянутая, блёкла
Ставшая ненужной
Иордань.

Надежда Михайловна Юрова родилась в Тарногском районе. После окончания областного культпросветучилища в 1980 году поступила на работу в районную библиотеку в Тарногском Городке, где трудилась до 1994 года. В 1988 году заочно закончила библиотечно-информационный факультет Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской. С 1994 по 2017 год - корреспондент районной газеты «Кокшеньга». В течение девяти лет возглавляла литературное объединение «Родники». Пишет стихи, рассказы, очерки, которые публиковались в областных и районных газетах, поэтической антологии «Чудь», альманахе «Тарногские просторы» и других литературных сборниках. В 2019 году вышла книга рассказов «Ниточка с иголочкой». Член Союза журналистов России.

Надежда ЮРОВА

«Поговорим о странностях любви, иного я не мыслю разговора...»

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Что самое важное для человека? Чем он живет? Что вспоминает он в глубокой старости? Чем дорожит больше всего? Трудности, встретившиеся на жизненном пути, богатство и власть, наряды и украшения, пиршества и развлечения - всё это с годами уходит в тень.

Умудренный жизнью человек хранит в своем сердце только одно - ЛЮБОВЬ. Только любовь помогает преодолеть трудности, вынести голод и лишения. Любовь - как солнце: она и светит, и греет, и дает силы. Любовь является смыслом нашего пребывания на земле. Совсем не важно, длилась ли эта любовь годы или краткий миг.

О любви написаны тома. Любовь к Родине, к отчому дому, детям, родителям, к природе, искусству, рыбалке, к огородничеству или изобретательству, к игре в карты или путешествиям... сейчас не об этом. Мои рассказы - о любви мужчины и женщины, вернее, о том, какую роль в судьбе женщин сыграла любовь к самому главному мужчине в жизни.

Четверть века я была корреспондентом районной газеты; по работе довелось общаться со множеством разных женщин - богатых и бедных, достигших карьерных вершин и доживающих свой век в одиночестве. Наши интервью часто перерас-

тали в душевную, очень личную беседу. Собеседницы иногда рассказывали свои самые заветные истории. Женские открытия никогда не стали газетными публикациями, но каждая запала мне в душу.

Прошли десятилетия. Многих героев этих историй уже нет с нами, а память жива. Как и любовь.

Ниточка с иголочкой

Рассказы из книги

ДОМОВНИК

Наша деревня раньше слыла самой крупной в сельсовете, домов восемьдесят. Дома-то какие! Высокие, по три-четыре избы под одной крышей, с резными наличниками. Да еще конюшня, да хлев, да баня, да прочие постройки. Расположилась деревня на безопасном от водополя месте, между двух рек на высоком взгорке. Красота какая: глянешь по сторонам - кругом небо, а вниз от деревни поля сбегают и луг стелется. Старики рассказывали, что голоду здешние крестьяне отродясь не знавали, ни при царе, ни при колхозах. Земля вокруг плодородная, полей, пастбищ и покосов хватало без скандала, живности в каждом хозяйстве полный двор. Опять же - трудились с рассвета и до заката. Домой старались с пустыми руками не возвращаться! Около реки трудиться - заодно заклады или морды поставь, рыбы налови: около леса день провёл - грибов, ягод набери или веников наломай, по лугу идешь - нарви трав лекарственных. Запасов в доме на три года вперед хватало.

В дальних волостях завидовали моим землякам. В деревню невест отдавали охотно, считали, что им обеспечено справное житье. Еще больше имелось расчетливых парней, желающих попасть в домовники.

Кто такой домовник? Это молодой человек, женившийся на девушке, наследнице дома. Пусть у него не имелось и копейки за душой, главное, чтобы продолжил род, не разбазарил хозяйство, а еще лучше, если сохранил и продолжил местную фамилию. Домовников привилось немало, в соседях три таких устроились, на тятиних сестрах двоюродных женаты. Родственники меж собой, выходцы из бедного житья. Уж как мы их с детства не любили! Да и было за что! Смолоду-то,

рассказывали, пока женины родители были в силе, они вели себя смиренно, от труда не увиливали, похвалу от людей собирали. А пришло их время, начали выкаблучиваться. К соседям относились с высокомерием, а то и подлостью, а уж как они диковались над своими женами и детьми - и не передать. Сколько домашние ни стараются, никак не угодят. Хозяин только на порог заступит, сразу с пристрастием допытываться: всё ли ладно в доме, управлена ли скотина, поручения выполнены ли... И чтоб еду горячую немедленно на стол подавали, а без него никто и крошки съесть не имел права. Слова молвить поперек нельзя. Чуть что за плетку, да так налупит, что неделю ни сесть, ни лечь.

А праздник придет, соберутся вместе дядья, начнут вспоминать, как куролесил дед Маркел, примутся хвастаться друг перед другом, кто как жен строжит и какие подружки у каждого на стороне имеются. Помню, Федор Иванович рассказывал, как пришел домой с гулянки с тальянкой через плечо, а жена ему: «Что, Федя, наигрался вдоволь? Напелась Анфиска песенок?» А он: «И ты сейчас напоешься». Выгнал нашу тетушку Анисью в одной исподке на улицу, а было это на Покров, приказал сесть на край открытого колодца и всю ночь частушки петь.

Тётушки мои счастья много не знавали. Одна потеряла ребеночка, надорвавшись на работе, да так и осталась бездетной. Вторая простудилась сырой осенью и умерла от воспаления легких, оставив четверых сирот. Третья, не выдержав постоянных побоев и издевательств, наложилась на себя руки.

Нас у родителей из семерых детей выжило четыре дочери, все - погодки, я - средняя. С ранних лет нам объясняли, что одной из нас придется с домом остаться. Таких хороших домов во всей округе не

сыскать! Срублен из векового леса на два этажа, с балконами, весь день из наших окон солнышко не уходит, а избы просторные, чистые, коридоры широкие, лесенки удобные. И лавки, и полки, и шкафчики - все расписное. Ни одна дверь не скрипит, не хлопнет! Умели дедушка и тятя мастерить по дереву. С одной стороны дома выбежишь - лужок красивый, с другой - речка вьется, от нашего дома за водой ходить ближе всех в деревне.

Хоть домом родительским я и дорожила, но, насмотревшись на худое соседское житье, не хотела попасть в рабство к домовнику-извергу, зарекалась: пусть кто-нибудь из сестер с тятей в доме век доживает, только не я. Одно дело планировать, другое жить. Сызмальства имелась у меня симпатия, в школе вместе учились, обещал жениться после армии, да только он домой не вернулся, перехватила его другая. Старшую сестру Анну отправили в ФЗО, там она и осталась жить, вторая сестра вышла замуж в соседнюю деревню, а младшая утонула во время сплава. Так и осталась я с тятей в родном доме.

Время пришло уже другое, деревне стало жить вольнее: заработки хорошие, тятя пенсию назначили, да и личное хозяйство прибыль приносило, а если надо дров привезти или участок вспахать, колхоз техникой помогал. Дом содержать и мне оказалось посильным. Уж на четвертый десяток перевалило, и я смирилась: участь в старых девах век доживать. Тут-то и повстречалась мне моя судьба.

Однажды по весне в деревню заехала экспедиция геологов - предстояло им исследовать, нет ли в наших краях нефти и газа. Геологов было человек двадцать, ребята все молодые, красивые, городские - из Ленинграда. Расквартировались в соседнем доме, от нас через дорогу, окна в окна, так что нам видно, как чужаки обживаются, а им наш дом как на ладони. Мы с тятей тогда в хозяйстве две коровы держали, овец и кур, геологи подрядились у нас покупать молоко, масло, творог и яйца. Овощи и картошку мы бесплатно давали - не жалко, всё равно девать некуда.

Среди геологов было трое совсем молодых парней: Веня, Ян и Борис. «В поле», как они говорили, ребята эти выехали впервые и о деревенской жизни знали только по фильмам. И так она им понравилась, особенно наши продукты. Ну, и вода из речки, конечно, - без хлорки-то она совсем не такая, как из городского крана. Как-то на Воздвижение я пирогов напекла; горожане их так уплетали, будто век не едали. А мне и смешно над ними, и жалко: на чужбине никому не сладко.

Только вот поведение геологов, если честно говорить, деревенским не нравилось: много пили водки, играли в карты, бузили... В общем, репутацию заработали неважнецкую. Когда уехали, местные вздохнули с облегчением. Только мне немножко грустно стало.

Однако через три дня один воротился, и к нам в улочку. Присмотрелась - Веня, самый смешливый из той троицы. Мы в тот час с тятей ужинали, в окошко увидели, подумали, забыл чего. Сердце мое заколотилось от предчувствия, я бегом на крыльцо. А он подходит ко мне, поздоровался, зарделся весь и говорит:

- Александра, выходи за меня замуж! Я понял, что жить без тебя не могу. Лучше тебя и краше никого не видел и искать не хочу. Невмоготу больше с пьяницами общаться, хочу жить для тебя! Я люблю тебя!

Остолбенела от удивления, я таких слов отродясь не слышала, у нас в деревне если даже сватаются, так прямо не говорят, а что-нибудь витиеватое: «Ваш товар, наш купец...», или «Не хотите ли стряпать у моей печи...», а чтобы так прямо и без обиняков, в голове не укладывалось!

Тут тятя мой вмешался:

- Ты нам, мил-человек, личность неизвестная, кто тебя знает, что за душой, может, в чем повинен, от кого бежишь. Зачем Шуру сманиваешь? Не отпущу! У нее здесь пуп резан, здесь дом дедовский.

Веня в ответ:

- Позже познакомлю, мои родители, братья и сестры на заводе имени Кирова работают.

Отец не понимает:

- Что же тебе, как всей семье, на заводе не работалось? Чем город не хорош?

- Тятя, прекрати допрос, наше-то какое дело до чужого житья! - взмолилась я.

А Веня не отступается:

- За счастье почту город оставить и жить в этом доме, если на то будет воля ваша.

Отец для пушего страху:

- Знаешь, мил человек, у нас тут принято, если в семью жить приходишь, фамилию менять. Готов ли ты от своей отказаться и нашу фамилию продолжить?

- Готов, - не моргнув глазом, с ходу выпалил Веня, - я на все ради Шуручки готов! Лишь бы рядом с нею быть...

И так он меня растрогал, так покори́л твердой решимостью, что я забыла про все свои старопрежние страхи и клятвы не принимать домовника и бросилась ему на шею. На другой же день подали заявление в сельсовет и расписались. Венечка, как и обещал, мою фамилию взял.

К деревенской жизни Веня привык быстро. Поначалу я его пытала, не скучает ли по родному городу. Лет пять он отмалчивался, а потом признался:

- Чего там хорошего! Погода в Питере по полгода мерзкая, слякотная, кругом камень, серость, ветер с залива, ни одного живого деревца из окошка не видать. Пятеро взрослых ютятся в одной комнате большой коммунальной квартиры. Разве там жизнь - все ругаются, кричат друг на друга, очереди в туалет не дождешься...

Раздосадовалась я:

- Так ты на мне из жилищных соображений женился?

- Без тебя, Шура, я бы пропал где-нибудь уже, прошлая жизнь хуже каторги. Ты - мой ангел-хранитель, в этом доме мне рай на земле.

Я никогда и представить не могла, что так дружно можно жить с мужем и днём, и ночью. Ласковый, слова грубого не слыхала. Любую работу вместе, сначала я мужу подсказывала да подучивала, как надо грядки копать, как сено метать, а потом он и сам лучше многих местных в крестьянском деле стал смекать. По-

лучил права водителя. Водки он не пил никогда, разве по большим праздникам две стопочки опрокинет - и всё: не курит, попусту языком не треплет. Денег мы с ним зарабатывали больше всех в колхозе. Дом разукрасили как картинку, самые первые купили машину и телевизор. Раньше каждое лето к нам в гости приезжали его мать и племянники. Нравилось горожанам деревенское житье, а свекровь на нас налюбоваться не могла, всё меня благодарила за Венечку.

Тридцать пять лет пролетели как день один. И каждое утро радовалась я и Бога благодарила за то, что мне такого человека послал. Да вон Вениамин Иванович мой, из лесу идет. За рыжиками ходил.

ВСТАВАЙ И ИДИ

В 49 лет я сильно заболела. Все началось с обыкновенной простуды: ходила на Первомайскую демонстрацию, нарядилась-то легко, меня и продуло. Сходила на медпункт к фельдшернице, она таблеточки выписала. В то время я почтовым отделением заведовала, материальная ответственность большая, заменить некем, на больничный не ушла. От таблеток стало только хуже. Привязалась другая болезнь, потом третья. И до того обессиленна, что ходить не змогла. Положили меня в участковую больницу. Врач, молоденький такой, только что из института, интересуется:

- Больная, что вас конкретно беспокоит? Опишите симптомы.

- Доктор, все тело как не мое, не слушается. Холодно, темно и душно тут у вас.

- Отчего же холодно? Лето на дворе, солнце в окошко палаты светит, и форточки открыты.

Рекомендовал доктор сдать анализы, ставить уколы и капельницы... Проку нет. Руки ломит, ноги не гнутся, еда в рот не лезет. Закончился курс лечения, велел доктор родным домой меня забирать и готовиться к худшему. Через три больничных недели меня с трудом можно было узнать: руки как ветки

сухие, кожа сморщилась. Из машины Лень, старший сын, донес меня на руках. От дороги и по мосткам, и в крылечко, а оно у нас неловкое, высокое, вынес и не запышкался. Весу во мне осталось в половину прежнего.

Лежу как-то одна в своей постели поздним августовским вечером, и понимаю, что надеяться больше не на что. Ветер налетел, молнии сверкают с полуденной стороны, окошко открытое хлопает, а мне его никак не закрыть. Уже вторую неделю не встаю, скоро пролежни будут. Какое там встать, руку из-за головы достать не могу. Не помню, когда и ела. Холодно, одеяло на пол съехало, поправить не получается...

Сыновья убежали в клуб на танцы, муж у подружки ночует. Полюбовникам про меня все понятно, ждут со дня на день, когда руки развяжу. Жалко стало себя, заревела в голос, начала звать на помощь. Некому прийти. Отчаялась, запричитала: «Пресвятая Богородица, за что наказание такое? Никому-то я не нужна! Господи Иисусе, избави меня от муки или наставь на путь истинный...»

Устала от слез, боли и отчаяния, задремала. И видится сон, а так четко, будто наяву. Запрыгнул в окно человек, молодой такой, невысокого роста, как шагает, не слышно. Окно прикрыл, подошел к кровати, одеяло поправил, руку мою затекшую из-за головы достал, положил поверх одеяла и не отпускает из своей руки. А рука такая знакомая и невесомая, только вспомнить не могу, чья, но тепло становится и боль отступает.

- Спасибо, паренек, что помог! - улыбаюсь слабо. - Чей ты? Узнать не могу.

И он улыбается ласково и молчит. Присмотрелась, да как вскрикну:

- Ванятка, ты, что ли? Когда приехал? Вот знала же: неправда, что ты потерялся... - Радуюсь, и так легко мне становится. - Счастье-то какое! Не сомневалась, что вернешься. Не мог ты не вернуться!

Смотрю на него, а он точь-в-точь такой, каким я его в последний раз видела. Нисколько не изменился. Молчит и

улыбается, и хорошо мне, что уходить не торопится. Я ему:

- Что же ты, Ваня, все молчишь? Хоть бы рассказал, как живешь, где странствовал столько времени... Не изменился совсем... А я вот что-то совсем сдала, страшно мне, помру, наверное, никто и не заплачет. Все забудут.

- Не забудут, - успокаивает, - ты же меня не забыла. Вот я пришел.

И правда, Ваню я не забыла. Хотя, сказать по правде, не было меж нами ничего такого, что теперь называют отношениями. Учились в одном классе, жили на соседних улицах. Низенького роста, невзрачный, весь в конопушках... Ни поведением, ни успехами в учебе Ваня не выделялся среди товарищей, разве чуть заикался, поэтому говорил негромко и сдержанно. В толпе встретишь - пройдешь и не оглянешься.

Подружились мы в седьмом классе во время трудовой четверти. В те годы на летних каникулах школьники обязательно работали в колхозе на заготовке кормов. Все сверстники хотели непременно на лошадах сено обваживать. Поручение считалось почетным. Я тоже обрадовалась, когда получила такой наряд. Обрадовалась раньше времени: лошадь попала свирепая, чуть что - кусается. Справиться не могу, реву, что делать - не знаю. Ваня с лошадами обходиться с детства привычный, дедушка - конюх, внука за собой таскал. Другие ребята надо мной смеются, а Ваня тихонечко подскажет, как лучше лошадь укротить, подпрыгну подтянет, воз поможет разгрузить. Характер у парня покладистый, с ним в паре работать одно удовольствие: пошутит не обидно и последней корочкой поделится. Только одна досада - стеснительный: когда беседуем с глазу на глаз - обо всем слово найдёт, да так говорит умно, рассудительно.. Зато при народе будто и знать меня не знает, не видит и не слышит; и не подойдет, и слова не молвит, прямо как чужой какой.

После восьмого класса наши дорожки разошлись: Ваня поступил в техникум на механика, я продолжила учебу в средней

школе, за мной стал ухаживать мальчик из параллельного класса. У Вани тоже подружка наметилась. И ни о чем мы друг с другом не разговаривали, разве что поздороваемся при редкой встрече да посмотрим друг на друга долгим взглядом среди обыденной суеты.

Ване исполнилось 18 лет, пришел срок отправки на службу в армию на два года. В то время повсеместно провожали парней шумно, собирали вечер, гуляли всем миром. Колхоз выделял машину, и до райвоенкомата вместе с призывником за десятки километров ехали родители, друзья и любимая девушка. Слезы, клятвы, напутствия... Команда новобранцев для отправки в областной центр набиралась солидная, а провожающих - в десять раз больше.

И так уж вышло: других парней провожает куча народа, а у Вани - никого. Да ведь и я-то не ведала, что отправка именно в этот день, проходила случайно мимо военкомата по своим делам и увидела его еще издали. Ваня стоял один-одинешенек, с наголо побритой головой, прислонившись к ограде, с вещмешком через плечо. Столько тоски, боли и сиротливости накопилось этих в темно-серых глазах, как будто дождя перед летней грозой... Забыв обо всем на свете, рванулась к нему сквозь толпу. В этот миг раздалась команда: «По машинам!». Началась ужасная суматоха, и Ваня исчез из виду. Я глупо металась среди суетливых и растерянных людей, желая только одного - остановить время и всё исправить. Так стало жаль Ванячку, что его никто не провожает, жаль себя и нескладную жизнь... Жаль всех ребят, отправляющихся до ближайшей железнодорожной станции на открытой машине по весеннему бездорожью под нудным дождем... Встретились с Ваней взглядами, и слезы мои полились ручьем. Стало так очевидно, мы пропустили что-то драгоценное...

Не успела опомниться и что-либо понять - меня подхватили на руки какие-то незнакомые подвыпившие парни из

числа провожающих, подняли высоко над толпой. Ваня стоял у борта близко-близко... Я чувствовала его дыхание, запах и не знала, что сказать... Вдруг он обнял меня крепко за плечи и поцеловал. Один-единственный раз. Время остановилось. Казалось, что я всю его судьбу увидела. «Господи, так нельзя целоваться, это слишком пронзительно и невозможно...» - окружающая толпа перестала для меня существовать. И пока машина не скрылась из виду, я смотрела только на суженого и хранила долгий поцелуй на губах...

- Ваня, что же ты за столько лет ни разу письма не написал? Не приехал после армии?

А он по волосам меня погладил и, чуть заикаясь, тихонечко:

- Судьба такая у меня... Ты, Таюшка, ничего не бойся, скоро поправишься. Мы позже обязательно встретимся. А сейчас вставай и иди!

И исчез.

Проснувшись я - в комнате темно, окно закрыто. Уж не помню как, но села на кровати, попыталась встать, сделала три шага и упала, чуть не расшиблась вся.

Сыновья с гулянки пришли, на кровать положили. А я как забудусь, так опять Ваню вижу рядом с собой, он мне велит:

- Вставай и иди!

На другой раз до дверей дошла, пока не рухнула, все коленки разбила. Муж волоком обратно тащил да грозил, что к кровати привяжет. А я - своё правлю. На третий день меня у калитки нашли. Через шесть дней падать перестала, еще через неделю появился аппетит, так и пошла на поправку.

С той поры прошло 23 года. Пережила я и мужа, и полюбовницу его. Сыновья давно женились, живут своими семьями. Управляюсь одна, никому не хочу надоедать. В деревне со своим домом всегда работы много, огород большой, в лес хожу по грибы и ягоды. На здоровье не жалуясь. Веселья, правда, в жизни не много, и только тот день хороший выпадает, ежели Ваня во сне приснится.

КРАСАВА

То, что я - красавица, мне говорили с детства. В деревне редко зовут по именам, особенно за глаза, все больше по прозвищам. На фамилию вообще никто не обращает внимания: полдеревни жителей с одной фамилий. Фамилия - это если только по казенной надобности обращаются. Нас у родителей пять девок. Четыре сестры - Анна, Анфиса, Текуста и Сусанна - меж собой как копии: волосы светлые, глаза серые, роста маленького. Их смолоту и до старости путали, а при встрече, чтобы не попасть в конфуз, обращались просто: «Здравствуй, Афанасьевна!»

А меня иначе как Лизка Красава и не называли. Покрупнее, чем сестры, на целую голову выше, глаза темно-синие, кожа гладкая да светлая, волос темно-русый, заплетала две толстенных косы ниже пояса. Еще я петь любила, плясать, на народе веселая всегда, а на работу - лютая, в любом деле других опережала играючи. И в будни, и в праздники, что бы ни делала, всегда видела, что люди на меня с обожанием смотрят. Чем взрослее становилась, тем красота больше расцветала.

Да не зря говорят, не родись красивой, а родись счастливой. Годам к девятнадцати вокруг меня ухажеры тучей вились, как овода на сенокосе, едва успевала отмахиваться. Пойдем с подружкой в клуб, а парни уж дожидаются, бывает, и передерутся меж собой. До времени не переживала, мне смешно, да и только. У самой сердце ни к кому не лежало, начнут набиваться в провожатые, а я в ответ - нет, да и только.

В тот год приехали в соседний лесной поселок на заготовку древесины две бригады городских мужиков (мы их вербованными называли), повадились в наш клуб захаживать. На меня обратили внимание, стали приставать нешуточно. Чужаков я забоялась, решила: надо из своих парней кого-то присмотреть, иначе пропаду ни за грош. Выбрала Колю из соседней деревни, остальным ухажерам от ворот поворот показала.

Да и как Колю не выбрать, как в него не влюбиться! Всех же выше, всех краше - и на гармошке играет. Подружка моя выбрала Колиного товарища. И так хорошо было в то лето гулять двумя парами: я с Колей и Нюра с Петей. Как пойдем вечером из клуба, Коля на гармошке играет, а мы Нюрой песни поем. Вся округа выходила слушать.

Уговорились мы, что на ноябрьские праздники обе свадьбы вместе сыграем. Вроде никому и не сказывали секрета, да только в деревне новости по ветру летают.

Однажды после провожания возвращались наши кавалеры домой, идут, беседу беседуют, и уж до своей деревни рукой подать... Светать начинает, и туман над низиной стелился... Вдруг ни с того ни с сего Петя падает замертво, и по виску его кровь струится. Николай в панике, понять ничего не может, только слышит, как камень мимо уха просвистел, потом другой. Он на тропку тоже упал и затаился. Видит, кто-то из кустов выскочил и побежал прочь.

Приехал из района участковый, всё осмотрел, Колю допросил. Следствие шло долго. Сначала подозрение пало на временных рабочих из поселка, знали, у многих уголовное прошлое. Как уж докопались до того, что в преступлении виноват Степан, мне не ведомо, но в убийстве он сознался.

Степа жил в дальней деревне за рекой, года три за мной ухлестывал. Ничем из других не выделялся, парень как парень, коренастый, рыжий. Меж нами ни разу слова не сказано, ни худого, ни хорошего. Он, видно, надежду питал, и как узнал, что за Колю замуж выхожу, решил соперника убить. А того не подумал, что злое дело до добра не доведет. Не один день выслеживал соперника на узенькой дорожке, и первым же метким броском убил невинного человека. За это преступление Степану дали десять лет строгого режима. Тем злосчастным камнем изломал жизнь и себе.

В ноябрьские праздники пышной свадьбы не играли, тихонечко расписа-

лись с Колей в сельсовете и стали жить в мужнином доме. Через год родился первенец Ваня. Тогда не понимала я, что семейная жизнь, начавшаяся под дурным знаком, хорошего ничего не сулит. Колю как подменили: к домашней работе оказался равнодушным; в МТС еще что-то делает, а дома палец о палец не стукнет. Крыша течёт или половица в бане провалилась - ему всё даром. Бывало, зима на пороге, а у нас дров и полена нет. Все самой приходилось делать: и огород копать, и дрова колоть, и печку ремонтировать. Зато ласковый был, не скандальный. Бывало, вечером тороплюсь грядку выполоть или посуду вымыть, а он:

- Да брось ты, иди лучше ко мне, отдохни!

Нажили двух сыновей и дочку, да троих неродившихся я в больницу снесла. Понимаю, что грех большой, а тогда не знала, как оборониться...

С мужем прожили десять лет. Умер он от приступа аппендицита прямо на операционном столе. В 30 лет осталась я у разбитого корыта. Дети мал-мала меньше, дом совсем прохудился, под лавки снег задувает. Что и делать, не знаю. Еще и черный платок не сняла, как на порог пришел Степан в полинялой фуфайке. Я сначала не поняла, что за мужик. Заматерел, на руке татуировка, говор другой.

- Только что освободился... Красава, я за тобой! - и подарки достает.

Выкинула подарки не глядя и выгнала взашей.

- Из-за тебя всё зло! - кричу.

Через два дня забрала детей и переехала в райцентр, сняла угол у одной старушки. Устроилась поварихой, думаю, хоть дети будут не голодные. Зажили потихоньку, дети стали в школу и садик ходить.

Степан меня разыскал, опять с уговорами, мол, давай жить вместе. Я и слышать не желаю. Устроился на комбинат краснодеревщиком и стал каждый день в столовую забегать. Напарница подсмеивается: «Ох, уговорит он тебя, Лизок, как

пить дать уговорит!» А я в ответ: «За кого угодно, только не за этого...»

Но не зря говорят, не зарекайся, никто не знает, что ждет впереди. В январе ударили сильные морозы, ниже сорока градусов. Птицы на лету замерзали. В школе уроки отменили. В нашем домишке было ужасно холодно, хозяйке приходилось печку по два раза в день топить. То ли уголек выскочил, то ли труба перекалилась, ночью возник пожар. Все крепко спали, а когда проснулись, то кухня уже пылала. Мы выскочили в окно, в чем были, без денег и документов. Куда податься, неведомо. Откуда прибежал Степан, не помню, схватил младшенькую, Катюшку, на руки и кричит:

- Быстрее в машину!

Кинул какое-то тряпье, чтобы укутаться, и привез к себе домой. Он в то время небольшую избушечку снимал у самого озера. Мы зашли в тепло, у нас зуб на зуб не попадает, я и слова вымолвить не могу. А Степа:

- Располагайтесь... Завтра поговорим, - и ушел.

Деваться некуда, стали мы ютиться на Степановой жилплощади. А он зайдет к нам на полчаса, принесет что-нибудь из продуктов или одежонку, да и прочь. Кроме основной работы, он еще и ночным сторожем устроился. Все стремился побольше заработать, чтобы быстрее на ноги встать.

Так дожили мы до весны. Я и говорю:

- Спасибо тебе большое, Степан Иванович, за то, что приютил нас в трудную минуту. Зажились мы у тебя, стеснили очень... Как только у ребят учебный год закончится, освободим жилье и переедем...

- Вот это правильно, - улыбается, - что переедете. Я давно хотел предложить. Считаю, что всё до ума довести в доме мы сможем, уже когда заселимся.

- В каком доме? - спрашиваю удивленно.

- В нашем. Я новый дом купил на соседней улице, он еще не совсем достроен, но жить уже можно.

- А с чего ты решил, что я туда поеду?
- возражаю я.

- Так с мужиками твоими посоветовался, они согласны. Верно, пацаны?

- Верно! - кричит Иван и Петя.

На майские праздники мы переехали. Дом оказался большой, я в таком просторе отродясь не жила. И как оказалось хорошо жить в своем гнездышке! Степан - к работе со рвением. Утром встанет ни свет ни заря, съест на завтрак тарелку супа - и в свою мастерскую деревяшки строгать. В нашем доме всё своими руками сделал, да и людям мастерил ладно, к нему издалека приезжали мебель заказывать.

Меж собой мы дружно зажили. Нраву учениями не докучал, отчет за каждую копейку не спрашивал, рук не распускал. Оказался человеком сдержанным, различал, какое у меня настроение, уравнивал так, что и до сих пор помнится. Жаль, детей мы совместных не нажили, Степан, пока в Воркуте срок отбывал, всё на свете отморозил. Здоровья его хватило ненадолго, прожили мы вместе двенадцать лет. Но за эти годы сделал всё, чтобы я ни в чём нужды не знала.

НИТОЧКА С ИГОЛОЧКОЙ

Почти каждую ночь мне снится один и тот же сон. Чистая просторная комната, в солнечных зайчиках на пестрых домотканых половиках, открытое окно, ветер заигрывает белыми тюлевыми занавесками, вышитые полотенца украшают строгие портреты на стене, вязаная накрахмаленная скатерть на столе с резными ножками касается бахромой пола. Я, с огромным розовым бантом на голове, в новом штапельном платьице, сижу на мягком лоскутном одеяле посреди кубиков, мячиков и машинок. Открывается дверь, и в комнату заходит мальчик - крепыш с голубыми глазами и белесой челкой. «Валенька, познакомься - это Слава, - улыбается бабушка Глафира. - Играйте дружно, а я пойду на кухню». Сны - такая удивительная вещь, они сохраняют мельчайшие детали: дивный

запах ржаных караваев, только что вынутых из русской печи, тиканье ходиков, кружение блестящей юлы. Вот, один на другой, кубики складываются в высокую стену. Слава упорно строит дома, но до полного совершенства всегда кубиков не хватает. Слава - первый человек в моей жизни, чье лицо запомнилось.

Место моего рождения - заполярный город Мурманск. Там прошли первые четыре года раннего детства. Я практически ничего не помню из тех лет: ни комнаты, в которой жила наша семья, ни отца, ни солнца, сияющего летом круглосуточно. Разве что осталось в памяти прикосновение пронизывающего сырого ветра, выбивавшего слезы из глаз, и длинные белые больничные коридоры.

Я родилась недоношенной и слабой, с врожденным пороком сердца, росла туго, много болела и очень утомила родителей. Пожилой врач посоветовал маме: «Если хотите, чтобы ваша дочь поправилась, смените климатический пояс. Лучше всего для здоровья ребенка подойдет средняя полоса».

Мама решила на переезд в Вологодскую область. Папа, провожая на поезд, пообещал приехать через год, когда закончится контракт, да так и не сдержал слова.

Мама сняла комнатку в доме пожилой вдовы. Бабушка Глафира нянчила меня, хилую и болезненную, три года, и я прикипела к ней как к родной. Слава приходился «Гафие», так я ее называла, внучатым племянником. Моложе меня на два года, но не мельче. С рождения отличался отменным аппетитом, богатырским здоровьем и исправно ходил в садик. К бабушке его приводили по воскресеньям. Выходных я ждала как света солнышка. Играли со Славкой целый день, не спорили, не делили игрушки, не обижались, он соглашался исполнять придуманные мной роли. Когда за Славой приходила мама и они собирались домой, я хныкала.

Первые годы учебы дались мне трудно: в школу я пошла восьми лет, в пятом классе перенесла серьезную операцию на

сердце и осталась на второй год. Так со Славой оказались в одном классе. Дети - жестокий народ. Робкой и болезненной второгоднице, не способной бегать и поднимать тяжести, в новом, очень хулиганском классе предстояло перенести немало колкостей, насмешек и тумачков. Думала: прыгнуть с обрыва в реку или спрятаться на чердаке, лишь бы не ходить в школу. Быть единственным ребенком - большое наказание, за тебя не заступится старший брат, и значит, любой балбес может отвесить подзатыльник.

Однако уже в конце первой учебной недели спокойный увалень Слава, не дравшийся ни с кем и никогда, отвесил такую затрешину пацану, дернувшему меня за ранец, что тот перелетел через парту. Какое это счастье узнать, что тебя защитят! Про диагнозы думать забыла и духом воспрянула. Учеба в новом классе оказалась не так уж дурна: пока учитель спрашивал других ребят у доски, я глазела на Славу, выучивала каждый урок как можно усерднее и отвечала лучше, чтобы произвести на него впечатление. К концу первого полугодия стала отличницей по всем предметам, кроме физкультуры. Физкультура мне не давалась. Зато у Славы с физкультурой и спортом все шло превосходно. И из года в год лучше. Он ходил на секции в спортивную школу и подавал большие надежды, от природы ему досталась недюжинная физическая сила, и то, что старшеклассникам удавалось с трудом, Слава делал играючи: тягал гири, метал диск, плавал, бегал на лыжах. Другие, чтобы добиться подобных результатов, тратили на тренировки годы, Славке стоило только попробовать, и все получалось отменно.

Вместе со школьной командой он постоянно участвовал то в одних, то в других в областных соревнованиях, и всегда успешно. Тренировки и поездки изрядно подкосили успеваемость, в дневнике появились двоечки. Тренер припугнул: «Не подтянешься в учебе - исключу из команды». Надо вместе делать домашние задания, решила я. Из меня получался

толковый репетитор, хотя, сказать по правде, чаще Славка просто списывал. За месяц вышел в «хорошисты», спортивные результаты с каждым днем становились все лучше.

Слава тянулся за мной, а я - за Славой. Несмотря на запреты врачей, занялась спортивной ходьбой, начала обливаться холодной водой. И пусть рекорды мне и не снились, но на серебряный значок ГТО все-таки сдала.

Юность часто мечтает о счастливом будущем, а мы не только мечтали - мы в него верили. Слава хотел стать военным, и возможные переезды - офицеров ведь часто переводят с места на место - его не пугали: хотелось поездить по всему Союзу, и чтобы я была рядом с ним. И я ждала этого с нетерпением. Мне всё в Славе казалось безупречным: речь, фигура, походка, цвет кожи, взгляд...

В 10 классе Слава успешно выступил на республиканских соревнованиях, получил очередной юношеский разряд и приглашение в сборную области. В родной школе Славу встречали как настоящего героя: торжественная линейка, поздравления, восторженная толпа девчонок, да каких - одна другой краше. И в самом деле, как за таким парнем не бегать: высокий, статный, мускулистый, загорелый, волосы густые, синие глаза с искринкой, белозубая улыбка - и весь словно прямо с плаката к нам шагнул. За стенами школы друзья и старшие товарищи руку жмут, выпить предлагают. Взрослые люди справиться не могут с «медными трубами», а где парнишке удержаться. Забурлила Славина жизнь, как чайник на керогазе: то тренировку пропустит, то на уроки опоздает, то с дискотеки домой вернуться забудет. Обидно всё это мне показалось, решила с ним больше не разговаривать. Бабушка Глафира только смеется над моими обидами:

- Глупая, это же хорошо, если человек смолоду перебесится, раньше хвост прижмет, ловчей к житью будет. Некуда он от тебя не денется...

- Как же не денется, - возмущаюсь

я, - вон, к нему взрослые тетки клеятся. Такое прощать нельзя! Я для него столько делала!

- Ты не для него, для себя делала. За каждым стоящим мужиком мудрая жена стоит обязательно. Друг без друга никак нельзя, вы как ниточка с иглолочкой. Вдвоем-то жизнь ладную сошьете. Без него ты пропадешь, и он без тебя. У него - сила, у тебя - ум. Поговори ласково, образумь. Он всегда по-твоему делает, а не услышит сейчас, потерпи немного, все образуется.

Хорошо бабушка поучала, да я худо слушала. Шагу навстречу не сделала, понять не попыталась, руки помощи не протянула. Из-за нарушения спортивного режима в областную команду Славу не взяли. Экзамены за среднюю школу любимый мой едва не завалил. А еще в тот год вышло строгое постановление, по которому всех выпускников средних школ района бросили на подъем сельского хозяйства. Славу вместе с двумя одноклассниками распределили в соседний колхоз трактористом.

Мы, две отличницы, получили направление в Молочный институт на агрономический факультет. Сижу на лекциях, преподавателя слушаю вполуха, а сама все по сторонам Славкино лицо выискиваю. И до чего дошла: начало мне казаться, что его в толпе вижу. Решила, что приеду на зимние каникулы и помирюсь с ним обязательно, любой ценой.

Приехала я как раз вовремя, за день до Славкиной свадьбы: рассказали мне, что он женится на молодой фельдшернице, а она беременна - срок 27 недель. Вот говорят, худые вести не лежат на месте, а мне никто не написал, не позвонил. Хотя чтобы это изменило?

Бабушка Глафира поучает:

- Что стоишь, как соляной столб! Иди и забери, что твоё...

- Как же я пойду, все осудят... - плачу.

- Да и поздно уже.

- Не сейчас поздно, потом будет поздно. Иди, всю жизнь жалеть будешь. Ты только за порог переступи, он сам за тобой

выйдет. Вам друг без друга не житье - приязаны навечно.

- Как же, бабушка, не житье? - возражаю. - Он же выбрал другую, и я себе другого найду, проживу как-нибудь.

Не знала по молодости, что надо жить не как-нибудь, а как следует, и за свое держаться зубом и ногтем. А гордость да обида - плохие советчики. Не послушалась бабушку, уехала, и следующим летом на практике выскочила замуж за вдовца. Пожалела: у него две девочки росли - слабенькие, неприкаянные, очень меня маленькую напомним, захотелось их обогреть. Минутный порыв обернулся тяжелым хомутом. Вдобавок к болезненным деточкам достался неласковый муж, парализованный свёкор и полоумная свекровь. Одно счастье, что не у всех одновременно обострение приключалось...

Славкина жизнь тоже не клеилась. От спорта отошел, учебу дальше не продолжил. С женой зашла коса на камень. Очень уж крикливая уродилась, а зря, ей это только во вред. Из Славки, ежели с ним спокойно говорить, можно веревки вить. А она как заорет, как начнет скалкой махать, так и синяк схлопочет. Потом еще поганей: уехала к отцу своего ребенка в город. И зачем она, беременная от другого, придумала за молодого парня замуж идти? На красоту его позарилась или побоялась матерью-одиночкой остаться? В общем, прожил он с фельдшерницей два года, и она с ребенком деревню оставила.

Назло бывшей Славка немедленно женился на симпатичной учительнице. Ох, как я рассердилась, узнав об этом! Перебила в доме все цветочные горшки... Вечером позвонила мама и сказала, что Славка перевернулся на тракторе, получил сотрясение мозга, сломал ключицу и два ребра. Хотелось немедленно бросить всё, ехать и выхаживать больного... Даже вещи начала в сумку кидать, да опомнилась: без меня есть кому за ним ухаживать, жена рядом... Впрочем, и эта жена надолго не задержалась. Учительнице на смену пришла местная по-

чталёнка. Дурную весть я узнала в тот момент, когда развешивала на улице белье, в сердцах оборвала все веревки... Назавтра мне сообщили, что Славка чистил печную трубу в бане, свалился с крыши, сломал руку и вывихнул плечо.

Стала я замечать: стоит разгневаться на Славку, так сразу же с ним случаются неприятности. За что ему, Господи, думала, я, он же ни в чем не виноват! Это моя вина: слишком много думала о себе и оставила парня без опоры в жизни. Ба-

бушка была права, мы привязаны друг к другу невидимыми, прочными нитями. Вместе были сильными, порознь стали уязвимыми. Ни мне, ни ему Бог не дал своих детей, воспитываем чужих. Каждое утро, просыпаясь, я желаю Славе доброго дня, а вечером - спокойной ночи. Славка снится мне каждую ночь. Тот, маленький. Вот он входит в солнечную комнату, вот подходит ко мне и протягивает конфету... Я верю, что этот сон оберегает его от бед.

Чисто и честно

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ КОЛЛЕГИ

С радостью представляю первую публикацию Надежды Юровой в «Вологодском ЛАДЕ». Пишет она легко, воздушно, чисто и честно, ей чужды лубочная слащавость и прикрасы: читаешь - и будто картину рассматриваешь, а в ней всё гармонично, всё ладно и складно. Недеревенский человек никогда так не напишет, каким бы образованным и знающим ни был. Он просто не увидит всей красоты местной природы, среди которой Надежда выросла и которую прекрасно знает и любит. Да и обание сочного говора тарножан передать читателям во всей полноте, как это блестяще делает Надежда Юрова, может лишь тот, кто с детства вырос в этой языковой среде.

С Надеждой Михайловной я знакома много лет, люблю не только её прозу, но и стихи - возможно, редакция еще найдет возможность обратить на них своё благосклонное внимание? Честное слово, стихи Надежды Юровой того заслуживают.

Татьяна АНДРЕЕВА,
автор мемуаров «Прощай, 20 век!»,
сборников «Вологодская бывальщина»,
«Своим чередом» и других поэтических
и прозаических книг для взрослых и детей,
постоянный автор «Вологодского ЛАДА»

Любовь Леонидовна Лихоманова родилась в 1960 году в Грязовце. Образование высшее экономическое. Работала главным бухгалтером строительной организации, главным государственным налоговым инспектором. Вырастила двоих сыновей. Радует любимой внучке. В настоящее время на пенсии. Стихи пишет с далёкой юности, отражая в них неугасимую жажду жизни, изливая плач души. В «Вологодском ЛАДЕ» публикуется впервые.

Любовь ЛИХОМАНОВА

Нескончаемо чудо природы

ЗИМНЯЯ КАЛИНА

*Калина застыла в хрустальных оковах,
Манящие гроздьи как будто в стекле.
Замерзшие кисти потпрогаю. Снова
Напомнят они о минувшем тепле.*

*О том, что калина цвела, как невеста,
Надев ослепительно-белый наряд.
Осенней поры подарком прелестным
Рубинами клипсы из ягод горят*

*И сердце пронзают загадочным светом
В лучах отцветающей зимней зари.
Садятся на ветки живую приметой
С калиною схожие снегири.*

ПОСЛЕ ДОЖДЯ. ИЮНЬ

*Закончились слёзы дождя
И сохнут платочками листьев.
А туча, за луг уходя,
Светлеет, пространство очистив.*

*И свежей чудесности рад,
Как будто мальчишка влюблённый,
Искрип самоцветами сад,
Даря их земле обновлённой.*

*Умытая зелень травы
Цветов отдаёт ароматы.
В стене изумрудной листвы
Окошки осыпаны златом.*

*То солнце, как скол янтаря
В оправе сапфирного неба,
Лучится, отраду даря.
А дождик как будто и не был!*

*Промчится, как праздник, шонь
Коротких ночей и рассветов.
Как пух одуванчика - дунь -
Осыплется юное лето...*

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

*Снег, точно сахар, неловкой рукою
Просыпала осень. Желая покоя,
Льдинки застыли фольгою на лужах...
Зачем ещё больно, ведь ты мне не нужен?!*

*Золото листьев в кровинках рябины.
Разлука справляет свои именины,
Ветки, как руки, по памяти хлещут
Чем жёстче удары, тем, кажется, легче...*

*Тропка петляет вдоль стылой ограды.
Дороги обратной искать мне не надо.
Ветер утих, истрепав паутину.
И... слёзы прорвали сомнений плотину.*

*Сад засыпает. Прошло его время...
Сердце вращёт в одиночества бремя,
С выпавшим снегом любовь подытожит.
И, кроме меня, мне никто не поможет.*

У МАМЫ

*Пронзительных глаз беспросветная горечь.
А годы мелеют, как летом река.
До дыр зачиталась житейская повесть
И что-то забыто. Досадно слегка.*

*Но в прошлом, увы, ничего не изменишь.
Повинная боль, как калина, горька.
В раскаянье тихо склоняю колени,
Комком возле сердца застыла строка.*

*Как жаль, что уже не исправить бывшее,
Ты слов не услышишь, кричи не кричи.
Но каждой весной над вечным покоем
Летают, горланя, шальные грачи.*

*И снова, лицо к небесам поднимая,
Не в силах сдержать заструившихся слёз,
Тебя, моя мама, душой обнимаю,
Ты любишь меня! Только ты... и Христос!*

ЛЮБАША

Много было в общем прошлом:
Ссоры вдрызг и сеновал,
Ты меня всегда хорошей
И Любашей называл.

Жили вместе мысли наши,
И в душе оркестр играл,
В летнем поле для Любашаи
Ты букет ромашек рвал.

И казалось близким счастье,
Чувств кружился карнавал
Алой лентой на запястье,
Что Любаше повязал...

Разошлись дороги наши...
Не вписались в поворот.
И одна живёт Любаша,
И любовь одна живёт.

И давно зарос бурьяном
Нашей юности привал,
На которм, точно пьяный,
Ты Любашу целовал.

Но на дне житейской чаши
Тлеет уголёк огня,
В зыбких снах опять Любашей
Называешь ты меня.

БАБОЧКА

Залетела бабочка глупая
В сотворённое солнцем тепло.
И ломаются крылья, хрупая,
Ударяясь с размаха в стекло.

Хоть преградой ничто не служит,
Створки окон открыты... Лети!
Но она бессмысленно кружит
И не видит к свободе пути.

И порхает, силы теряя,
Избегая протянутых рук,
Бархат крыльев напрасно стирая,
Без надежды вернуться на луг.

И когда, после глена ладони,
Шанс даётся для нового взлёта,
Замирает в смиренном поклоне,
Не имея уж сил для полёта.

Так и люди, растратив напрасно
Силу взмаха дарованных крыльев,
Не узнают, как жизнь прекрасна,
В суете сует обессилев.

ПРЯЖА ДНЕЙ

Кружит веретёнце,
Пряжу лет вращает.
И дожди, и солнце
В нить судьбы влетает.

Разные клубочки
Жизнь мотает ловко
Черные и белые,
С яркою шнуровкой.

Радугою цвета
Детства нити вьются,
С самого рассвета
Плачут и смеются.

Нить любви, как лучик,
Юностью соткалась,
Да слезой горячей
Затемнилась малость.

Душу, обожжённую
Словно каплей воска,
Штопает тихонько
Ниточкой в полоску...

В памяти коробке
Сложены клубочки.
Размотаю робко
По бумаге - в строчки...

СИЛА МОЛИТВЫ

Когда горе сгибает плечи,
Когда сердце съедает тоска,
Я молюсь - и бывает легче,
И слабеет боль у виска.

И молитвенной силой выносит
Затонувший было баркас.
Знаю я, что Господь не бросит,
Никогда не оставит нас.

Только ты не устань молиться,
Не сдавайся на милость врагу,
Ты проси Его заступиться,
И услышишь: «Я помогу!»

И поможет, коли полезна
Для души эта просьба твоя,
И подхватит тебя над бездной,
Над границей бытия.

Боль прищипится, стихнет горе,
Путь-дорогу укажет рассвет.
Жаль, что мы забываем вскоре
Благодарно молиться в ответ.

Леонид Петрович Лешуков родился 3 января 1959 года в деревне Шалашнево Никольского района. Живет в Никольске, работает инженером-энергетиком.

Стихи писать начал уже в зрелом возрасте. Первые публикации состоялись, когда автору исполнилось 50 лет. Стихи Леонида Лешукова публиковались в периодических изданиях, в альманахах «Звезда Поюжья», «Никольска тёплый свет», сборниках «Рассветный час», «В начале было Слово», в журнале «Автограф». Выпустил поэтические сборники «Размышления», «Перекааты», «Когда меняют время».

Леонид ЛЕШУКОВ

Туманы в Поюжье

ОСЕНЬ ЛИСТИКОМ МЕДНОГРОШЕВЫМ...

*Осень листиком медногрошевым
на воде холодной дрожит.
Что же плачешь, моя хорошая?
Кто обидел тебя? Скажи.
Слёзы дождиком мелкосеяным
третий день по стеклу текут.
Я затворником, как насельником,
Вам пишу, поправляя жгуты
на светильнике преждеделанном -
вновь в деревне погашен свет,
Что грустишь ты, моя несмелая?
Плачет осень. Ответа нет.
Иль тебя я не так расхваливал?
Иль красивых стихов не пел?
Иль за Северными Увалами
голос мой уж охрип, осел?
Стыни станут под звёздным крошевом.
Север выступит капельки слёз.
Что грустишь ты, моя хорошая,
под злачёной накидкой берез?*

ИТОЖУ ВРЕМЯ

*Год из жизни был пройден, прожит,
И под спудом не рубль положен.
Стал к другим и к себе я строже.
Время дел я своих итожу.
Дом построен, и сад посажен.
Стал мудрей я и вроде важен.*

*И пишу стихи на досуге,
И дарю их друзьям в округе.
За столом велико семейство.
Не приемлю безумных действий.
Если жить, так уж правды ради,
Ради прочего жизнь не в радость.
Я горжусь, что кому-то нужен,
И живу я со всеми дружно.
Вот и время, храня, итожу.
Год из жизни не зря был прожит...*

КТО Я?

*Я пишу и, как плод, созреваю,
Если спросят: я кто и каков?
Беспокойную душу вливаю
Я в безмерное море стихов.
Не аскет, не ханжа, не отшельник,
Жизни радостен каждый часок.
И легко я встаю в понедельник,
И шагаю легко за порог.
Принимаю и радость, и боли,
Понимаю стихи и грехи,
И горюю в непаханом поле,
И рождаются сердцем стихи.
Дар отмерил кому-то Всевышней.
Мне - моё, как сердечный звонок.
И надеюсь, что буду услышан,
Что прочтут эти несколько строк.*
2016

МАЛЬЧИК РИСУЕТ НЕБО

*Мальчик рисует небо,
На небе рисует солнце.
Под солнцем рисует домик,
С синим, как снег, оконцем.
Кисточкою в ладошке
Мальчик рисует маму,
К маме рисует кошку,
Сестренку с зеленым бантом,
Корзину янтарных яблок,
Друга на самокате.
Над домом рисует небо.
Красок для неба хватает.
...С неба ещё не стреляют.
Под небом пока не стреляют,
И в доме не пахнет гарью...
Мальчик рисует небо...*

НАДО БЫ ЖИТЬ

*Мой дом в нежилой деревне:
и крепкий еще, не древний.
В одежде под рыжей охрой,
стоит, как мужик не рохлый.
И ладный, глазам отрада,
четыре окна с фасада:
Три - чередою в простенок,
и слева окно в пристенок.
И крыша железом крыта,
и ржавая жесть корыта...
Мы строились, жили, ждали.
Вернусь ли сюда? Едва ли.
И шесть в огороде грядок.
Пора! И копать бы надо.
И надо, да дом без жила.
По грядкам лиса кружила.
Гостили печаль и нехоть,
да плакало в поле эхо,
в заросшем полынь-рогозом.*

*Да небо роняю звезды
в печальную зелень сада.
А надо бы жить! А надо?
И дом без людей не стоек.
Чего ж тогда правда стоит?
Стенать, что «за всё в ответе?»
Гнездо на трубе из веток
и чернь заскоружлой пыли.
Забыли его. Забыли!
И дом доживал в деревне:
родной и ещё не древний.
Ветшали в комоды шали,
и боли мои ветшали...*

ТУМАНЫ В ПОЮЖЬЕ

*Повисли туманы в Поюжье,
будто бы занавес в клубе.
Песню красивую кружит
ветер осенний над срубом.
Опилек разносятся брызги,
всё ладится с делом и с толком.
Новые строятся избы,
свадьбы играют в поселке.
В клубе звучит серенада,
в тумане играют гармошки.
У мамы - и чинно, и ладно,
и пахнет печёной картошкой.
Пред образом Матери Божьей -
лампадка из кованой меди.
А где-то, в сузёмах у пожень,
бродят большие медведи.
А где-то, в дали за туманом,
созвездье Стрельца выплывает.
Пахнет картошкой у мамы,
лампадка из меди мигает.
Песню красивую кружит
ветер осенний над срубом.
Повисли туманы в Поюжье,
будто бы занавес в клубе.*

Утомление солнца

**Ольга
СЕЛЕЗНЁВА**

Ольга Ивановна Селезнёва
живет в Шухтовском лесничестве
Череповецкого района.
Закончила Литературный институт имени
Горького в Москве (поэтический семинар
Эдуарда Балашова). «Вологодский ЛАД»
публиковал стихи и прозу Ольги Селезнёвой.

Появилось у меня новое дело на нашей дороге. В разгаре летней страды, когда, разрываясь на сто частей, пытаешься объять необъятное, успеть сделать хотя бы самое необходимое в саду, в поле и на пасеке и забываешь поесть, и на сон времени жалко, - пришлось мне взять на себя ещё одну незапланированную заботу.

Лето вело себя непривычно и не совсем, на наш взгляд, правильно.

Как-то в детстве краем уха я слышала от взрослых, что почти полвека назад выдалось в наших краях такое же точно лето. И кто-то рассказывал о происходивших тогда ужасах и страстях, а кто-то говорил, что это всё слухи и сплетни старых, выживших из ума старух. И в самом деле: рассказы те сопровождались такими драматичными подробностями, что сознание отказывалось им верить, невольно переводя услышанное в область фантастического и невозможного. И вот пришлось убедиться, что всё фантастическое, казавшееся враками и слухами, происходит время от времени не где-то, а здесь, с тобой, в твоём времени, делая тебя непосредственным участником драматичности, и доказывает, что привычный мир в любой момент способен на непредсказуемые выверты. Кто бы сказал нам ещё за месяц до случившегося, что такое возможно в нашем северном холодном краю.

Начиналось всё как обычно. Таял в конце апреля снег, открывая солнцу широкие куски земли, и, уцепившись лучами за чёрные пятна, солнце тянуло и тянуло к себе встречное тепло - восходила тонким прозрачным паром миновавшая зима. Парил и влажный лес, одним лишь своим пробуждавшимся дыханием сбрасывая остатки снега и льда. Синеющие ложбины набухали водой и стояли наполненные, ещё запертые набрякшими снежными пластами. Наша дорога, как всегда, первая очистилась от снега. Тоже парила, темнея сырým асфальтом, ярко

блестела лужицами в ямках и колеях и, быстро высыхая, уже не паром, а поднятой от колёс пылью обозначала себя среди полей, пестреющих проталинами. И так же быстро, мгновенно просыхал от зимней сырости прошлогодний бурьян в зарастающих лесом полях.

Уже в самый канун майских праздников покатались по окрестности цепочки весёлого огня: сухая, как порох, трава легко ловила всякую малую искру и от непотушенной сигареты, и от спички бездумного дикаря. Дня два-три, а то и неделю тянуло с юга дымом и запахом горящего сушняка. Этот дымок, время от времени выраставший на горизонте в медленные белые фонтаны, стал в последние годы стойкой приметой весны в наших краях.

Подступая к самой дороге и оказываясь в кювете, где бурьян гуще и выше и много сухой палой листвы от выросших на обочине деревьев, огонь матерел мгновенно, начинал угрожающе реветь и, лишь сожрав с хрустом и треском свою пищу, переходя на низкие участки и лысоватые полянки, снова принимал безобидный, кроткий вид, полз, пересекая поле от края до края медленной извилистой цепочкой. Ласковые прозрачные огоньки с голубоватыми прожилками днём казались бледными, а во тьме наливались густым оранжевым золотом. И когда я проезжала по нашей дороге поздним вечером, сияющие линии огня в тёмно-синем мраке внушали странное, двоякое чувство: было тревожно, и в то же время необычно яркий, праздничный вид окружи будоражил и будил воображение.

Пережив дни ранневесеннего пала, мы, как всегда, упёрлись в громаду необходимых ежегодных дел и хлопот, забот о саде и пасеке, о посадках в лесу и на огороде. Тёплая погода в первых числах мая, когда солнце, согретый воздух и вид чёрной земли, поднимающей грудь для исполинского вздоха, так и зовут к работе, радовала и торопила одновременно. Нужно было успеть вскопать, посеять и посадить; привить двухлетние сеянцы

яблонь, рассадить однолетки, сделать обрезку, а там уже лезли на грядах сорняки, тут пересыхала в рассаднике капуста, на пасеке срочно требовалась дезинфекция ульев, а на взрослых яблонях появлялся цветоед, и только-только тронувшиеся в рост пушистые побеги вдруг покрывались мелкобугристым влажным налётом - не дремала садовая тля. Садовых муравьёв, деловито разводивших эту заразу на моих деревьях, я ненавидела жгучей ненавистью.

Но, несмотря ни на что, дни, как и всегда весной, были изумительны. Светало ранним-ранёшенько, и весь долгий двадцатичасовой день был заполнен светом, долгожданным и щедрым. Стояло полнолуние, и к вечеру на юго-востоке в белом небе проявлялся снежно-белый кружевной кружок луны. Солнце шло к северу и там, плавно опускаясь за лес, весело смотрело сквозь берёзовые кроны на белевший на юге прозрачный лунный диск. Незадолго до полуночи начинало темнеть, а часа через три только-только набравшая силу луна клонилась к западу, и уже на северо-востоке светились облака предвестниками солнца. Оно поднималось, успев поймать последний лунный взгляд. Так они и кружились перед нашими глазами, качаясь, как на качелях.

В саду яркими фонариками горели тюльпаны, на яблонях короткие веточки-плодушки сплошь облепило розовыми, ещё не раскрывшимися бутонами, еловый бор рядом с домом запорошило снегом цветущей кислицы, и на кустиках черники повисли гроздочки миниатюрных светло-лиловых колокольцев. Уже было вспахано картофельное поле и покиданы в борозды клубни с беловатыми звёздочками проклюнувшихся ростков. Управились с мелочью вроде морковки, свеклы и всякой зелени и наскоро повтыкали в высокие гряды лук-севок, махнув рукой на то, что рядки вышли кривоватыми и поехавшими вбок. В лесу, на делянках, где зимой валили ёлки и берёзы, работала бригада сажальщиков, и нужно было успеть накопать для них в питомнике

несколько тысяч еловых саженцев, а заодно убрать в дровяник гору просохших колотых дров, заготовленных в марте.

На границе между садом и картофельным полем взялись строить коммуникационную вышку, надеясь, что она хоть как-то свяжет нас с миром. Уже много лет с большим соседним селом и городом мы общаемся лишь благодаря нашей замечательной дороге, малолюдной и малоезжей и потому хорошо сохраняющей своё асфальтовое покрытие. Сотовая связь же такова, что, даже забравшись на вершотуру флигеля и там встав одной ногой на перила, а другой - на боковину старого дивана и уцепившись крепко за стойку окна, чтобы не навернуться на темнеющие внизу камни садовой дорожки, нужно ждать в неподвижной позе с вытянутой вверх рукой, пока не появятся две самых коротких палочки. Но и дождавшись, нормальный диалог вести невозможно, потому что через два слова абонент пропадает, «зона» уплывает, и приходится начинать всё сначала: ловить вытянутой рукой связь, замирать в неудобной позе. Каких только антенн и усилителей не вешали мы на свои мобильники - ни одно устройство не помогло, просто деньги на ветер кидали. А уж об интернете с таким уровнем связи и мечтать не приходилось. И это в то время, когда весь мир опутан информационной паутиной, в век, когда информация становится одной из главных общечеловеческих ценностей, не считая роскоши общения! Несмотря на всё уважение к уединённому образу жизни на природе, мы чувствовали себя сильно обездоленными, не имея возможности хотя бы что-то знать о мире. Несколько лет подряд я, ходя по инстанциям в городе, пыталась добиться утешения наших печалей и, конечно, зря теряла время в разных кабинетах и у разных окошечек. В конце концов, мы в очередной раз поняли, что сделать нас счастливыми можем только мы сами, и приступили к разработке проекта, под весьма распространённым в России названием «Голь на выдумки хитра». После долгих обсуждений, пере-

межаемых то смехом, то разгорячённым спором, решили, что вышка, призванная приобщить нас к миру, будет сделана из канализационных пластиковых труб, вставленных одна в другую. Удерживать её от падения будут множественные ванты - растяжки из тонких металлических тросов. И уже лежал за дровяником штабель лёгких трёхметровых труб, синевато поблёскивал на солнце ящик железных хомутиков для крепления троса, и сам трос, тоненький трёхмиллиметровый тротик (почти целый километр!) смотанный в блестящие толстые бухты, висел на гвоздях в гараже. Но всё не могли собраться и приступить. То надо было срочно везти саженцы на делянку, то ехать за соляркой и продуктами (кушать ведь что-то надо), то начинал задыхаться и кашлять старенький МТЗ, и приходилось полдня убить на то, чтобы реанимировать столетний драндулет. Перерастала рассада, и требовали расширения гнёзд набравшие силу пчёлы: я вдруг спохватывалась, что давно уже пора сеять медоносы, но прежде чем сеять, надо было вспахать, а чтобы вспахать, нужно было починить лемех плуга, который сломался в схватке с булыжником, вывернувшимся из недр картофельного поля. Но, наконец, однажды к вечеру собрались и сошлись всей кучкой у места, намеченного под строительство. Главным идейным вдохновителем уже было укреплено в бетоне железное основание. В радиусе двадцати шагов вкопаны в землю и также залиты бетоном ещё три толстых железных трубы, к которым планировали крепить тросы. Начинать было страшно. Не знаю, как другим, а мне так очень страшно. Долго договаривались, кому где стоять, что делать и в какую сторону бежать, если вышка, несмотря на все наши расчёты, всё-таки брякнется. Пластик, конечно, не железо и даже не дерево, но если сыграет с тридцатиметровой высоты да по голове - радости будет немного от того, что он пластик. Установили первую трубу, прикрепили к ней маленький блочок с длинным крепким шнуром - на нём нужно поднять на самый верх циф-

ровой прирамбас, чтобы он ловил сигнал и передавал его на наш ПК. Под первую трубу, закреплённую «на живую» растяжками, стали подводить вторую, поднимая первую автомобильным домкратом. И так одну за другой, закрепляя тросы и натягивая их. В одиннадцать вечера было подведено и поднято шесть труб. А надо десять, чтобы прирамбас оказался на тридцатиметровой высоте, в зоне действия мегафоновской вышки за много километров от нас. Такую высоту идейный вдохновитель определил экспериментальным путём, взобравшись на огромную триангуляционную вышку за болотом, построенную, наверное, ещё в позапрошлом веке. Лез он туда с ноутбуком и модемом в зубах, и об этом эксперименте мне очень осторожно сообщили уже после его благополучного завершения.

Теперь мы кряхтели над своим, вернее - под своим, созданием, которое у нас над головами перекашивало в местах сочленения труб под разными углами и в разных направлениях. Блестя в лучах заката, рождающаяся вышка своевольно изгибалась, как стилига, и была похожа на металлическое членистоногое, завёрнутое узким длинным телом в ломаную спираль. Выпрямлять её нужно было, регулируя натяжение тросов. В первом часу ночи Главный Конструктор гонял нас от опоры к опоре, высказывая себе под нос замечания об остроте нашего соображения и скорости реакции. Нервничал интеллигентно. Нервничала и я, потому что растяжки от растущей над нами вышки оказывались внутри крон маньчжурских орехов, растущих на окраине сада. Эти орехи, высаженные шесть лет назад в длинную двухрядную аллею, с каждым годом приносят всё больше радости и становятся всё большим предметом для гордости. Длинные, чуть ли не метровые, перистые листья, похожие на пышные перья вечнозелёных пальм, гладкая светло-серая кора. Зимой безлистные стволы и ветки, толстые, крепкие и лёгкие одновременно, на закате приглушённо поблёскивают. Ореховые побеги ветвятся так изящно, и

весной спящие почки на вершинах покрыты таким мягким коричневатым налётом, что напоминают молодые олени рога. В прошлом году они первый раз зацвели длинными зелёными серёжками. И сейчас остро блестящие среди ветвей и кое-где почти соприкасающиеся с ними струны растяжек внушали мне сильное переживание. Меня то раздражённо одёргивали, то мягко успокаивали, клятвенно обещая не повредить ни единой, самой малой веточки. Главный Конструктор упорно продолжал своё дело. Наконец, где-то около трёх часов ночи, уже перед самым рассветом подвели последнюю трубу и окончательно выпрямили и закрепили всю конструкцию. Отошли и стали смотреть со стороны на дело своих рук. И чем больше смотрели, тем больше начинало нам всё это нравиться. Уже прорывалась симпатия к новорождённому чуду техники умилёнными возгласами, вроде: «Ах, да и какая же она у нас красавица!», слегка разбавляемая скептическим: «Оказалась бы ещё такой же умницей!» Но когда поднятый на вершину светодиодный фонарик засветился в летних сумерках маленьким розоватым кружком, согласились и скептики: красиво, ёлки-палки! Стройная и лёгкая, в строгих линиях туго натянутых тросов, она парила в светлой пустоте утреннего неба над нами, над просыпавшимся садом и полем и была выше самых высоких деревьев в ближнем лесу. Подключили прирамбас и увидели в нижнем углу монитора значок работающего модулятора. Свершилось. Вот она, всемирная паутина, мы притянули её к себе своими титаническими усилиями!

Долго ещё что-то настраивали иправляли, не уставая ликовать и любоваться, но интернет интернетом, а летнюю страду никто не отменял. Везде, насколько хватало глаз, в саду и огороде из земли густым строем лезли сорняки - с полчищами их предстояло сражаться до самой осени. На пасеке появлялись первые признаки роения, а это такое событие, для которого не хватает ни рук, ни ног, ни часов в долгих летних сутках.

И раннее лето, очаровывая своей мягкостью и прелестью, наполняло существование блаженством. Наступало время цветения яблонь, а когда цветение яблонь совпадает с хорошей погодой, получается такое сплошное замирание сердца, что становится даже боязно: как оно дальше сможет обеспечивать привычный ритм и сможет ли вообще жить после того, как это чудо закончится. Одна за другой катились лёгкие грозы. Мужское население усадьбы уезжало на рыбалку, и возвращались довольные, с несколькими крупными судаками - вываленные из рюкзаков, серебристыми гладкими слитками лежали они в траве.

И уже срочно нужно было снимать обвязки с яблоневых прививок, сделанных в конце апреля. Если не повернуть это вовремя, то полоска мягкого полиэтилена перетянет тонкие, с карандаш, растущие стволики. Выше и ниже прививки образуются некрасивые утолщения-вздутия, и в месте перетяжки будущую яблоню может сломать ветром или собственным весом. Острым бритвенным лезвием осторожно перерезала я туго натянутую плёнку, и витки обмотки спадали сами собой, как ненужная шелуха, открывая узкие белые шрамики в местах срастания привоя с подвоем. Их уже начало затягивать тончайшей молодой корой, а через пару лет две части разных растений срастутся так плотно, что только опытный глаз садовода различит, в каком месте была произведена хирургическая операция по пересадке маленького черенка сортовой яблони на дичок, выросший из семечка.

Собирался дождь, и я торопилась успеть. У некоторых яблонек уже начало перетягивать нежные стволики (как всегда, опоздала я на несколько дней!), и, чтобы их не сломало, приходилось привязывать лёгкие кольшечки. Кольшек будет поддерживать деревце, пока место прививки окончательно не сровняется и не зарастёт. Я спешила, нарезаая секатором палочки для кольшечек и кусочки мягкой проволоки. Над лесом выросло двуглавое сизое облако и рокотало отдалённо.

- Да погоди ты! - раздражённо отвечала я на этот рокот и всю работу руками: стригла, резала, привязывала, поправляла. Заодно выковыривала попадающиеся сорняки - через неделю они уже хищниками вопьются в почву, лютик и клевер кинут по сторонам мощные, как когти, розетки - ищи тогда среди густой травы с таким трудом выращенные саженцы. Гроза зарывкала прямо у меня над головой, хлеща наотмашь слепящими молниями.

- Не страшно, не страшно! - говорила я ей, на ощупь находя в полутьме стволики яблонь.

Оставалось всего несколько штук, когда первые хлесткие капли холодной дробью полетели в меня. Стремительно намокала земля, и трава, и все мои рабочие материалы и инструменты. Мокрый секатор выскользнул из рук, обвязка липла к пальцам. Забарабанило по плечам и спине. Съжившись под вмиг намокшей и ставшей ледяной рубашкой, я спешила во что бы то ни стало доделать, зная, что потом захватит другое срочное дело, и уже не вернуться будет сюда и не вспомнить о незаконченном. Последний саженец я обихаживала уже под сплошным ливнем. Кинула в корзинку секатор и лезвие и побежала к дому, принимая на себя всю щедрую силу разгулявшихся дождевых потоков. И тут вспомнила, что на одном из ульев плохо закреплена крышка и порывом сильного ветра её может снести. Насквозь вымокшая, бегом бежала я к пасеке, и, пока крепила крышку, гроза всю разбуянилась: стала поливать меня сверху из пожарного шланга, греметь чугунными литаврами и часто-часто резать водяной сумрак острыми всплшками. Вот тогда и стало страшно. Пасека стоит на бугре рядом с большой цистерной для воды. Я возилась с ульем и думала: притянет молнией железной бочкой - и всем моим хлопотам конец. Добежав до дома, на крыльце стягивала сочащиеся влагой рубашку и джинсы, покрывшись мурашками, искала в шкафу полотенце, и, переодевшись, почувствовала, как это здорово, как приятна сухая и тёплая одежда вымокшему, озябшему телу.

Сад полоскало часа два. После дождя, бродя по залитым водой дорожкам, мы ворчали, что вот опять на наших суглинках море разлитое и везде избыток воды: гряды с луком захлестаны ливнем, меж картофельных бороздок - длинные лужицы. Перед малинником стояло целое озеро с торчащими из него пенёчками полевого хвоща: отражалось в этом озере низкое сиренево-розовое солнце и холодным золотистым лаком мазало всё вокруг: и ближний лес, и кусты смородины, и мокрые листья, и траву. Мы привычно сетовали на неустойчивый северный климат, на нашу тяжёлую лесную почву, плохо впитывающую лишнюю влагу. Мы ещё не знали, что следующего дождя нам придётся ждать не один месяц и что это вообще последний летний дождь в этом году.

Лето катилось своим чередом. Ухватываясь за какое-нибудь крупное дело, требующее серьёзных усилий, и благополучно завершив его, мы удовлетворённо переводили дух, особенно если по пути, мимоходом успевали провернуть ещё несколько мелких, но таких же необходимых дел. Дни, на радость нам, становились всё теплее и теплее, а солнце всё ярче и жарче. В саду навыводилась куча всяких мелких птичек, и чуть ли не под каждым кустом сидел слеток какой-нибудь мухоловки или крапивника. Крупные птенцы дроздов, ничего не боясь, вышагивали жёлтыми ногами вдоль длинной клубничной гряды, и, чтобы спасти урожай, приходилось бегом натягивать над зреющими ягодами защитную сетку. Пчёл, готовясь к главному взятку, множили расплод и копили силу. Эта накопленная с лихвой и неконтролируемая сила порой прорывалась бушующим клубом - вылетал рой и чёрной тучей гудел над пасекой, садился по закону подлости в самое неудобное место: то на ветку десятиметровой ёлки, то на разветвлённый ствол старой ольхи. Чтобы снять его оттуда, нужно было проявлять чудеса акробатики, балансируя на длинной лестнице с дымарём в одной руке и роевней - в другой.

Стояла вторая половина июня. В лесу началась разработка летних делянок. Куда-то сгнули комары, не выносящие жары и солнцепёка, но зато раньше времени объявились слепни и пауты, свирепствующие в летнем зное. Пересыхала земля, и уже по всему саду от старого пруда были раскинуты поливочные шланги, в самые дальние уголки они не доставали, и приходилось таскаться с вёдрами и лейками, и каждый вечер часа два, а то и больше уходило на изнурительный полив всего, что жаждало влаги. Но мы радовались теплу и хвалили лето. А дни становились всё жарче, и, взглядывая после полудня на градусник, мы ахали, удивляясь температурным рекордам.

И потянуло однажды с юга дымом лесного пожара. Мы знали, что там, в центре и на юге, стоит погода ещё жарче и суше, чем у нас, и с невиданным размахом пошёл гулять огонь по лесам и степям. Знали и то, что леса вокруг тысяч российских деревень - и больших, и малых, и таких крошечных, как наша усадьба, - охранять и спасать от огня практически некому: три года назад отовсюду убрали почти всех лесников, объявив это экономическими реформами.

Дымовой завесой затянуло горизонт. Ветра не было, и дождя не было. Полчетвёртого всходило солнце, мутно-розовое в красноватой мари, и почти сразу начинало дышать нестерпимым жаром. Обливаясь потом в небывалом пекле, мы продолжали что-то делать в саду и в лесу, но, обессиленные уже к обеду, заползали в дом, как в спасительную нору, спасались в нём до самого вечера, закрыв окна и двери и достав из холодильника замороженный лёд. Перестали готовить, потому что есть не хотелось и не хотелось к тому же усиливать жару парящими и скворчащими сковородками. Вечером кто-нибудь садился в машину и ехал в магазин за пятнадцать километров покупать тазик мороженого. Пили чай и домашний сок, этим и перебивались. Собаки в своих шубах маялись больше всех. Свесив языки, мотались по усадьбе в поисках тенистого

холодка, залезали то под пешеходный мостик, то под крыльцо старой бани; начинали рыть лапами на площадке перед гаражом, надеясь выкопать в земле влажную ямку и улечься в неё. Их загоняли в дом, убеждая, что там прохладнее. Они не верили и глядели тоскующими глазами. Кто-нибудь, соболезнующий, тащил их к пруду и силком заталкивал в воду, и, поупиравшись сначала, они вдруг понимали, что да, это благо! И стояли в воде по брюхо, как стоит в реке деревенский скот на закате летнего дня, а вода в пруду была необычно тёплой, но всё же прохладней окружающего воздуха.

В лесу на делянках стали работать по ночам. Вставали в три часа и работали до одиннадцати. Потом закрывались в домах и сидели тихонько до самого вечера. Утром первым делом глядели на небо и видели всё то же: обложную, стоявшую вокруг дымовую завесу, скрывавшую очертания дальних лесов на горизонте.

- Нет, это не наш дым, это с юга пригнало, - говорили, слушая сводки новостей и изучая снимки из космоса в интернете.

- Воронеж горит.

- Карелия полыхает.

Горело и в нашей области, в тех районах, где сосняки по песчаникам, где толпы отдыхающих, запрудившие берега рек, жарили шашлыки, попивали пиво и покуривали сигаретки, не особо занимая головы размышлениями о предназначении человека на земле. Но наши пожары были ничто по сравнению с тем, что происходило на юге. Низовой огонь, бегущий по земле и у подножий деревьев, обгладывает их, пожирает валёжник, мелкий кустарник и ягодники, испепеляет мхи и травы, губит зверьё; он страшен, но не всесилен - его можно одолеть. Вспыхивают подрост и подлесок, душливый чад стелется по земле, нестерпимым жаром дышит кромка огня в лесу, но малыми или большими силами, на широком или узком пространстве, с помощью нехитрой техники и специальных инструментов и средств худо-бедно можно справиться с низовым пожаром. Когда же огонь уходит вверх, в

хвойные кроны на десятиметровую высоту, и там начинает реветь, удесятёрённый собственной тягой, выбрасывает в небо рваные потоки пламени и дымные громады, как извергающийся вулкан, - нет способов борьбы с ним, и спастись можно лишь стремительным бегством. Возникает сильный ветер, и кажется, что сам огонь своей неукротимой злобной мощью вызывает этот ветер, чтобы подняться на его крыльях над гибнущей, стонущей от ужаса землёй. Огненным штормом называют такой лесной пожар, когда с жутким рёвом и гулом бешено катится по окрестности высокая волна сплошного огня. Много лет назад мы были свидетелями такого пожара. Он пришёл из таёжных глубин, сопровождаемый напором ветра, и пронёсся за двадцать минут по лесному посёлку, испепелив полсотни домов. Люди едва успевали выскочить из своих жилищ и добежать до реки, спасаясь в ней, а вслед им летели горящие бочки, брёвна и доски, словно швыряемые неистовой, исполинской силой. Кто не видал подобного, вряд ли поверит, что такое возможно. Не останавливают такой пожар ни проложенные на его пути минерализованные полосы, ни дороги и просеки, ни даже ручьи и малые реки, потому что, плюясь огнём на десятки и сотни метров, он запросто перешагивает через все естественные и искусственные преграды, за день пробегает огромное расстояние, и попавшимся на его пути лесам, строениям, деревьям и посёлкам нет пощады и спасения.

С тревогой каждый день мы слушали новости, и каждый день они добавляли тревоги. Бушевали по стране верховые лесные пожары, самые страшные, те самые огненные шторма, спастись от которых нет возможности и ужасней которых мало что можно представить. Горели деревни и сёла, и уже были погибшие, и дымом от пожаров заволокло всю среднерусскую равнину до самых границ зарубежья. Показали Москву в задымлении, Красную площадь и Кремль, зятянутые сизым чадом и гарью. Не-

сколько раз летал над горящими лесами дорожный пожарный авиатанкер, выливающий в пасть огня тонны воды. И даже сам президент, временно исполняющий обязанности премьер-министра, летал на этом танкере и собственноручно открывал створки для сброса воды над пожаром. Но и это не помогло: вылитые тонны стали буквально жалкими каплями, брызнувшими в огненное море. А личное участие исполняющего обязанности премьера, хоть и вселяло в бедствующих граждан чувство умиленной благодарности за такую высокую заботу об их маленьких судьбах, но конкретной пользы принесло столь мало, что у злых языков появился повод даже критиковать правительство и намекать на то, что хороший командир должен принимать вовремя грамотные решения, а не бегать по полю боя с дубинкой или по пожару со стаканом воды в резиновой груше. И проводились разные совещания, заседания, создавались комиссии, тележурналисты брали интервью у высоких ответственных чиновников, и один из самых высоких и самых ответственных заявил, что, переживая за терпящих бедствие людей и страну, он просит жену молиться ежедневно и неустанно о прекращении пожаров и о ниспослании дождя. А другой, не менее ответственный и высокий, вернувшись из заграничного отпуска, сказал, что и страшного-то ничего нет, подумаешь, пожары! Видали мы их! Всё под контролем и всё нормально, можно и не молиться.

Мы знали, что наше лесничество относится к негоримым, то есть к таким, которые в обычные годы практически не страдают от лесных пожаров. Сырые ельники по мочажинам, болота и угнетённые сосняки защищают нашу местность от загораний лучше любой пожарной команды. Опасность существует лишь ранней весной, когда на некошеных и непаханных полях стеной стоит прошлогодний бурьян, высыхающий до состояния пороха. Летом же, когда буйствуют сочные травы, идут проливные дожди, и еловые боры в перьях папоротника и подушках

мха дышат густой и ароматной, тёплой влагой, вероятность большого пожара так незначительна, что нет необходимости вглядываться опасливо в горизонт, сторожа возникновения дымов. Но много лет назад мы жили в горючей местности, где пожары случались не один раз за лето, и любой из них мог перерасти в катастрофический. На всю жизнь запомнилось то состояние внутреннего тревожного напряжения, в котором находились мы с весны до самой поздней осени, когда в ясную погоду кто-нибудь неизменно сидел на крыше, пристально карауля горизонт, нюхая ветер и страшась почувствовать в нём примесь дыма и гари.

И вот вернулось ощущение той давней, полузабытой тревоги, усиленное тяжёлыми новостями со всех концов страны, где одна за другой происходили катастрофы, рушились жизни, исчезали лесные массивы, будто прихлопнутые фантастической огненной ладонью, поля с посевами, деревни и посёлки. Мы достали из склада много лет лежавшие там без дела пожарные рукава и растянули их вдоль улицы, поставили на берег пруда мотопомпу с заправленным бачком, развесили на стене гаража наполненные водой ранцевые опрыскиватели - наши проверенные временем эрлэушки, самые простые, надёжные и эффективные инструменты для тушения лесного пожара. Накачали доверху старую пятитонную цистерну, поднятую на земляной бугор и служившую поливочной ёмкостью, проверили два небольших огнетушителя на воротах склада и практически перестали спать.

К полуночи немного спадала жара, горизонт становился чуть чище, а воздух прохладней. Мы настежь открывали двери и окна в доме, чтобы за ночь он наполнился спасительным холодком, утром же закрывали всё наглухо и завешивали шторы, будто строили баррикады, защищаясь от небывалой, необъяснимой ярости солнца. А оно поднималось над нами, с каждым днём усиливая зной, словно решило испытать землю на прочность, и, проходя дымную пелену у горизонта в

мутном, болезненно-розовом свете, с самого утра делало небо раскалённой белой бездной, опрокинутой над неподвижными в страхе лесами, полями и высохшими до крахмального хруста сфагновыми болотами. В ельнике листья черники от жары стали бронзово-красными, как в октябре; начинающие завязываться плоды осыпались, и мы поняли, что в этом году не дождёмся грибов и ягод. Травы в полях поникли и съёжились, а в низких местах любительница влаги осока пожелтела и высохла так, что казалось идущему, будто в шелест её вплетается еле слышный жестяной звук, скрипучий и ржавый.

И высыхала земля. На выкошенных межах и полянах она стала твёрдой, как асфальт, и пошла мелкими рваными трещинами - невиданное на Севере явление! На полив у нас уходило уже не два-три часа, а всё наше рабочее время, вся наша деятельность свелась к непрерывному, многочасовому поливу. Начинили полчетвёртого, почти ночью, и поливали, поливали, сколько могли. Почву, впитавшую влагу, спешили ещё порыхлить, чтобы она смогла сохранить впитанное. Соединили несколько шлангов и дотянули их до картофельного поля. Картошка в середине лета демонстрировала мощный рост и густо набирала цвет, но этот уже больше чем трёхнедельный адский зной угрожал погубить, свести на нет весь наш огороднический труд. Немного обнадеживало то, что картошку в этом году посадили с северной стороны от елового межника, в его длинной тени, где сохраняется больше влаги. И когда сажали, ворчали, что здесь низко, что картошку затопит и клубни погниют. Спорили и ругались, думали, не посадить ли повыше, но повыше не позволял севооборот; махнув рукой, решили, что посадим здесь - и угадали. Но и в елово-осиновой полутени было невозможно жарко и сухо, картошка наша отчаянно тянула зелёные жилы, выцеживая из почвы молекулы влаги, а мы отчаянно старались помочь ей: плескали ведрами меж бороздок, перекидывали конец шлан-

га через земляные холмики, чтобы струя воды заполнила понижения, таскались с лейками из одного конца в другой.

Замечали, что листья маньчжурского ореха, красы и гордости нашего сада, обмякнув, безвольно повисали зелёными платочками и уже кое-где начинали желтеть. Переносили полив в аллею и несколько часов десятками вёдер поили деревья. Вечером поливать начинали в семь и заканчивали к двенадцати. В центре сада, где мучились от жажды яблони и многолетние цветы, и уже не хватало рук, ног, шлангов, вёдер и леек, решили применить радикальные меры. Проташили от пруда пожарный рукав и накрутили брандспойт. Завели мотопомпу. Поставили брандспойт вертикально, и мощная, толстая струя тепловатой воды ударила в небо. А оттуда полилась крупным ливнем, зазвенела в листьях, стеблях и ветках, и окатила с ног до головы того, кто держал перед собой направленный вверх пожарный рукав. И стали носить по саду импровизированный фонтан, в четыре руки удерживая рвущийся тяжёлый накопчик. Ревел бензиновый двигатель, шум падающего потока сливался с нашими криками, на рукотворный, сверкающий под солнцем дождь слетелись роем овода и, облепив тёмным слоем нашу мокрую одежду, принимали к нам как к источнику, но не кусали: видимо, тоже страдая от жажды, просто хотели пить. Тяжело и медленно, поддаваясь нашим усилиям, полз за нами напружиненный рукав, ставший от давления воды твёрдым, как бревно, и нужно было следить, чтобы его грубой тяжестью не сломало, не раздавило нежные стебли и ветви. С волос и лиц, рубашек, рукавов, локтей и коленей текло ручьями, в кроссовках и тапках щедро хлюпало. Казалось, что вода, ударяясь крупными брызгами о камни на дорожках, шипит, соприкасаясь с горячей поверхностью. Над садом поднялся белый пар, как от кастрюли с кипящей водой, но освежённый, он на глазах оживился и заблестел, будто заулыбался, и ненадолго стало легче дышать.

А с горизонта жарило солнце. И, словно усмехаясь на нашу беготню, в полчаса высушивало всю доставленную растениям влагу. После нескольких интенсивных поливов в большом пруду заметно упал уровень воды. В двух старых колодцах и одном новом водяное зеркальце блестело в тёмной глубине так далеко и тускло, что было ясно: колодцев тоже надолго не хватит. Оставался ещё маленький пруд у самого дома с резервным запасом, но эту воду мы решили не брать на полив ни в коем случае: пожар страшнее засухи и неурожая. В крайнем случае, можно было возить пластиковые канистры с речки, пусть и сильно обмелевшей за последнее время. До места, где удавалось подъехать на машине к самому берегу, было километров семь, и ручными канистрами, конечно, много не навозишь.

Вечером мы пошли с собаками в старую конскую пастьбу, туда, где каждую весну разливаются широким озером лесной ручей, наполняющий до краёв длинные каналы вдоль лесовозной дороги. Обычно они всё лето стоят с водой, а ручей, пересекая березняк, в километре от нашего дома ныряет в бетонную трубу под асфальтом и утекает к близлежащему клюквенному болоту. В это болото во время осенних и весенних равноденствий садится солнце. Солнце, всегда ожидаемое нами, всегда любимое, и вдруг ставшее таким разъярённым и как будто больным от собственной ярости. Мы увидели глубокие каналы пустыми, на дне хрустели спёкшейся серой коркой перегнившие листья. Ручей пересох. Остался лишь его след в виде извилистой полоски подзола, ленточкой обвивающей кочки и небольшие валуны.

Тихо, сухо и страшно жарко было в лесу, замершем в тишине и изнемогающем от зноя. Жёстко шуршали под ногами съёжившиеся мхи и бурый хвойный и лиственный опад. Лес выглядел безжизненным.

Жара не спадала. Немного очистился от дыма горизонт. Видимо, сменилось направление движения воздушных масс,

потому что, судя по теленовостям, пожары не утихали и не ослабевали.

Жара измучила. Жителям Севера, привыкшим к спокойному, нежаркому лету с частой переменной облачностью, а порой и поддувающему межсезонным холодком, было тяжело выносить это многодневное пристальное внимание солнца, прорвавшееся к тому же таким яростным, огненным буйством. Как будто оно, сократив космическое расстояние, приблизилось к земле и стало смотреть на неё неотступно гневным испепеляющим взглядом. Поздним вечером мы ехали на речку или залезали в наш обмелевший наполовину пруд, в котором воду будто подогревали мощными электрическими тэнами. Ночью, в серых сумерках, с настезью открытыми окнами и дверями часа на три мы забывались в полусне, но спать мешали горячие, словно только что изпод утюга простыни, жаркая и душная подушка.

Поля покрыло бледноватым пурпуром: густо зацвёл кипрей, и пчёлы взялись за работу с редким даже по пчелиным меркам рвением. Уже в шесть утра слышался на пасеке высокий гул; кипрейное море шевелилось и волновалось от ползающих по нему и взлетающих пчёл. И после захода солнца в красноватой духоте вечера, проходя полевой дорогой, мы слышали всё то же дружное, неослабевающее пение: казалось, что вся удесятерённая сила пасеки переместилась в поля и расположилась на постоянное место жительства в их горячем просторе. Видимо, растения при такой необычно высокой температуре, стремясь как можно скорей завязать семена, усилили выделение нектара, отчаянно призывая насекомых к опылению.

На три недели раньше начали откачивать мёд. Ульи были залиты запасами доверху. Пчёлы во время такого большого взятка никогда не останавливают работу: даже если уже складывать некуда, будут лепить и лепить, забьют все проходы и межрамочные пространства, под самой крышечкой натянут дополнительных восковых язычков и навесят, нальют в них

килограммы мёда. И нужно освободить улей от части запасов, чтобы им было, где размещать новые порции принесённого нектара.

Манипуляции на пасеке стали в это лето настоящим экстримом. Комбинезон и пчелиная сетка, призванные выполнять функцию защиты, стали орудиями пытки, испанского сапожка для всего жаждущего свободы и прохлады, изнеможенного организма. Вытащив партию рамок с мёдом, мы тащились в баню, где стоял бак с холодной водой, и лили на себя, прямо на одежду, на голову, ковш за ковшом. Тоненькие струйки бежали с широких полей пчелиной сетки, смешиваясь с потом, текли по лицу и плечам. Мокрая одежда ненадолго приносила облегчение, но уже через пять минут становилась противно тёплой от распаренного тела, от исходящей жаром земли и от жгучего, невыносимо близкого присутствия солнца.

Мы изнывали, изнемогали от жары, а прогноз обещал, что будет ещё хуже.

В самом конце июля мне пришлось поехать по делам в область. На трассе плавился асфальт. Стелился перед глазами зеркальным миражом. Я всерьёз опасалась, что машина прилипнет к нему всеми четырьмя колёсами и остановится. В сорока километрах от дома, в большой реке я увидела сплошные человеческие головы, они чернели на фоне зеркального, слепящего блеска. Вдоль обочин были припаркованы автомобили, несметное множество машин. Люди спасались от жары.

У меня на всякий случай в дорогу были взяты бутылка с водой и полотенце, чтобы намочить его и обернуть голову, если станет невмоготу. В старой «Ниве» я опустила стёкла; горячий ветер, пронизывая её насквозь, трепал мои волосы и вдруг донёс удивительный, редкий запах - аромат нагретой сосновой смолы. Хвойный лес по сторонам дороги источал этот сухой знойный аромат, разгорячённые тела деревьев пахли янтарно-остро, и казалось, что когда-то давным-давно этот запах был близко знаком и привычен. На трассе,

как правило, пахнет автомобильным выхлопом и бензином. Если пройти в летний день по обочине, особенно во второй половине дня в пятницу или воскресенье, от рёва и воя непрерывного железного потока становится жутко, а воздух, бешено толкаемый машинами, ощущается как что-то нечистое и неестественное. И вдруг, в такой зной, запах леса оказался сильнее, заглушив запах нагретого асфальта, бензина и технических масел.

Обратно я ехала вечером. Чувствовала ногами, как нагревается днище машины от чуть ли не кипящего асфальта. Ветер, горячий, как струя фена, влетал и вылетал во все четыре окна. Зелёный лес млел от зноя, и зелень, впитавшая всю силу дневного солнца, казалась разваренной, расплавленной, и слегка закипающей на медленном огне. Станным образом эта вечерняя дорога домой немного примирила меня с засухой. Я стала думать о том, что очень редко северянам выпадает такое лето. Все последние годы солнца было мало, были дожди, слякоть, темень, сырые и холодные ветра. Не лето, а сплошной апрель с весны до осени. И вот явилось солнце во всём своём могуществе, принесло лето, щедрое на жару, и можно прогреться на полную катушку в первый раз за много лет, вылечить все артриты и ревматизмы - ведь впереди у нас шесть месяцев зимы. Такое лето, а мы ему не рады! Эх, если бы не пожары!

Воздух, стиснутый солнечным пеклом, раскалённой громадой стоял над окрестностью и давил на неподвижные травы, кусты и деревья. Наверное, сосуды деревьев так же, как человеческие сосуды, отвечали на это давление усиленной пульсацией - лес исходил ароматом своих золотистых артерий. Как бы там ни было, а дорога летом - объеденье, и десятки километров пролетают незаметно. Дорога играет асфальтовыми мускулами и, кажется, сама перебрасывает машину с холма на холм, с горки на горку, будто длинный серый зверь катает бесконечные горбы по своей спине. Впереди, в просвете лесного туннеля, стояла розовато-серая

дымка: где-то горел торфяник, и дымом затягивало северный край горизонта - там висело над полями и лесами, распустив лучи, словно пышные усы, вечернее солнце. На размытой границе дыма и ясного неба оно наваливалось на стену знойного тумана, придавив его собой, и свешивалось вниз длинными, слегка изогнутыми лучами. С полей пахло сеном, сухой травой. Фары встречных машин отражались от зеркальных лобовиков и пригорков.

На подъезде к небольшому городу я свернула на заправку и, вернувшись на трассу, чуть не столкнулась с вышедшей на дорогу лосихой. Впритык за ней следовал лосиный подросток, а из кустов на придорожную насыпь выворачивался ещё один; вымётывал длинные ноги, казавшиеся неуклюжими, и вздрагивал длинными ушами. Спасло их и меня лишь то, что я ещё не успела набрать скорость и, резко затормозив, почти остановилась. Мать плавно, будто в медленном танце перебирая ногами, сделала несколько шагов и, приостановившись, поглядела в мою сторону, слегка мотнула головой и так же плавно, так же грациозно - это казалось сном, замедленной киносъёмкой - двинулась через дорогу, и рядом бежал доверчиво лосёнок, маленькая её копия, а второй малыш вымахивал, выпрыгивал, догоняя. Одним отчаянным прыжком взлетел над дорогой - и все трое бегом спустились с откоса.

Передо мной закатное солнце в раскалённом и дрожавшем от жары воздухе плавало небольшое, нестерпимо блестящее облако. Слева, через поля, к далёкому лесу на горизонте тянулась густая лиловая дымка, а справа чах низкий ивняк, в который уходили лоси. Ослеплённая закатом, я видела лишь их чёрные отчётливые силуэты на фоне знойного неба и запыхлённых кустов; в окно донёсся треск веток, ломающихся под широкой лосиной поступью. По встречной полосе притормаживали машины; их белые и синеватые огни казались бледными и немощными в убийственной яркости вечера.

Я ехала и всё думала об этой лосихе, о

том, какими большими оказываются эти звери на виду - на дороге, как на пьедестале; как независимо несла себя мать и вела детей перед автомобильным потоком, так что дрогнуло сердце, вдруг обрадовавшись им: «Ах вы, милые!»

Асфальт налился сиреневым. Солнце спустилось и стало заигрывать, прячась за высокие кроны, бросая их тени на дорогу лиловыми пластами так неожиданно, что я даже испугалась, подумав, что у меня что-то случилось со зрением. Солнце сместилось влево и, совсем утратив серьёзность, выглядывало оттуда, шаловливо подмигивая. Ближе к дому стало опять пламенеть, наполняясь тяжёлой краснотой, проступило ало-золотым, ало-жарким, потянуло на себя длинные сиреневые оборки, смотрело прямо в глаза, и плыли от него сиреневые пятна, медленно разбегаясь в стороны.

Уже перед самым домом оно потускнело, повисло в малиновом дыму - огромная круглая капля в невесомости, немного сплюснутая, опускалась ниже, ниже, коснулась шерботой линии горизонта и прилипла к ней, увязая, стала тонуть, тонуть, пропадая... В светлом небе сияли золотистые мазки: волны, кружева и развевающиеся одежды с палехских шкатулок. Спускаясь к речке, я увидела, как верхний край солнца малиновой монеткой полминуты ещё лежал на сизом море лесов и, плавая, стремительно растаял, как леденец. Осталось лишь сизо-малиновое дымное свечение.

Спустя несколько дней снова стал явственно ощущаться горький запах горящего торфа, горизонт затянуло дымом. Там южнее нас и на западе, и даже на востоке, в Кировской области, всё катилось по российским просторам огненное колесо и подминало под себя, прихлопывало деревушки, посёлки. Хищно набрасывалось на леса, на высохшую от жары траву, губило не успевших убежать от него людей и зверей. Огненные смерчи вырывали с корнями горящие деревья и шагали по среднерусской равнине мифическими чудовищами, изрыгающими пламя и

смад. В интернете сообщали о зарегистрированных в небе облаках - пирокумулюсах, рождаемых лишь действующими вулканами, рассказывали о том, что дым лесных пожаров с мощными потоками раскалённого воздуха забросило даже в стратосферу, и что такое бывает лишь при катастрофических извержениях тех же вулканов.

Вводили чрезвычайное положение, и опять злые языки критиковали власть и говорили, что это положение надо было вводить ещё вчера и даже позавчера, а не тогда, когда огонь уже охватил полстраны и взял в блокаду ядерный центр. Под Москвой сгорела военная база, и председатель правительства, временно исполняющий обязанности президента, принял меры: уволил высокопоставленных офицеров военно-морского флота. На ситуацию с пожарами это никак не повлияло, огненные шторма продолжали гулять и, походя, слизывали на своём пути всё новые и новые деревушки, и замещающему премьеру президенту приходилось утешать и успокаивать всё новых и новых погорельцев, обещая выплаты и экстренное строительство жилья за казённый счёт. Но тут же парламент заговорил о том, что так ни жилья, ни денег не напасёшься и надо обязать жителей страховать своё имущество, ввести закон, по которому люди сами должны отвечать за собственную безопасность и сохранность своих домов, трущоб и хижин.

Продолжали собирать комиссии, проводить совещания, рассуждали о причинах, искали виноватых, и правительство возлагало ответственность на чиновников, а большие чиновники спускали эту ответственность на чиновников поменьше, а те назначали виноватыми уже самых маленьких, у которых не было ни денег на тушение пожаров, ни техники, ни людей, знающих, как справиться с огнём в лесу.

Правительство отчаянно старалось принять действенные меры: решено было вместо словосочетания «лесные пожары» употреблять словосочетание «пожары

природные». Мол, у нас ведь не только леса и торфяники горят, а ещё и степи, и поля с хлебом, деревни и посёлки. Так что нечего все пожары грести под одну гребёнку и сводить причины происходящего к отсутствию в лесах лесников. Граждан нужно успокоить и объяснить, что наши пожарные и специалисты по чрезвычайным ситуациям потушат и горящий дом, и горящий лес, и дымящее несколько месяцев, источающее горький угар, торфяное болото.

Но профессиональные пожарные, умеющие тушить строения в населённых пунктах, в лесу, горящем и задымлённом, теряли ориентацию, блудились; пожарные автомашины не могли проехать по лесным чащобам, буреломам и ветровалам, и вся работа официально назначенных специалистов сводилась к эвакуации, когда людям нужно было просто убежать сломя голову из опасных районов, где тушить было практически уже нечего: обугленная земля в серебристых разводах пепла, дымящиеся остовы деревьев, покореженные печные трубы и фундаменты.

С утра мы со страхом вглядывались в дымовую завесу на южном горизонте, с надеждой поворачивались к северу и западу, пытаясь высмотреть признаки дождевых облаков. Вечером с напряжением следили за новостями, и в теленовостях нам рассказывали о подвигах правящей партии и показывали фотографии героев: на фоне дымящихся гарей - молодые люди в чистых белых футболках с государственной символикой и новенькими блестящими лопатами в руках. А мы по собственному опыту знали, что человек, проведший пару часов на лесном пожаре, становится похож на обитателя преисподней, и непонятно было, что это за добры молодцы и на какой планете борются они с виртуальным огнём в таких ослепительных, наглаженных маечках. И день за днём горело, горело, горело... Тушили лесники, кое-где сохранившиеся на местах, тушили добровольцы, тушило министерство чрезвычайных ситуаций, привлекали военных. Но жгучие вихри

продолжали вырывать с корнем и губить леса, и, если правда, что в основе всякого мифа, сказания и легенды лежат реальные события, случившиеся в веках, то наблюдая тем летом картину огненной катастрофы в стране, нетрудно было уже поверить в существование драконов, жаждущих золы и пепла и пускающих по городам и весям потоки истребительного пламени.

Так мы жили в тоскливом напряжении и тревоге, с надеждой вглядываясь в горизонт и прислушиваясь к новостям. У нас не было никаких иллюзий. Уж если не могут защитить и спасти заповедники и национальные парки, деревни и посёлки с десятками домов и сотнями жителей, если от ядерного центра страны с трудом отводят опасность, то кто станет париться и переживать из-за трёх с половиной домов и неполного десятка людей в лесной глуши.

Все последние годы с лесами творилась страшная неразбериха. Увольняли лесников, переписывали законы, и переписывали так, что уже никто не понимал: кто, за что должен отвечать, кому ловить браконьеров, кому обнаруживать загорания. Лесная охрана стремительно хирела и схлопывалась, вместо специалистов руководить исхудавшей отраслью ставили чиновников, как правило, тех, которые, как говорится, «ни ухом, ни рылом»... Бывшую когда-то гордостью ведомства лесную форму с золотыми дубовыми листочками на петлицах и обшлагах упразднили, оставили лишь кителя для тех самых чиновников, добавив золота и регалий. Но ни золото, ни регалии не помогали, дела в лесах шли всё хуже, чиновников меняли всё чаще, и вот грянуло лето с необычайной жарой и засухой, и происходящее стало напоминать сорок первый год: так же был выбит профессиональный состав лесной армии, разрушена материальная база и утрачена бдительность.

Мы понимали, что надеяться можем только на самих себя. Никто нас спасать не придет, на помощь не придёт, и если останутся от нашей лесной усадьбы одни

уголёчки, то скорей всего большие начальники невозмутимо скажут любопытствующим: «А так и было, никто здесь и не жил никогда».

День за днём мы проживали в тревожном напряжении, вглядываясь в горизонт. Принюхивались к запаху гари в воздухе, прислушивались к жестяному, безжизненному шелесту травы, к сухому шороху малоподвижных листьев в лесу.

И в эти невесёлые дни пришлось мне взять на себя ещё одну незапланированную заботу, работу небольшую, но всё же требовавшую времени, внимания и затрат.

За ночь воздух уже почти не остывал, и в девятом часу утра на полу кухни распластывалось горячее от солнца пятно, босым ногам становилось жарко. Изредка проезжая в городе мимо завода, мы видели густые дымки над его трубами и удивлялись, как люди там терпят и продолжают работать. Шутили: «Это они себе тучки делают, дождички пускают кислотные»

Однажды я встретила на нашей дороге, там, где она идёт вверх, пересекая водораздел, и спускается к линии электропередач, лисёнка. И вспомнила, что неделю назад его уже кто-то видел здесь и рассказывал, какой измученный у зверька вид: «Осоловелый. От жары не соображает ничего». Когда я увидела его в первый раз, он и впрямь показался мне страшно худым, на длинных ногах чернел в жарком сером мареве дороги. Вяло двигался вдоль обочины и как будто не слышал ревающего звука машины. Я остановилась в тридцати шагах от него и заглушила двигатель. Вышла на дорогу. Он такой же вялой трусцой побежал по асфальту, а до меня донёсся шум несущейся машины со встречного направления. Крикнув: «Беги!» - я топнула ногой об асфальт и побежала в сторону зверя, чтобы сильней напугать его: «Беги в лес!» - он, как будто поняв, сиганул в кусты.

Видимо, лисица устроила рядом с дорогой логово и вывела щенков. Сама пропала или ушла, а зверёныш так и крутится недалеко от родного гнезда: наверное,

ему не больше трёх-четырёх месяцев, и шансов выжить у него практически нет: рано или поздно его сожёт какая-нибудь машина.

Спустя два дня я снова увидела лисёнка на том же самом месте. Вид у него был совсем плачевный. Опустив голову, он стоял на горячем асфальте и ни на что не обращал внимания. Когда я стала подходить к нему, он двинулся, пошатываясь, побежал еле-еле. Я остановилась, остановился и он, замер в той же позе. Подождав, я снова стала осторожно подходить, и, услышав шорох, зверёк как будто очнулся, медленно, тяжело стал спускаться с обочины, и в зарослях крапивы под лесной черёмухой затих, исчез, как растворился. Так же осторожно я подошла ещё на несколько шагов, стала вглядываться в чересполосицу теней и знойных солнечных пятен среди пожухлых стеблей и листьев и вдруг увидела лисёнка совсем рядом. Он стоял и смотрел на мои ноги в пяти шагах от него, но, казалось, ничего не видел и не соображал. Мне отчётливо были видны его суженные глазки, острая мордочка, резко расширяющаяся к ярко-белым подпалинам на скулах. Зачем природа дала им эти белые «щёчки», какую функцию они выполняют?

Лисёнок смотрел неподвижно прямо перед собой, и в щёлочках его глаз я почувствовала терпеливое звериное страдание. Такое маленькое существо, живёт на свете всего ничего, несколько месяцев, а уже мучается, терпит всю тяжесть земного существования, одиночества и заброшенности, выносит пытку голода и жажды, шатается от невыносимого пекла. Мы, люди, постоянно ноим и жалуемся друг другу и самим себе, что нам слишком жарко, или, наоборот, слишком холодно, или что у нас нет машины и приходится ходить пешком, или что у нас мало денег, но мы хотим есть вкусней и слаще. А вот этому маленькому зверю, зверю-младенцу, и пожаловаться некому, да и не умеет он, не дано ему таких прав и возможностей: жаловаться то ли природе-матери, то ли на мачеху-природу.

Глядя на него, я вдруг почувствовал острый стыд за своё человеческое «я», за более-менее благополучное существование и вечное им недовольство. Зверёныш ещё более беззащитен, чем ребёнок, и на нём уж точно нет ни греха, ни вины: почему же меру мучений они несут наравне с нами, или неосознаваемую и невыражаемую муку нельзя считать полноценным страданием? Звери ведь, в отличие от людей, очень редко плачут, и зверь ничего не может сказать, даже умирая.

- Ты головой-то подумай! - сказали мне рассудительные домашние, - Может, у него бешенство или чумка. Неспроста же он такой малохолный шатается по дороге. Покусает собак, покусает нас...

- Если больной, надо к ветеринару... Только как поймать? Действительно, покусает...

Но интуиция подсказывала, что лисёнок больше всего страдает от жажды. Ему просто-напросто негде напиться: на много километров вокруг пересохли все ручьи, ручейки, ямы, канавы и сырые мочажинны. Сфагновые болота хрустели под ногой как жёсткий и твёрдый картон. Лисёнок не может найти воды; речка далеко, а как до неё добраться, он ещё не знает.

Вечером я забросила в машину старый таз и канистру с питьевой водой. Съездила в сельсовет и купила килограмм свежей рыбы. В том месте, где видела лисёнка в зарослях крапивы, вкопала в землю таз и вылила в него воду, в стороне положила несколько рыбин.

На следующее утро, как только рассветло, я поехала посмотреть, и обрадовалась: рыба исчезла, а вода в тазу немного убывла, может, конечно, высохла; на дне плавал серый крапивный листочек. С тех пор через день я привозила рыбу, относил её глубже в лес, подальше от дороги и оставляла в укромном месте, под сухой корягой. Мои приношения каждый раз исчезали, но у меня не было уверенности, что гостинцы съедает тот, кому они предназначены. Пока не было.

Засуха продолжалась. Продолжались и пожары в центральной части страны,

и организация их тушения, похоже, не менялась к лучшему, лишь всё больше волонтеров и добровольцев отправлялись в районы бедствия помогать людям и живой природе. Очередной самый большой начальник с образованием менеджера, которого в экстренном порядке назначили руководить в лесах вместо прежнего, тоже, вроде, менеджера, заявил, что нет нужды пересматривать закон, отменивший лесных сторожей, всё и так будет хорошо, «мы справимся, всё сделаем как надо» и время всё расставит на свои места. Опять никто не понял, когда наступит это всеобщее спокойствие, счастье и благополучие и каким образом. То ли когда выпадет снег и наступят морозы, то ли когда подчистую сгорят все леса, а заодно и жители лесных посёлков, так что тушить уже больше будет нечего и горевать не о ком. Единственное, что удавалось успешно сделать чиновникам, - это в несколько раз снизить площади пожаров на бумаге и в отчётах. От друзей в соседней области мы знали, сколько лесов у них сгорело, какие площади пожрал огонь и как в десятки раз была занижена официальная информация.

За два с лишним месяца небывалой засухи и жары мы вычерпали на полив весь наш большой пруд, обнажилось дно, покрытое скользким бурым илом. Воспользовавшись этим, мы решили его почистить: граблями и лопатами соскребали пласты ила, на тачках свозили в компост, а дно засыпали свежим песком.

Как-то вечером пошла на нас с юга небольшая гроза, но, сделав обманное движение, обошла стороной, удалилась и там вдалеке стала всё освещать своими розовыми молниями. В сумерках мы видели, как чертит она на северной стороне неба огненную карту: текли реки-молнии и ветвились притоками, вспыхивали и светились неведомые земли; окружённые облаками материки просвечивали до дна, и не хватало короткого мига, чтобы как следует разглядеть их в озаряемой тьме. Утром узнали, что двум соседним деревням в десяти километрах от нас перепали небольшие порции дождичка.

Часто бывает, что переживаемое человеком встречается ему в отражённом виде в книгах и фильмах, получает подтверждение в прочитанной книге, мысли, высказанной давным-давно каким-то писателем или философом. Переключка душевных движений через года, через века и эпохи, говорящая о том, что изменяя формы восприятия и выражения, сознание не изменяет своей сути, остаётся устремлённым сквозь страдания к любви, свету и правде. В эти знойные дни мне попалось стихотворение Заболоцкого о засухе, и в нём точь-в-точь было описано пережитое нами нынешним летом: «...Дрожит весь воздух ярко-золотой. Над жёлтыми лохмотьями растений плывут прозрачные фигуры испарений. Как страшен ты, костлявый мир цветов, сожжённых венчиков, расколотых листов, обезображенных, обугленных головок, где бродит стадо божьих коровок...»

И мучительно короткая передышка на ночь, когда можно вдохнуть чуть остывший, едва-едва посвежевший воздух, умывшись холодной водой, прилечь и забыться ненадолго с надеждой на завтрашний, может быть, уже не такой тяжёлый день. «...Лишь вечером, как только за дубравы опустится багровый солнца круг, заплакав жалобно, придут в сознание травы, вздохнут дубы, подняв остатки рук...»

А сколько раз мы были готовы вознести к небу точно такие же молитвы с теми же точно словами: «О, солнце, раскалённое чрез меру, угасни, смилуйся над бедною землёй!»

Я продолжала время от времени возить свежую рыбу на водораздел, убедившись, что мои благотворительные акции не напрасны: пару раз я видела лисёнка на открытом месте возле электролинии; выглядел он ожившим, поздоровавшимся.

Постепенно яростная сила солнца стала ослабевать. В середине августа, за полтора месяца до осеннего равноденствия, уже стояли полноценные ночи с густосиней каймой по горизонту, с мягким блеском проявившихся, словно прорвав-

шихся сквозь белизну раскалённого неба, крупных звёзд. Стал широко наплывать издалека медленный ветер, оживлялась по вечерам листва, и кроны кустов в сумерках шевелило, трогало двинувшимся наконец-то воздухом. Однажды вечером где-то совсем близко сказал что-то коротко гром, как будто звонко прохлопал в ладоши торжественное вступление. Мы, не веря, прислушивались и приглядывались: столько раз за два с лишним месяца дожди обманывали и обходили стороной! Но густо, серьёзно засинело на западе, стало порывивать оттуда всё чаще и ближе, и ночь наступила раньше времени. За чернотой, под ней и в ней светилось в четверть неба оловянно-серое сияние, из него вспыхивало толчками, неровно пульсировало нутро невидимого вулкана, извергающего холодный огонь и грохот. Закапало тихонечко, потом чаще, чаще... И вдруг перестало, притихло на время. Подождало немного и, как после увертюры и паузы, заиграло в полную силу, зазвенело клавишами и струнами, зарокотало в трубы, забило в барабаны. Полилось на землю и в землю, к измученным корням, листьям, в сухие травы и мхи, ставшие за время засухи светло-серыми, как будто покрытыми налётом пепла.

- Ах ты, дуся! Ах ты, милый! - стоя на крыльце, говорила я дождю и грому, и гром отвечал звучным басом, широким и густым ворчанием, а дождь трудился молча и усердно, не тратясь на слова и сообщения, - сколько нужно теперь воды, чтобы исправился в природе этот страшный перекося, это несоответствие, созданное несообразно мощной работой солнца!

Летняя погода на севере отличается неустойчивостью. Тёплые дни при ясном солнце и небе вдруг перебьёт каким-нибудь пустяковым грозным дождиком, после которого либо ветер сменится на северо-восточный, самый холодный и безнадежный, либо небо затянет туманом и неясными облаками, то и дело прыскающими водой. И начнётся сеножной до самой осени, когда то подсушит, то

подмочит, только-только высушит - и тут же снова зальёт. В такой сезон хозяева, имеющие скотину, на которую нужно накопить и насушить сена, приобретают статус великомучеников. То, что лето может быть таким удушливо-знойным и сухим, а солнце - таким беспощадным, стало для нас новой, невиданной реальностью. Посади мы этой весной на своём огороде, вместо картошки и лука, арбузы и дыни - переплюнули бы по урожайности астраханские и кубанские бахчи.

Плохо ли, хорошо ли, а и хорошее, и плохое когда-нибудь кончается. Жара спала; вместе с летом кончилась и засуха. Уже середину августа мы считаем началом осени, и середина августа - это такое время, когда можно коротко передохнуть от непрерывной вереницы трудоёмких садово-пасечно-огородных дел. Можно немного передохнуть перед уборкой большого урожая и оглядеться более-менее спокойно, увидеть и сделанное твоими руками, и произошедшие в природе изменения.

И оглядевшись, мы увидели, что осень уже стоит перед нами вплотную и щедро пестрит жёлтыми листочками. Разогретая за время небывалого зноя земля остывала не сразу, медленно отдавала своё тепло воздуху, небу и начинающим желтеть лесам. Там, на юге, кое-где ещё ползли по земле мифические драконы и лизали всё живое огненными языками, а у нас небо и воздух после дождиков очистились, набрались сентябрьской прозрачности.

Мы сняли со стены гаража ранцевые опрыскиватели, вылили из них воду, убрали в склад мотопомпу и огнетушители. Стали готовиться к осенним работам. И вспоминали проходящее лето уже чуть ли не с сожалением: утомившееся солнце уже не обожжёт своим близким присутствием, станет ходить по небу всё ниже и ниже, станет бледнеть, теряя силу, и в конце ноября совсем опустится к горизонту, ляжет в стылую, сизую изморось, еле-еле будет светить оттуда, как светит фонарь от севшей, умирающей батареек. Привычные осенние приметы напоминали о

себе, или мы сами вспоминали о них, пытаясь соизмерять свои планы и действия с природными ритмами. Решали: пора копать картошку или можно ещё подождать; пора ли утеплять на зиму пчёл, и если пора, то надо срочно набивать сухим мхом подушки из мешковины, сокращать гнёзда, сушить рамки, топить воск. Вдруг вспоминали о том, что в середине августа обычно летят Персеиды, и кто-нибудь шутил:

- Полетят, если погода лётная будет.

Дул северный ветер, и шутник продолжал:

- Не, с севера дует - не полетят.

- А им какая разница?

- Дак, рыба-то не клюёт! И Персеиды не полетят! Холодно стало.

Убрали лук и помаленьку начали копать картошку. Запахло сжигаемой ботвой, сладким дымком сентября, и небо становилось высоким и гулким, а солнце - умиротворённым. Осень - пора размеренных трудов, лёгкой грусти, пора отдохновения души.

Оказалось, что лисёнок был не один, их трое жило в низком ольшанике возле электролинии - последние дни я встречала одного за другим на остывшей, утратившей солнечный накал дороге. Они были окрепшими, здоровыми, шустро ныряли с дорожного откоса. Уже не один раз привезённая мной рыба оставалась нетронутой: видимо, как только кончилась засуха, лисята перешли на более привычный рацион; им стала не нужна моя помощь. Беспокоило лишь то, что они продолжали держаться в опасной близости от дороги; каждый раз, замечая их в стороне, я отчаянно сигналила, чтобы отпугнуть и отогнать. Один из них, отбегая подальше, садился на открытом месте и с любопытством смотрел на проезжающую машину.

И было ещё тепло, но становилось всё больше прохладных дней, и шли время от времени дожди. Во второй половине сентября начался листопад. Ветер дул то с юга, то с севера, то с востока и запада

и крутил, потрёпывал, дёргал и гонял сорванные листья. Упал первый заморозок, и наступила тишина. И мы услышали, как падают листья сами по себе, ничем и никем не подгоняемые, скатываются с лёгким шелестом вдоль стволов и ветвей и недолго кружат в холодноватом воздухе, совершая краткие витки, как умершие бабочки. Неподвижные деревья что-то неуловимое делали в вышине, и один за другим катились сверху во всём лесу невесомые золотые кружочки. Неуловимое это движение происходило везде и сразу. Я останавливалась, смотрела и слушала изо всех сил, но не могла поймать миг, когда срывается отдельный лист, лишь еле слышное сухое постукивание обозначало его путь к земле сквозь поредевшую крону. И чем дольше я стояла, замерев и слушая, тем больше начинало казаться, что множество невидимых волшебных рук, балуясь и завораживая, тоненькими, изящными пальчиками отщипывают листочки и отпускают с высоты. Шелест и тихое бумажное постукивание... Отчётливо слышное скольжение лёгкого листа вдоль ствола, безжизненное касание веток. Как будто падают одна за другой, текут сухим потоком мелкие бумажные денежки. Природа готовит себя к трудному и долгому сну, к забвению, а наблюдателю кажется, что это она так играет с его воображением.

Осенью наша дорога становится безлюдной. Дачники, собрав урожай, нарвав в лесу грибов, на болоте - ягод, уезжают на тёплые зимние квартиры, к освещённым проспектам, к витринам магазинов и развлечениям. Дорога становится пустынной и можно ехать по ней спокойно, не опасаясь вылетающего на «встречку» ошалевшего от свободы деревенской жизни, да, может, ещё и «принявшего на грудь» водилы-гонщика.

В конце сентября, проезжая водораздел, куда летом почти целый месяц возила рыбу и воду, я увидела на обочине мёртвого лисёнка. К нему вёл извилистый тормозной след легковушки - машина ехала, виляя, и непонятно было: то ли пы-

тались объехать и уйти от столкновения, то ли наоборот гнались и преследовали, настигая. У сбитого лисёнка ножом отрезали хвост. Перед кем хотел похвастаться трофеем тот, кто сбил зверька?

В лесу и на дороге мне часто приходится наблюдать крошечные великие трагедии. Выкопанный собаками мёртвый крот на тропинке: толстенький, меховой, с короткими розовыми лапками, смешно растопыренными. Крошечная пасть раскрыта в мёртвой гримасе, подбородок отвис. Молодой глухарь, взлетая, сломал о дерево крыло - осколок плечевой кости порвал тоненькую кожу и высунулся наружу острой трубкой. Глухарёнок, видимо, уже несколько дней ковылял по земле и сильно отощал. Сын принёс его домой, и мы пытались лечить, пытались кормить... На славной нашей дороге, которой я благодарно радуюсь как единственной связи с миром, грязно-багровыми пятнами лежат раздавленные ежи. А сколько лягушек, ящериц, птиц, гусениц, горностаев и ласок уносит ежегодно одна только районная дорога - кто станет считать и оценивать? Собака или кошка попадут под машину - для хозяина горе огромное, если есть хозяин. По бездомной кошке некому плакать. Сколько безжизненных пушистых маленьких тел лежит на российских обочинах! Мы не можем ничего сделать для того, чтобы защитить даже людские жизни, в своём бессилии научились лишь подсчитывать потери, а задавленных собак и кошек никто не считает, и автомобилистов за них не наказывают - ну, что ж бывает, сама выскочила... Не садить же человека в тюрьму из-за сбитой нечаянно собаки.

Природа не знает катаклизмов и катастроф - это человеческие понятия. Природа не знает лжи, жалости и жестокости, не знает горевания по прошедшему. Она совершается по законам естества и необходимости, всё происходящее в ней зачем-то ей, природе, нужно. И зачем-то она создала себе человека, знающего жестокость и ложь, но и проповедующего в своих лучших прозрениях тотальное

милосердие. Милосердие в человеческом понимании становится выше рациональности и необходимости. Зачем-то природе оказалась нужна эта человеческая мысль о том, что всё родившееся, всё живущее имеет право жить и стремиться к радости. Природа, создавшая человека, невзлюбила страдание и хочет от него избавиться, хочет, чтобы страдания в мире не было ни для кого.

Когда в ясную погоду, ранней весной или осенью я еду по вечерней трассе, с которой нужно свернуть на дорогу к дому, передо мной открывается вид на закат. Полосатый горизонт, где лиловое чередуется с янтарным, широко виден с какого-нибудь холма, окружённого полями с редкими кустами и перелесками. Далеко слева ярко-оранжевые и лиловые полосы перечёркивают высокие трубы завода, и они очень красивы с длинными волнистыми хвостами сизого дыма, направленными строго в одну сторону. Эти плотные и густые хвосты так далеки и медленны, что кажутся неподвижными. На одной трубе, самой близкой ко мне дым распускается белым пушистым цветком, тоже медленным, плавным, завораживающим. Полоска безлистного ольшаника прозрачной сеткой наплывает на яркую картину заката. И почему мне кажется, что всё это вечернее праздничное небо обращено именно ко мне, и закат совершается для меня? Почему я так пристально в него вглядываюсь, как будто горящее на западе, самое красивое в природе пламя, содержит какое-то сообщение? Что хочу я понять, и действительно ли кто-то или что-то говорит со мной на языке красок, линий, звуков и образов?

Я сворачиваю с трассы на север, и горизонт, повернувшись ко мне другой своей стороной, нежно голубеет полоской лёгкой дымки, переходящей выше в сиреневое и розовое, такое же нежное-нежное. И кажется, что это не вечер обычного дня, а утро мира - новорождённого мира обещающее утро.

Ажурные опоры электролиний над пустыми полями, широкими фестонами подвешенные под ними провода в пустоте неба

и пространства. Серая ленточка старой, очистившейся от снега дороги с пушистой каймой небольших кустов на обочине привычно и быстро ведёт меня к дому. И я думаю: «А если бы не было человека, не было людей - был бы этот мир так же красив и так невозможно притягателен, вызывал бы такой восторг и такую любовь?» Это в голове происходит такой парадокс - мысль, вывернувшись наизнанку, становится абсурдной, а, вернувшись к себе, говорит рассудительно: чью любовь и восторг могла бы вызвать красота, не будь в ней человека? И получается, что природа создала нас для того, чтобы ей видеть себя, понимать и любить, чтобы мы были её глазами, ушами, чувствами и мыслями. Чтобы, научившись абсолютной любви, мы научили бы и её, и привели к этой единственной во всей Вселенной цели. О, да! Прекрасная и несовершенная природа создала несовершенного человека. Умея любить и восхищаться, он одержим страстью разрушения, он жаждет, своекорыстен, беспощаден, глуп и жесток. Одолевает природу и беспомощен перед ней. Но надежда - она в понимании. Осознание болезни - начало пути к исцелению. Осознание несовершенства и порочности - начало тяжёлого и бесконечно долгого восхождения к совершенству и гармонии.

Не доезжая несколько километров до дома, я вижу на дороге лису. Подвижная, гибкая, темнея в прозрачно-сером мартовском вечере, она к чему-то принюхивается и, завидев мою машину, делает стремительный мягкий прыжок на снежный бруствер на обочине дороги. Миг - и она уже в поле, тонкая и лёгкая, в белизне снегов - яркая живая чёрточка удаляется к стене хвойного леса. Их больше стало за последнее время в наших лесах: лис, зайцев, лосей. Появились волки, и рыси уже вторую зиму проходят рядом с домом. Правда, больше стало и охотников, и снаряжение у них всё круче и всё дороже. Человек всё так же одержим страстью убивать, добывать... Один охотник рассказал

мне, как он копил шкурки енотов, чтобы сшить жилетку любимой жене. Рано или поздно это уйдёт в прошлое...

Когда мне говорят, что природа человека никогда не изменится, что человек никогда не окажется от своекорыстия и выгоды, я отвечаю: да. Он никогда не изменится и не откажется от выгоды, но сама выгода изменится для него, она будет в другом. И люди станут по-другому на неё смотреть и по-другому к ней относиться. Человек не может измениться в одиночку, можно измениться только всем вместе, а это мучительно медленный процесс. Жизнь сквозь трагичность существования, сквозь ложь и тьму устремлена к свету и правде - так хочет природа, Вселенная или Бог, иначе никто из них никогда не сотворил бы человека, создателя и разрушителя.

Уже в сумерках я подъезжаю к дому. Здесь кончаются поля бывших совхозов и начинаются сплошные леса: ельники с березняками, осинники, редкие вкрапления сосняков - сосновые гривки и сосновые обрамления вокруг верховых сфагновых болот. Леса идут до самой границы района и дальше, до границы области, до Онежского озера. Есть в них ветровалы и буреломы, есть свежие и старые, заросшие уже вырубки. Вырубки военных и довоенных лет стали уже новым лесом, в котором лишь еле заметный, старый-престарый волок указывает на то, что здесь когда-то возили заготовленные хлысты и брёвна. Но нет в наших лесах удручающих взгляд, чернеющих обугленными пенками гарей, и это не заслуга человека, не достижение лесной охраны, а особенность местности. Долгомошные и приручейно-разнотравные ельники оберегают себя сами во всякое лихолетье от пожаров и огненных катастроф. Оберегают себя, а заодно и нас - немногочисленных обитателей местной сельской округи, живущих под спасительным пологом лесов и благодарно чувствующих их мощную охранительную силу.

Тринадцатый квартал

Главы из новой книги «Детство золотое»

**Анатолий
ЕХАЛОВ**

Писатель, режиссер документального кино, заслуженный работник культуры, действительный член Петровской академии наук и искусств, лауреат

Государственной премии по литературе и кино Вологодской области, лауреат трех международных фестивалей «Золотой Витязь», трех международных фестивалей «Бородинская осень», Национальной премии «Ника», международных фестивалей «Золотой бубен», «Спаси и сохрани», «Радонеж», премии Николая Лескова, Валентина Овечкина, Владимира Гиляровского и т.д.

Автор двадцати пяти книг прозы (в том числе для детей) и публицистики. Анатолием Ехаловым снято более 150 телевизионных фильмов о Вологодчине и ее людях, более пятидесяти демонстрировались на центральных телеканалах.

Анатолий Константинович Ехалов родился 28 марта 1951 года в семье сельского учителя, закончил факультет журналистики Ленинградского университета. Работал в районной газете «Звезда», областных «Вологодском комсомольце», «Красном Севере».

С 1998 года стал выпускать телевизионный цикл документальных фильмов на областном телевидении «С Ехаловым по Вологодчине». Придумал и поставил более двадцати народных праздников, ставших известными по всей России: «Праздник коровы», «День коня», «Банная ассамблея». Активно сотрудничает с программой «Играй, гармонь!». В рамках деятельности творческого центра «Матица» организовал общественное движение «Вологодская деревня. Будем жить!». Имеет четырех детей. Живет в Вологде.

Эти истории лесного поселения записаны за самоваром у моего соседа, Бориса Васильевича Битюкова, военнослужащего в запасе, спортсмена и крестьянина.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Все начиналось на хуторе Варваровка под Харьковом в 1931 году. Начались великие перемены по всей стране. Вот и у нас сформировали комитет бедноты, в комитет спустили разнарядку: «От вашей Варваровки столько-то человек нужно отобрать на переселение...»

Это мероприятие правительства не считалось раскулачиванием, а было переселением трудоспособного крестьянства. И особенное внимание было к тем семьям, где было много мужиков. Если в семье девчата, эти семьи не трогали. Они не нужны были в безлюдной Сибири и на Русском Севере, где начинались великие стройки. Можно сказать, что невесты остались без женихов...

Комитет бедноты Варваровки постановил переселить таких-то и таких. И в этот список попал мой дед Данила Андриянович и его братья.

Ну, пришли их выселять, а те были крутые ребята. И взяли этот комитет бедноты порубали и - в колодец. Ну, тогда на Украине это было в порядке вещей. Народ не был безучастным к своей судьбе, как сейчас.

На другой день налетают тачанки на хутор, что-то вроде карательного отряда. И под пулеметами предлагают выходить всем, кого записали на переселение. И начинается опись имущества у них. Командуют: что с собой взять, что остается на хранение. Все описали: сколько полотенец, сколько сапог...

Все это до сих пор в архивах хранится.

А батю моему тогда было 24 года, у него была невеста - дочка попа. У них любовь, вот-вот поженятся.

Батя утром рано от невесты возвращается, видит, тачанка стоит. У отца младшие братья - подростки, так они тихие, дяде Жоре семь лет. На тачанку рассаживают всех, на станцию везти, смотрят, что с собой взято. А бабка Мария Павловна - моя бабка по отцу - тулуп меховой надела. А жара 30 градусов.

Чекист ей: «Ты что тулуп напялила? Берите только то, что сейчас надо. Там все вам дадут».

И стал сдергивать тулуп. Ну, этого батя стерпеть не мог, налетел на этого чекиста, ударил его. Тут подскочили чекисты, скрутили батю, бросили в арбу, а вознице говорят: «Вывези его за околицу и расстреляй в яру...»

Вознице-то как своего парня порешить? Вывез его в степь:

- Беги!

Так отец не попал в список спецпереселенцев, а по документам был расстрелян. И дед детям сказал:

- Василя мы лишились, Василя расстреляли.

А отец два года скрывался в Харькове у сестры.

У сестры живет, работает на бойне. Настоящих-то бойцов нет, а скотину бить надо. Особенно тогда, когда освобождалось много скота. Хозяев заберут, а скот остается. Продовольствие шло и в Сибирь, и на Север. И в соленом виде, и в копченном... И вот, примерно через два года письма стали приходиться из Курьянова Костромской области. И он понял, где искать семью.

Жил он хорошо в то время, с мясом был, платили хорошо. Но переживал за родителей, которым с четверыми было нелегко в лесу.

И поехал он в это Курьяново, искать своих. Первым он дядю Жору нашел. Старшие двое сразу женились на местных, и проблем никаких не было, уже работали в лесу. И гуляли, и веселились, и жизнь пошла. Рыбалка там очень хорошая.

А дядя Жора, девять лет ему всего, построился к одному мужику вицы крутить

для вязания бревен во время сплава. И вот живет у него, живет хорошо, скотина есть, огород хороший. Яблонь целый сад. Целая клеть яблок, до самой весны яблоки едят.

Вот батя мой Жорку нашел, сидит с ним. И тут молодая женщина приходит. Красивая, вожеватая. У нее мужа забрали и угнали куда-то далеко, где он и сгинул. А мать была записана батрачкой. Видимо, у богатея был умысел на батрачке жениться, чтобы не тронули. Ее-то тронуть чекисты не могли. Вот посмотрят в документ - батрачка, и уходят.

И вот пришла к своей матери и повстречала там Василю, моего будущего отца. Но с продовольствием тогда было не особенно хорошо. А с мясом и вовсе.

Если поросенка зарезал, то обязан шкуру сдать. Невозможно это, если узнают, что поросенка зарезал, а шкуру не сдал, значит, уже будут проблемы, разбираться станут. Это ты уже против советской власти пошел.

Вот молодуха и говорит: «Вот, поросенка надо резать. И некому».

А батя: «А где ваш поросенок? Я зарежу».

Она: «Да как же? Он же завизжит на всю улицу... Донесут».

Батя: «Не будет орать».

В бочку воды налили, батя поросенка в бочку сунул и зарезал там без звука, одно бульканье.

Ну, мать была благодарна, потом все жалела, что мало ему мяса дала.

И батя время от времени стал приходить своего брата маленького проведать. И вот проблема: никому он тут не нужен. Он же здесь не как переселенец числится, а как неизвестно откуда взявшийся человек. Хорошо, что быстро сошелся с моей будущей матерью, прихабурил ее. Любовь.

А чекисты батю цап и - в каталажку. Батя в каталажке сидит. Тем надо принять меры, откуда человек? Ну, его куда-нибудь определили бы: или в Сибирь, или в Архангельск на лесопильный завод.

А мать приходит за ним в участок. Придет к начальнику, и в слезы: «Это хозяин мой, ребенка жду от него!» Отпустят.

Потом другой начальник приходит: «Кто? Откуда?» Опять батю схватят и - в каталажку. Опять мамка бежит спасать. Долго разбирались, пока не внесли в списки спецпереселенцев и он не отправился работать в лес. Зажили тогда хорошо, не богато, но хорошо. У всех огороды, все переженились, живут дружно, деревня к деревне в гости ходят. Молодые, когда и порадоваться жизни, как не в молодости.

Мать рассказывала, что батька рыбы ловил огромное количество. Окунь килограммовые, щуки пудовые...

А потом Битюковы попадают на Доску почета областную как передовые лесорубы, перевыполняющие план. Был такой богатырь там, земляк из Варваровки, Васильченко, тот по 24 кубометра древесины в день давал.

Как он лес рубил! Очень хороший лес тогда был. Этот Васильченко делает завал, потом берет здоровенный кол, и до середины дерева он колом шарахает, сучки сшибает. И уж потом только топором.

Сильный был человек. Их в 31-м году привезли пароходом на Выползово в Тотьму. Директор леспромхоза вышел: «Это кто? Украинцы? Украинцев нам не надо, они работать не будут», - сказал.

Ну, и повезли в Костромскую. А когда по газетам стали узнавать, что они стахановцы, перевыполняют нормы, эти, бабушкинские, стали возмущаться: «Они забрали наших людей. Верните их. Они по разнарядке нам назначались».

Ну, а костромичи не отдадут. Вербовщика посылают туда, в Костромскую область, из Бабушкино:

«Вот, - дескать, - вы наши. Мы вас хотим забрать, у нас всё есть. Здесь у вас школы нет, а у нас школа рядом. Дети в школу будут ходить».

Наши говорят: «А как же мы с сундуками?»

«Да мы дадим вам сколько угодно подвод. Проблем нет, привезем».

И вот Данила Андриянович принял решение о переезде на Вологодчину. Это было в 39-м году, когда я уже родился, Клавка, Колька.

И вот я помню, это было как раз напротив моего дома, на том берегу реки, как я впервые ощутил себя. Помню яркий свет, вижу, как сверкает вода, прыгают какие-то тени. Я ползаю по мелкой гальке - галечный пляж был на Леденге, одна галька. Я вижу, как люди бросают в ведра рыбу. И все кричат и смеются. Я помню, как подполз к ведру, а ведь мне было тогда совсем немного, и стал подниматься. Видимо, я еще ходить толком не мог. Заглянул в ведро и увидел, как в нем рыба плещется.

И потом всё, больше ничего не помню из этого. И уже через какое-то время помню себя одетым, как подхожу к речке, вижу, как родители несут из леса полные корзины ягод: смородины, малины, черники. И нас угощают: «Это от зайчиков. Зайчики вам прислали ягодок...»

Жизнь тогда была очень красивая, народ целомудренный был... Все работали с радостью и в лесу, и дома: кто сарай рубил, кто хлев, кто погреб... Собирались жить долго и счастливо.

ОСЕННИЙ КАРБАС

Батька прислал мне с фронта моток лески и крючки в конверте. Где он взял их на Ленинградском фронте? Уму непостижимо. Они стояли на Вороньей Горе.

До сих пор в интернете можно найти хронику, рассказывающую об артиллерийском расчете братьев Битюковых, умело бьющих врагов. Их было пятеро. В числе их и мой батька. Он уходил весной сорок второго вместе со всеми мужиками Тринадцатого квартала, занимавшимися заготовкой древесины. Все они были спецпереселенцами из Харьковщины. Проще сказать, раскулаченные крестьяне, привезенные в северные леса.

До сих пор потомки этих спецпереселенцев благодарят Сталина, его политику переселения, потому что она спасла их сначала от голода 30-х - вологодские леса и реки были полны рыбы и зверя, а огороды давали великолепные урожаи. Потом от оккупации - те территории, на которых жили вчерашние крестьяне, стали местом

ужасных боев. Потом от мясорубки первого года войны, перемоловшей регулярную армию, а спецпереселенцев начали брать на фронт только в 42-м году. Потом - от голода 48-го года.

Какие росли у нас овощи! Никаких вредителей на огородах не было: ни тли, ни бабочек-капустниц, потому что лес сосновый кругом. Репа росла удивительная! Сорняков тоже мало было, потом уж, прошли десятилетия, сорняки развелись.

И вот началась война. И сразу как подрубил всех. Весной 25 апреля 1942 на фронт пошли наши. Это удивительный день был. Яркий, солнечный, радостный...

Это всё на моих глазах было. По Леденге сплавливали лес весной. Зимой заготавливали, складывали его по берегам в бунты. Старались сплавить так, чтобы на реке не было заторов. Но случались и заторы.

Я видел такие заторы: от устья Леденги на десятки километров вверх. Столько леса, бывало, зажмет на реке, что страшное дело! По этому затору ходишь, прыгаешь, рыбу выгладываешь. Главля легко можно было поймать. Весь поселок на заторе стоит день и ночь, разбирает его, пропускает...

И вот весной 42-го года идет сплав леса. А сплавщикам и лесорубам на фронт надо. Мужики оделись в хорошие одежды,

около тридцати человек их было, нужно идти в райцентр - село имени Бабушкина. А для этого надо было перебраться на другую сторону, а вода-то большая. А лодку какой-то раздолбай угнал на другую сторону и привязал там.

Ну, как попадать? А лес всё несет и несет молью. То есть плывут разрозненные бревна. А потом Захар Скрипченко схватил багор, смотрит, пачка леса плывет, бревнами крест-накрест... Ну, видимо, бунты когда сваливали, накопилось леса, никак в реку не сваливается. А потом все-таки эта пачка упала в реку, и образовалась такая кучка крест-накрест. Вот так она и плывет. Эту пачку Захар Скрипченко багром подтянул к себе, прыгнул на середину ее, на бревнах перебрался на ту сторону.

Его снесло метров на 200, ну, он поднялся, лодку отвязал и пришлыл к поселку. Всех мужиков перевезли, одна баба с последним рейсом туда ушла, чтобы вернуть лодку. А они пошли наверх друг за другом. На войну пошли.

А здесь, на этом берегу - рев. Бабы целыми дня плачут одна перед другой. И платки в слезах, и платки валяются на земле по улице. Ревет-ревет, платок потеряет.

Потому что в соседних деревнях, русские-то, местные, многие уже получили похоронки. То есть такое понятие было, что ушли туда на погибель, откуда нет возврата. А кто и вернулся, то калекой: без рук, без ног, без глаз...

И, главное, письма с фронта шли в подробностях: ваш отец убит там-то и так-то, или ранен туда-то.

И потом проходит какое-то время, где-то в 43-м году, к осени ближе, поднимаются из Сухоны по Леденге два карбаса-полуторатонника. И на них гора старых шинелей, бывших в употреблении, и все шинели в крови.

И тут началось невообразимое. Жуткая сцена: стали разбирать бабы эти шинели. Их приказано было отстирать и привести в порядок, ушить, заштопать. Одна баба берет шинель, а она вся в крови. То ли

с убитого, то ли с раненого жестоко. Зарыдала в голос.

Это на моих глазах происходило и отпечаталось в памяти на всю жизнь.

У тети Кати Бочаровой в похоронке на мужа написано: «Ранение в живот».

И она увидела шинель:

- Это его шинель!

Рев и стон стоял над рекой и лесом неимоверный. Рыдали все. Стали искать в этих окровавленных шинелях свои, зная, кто и как из мужей или сыновей ранен был...

...Батяка оставил на мамкиных плечах четырех нахлебников. Расставались когда, плакал...

- Как же ты, Дуня, справишься?

И вот леску прислал. Немецкую. Крючков. А до речки пятнадцать метров от порога. Утром встанешь рано, мать закажет:

- Много не лови. Хватит и одной щуки.

А она уж хлеба творит. Щук на противне запекали. Если же ничего не говорит, тащишь и двух или трех. Первый заброс сделаешь, редко, когда не схватит щука. Второй раз, бывает, сорвется, ну, кинешь еще раз. И всё равно, наловишь столько, сколько нужно.

Стали ту войну переживать... Грибами, ягодами, дичью лесной...

ШКОЛА СОРОКОВЫХ

Первым в наше поселение возвратился с войны Павел Иванович. У него был позвоночник перебит. Он был в Мясном Бору в армии Власова.

Власов армию сдал. Бойцам объявили так:

- Кто хочет домой - идите, а кто желает сражаться за свободу - идите с Власовым.

Дядя Паша рассказывал потом:

- Многие пошли с Власовым, а мы собрались и начали выходить из этого окружения. И я был ранен, перебило мне позвоночник при переправе через Волхов.

...Ранение было серьезным. У него ноги отнялись и ничего не чувствовали. И вот приходит письмо его жене Лидии Петровне: «Ваш муж находится в Алма-Ате в госпитале. Он тяжело ранен, инвалид

первой группы, всю жизнь будет прикован к постели. Сообщите: какое будет ваше решение? Желаете ли вы забрать его домой или согласитесь на помещение его в дом инвалидов? Ответьте».

Лидия Петровна пишет: «Везите его ко мне, какой есть». Ну, и две медсестры из Алма-Аты или из Ташкента, точно уже не помню, привезли его Лидии Петровне, принесли на руках буквально.

Она стала его выхаживать. Ну, ухаживала она добросовестно. Постепенно он стал вставать на ноги, стал косить, да и не худо косил, такой крепкий на руки-то был, заездки забивал, рыбы много ловил.

Когда его привезли, у него фуражка армейская была, форма там, ремни... Мы, ребяташки, к нему приперлись, обступили его, и с утра до ночи от него не отходили, и даже за вином в лавку бегали. А вино он выпивал с Иваном Ивановичем, учителем нашим.

А у Ивана Ивановича, учителя, было шесть классов образования. Вот, его списали из армии и направили к нам. Нас, ребяташек, было много, и все болтались неучами, про школу и учителей не слышали еще.

И вот слух прошел, что к нам едет учитель. А мы не понимаем даже, кто такой учитель?

Прибегаем к Павлу Ивановичу, видим, сидит у него старик. Точная копия Мичурина. А Мичурина мы по газетам и портретам знали. Бородка, шляпа, и в шляпе как гнездышко сверху, вот так провалено.

Мы обступили этого Мичурина, глазе-ем на него. Он нам говорит:

- Ребята, наберите-ка мне черники.

Мы соскочили, побежали. Тут у нас до черники сто метров буквально. Набрали черники, кто во что. Приносим, он шляпу поставил, чтобы сверху туда в это гнездышко чернику положить. Мы ему туда кладем, а он ест.

И вот начались занятия. Мне тогда было шесть лет, по возрасту я не подходил для школы.

Но как же, все идут: и Люська Резниченко, и Клавка наша, и все уже в классе,

а меня там нет? И я пробился к ним силой, хотя меня и не пускали.

Иван Иванович говорит:

- Пошел вон отсюда.

Я - ни в какую. Потом ломится еще в дверь Вовка, брат двоюродный. Он опоздал к уроку.

Иван Иванович:

- Опоздавших не пускаем...

И пока он с Вовкой занимался, выталкивал его, а Вовка лезет и лезет, я между ног у него и - на печку. Печка посреди класса стояла. Уж, думаю, с печки-то он меня никак не сгонит.

А у Вовки - охалка моркови с собой. Мы любили морковь похрустеть. И вот он эту морковь учителю сует, чтобы тот пропустил его. Взятка!

Иван Иванович морковь взял, а не пускает, но Вовка всё равно прорвался. Сильный был, хоть и маленький. И меня он так и не мог выгнать с печи.

Я на печке разлегся, смотрю, как он учит.

Ну, а он начал какую-то ерунду горючить. Какие-то палочки, крючочки, кубики, кружочки. Потом до цифр дело дошло. Стал он спрашивать у Клавки нашей. Ляльки Резниченко, а они уже переростки, им по 8-9 лет, а в школе не бывали. Спрашивает: «Какая это цифра?» А они не знают, не могут запомнить. Дошло до девяти. Ну, не знают.

А я сверху смотрю и думаю: да чего тут не знать. Мне как-то запоминается эта вся наука. Ну, я говорю:

- Девять.

Он говорит:

- Слезай, садись за стол.

Потом говорит:

- Следующим уроком будет пение.

И смех, и грех... Мы много песен знали, но частушек. Многие частушки неприличными были. Наслушались у взрослых на гулянках. Стали ему частушки петь...

- Нет, - говорит, - неправильно. Нужно песни петь настоящие.

А у нас никто хороших-то, настоящих, не знает... Да, видимо, он и сам петь не умел. Но поставил в дневнике девкам,

которые пели, как комары зудели: «Хорошо поют».

А напротив этого класса и жил Павел Иванович, фронтовик. Лидия Петровна купит Павлу Ивановичу от большой любви граненую бутылочку водки. Павел Иванович Ивана Ивановича зовет в гости, и мы за ним - выводок.

Вот они сядут за стол, начнут свои разговоры, а нам настелют газет на пол, мы и ползаем по ним, знакомые буквы ищем. А особенно ищем карикатуры на Гитлера и Геббельса... И Геббельс в виде обезьяны. И мы ухохатываемся: «Вот такие они и есть, образины».

А Иван Иванович с Павлом Ивановичем зашибают. У Павла Ивановича хороший голос был, пел громко. Выпьет рюмку, другую, запоет «По долинам и по взгорьям».

- А ну, орлы, становись!

Мы скорее строиться и маршировать. Всем охота фуражку его на себя водрузить. Но фуражку он свою отдавал тому, у кого отец погиб на фронте.

Дальше - построит нас в колонну, развернет, все - мы стоим, равняемся. Учителя наши только улыбаются, глядя

на нас - бойцов таких: кто в соплях, кто в рваных штанах и босиком. Павел Иванович кричит:

- А ну, запевай!

Тут мы рады глотки драть.

Так вот и учились. Весной Иван Иванович говорит: «Первый класс вы закончили, я вас перевожу куда-то...»

Думаем: «Что это такое? Куда же нас переводить будет? Вот задачка». А во второй класс. А понятия, что это такое - второй класс, ни у кого нет. Никто ни писать, ни читать не умеет.

И вот лето прошло. Иван Иванович после летних каникул приезжает, сообщает, что мы во втором классе. И он опять начал попивать с Павлом Ивановичем, а мы тут одни, брошены. Нам уже скучно, неинтересно.

Но скоро Иван Иванович помер, бедолага, похоронили его. Мы остались одни.

В школу уже не надо ходить, ну и ладно. Мы поняли, что школа - это Бог знает что. Это неинтересно.

И тут присылают к нам Ольгу Ивановну Брейль. Она была очень хорошим учителем.

- Вы, - говорит, - во втором классе, а никто читать и писать не умеет?

Начала она нас с нуля обучать. И тут образовались кружки, секции, гимнастические пирамиды стали делать, гимнастику показывать.

Она ставила пьески, песни учили, даже по соседним участкам стали с концертами ездить. Вот так и выучила нас, военного времени воробьев, в люди вывела. Ольга Ивановна до сих пор жива, 93-й год ей. Хорошие учителя долго живут.

В ЛЕСАХ

Наши мужики уходили на фронт лесной дорогой. Это был дремучий сосновый лес. Сосны лет под двести-триста, в два обхвата. Вершины небо подпирали.

Этот лес до 50-го года нависал над речкой Леденгой. Белых грибов в нем росло - неоглядные плантации. Брусники, черники в нем - никогда не выбрать...

И этот лес кормил наш поселок и

давал каждому работу, и давал стране древесину.

Мастер леса - человек у нас уважаемый. Прежде чем нарезать участок, мастер определял, как выгоднее подвести древесину к реке. Возили всё на лошадях. Летом возили на специальных тележках, у них были маленькие колеса, похожие на ролики. А зимой было проще, лес везли просеками по ледяным дорогам. Эта ледянка прямая, как стрела. Ночью ее подметали голиками. А если заносило снегом, то откапывали лопатами специальные рабочие. И еще ее все время поливали водой. И так было здорово зимой на ледянку выйти. Красота невероятная. Над тобой кроны могучих сосен в снеговых шапках, на сугробах следы зверей, в ветвях птицы...

Днем на ледянке движение, как на Невском проспекте. Идут лошади-тяжеловозы. Некоторые везли сразу по 14 кубометров леса. Тут уже возница понимал, сколько лошадь может взять леса.

Мамка у нас работала конюхом. Справа была конюшня, а слева домик, в котором мы жили в войну. С нашего крылечка было до конюшни десять метров. Домик был пятистеночком, но не поперек, а вдоль стена была.

А мать была очень жалостливой к скотине. Если кобыла жеребится, матери жалко ее на морозе держать. Так она заводила ее прямо в избу. Вправо у нас дверь была, где мы жили, слева стояло точило, огромное колесо - топоры точили. Вот туда она и заводила кобылу. Мама сена ей постелет, жеребеночек родится, послед выйдет... Там всё чисто, жеребенок обсохнет и начинает по дому бродить. И к нам забредет в комнату, представляешь, какая идиллия? Просыпаешься, а в избе - кобыла, а рядом с тобой жеребенок.

Потом чуть-чуть она оклемается, и мать уводит их. А я уж, как утро, сразу в конюшню и начинаю подметать эти шаррики, вымету все на улицу. Кидаю, кидаю на кучу, но сизифов труд, эти говяшки всё равно катятся назад...

А за стенкой у нас жил печник Катыр-

ло. Я про него потом отдельно расскажу. Это был замечательный, добрейший одинокий человек. У него был один глаз, поэтому на войну его не брали. Еще он держал большую пасаку и играл нам на гармошке.

Мы жили почти как одна семья. Мы спали на печи, а рядом была переборка, если за нее заглянуть, то попадаешь в комнату Катырлы. Это была хохма. Он уйдет на работу, мы к нему на печку прыгнем, берем гармошку, и как разведем меха - сыплются из них монеты. А-а! Это он, чтобы мы не баловались с гармошкой, закладки делал. Значит, надо меры принимать. Или Павел Иванович к нему придет. Двери-то он даже не запирает. Павел Иванович тоже любитель на гармошке поиграть. Берет эту «мамку», Катырло звал гармошку «мамкой». Как разведет ее - посыпались деньги. Павел Иванович захохочет: «Хитер! Заметил, чтобы мы не играли».

А потом Катырло купил баян. Эту «мамку»-гармошку продал и стал учиться на баяне. А таланта музыкального нет никакого, у него ни слуха, ни чувства ритма. Играть охота. А всё равно играл. И девкам, и парням в клубе. А тем лишь бы потискаться.

Тут мало места - значит, в коридоре, нет - в сенях. И там дробы бьют, и в коридоре. А мы, мальчишки, за печкой еще боремся. Это уже наше дело - борьба. И вот пластаемся. Весь употеешь, а русская печь огромная, шесть на шесть угол у нее. Повалишься на печь, да и переночуешь тут, домой не идешь. Исключительно интересно было в клубе.

А война уж на исходе была. Ждали каждый день возвращения фронтовиков.

КАТЫРЛО НА ВОЙНЕ

Хотел про Катырло, с которым связаны самые сладкие воспоминания детства, поскольку у него не одна пасака была, отдельно рассказать. Вот его история, рассказанная им самим.

Катырло Станислав Александрович - честнейший человек. С детства он любил пчел, особенно любил шмелей. Разводил в

Белоруссии шмелей. У шмелей мед самый-самый вкусный, в капсулах таких, очень хороший мед. И вот первая мировая. Забрали его на фронт в артиллерию, потому что образование у него было восемь классов. По тем временам, в царское время, очень высокое образование считалось. Стал он заряжающим, откатчиком, шнур который дергает.

- И однажды были координаты одни заданы, по которым нужно было вести огонь, а обстановка поменялась. И оказалось так, что там, где были немцы, уже наши. Они немцев вышибли. А мы всё продолжаем бить...

Жар от орудия уже, а мы все бьем и бьем. А там уже наши!

Тут в сознание вошло: «Катырло, да ты своих побил!»

А эти наши, которые только что рубеж взяли, поняли, что по ним свои же бьют. Тут они развернулись, да обратно... Бегут озверелые, сейчас всю дивизию раскромят.

И, понимаешь ты, при таком случае артиллеристам пришлось уничтожить своих, чтобы не погибнуть от своих же. Война, всё по правилам военного времени.

И они положили это подразделение, которое шло на них в атаку. Всё.

И вот приезжает на позиции «черный ворон».

Это был военно-полевой суд. Выстроили нас, стали разбирать. Я ничего не слышу, ничего не понимаю. Оглух от канонады.

А полевой суд несколько минут идет. Выставили нас уже к стенке для расстрела. Человек в погонах выходит с револьвером в руках:

- Такой, такой, шаг вперед!

Бах - и падает.

- Такой-то, такой-то!

Бах - и падает.

Настает моя очередь.

- Катырло! Шаг вперед.

Я хочу сдвинуться с места и не могу шагнуть. Жду, а выстрела всё нет и нет. И тут слышу:

- Ты, Катырло, оправдан, ты не виноват. Дальше воюем. Вот один раз в блиндаже сидим, кашу едим, и вдруг команда - «Батарей, к бою!»

Командир батареи крикнул: «К бою!» - и из блиндажа выскочил по лестнице наверх. И вдруг обратно валится к нам. Уже без головы. Голову оторвало. Он еще дергается, кровиха хлещет.

Артиллеристы выскочили, а я испугался. Я со страху забрался под лавку и начал из котелка в карман кашу совать. Сам не знаю почему.

Сижу под лавкой, а наверху: «Бу-бух, бу-бух...» Бой идет. Рядом со мной командир валяется без головы...

Я сам себе кричу: «Катырло, выходи, тебя расстреляют за трусость!»

Я выскакиваю туда, ползу-ползу к орудию. А снаряды кругом воют, землю роют...

А командир орудия только снаряд за снарядом подает. А тут вижу, ящики со снарядами горят.

Я их плащ-палаткой накрыл и думаю, как в бой вклиниться, чтобы меня заметили.

Начинаю снаряды подносить, этого командира орудия толкаю. Он на меня по-

смотрел, как зверь. Когда идет бой, у всех глаза навывкате, все страшные. Командир посмотрел в мою сторону, и я снаряд подал и сам встал на свое место.

Потом бой затих, кто живой, кто раненый, кто стонет: «Братцы, добейте!» И тут же, как попритихло, раненых убрали, построили, кто остался живой.

И тут зачитали, кому ордена, кому медали, а мне ничего не дали, одного меня не наградили за тот бой.

Потом начались газовые атаки, побывал под газовой атаккой. Потом стали брататься с немцами, кто-то кричит: «Всё, царя долуй!» И тут началось непонятно что. То не было обмундирования, были голодные, босые, без снарядов, оборванные, во вшах. А тут всё есть: и снаряды, и хлеб, только вой. И всё есть, а никто воевать не хочет.

Вот пошли по домам. И я ушел. Приехал в Белоруссию к себе. Ну, там меня в комитет бедноты назначили, как особо грамотного, начальником или председателем каким-то. И начались жестокие земельные споры. Делили, делили, но оказалось много недовольных. И среди них мой брат. И случилось так, что в ссоре я застрелил своего брата. И сестра тут замешана была. И меня осудили и отправили в Сибирь по уголовке.

В Сибири - стройка. Я косяки вставляю, печи кладу. Тогда у меня еще оба глаза были. И тут подвернулся начальник геологического отряда: «Ты грамотный? Артиллерист, азимут знаешь... Я забираю тебя к себе».

А геология - она имела тогда власть. Ну, взял и забрал. И я по Сибири, по Ледовитому океану с этими геологами разъезжаю, разведку ископаемых и нефти веду. И окопались на острове Вайгач. И вдруг заболел я. Какая болезнь была - не помню. Пришел лекарь, а у меня температура 42 градуса.

Лекарь и говорит: «Да он уже не дышит, унесите его в кладовку. Помер». И меня унесли в кладовку.

В кладовке лежу, долго пролежал. Потом приходят хоронить. А хоронили там как - в море опускали. Потому что там камень один - не разбить его.

Пришли хоронить, а один и говорит:
«Да он гнется, он вроде живой».

Второй: «Точно, живой!»

Занесли в тепло. И тут у меня начались галлюцинации, как будто меня куда-то задвигают на тот свет или еще куда-то. И оклемался.

ДИКИЙ МЕД

Когда оклемался Катырло, оказалось, что его геологическая партия уже ушла. Так оказался он в Архангельске.

Веселое было время на Белом море. Лес идет, стройки шумят, пилоорамы работают. Строительство огромное, дома ставят и ставят, народу, что муравьев. Это было время спецпереселенцев, раскулаченных. И все были при деле.

Там Катырло стал плотником. Вспомнил он потом:

- Спрашивают: «Есть специалисты косяки вставлять?» И оказалось, что никто, кроме меня, не умеет. Мне и помощников-учеников дали, стал я дома окосячивать. Однажды возник спор между плотниками: кто одним ударом гвоздь забьет в сучок? Глухой спор, взрослые вроде бы люди, а вот стали упражняться.

Ну, забивали-забивали - никто не смог. А я: «Давай я забью одним ударом». Как шархнул - гвоздь отлетел в глаз. И глаз вон. Врачиха говорит: «Глаз нужно удалять, глаза нет». Сделала операцию и сказала: «Если бы промедлили, то и второй бы глаз быстро ослеп». Ну, и все, с одним глазом отпустили: «Иди куда хочешь».

И я пошел вверх по Двине. Поработаю у одних, у других, но тянет всё туда, где теплее. И так до Котласа дошел. В Котласе поработал, затем в Устюг перебрался. Холодно и в Устюге. Добрался до Вологды, в Вологде еще поработал. И в Вологде - не климат. Пошел обратно. В лес. Добрался до Леденги.

Смотрю - пчелки летают. Значит, и медок будет, я здесь и осяду...

И пошел он в лесных участках наращивать: строит, косячит, печки кладет. А в свободное время рои ищет. Наловил роев, наделал дуплянок, домиков, столяр он хороший был. И заложил пасеку в

деревне Лось. Катырло везде нужен: и в Еденьеге работа его ждет, в Обиркове, 13-м квартале, в 9-м, в селе Бабушкино. Везде: «Давай, Катырло».

Вот как он искал диких пчел. Возьмет немножко медку, выйдет на луговину и ждет. Скоро прилетит пчела, возьмет у него медку - и полетела. И Катырло в этом направлении идет метров триста. И опять ждет. Опять пчелка прилетит. Он опять за ней. И опять ждет... И вот таким образом пчелки его к дуплянке подводили.

Как-то мы у конюшни работали. Мама и говорит: «Смотрите, Катырло в лес пошел». А у него - поперечная пила, топор, и ведра какая-то баба сзади несет, семенит.

Мать и говорит: «Ребята, собирайтесь быстрее, Катырло мед нашел».

Он пошел по этой дороге в сторону ручья Перовки по дороге. А мы кто с чем, будто бы за ягодами пошли. Прошли километра полтора, стали ягоды брать, слышим: «Бубух!» Дерево большое упало. Все ясно.

Нас мать поднимает, и мы тихонько идем туда всем курятником, где дерево упало.

А уже начались сумерки. Приходим, а там костер разведен, а Катырло куски дерева отпиливает. Там, где леток, метра четыре откомлевал. Простукал, чтобы пчел не перехватить, тут надо с предупреждением отпиливать.

Отпилил кусок дерева вместе с этой бабой, посмотрел в дупло, еще кряж отпилил. И начал доставать соты и складывать в ведра. А тут и мы подошли. Пчелы гудят, а не кусаются. Темно, и дымом окурены. Только одна меня укусила.

Но уже темно, понимаешь ли, костер горит. И он начал в ведра соты складывать. Как с этого куска дерева достал, дальше пилит. Открывеживает, этот кряж раскалывает, он около метра. И меду там на этом кряже! Все ведра заполнил, нам отделил...

И когда уже дело все управилось, он оставил там еще не убранного меду. На завтра, когда матка в этот кряж уйдет, он придет, дупло закроет платком, открывает, и - на плечи, с кем-нибудь вдвоем унесут на пасеку.

А если не нужен рой ему, так оставляет его, но мед забирает.

Так мы и на другой день ходили, этот мед там лизали.

А потом мы с отцом нашли пчел в осинном дупле совсем рядом, ниже твоего дома, наверное, метров семьсот на той стороне. Тут-то нас пчелки покусали. Но четыре или пять ведер меду взяли. Колоду вынесли на другой день, поставили возле дома. Ну, и пчелы здесь стали работать. Мы колоду, бывало, перевернем, а там языки свежие уже, пчелы вытянули новые соты. Посмотрим и опять поставим, пчелы так же работают.

А Катырло один раз двенадцать ведер меда в дуплянке взял.

Очень добрый был. Раздавал много меду. И только иногда менял на что-нибудь нужное ему. А если за деньги, то очень дешево отдавал мед. Хоть и война была, а мед у нас всегда был.

НА ЗАПАНИ

Бабы в войну тосковали сильно. Особенно те, которые вдовы, которые перестарками остались.

А Катырло сложен был хорошо. И мужские достоинства при нем были в порядке. Только на женщин он внимания не обращал. И даже прятался, рассказывал, от них, то на чердаке, то в кладовке.

Бывало, выглянет в окошко одним глазом: «Ой, опять идут эти волосатые!»

И на чердак!

- Это потому у меня к женщинам интереса нет, что я на фронте газов хватанул, - рассказывал Катырло. - А кто газу схватил, тот наполовину только мужик.

А может, и на нервной почве у него такая беда приключилась. Пстой-ка у расстрельной стенки!

Так и не женился Катырло, хотя баб к нему бегало много. Пошарит иную, посопит, а толку нет. Медку в плوشку положит: «Ешь, милая! Это всё, что могу...»

А вот начальник лесоучастка, тот ни одну более-менее красивую бабенку или девку не пропустит мимо.

Его прислали сразу после того, как

мужики ушли на войну. Верхом на коне, в гимнастерке, в португее, он носился вдоль сплавной реки и кричал на баб так, что на другом конце поселка слышно было. Ему бы на фронте полком командовать, а он пристроился в лесу бабами управлять.

Бывало, загонит девок в воду с баграми затор разбирать. Вода ледяная, ноги сводит, а он кричит на них, на берег не выпускает.

Катырло у него как ценный работник проходил. Медом снабжал начальника.

- Ты, Станислав Александрович, не переживай, - обещал начальник. - На фронт тебя не отправят. Ты у меня на броне.

У Катырло страх, что его заберут на фронт, непреодолимым был. А носил он искусственный глаз. И не видно было, что калеченый. И в военкомате этих подробностей никто не знал.

Он пришел на медкомиссию, они глянули: «Ага, здоровый. На фронт».

Он видит, что забирают уже. Достал глаз и в карман спрятал. Врач говорит: «Подождите, а что у вас с глазом? Ах, так у вас глаза нет? Ну, всё, не годен».

Катырло выйдет, глаз вставит - и опять как полноценный человек...

Следующая комиссия - опять забирают. Говорит: «Я был вынужден тогда этот глаз выбросить, без глаза ходить».

Он себя считал гармонистом. Музыкантом считал и любил этим блеснуть. Приедет в участок начальство или уполномоченный какой, все к нему: послушать гармошку да медовухи выпить. И у девок он нарасхват. Вечером ему дома не давали отдохнуть: «Иди, нам поиграй в красном уголке». Он любил, когда его просят. Играет с напрягом, сопит, глазом сверкает.

А в деревне была у него пасека. Там была запань, в которую ловили сплавливаемый лес и вязали из него плоты. От камня был протянут к берегу трос и привязан к ершам или быкам, вкопанным в землю. А в устье сплавной реки трос вязали к огромным двухобхватным соснам. И вот это сооружение держало запань, ловушку из бревен опять же, которую удерживали этими тросами. Леса набьется, трос на-

тянет так, что он гудит: ду-ду-ду... Порой давление такое соберется, все эти крепления с корнями вырывало из земли.

Катырло в сплавном деле специалист был. Его держали там вроде наставника, чтобы молодежь обучать.

- Работаем с утра до ночи, - рассказывал Катырло. - Слышим: «Цак-цак-цак». Это значит, военком едет из района на коне. Он уже был на фронте, без руки вернулся, капитан...

И вот он встанет на горе перед камнем на лошади. Как памятник стоит. Выглядывает молодежь. А те уже бледные от волнения. Их черед на войну идти...

Вызывает: «Петров, Иванов, Сидоров, выходи строиться!» И повел их на фронт.

Парней в поселке не стало, мужики еще раньше ушли. Один начальник участка на коне да Катырло с гармошкой, от которого толку нет. Мне тринадцать было. Меня девки большие возьмут, утащат на сеновал и зацелуют до одури.

Мать моя это дело засекала и устроила разнос этим девкам.

А там такие девки жаркие были. Уж восемьдесят годов мне с лишком, а всё снятся эти девки военной поры.

Так и завяли они без женихов. Война кончилась, разъехались по городам.

А много лет спустя ломали конторку лесоучастка. И в ящике стола начальника лесоучастка под газетой нашли письмо с Ленинградского фронта.

«Ты, наглая рожа! - писал мой батька. - Пока мы на фронте, ты измываешься над нашими женами, портишь наших дочерей... Знай, нас пятеро братьев. Один да вернется живой и повесит тебя на первой сосне...».

И ВОТ ПРИШЛИ ФРОНТОВИКИ

Слышим, батька пришел с фронта. Из города в поселок посыльный прибегает, какой-то мальчонка: «У Битюков отец с войны пришел! С друзьями победу празднует в Чернякове!»

Ждем-пождем день, два, третий пошел. Нет батьки.

Мы снаряжаем стружок, садимся в

него всей семьей, одну Катерину на хозяйстве оставили, едем в устье Леденги. А там сарафанная почта работает лучше государственной. Лодку привязали и ждем: «Где же наш батька?» Бати нет. И прошло уже много времени, и вдруг видим: батька вдоль Сухоны идет. Схватил нас всех в охапку и заплакал. Уходил - плакал, и пришел - плачет. Радоваться надо!

- Погодите, - говорит, - я за вещами схожу...

Погрузили мы его поклажу, и вверх по реке - где на шесте, где на веслах... Папка, мамка, Клавка, я, Колька... Вода еще большая стояла в реке.

Едем по реке, встречается Катырло, с пасеки берегом идет в поселок. Опять радость. Обнялись с батькой, а Станислав Александрович, слышим, говорит бате: «На одном берегу праздники справляют, на другом - похороны. Вот она, наша жизнь».

Мамка встрепенулась:

- Что такое случилось, сосед?

- Да вот, говорю, начальник нашего участка повесился на сосне.

- Как повесился?

- А говорят, ехал с Вологды, деньги вез большие, да не довез. Прогулял, растратил на девок деньги-то. Вот со страху и повесился...

Мамка заплакала, а батька только плечами повел:

- Писали мне на фронт. Напакостил тут много...

...Но событие это надолго наши умы не заняло. Пароходы, полные фронтовиками, приходили чуть ли не каждый день. Через одного, через двух на третьего, но возвращались, битые, стреляные, калеченые, радостные.

Женщины окрыленно летали по поселку, ребятня хвасталась обновками и подарками с войны, а фронтовики ударились в гульбу.

Целое лето они рыбачили на реке, охотились, тренировались для охоты на лося или кабана, но больше всего рассказывали друг другу о своих любовных подвигах.

И действительно, истосковавшись на

войне по любви, они не давали проходу ни одной более-менее привлекательной женщине. Лишь бы схватить бабу или девку, утащить на сеновал, в кусты, в какое-нибудь укромное место. Сколько драм разворачивалось здесь летом сорок пятого. Они, фронтовики, казалось, готовы были перешагнуть любые законы и традиции, чтобы добиться своего. И уговаривать много не надо было. Сколько учительниц повесилось в поселках и деревнях, обесчещенных и брошенных фронтовиками. Ошалели, понимаешь.

Помню, шли мы с батькой из города. Батяка и говорит: «Сынок, посмотри...» И показывает стопку золотых монет высотой в четверть.

Золото в то время водилось у многих. То и дело слухи пробегали по городу, что там откопали таз с золотыми монетами, то горшок под яблонями нашли с серебром... За бесценок его торговали. Кому на зубы надо, только шепни кому... И золотую монету в Тотьме было достать не проблема. Найдутся продавцы.

А у нас в соседях жила семья Шумовых. У матери Шумовой было пять сынов - под потолок, крепкие, дерзкие, они ходили к моему батяке гулять, на рыбалку вместе, на охоту...

И была у них еще сестра Верочка, хотя и было ей лет четырнадцать, но уже красавица была несказанная.

Она на лето нанималась пастушкой пасти участковую скотину. Бывало, я ловлю рыбу, а она рядом на берегу сидит. Мне было тогда лет десять, но она сидит и так внимательно смотрит на меня. И меня словно магнитом притягивает к ней. Брошу рыбу в траву, и к ней, сидим, болтаем о том о сем.

Потом посмотрю, и батя с удочкой по берегу пробирается. Увидел меня:

- Сынок, мамка тебя дожидается. Беги, надо ей воды наносить на огород.

Ну, я и пошел. Хотя неохота было отрываться от девчонки...

Уж потом она своей матери винилась. Говорила, что он ее стал обнимать, а потом увел на Мокеиху, подальше от берега

к бору. Да там всё и сделал.

Мы же ничего этого не знали. Иной раз эта Вера у нас на печи лежит, веселая, шутит с нами. А наша мать с пирогами путается у печки.

А она у нас частенько бывала, эта Вера. Она же пастушка, полагалось ее кормить всем миром, одевать. Иной раз она и спит в людях. Придет, на печь уляжется. И как-то батя ей шепчет, а я услышал: «Мне они до фени, главное - ты». Ну, у меня какая-то ревность разыгралась. И раньше - было едем на лодке, а батя на корме тискает эту девчонку.

И вот он ее обесчестил, опозорил девчущку эту, забеременела она в малолетстве. А у нее пять старших братьев.

Они пришли к батю и сказали: «Мы тебя просто-напросто уьем».

Тут и исчезли золотые монетки у бати, и батя пошел валить лес.

То у него рука не поднималась - раненый. Пуля вошла в плечо, шрам страшный был на плече сзади. Ну, боялись, что его в Корею на фронт возьмут.

И тут батя пошел в лес. Тогда директор леспромхоза у нас собрание проводил. А батя член партии был. После собрания он директора пригласил к себе. Ну, выпивают, борщом закусывают, грибами. Батя говорит: «Я завтра выхожу в лес, норму я дам». Директор: «Норму дашь? И этого достаточно».

И батя на другой день три кубометра нарубил - норму, но устал. Походил немного еще, уже четыре кубометра, потом пять.

И очень быстро вышел на десять, а потом и на пятнадцать кубов. Денег зарабатывал много. Тогда была сталинская стимуляция. Норму сделал - получаешь за норму, скажем, двадцать рублей, две сделал - за первую норму - двадцать рублей, но за вторую уже расценка двойная - сорок рублей, итого уже шестьдесят. За три нормы - уже сто двадцать рублей... А батяка делал по пять-шесть норм в день. Деньги сумасшедшие получал, а денег всё время не хватало. Потом я уже стал догадываться, что он той Верочке отправлял.

Она родила здесь ребенка, мать и братья

ее извели совсем, вплоть до того, что она в психбольнице в Кувшинове лежала долго.

Понимаешь, мать была ее нещадно, и братья терзали ее за эту любовь с моим батькой. И она оказалась в Ленинграде. Там она и растила нашу сестру по отцу. Говорят, что была в Ленинградском порту крановщицей, замуж не выходила.

После больницы Верочка приезжала в Леденгу, ходила по малину. И такая уже взрослая была и очень красивая. Я тогда понял батьку.

Мы малину вместе собирали, у костра сидели, она всё ближе ко мне и ближе, наверное, что-то хотела рассказать. Но не решилась. А потом слышим - в Ленинграде она.

Батя тогда очень много зарабатывал: стерляди много ловил, скот держали.

Бывало, в выходной он соберет нас на кровать, обнимет, мамка у печки шебуршит, а он говорит: «Вот дядя Саша, мамкин брат, в Ленинграде живет. Ой, там так интересно, музеи, зоопарки, кино... Если с огородом управитесь быстро, сенокос поставите, повезу вас в Ленинград». А мать: «Ой, как хорошо, к брату, к Сашке-то, ой-ой. И я поеду».

Дядя Саша, брат матери, в Ленинграде был большим специалистом по водоснабжению. Всю подземку ленинградскую знал, у него было 36 каптерок по Ленинграду. Это - краны, олово, трубы всевозможные, задвижки, гидранты - все у него. Им очень дорожили в Ленинграде. Он был читающий, умный, грамотный мужик.

Он и в институтах налаживал механизмы. А сколько на его руках профессоров умерло в блокаду?

А на Литейном тоже материн двоюродный брат работал в органах. Он был сержантом до войны и поймал шпионку. Она преподавала офицерам науки. И он ее поймал с какими-то уликами. Его сразу произвели в офицеры. Так вот, этот двоюродный брат, когда немцы наступали на Ленинград, мимо дяди Саши ехал и зашел к нему. И сказал: «Сашка, будет страшный голод, вот что я тебе успеваю дать - пятнадцать лошадиных голов и

полмешка риса. Больше я сделать для тебя ничего не могу». Это была осень уже, подмораживало. Дядя Саша головы как-то сохранил. Потом по полкружечки тянул каждый день этот рис. Этот рис помог ему продолжительное время.

Потом он обслуживал военные столовые и сошелся с директором этой столовой. И, поскольку он работал в столовой, налаживал там водоснабжение, ему перепадала иногда порция похлебки. А потом он еще нашел на свалке лошадиную шкуру. И эту шкуру он сушил сначала, потом обрабатывал, потом скоблил, потом резал тоненькой соломкой, долго-долго вываривал, мешал со столярным клеем - такие пластины клея были - и с этим клеем употреблял в пищу. Страшное время было. Говорит, зубы все вылетели, а в голове стоял сплошной шум...

И под эту марку батя нас организовал на поездку в Ленинград, только для того, чтобы со своей девочкой там повстречаться и со своей доченькой.

А приезжаем в Ленинград, он берет меня: «Пошли». Начинает в «Пассаже» примерять костюмы. Тут продавщицы, тогда продавщицы настоящие ленинградские леди были, костюмы выносят, батя выбирает бостоновый костюм-тройку. У бати сапоги - с немецкого генерала. Катырло привез, и батя у него купил эти сапоги.

У бати сапоги скрипят, и он еще бостоновый костюм-тройку надевает, рубаху новую... Щеголь что надо. И мне тройку костюм.

А я тогда кучерявый был, считали, что цыганенок, - красавчик. Идем мы, два щеголя, по Питеру, все оглядываются.

Идем в музей зоологический. А там материн двоюродный брат столяром. Там ремонт тогда шел. А я гулял по этому музею. Там мастерская, они пьют спирт, а я этих зверей, китов, черепах рассматриваю...

Потом батянка улучшает время и исчезает: с друзьями фронтовыми повстречаться... Сейчас-то я понимаю: любовь не картошка, не выкинешь в окошко!

Родина

Рассказы

**ДМИТРИЙ
ЕРМАКОВ**

Дмитрий Анатольевич Ермаков родился в 1969 году в Вологде, где живет и сейчас. Сотрудник газеты Вологодского района «Маяк», где ведет регулярные выпуски «Литературный маяк». Дмитрий - автор десяти книг прозы.

Летом нынешнего года в Вологде вышел из печати роман «Тайный остров», первая часть которого была опубликована в «Вологодском ЛАДЕ». Дмитрий Ермаков - лауреат премии журнала «Наш современник», международной литературной премии «Югра» и ряда других премий. Член Союза писателей России.

Нынешним летом Дмитрию Анатольевичу исполнилось 50 лет. Редакция поздравляет постоянного автора «Вологодского ЛАДА» с юбилеем. Ждем новых публикаций!

В ДЕРЕВНЕ БОЛЬШОЙ ДВОР (из недалёкого прошлого)

...Вот и Большой Двор. Дома, которых теперь не так уж и много (около десятка, наверное), действительно большие, с обширными дворами, палисадами, огородами... Но чем ближе, тем явственнее, что большинство из них доживают свой век, еле-еле стоят... Но зато, крепко стоит посреди полумёртвой деревни синий телефонный «колокольчик»...

Дом, к которому мы подходим, выделяется ухоженностью: чисто выкошенная, прибранная площадка перед крыльцом, аккуратные зелёные грядки в палисаднике... Детские игрушки под окнами, подсказывают, что приезжают сюда не только дети и внуки долгожительницы, но и правнуки... Здесь живёт Алевтина Владимировна Белякова. Сегодня ей исполняется 95 лет...

И вот отворяют нам дверь, и сразу таким душевным теплом повеяло:

- Здравствуйте, заходите... - будто бы только нас и ждала Алевтина Владимировна. - Это вы откуда такие хорошие?..

Зайдя в избу, рассказываем кто мы и откуда: я из газеты, ещё - сотрудницы администрации района.

В избе уютно, прибрано. Хозяйка-печка чисто выбелена, на стенах фотографии в рамках, в красном углу - икона... Они похожи, эти деревенские избы, особенно те, в которых живут пожилые женщины. Невольно вспоминается мне баба Саня из отцовской деревни, прожившая около ста лет и тоже большую часть жизни без мужа, вспоминаются и другие деревенские дома, в которых приходилось бывать и жить...

А хозяйка уже озаботилась напоить нас чаем.

- Только вот уж не из самовара, электрический у меня, - оправдывается.

Женщины помогают собрать на стол. А Алевтина Владимировна нахваливает их:

- Девки, уж больно хороши-то вы...

Её просят расписаться в «Почётной книге юбиляров».

- Давайте, давайте, распишусь... Ну вот, теперь уж давайте чайку попьём хорошего и посидим маленько... Я очень рада. Мои-то гости в выходные приедут отмечать...

И потекла неторопливая беседа...

- Сама убираетесь дома-то?

- Сама... Да каждую неделю и из Вологды приезжают...

- Печку подтапливаете?

- Каждый день.

- Сама топите?

- Сама. Дров-то мне на неделю наносят. Печку истоплю, на печке полежу...

- И трубу сама открываете?

- А как же! Залезаю вон на приступок - открываю и закрываю. Как хорошо на печке полежать-то! И сейчас, можно сказать, каждый день топлю. Так вот и живу. Надо жить-то... С утра топлю. Всё как по-прежнему - надо пораньше встать да обрядиться... А зимой-то я в город уезжаю, к дочерям. Зятьевы не обижают. Сама будь добра, дак разве кто обидит. Конечно, сама будешь эдака бука, дак могут обидеть, - смеется.

- Вы отсюда и родом?

- С Середнево, это рядом с Северной Фермой, а замуж вышла в Образцово. Там двухэтажный дом у нас был. Они там все богатые были. Семью у мужа, - понизив голос говорит, будто и сейчас ещё опасается про это рассказывать, - ведь раскулачили, дом отобрали. А потом-то вернули. А этот дом я в шестьдесят шестом купила, в Образцове-то стал заваливаться дом, да и на работу поближе тут бегать. В Дектерях наряд-то давали. Ой, девки, что поработано! Куда пошлют - там и работала. А в обед ещё надо бежать корову подоить. Всё бегом, бегом... Подождите, ребятки, - спохватывается Алевтина Владимировна, - вот ещё дам чего, встретим день-то рожденья. - Достает из стенного шкафа бутылку сухого вина и рюмки. - Вы не стесняйтесь,

будьте как дома, я ведь старуха-то добрая. Я люблю людей, да и меня-то все любят... Вот только никого здесь нету. А Вася-то, - кивает за окно на избу, в которой живёт одинокий мужик, - то уйдёт в Дектери, то на Ферму, я всё одна. Ночую - одна. Встану утром - похожу по деревне, печку истоплю, похожу снова... Так вы чего не наливаете-то? Давайте!..

Мы дружно заотказывались, а хозяйке сказали:

- Вы-то выпейте за день рожденья.

- Нет уж, только с вами. Я ведь не пью одна. - И опять смеётся. И мы-то уж все смеёмся. Бывают же такие светлые, лёгкие люди, как наша сегодняшняя хозяйка!

- А раньше много здесь было людей? - продолжаем разговор.

- Много, и домов было много, теперь, видишь, все падают.

- А учились вы где?

- Я в Сысоево училась. Семь классов.

- Ну, так вы образованная по тому времени.

- Да. И детей всех выучила. Семерых воспитала. Никого из ребят не отдавала - ни в няньки, ни в пастухи - все со мной были... Жених-от был старше меня на семь годов, - кивает на фотографию, где она, молодая, вместе с мужем. - Он на войну-то пошёл, уже двое детей было, да в положении ещё была, да мать-свекровушка - не родная, а свекровушка... Всю войну прослужил. Как ранят - в госпиталь, и опять на передовые. С войны пришёл - раненый, больной, не много и пожил, только добра - ребятишек мне - оставил. Вот и живу с добром! Зато весело! - И опять смеётся Алевтина Владимировна. Потом ко мне обратилась:

- Так давай хоть с тобой-то выпьем! С мужиком-то хоть! Ведь пятьдесят пять лет я без своего мужика!

И я не откасался, налил в рюмки...

- Вот, думала, и не пивать. Вот как подвезло. А говорят - Бога нет. Есть! Без Бога ни до порога. Есть хорошие люди-ти... Ой, как хорошо-то!..

И опять стала рассказывать Алевтина Владимировна:

- Две-то дочери в Вологде живут, сын - в Москве, потом в Челябинске сын, так тот помер уже, в Рязани внук живет. Мать-то, дочь моя, тоже померла рано, а остались-то парень да девка. Парню было четырнадцать годов, а девке двенадцать. Так по зимам-то, когда уж свои-то стали побольше - всё туда к им ездила. Их ещё надо было вырастить, на ноги поставить. Зиму-то там поживу, а на лето их сюда заберу.

- На лето приезжают к вам, гостят?

- Гостят-гостят, вот и нынче суляться в июле месяце... А сын-то из Москвы на день рожденья приедет, потом в отпуск... Из Вологды дак каждую неделю приезжают. А одна-то дочь, Галина, так уж погода-непогода - она всё равно от Северной Фермы с остановки бежит, котомка на плече... Ой, хорошие у меня дети... Большую семью вырастила.

- Это хорошо...

- Не плохо. А нынче-то - двоих не знают как прокормить, а раньше жили - по семерым кормили и не просили ничего ни у кого.

- А вы-то из большой семьи?

- Из большой. У мамы тоже было пятеро сыновей да три дочери. Сейчас уж я одна осталась...

- Говорят, что вы частушек много знаете - спойте чего-нибудь ...

- Какую же частушку-то спеть? - сразу откликается на просьбу. - А вот:

Сорок лет - бабе век,
Шестьдесят - и сносу нет!
Девяносто пять -
дак баба ягода опять!

И опять все смеемся.

- Вы неунывающая, наверное, это в жизни и помогало...

- А раньше так только плясали! Работали, плясали и песни пели. Не тосковали, как ноне. Как в песне-то поётся: «Говорят, что я весёлая, весёлый человек! На то мать меня родила - веселиться буду век!»

- Хорошую жизнь прожили?

- Ничего, не каюсь, всё хорошо. Работать будешь - так всё хорошо, а не будешь

работать - дак, конечно, плохо! И дети все у меня рабочие - все работают. Робята дак все армию отслужили. Все поучились... Тяжело было, как уедут-то. Бывало, пишут - мама, я приеду, на следующий год поступлю. А я пишу - нет, не езжай, не позорь меня, чтобы не говорили, что безотцовщина - дак учиться не хочет. Слава Богу, все выросли, выучились, не было хулиганов, слушались все мать. И до сих пор слушают.

- А внуков сколько?

- Ой, не сосчитать!.. - смеётся.

- А правнуков?

- Не сосчитать, записывать надо...

- А посиделки-то были у вас раньше, когда молодые-то были?

- Как же! Через день. Плясать-то дак только в воскресенье, а так-то ходили с работой: кто плёл, кто вязал, кто прятл...

- Кружева плели?

- Да. У меня мать очень была горазда, да и сёстры-то - все плели кружева.

- А мужики чего делали на посиделках?

- Подошвы стегали. Настегают да и пришивают к валенкам. А когда выходной-то - ничего не делали, только плясали. Да в зайньки играли...

- А это как «в зайньки»? - я спросил.

- А пойдём научу!

Я встал посреди избы, Алевтина Владимировна напротив.

- Давай в зайньки сыграем, в зайньки одинова! - по-молодому выкрикнула. -

Мене все робята даром - приведите милова! - И ты топни, - мне говорит, - вот эдак...

- А парень как отвечал?

- Парень - чего-нибудь хулиганское...

Так вот и поиграли «в зайньку»...

- Ой, девки-барышни, поплясали, было, раньше!

- А масленицу гуляли? - опять женщины интересуются.

- Ой, как же... Я-то дак уже не широко гуляла, а у меня сёстры дак широко гуляли. В Высоково в село ездили гулять. Там их катали на маленьких санках. А как Паска подойдет, дак за это катанье они яйцам угощали робят... Ой, много было пожито...

Но пора было и уезжать. Вышла вслед за нами Алевтина Владимировна на крыльцо. Помахала нам.

- Так приходите в субботу-то, все на машинах, дак приезжайте... - ещё сказала вдогонку...

...Не довелось...

ВОЛЧЬЯ КРОВЬ

- Опять завыл... Точно, он, не ошибёшься... Но не может ведь этого быть... Не может, не может...

Лунный свет пробивается в неплотно задёрнутое окно, холодный, ночной, он леденит душу, как волчий вой. И силы нет встать и задёрнуть тряпичную занавеску...

А может, и не было никакого воя? От одиночества что угодно может почудиться... Нет, одиночества он не боится, он любит одиночество...

Изба родительская ещё крепка, печь натоплена жарко. Запас картошки, капусты и прочей овощи в подполье имеется. Даже телевизор у него есть. Но не хочется и смотреть-то. Чего он там не видел? Надоело... До весны будет один, в апреле соседи-дачники приедут. Да ещё Колька-скупщик на следующей неделе должен заехать, до большака-то придётся к нему на лыжах идти...

Опять завыл. Нет, не почудилось - вон, сучка в конуре на улице заскулила.

Ничего, небось, не сунется!..

Волохов всё же поднялся. Сунул ноги в растоптанные валенки, накинул фуфайку, шапку на голову приткнул, вышел на мост, соединяющий избу с двором и повестью (он не стал по примеру многих соседей разбирать двор на дрова), спустился на крыльцо... Морозом перехватило дых...

Тишина, какой никогда не бывает в городе, - полная тишина. В чёрном небе холодная россыпь звёзд и луна, разливающая свет на ночной мир - на тёмные дома деревеньки, белую равнину луга, зарастающего уже кустами, близкий чёрно-белый лес...

- Чуя! - негромко позвал Волохов. Собака, брякнув цепью, лишь высунула из конуры нос.

Он пошёл к ней по скрипкому снегу.

- Чуя, ко мне! - собака, метнулась под ноги, засучила хвостом.

Хорошая у него лайка, рабочая. Присел перед ней, взял руками голову, в глаза заглянул:

- Страшно тебе, страшно... - И собака заскулила, отвела глаза, поджала хвост.

- Ну, пошли, - отстегнул цепь, выпустил в дом. В избу не взял (ничего собаке в людском жилье делать), на мосту оставил. Вынес ей похлёбку из белок. И собака, погреев миской, утихла за дверью.

Распяленные шкурки белок сохнут у печки, ещё ворох уже выделанных висит на стене, тут же и несколько кунных шкурок благородным серебром отливают...

Ночь Волохов промаялся, утром, сразу зарядив один ствол пулей, а второй дробью, пошёл в лес.

Лыжи хорошо по старой лыжне скользят. Чуя бежит рядом, не работает... И понятно почему - вон, ровной строчкой, волчий след.

Волохов склонился над следом... Лапа ещё больше стала - сантиметров двенадцать в длину и девять в ширину. Это уже от старости, раньше-то он лапу в комке держал. Уже не матерый, а дряхлый... «Нет, не может быть... Сорок лет. Сорок лет...»

Вот здесь он стоял, подняв морду, на луну выл. «Что же тебе ещё надо от меня!? Чего хочешь? Собаку сожрать? Меня убить? Ну, попробуй!..»

Никто не откликнулся на вой Серого в эту ночь, как и в прошлую. Некому. Неделю назад всю стаю, всех четырнадцать, положили городские охотники в заречном лесу... Серый давно одиночка, но держался вблизи стаи, кормился тем, что оставляли ему сородичи. После того, как в позапрошлую зиму сохатый копытом пробил ему грудь, он уже вовсе не мог охотиться, обходился падалью, пробовал мышковать...

Вдоль следа Волохов прошёл в лес... Не сразу вспомнил и понял, что лес этот и есть та самая «большая выгорода», в которой в то давнее лето он пас стадо. Он резко свернул, ушёл от старого следа. Наст хорошо держал, шлось легко. Лишь через несколько километров Чуя облаяла белку, которую Волохов взял разом - глаз у него зоркий и рука крепкая. Потом и вторую белку взяли, и третью...

И вечером, сидя у печного огня, он думал о том, что, конечно, это не тот волк... Просто крупный старый волчара остался без стаи...

Вспоминалось давнее. Был он тогда просто Мишкой. Жил тут, вот в этом доме, с матерью и старшей сестрой. Отца он почти не помнил, тот рано умер, так и не оправившись от фронтовых ран. Голодно жили, потом получше, но всё равно тяжело... Сестра уехала учиться в город и больше уже не вернулась в деревню, мать ломила на ферме. Он, как мог, помогал. Окончил среднюю школу и тоже пошёл в колхоз - разнорабочим.

Было ему в то лето восемнадцать. Запил колхозный «гуртоправ» (так писалось почему-то в документах, а попросту - пастух). Вот его, Мишку Волохова, и нарядил председателем: тебе, мол, это дело знакомо. Пастух Матвей Иванович жил в соседнем доме и, бывало, брал Мишку с собой подпаском.

В те дни неподалёку встал табор. Давно уж не бывало цыган в их краях - появились... Как-то днём в выгороду, огороженный забором кусок леса, где паслось стадо, приехал на лошади цыган...

И договорились они... Хорошие деньги цыган предложил. Мишка не отказался.

Мать из последних сил вкалывает, сестре в город отправляет - деньги, продукты. «Я всю жизнь в навозе, пусть хоть дочь по-человечьи поживёт», - говорит она. Мишке обидно - ему тоже хочется «по-человечьи». Но нет, он не о себе, о матери думает (сам себя так уговаривал - помогу, мол, матери). А когда получил от цыгана деньги, так и не отдал ей, но

и потратить не сумел, не придумал даже, на что потратить...

Так всё сделали цыгане, что все и поверили, будто двух коров волки задрали («обглоданные» кости были тому подтверждением). Только удивлялись, что летом.

Устроили местные охотники облаву. Нашли в округе три логова.

Мишка Волохов тоже в охоте участвовал - старая отцова одностволка в доме была. Он-то и выстрелил, когда метнулась из-под выворотня серая тень. Волчица с визгом закрутилась на траве, будто пытаясь укунить себя за хвост. И замерла.

В норе нашли четверых волчат...

Серый возвращался с охоты. В лесу было опасно. Запах человека (страшный для любого зверя) чувствовался везде. Уже несколько раз слышал Серый вдалеке гром выстрелов. Но надо было кормить волчицу и волчат - и своё волчье дело он совершил. Поймал и придавил зайца. В зубах нёс добычу к логову. И чем ближе - тем сильнее этот опасный человеческий запах. Он уже непереносим! И Серый ушёл бы, спрятался бы, если бы... Он оставил добычу в траве и осторожно пошёл к логову... Запах человека и запах крови, волчьей крови, оглушал.

Не было волчат, не было волчицы... Серый остался один.

Цыгана в райцентре на рынке с мясом взяли (всё-таки не поверили участковый и опытные охотники в волчье нападение). Цыган сразу и пастуха сдал, у которого купил колхозных коров. Дали Мишке Волохову пять лет.

С волками жить - по-волчьи выть: блатные волчьи повадки он крепко усвоил за те годы.

В ту зиму волки, собравшись в стаю, бродили вокруг деревни, сожрали почти всех дворняг. Люди опасались на лошадях за деревню ездить. Снова облаву устроили. Ушёл за флажки только матёрый вожак. С тех пор волков у деревни долго не видели.

Через пять лет Волохов вернулся домой (решил всё-таки с волчьей жизнью завязать). Снова в колхоз устроился. Зимой поехал к дальним стогам... Вилами стожок в розвальни перекидал, верёвкой стянул, сам с боку приладился. Понукнул лошадку. Темнело уже, но дорога была хорошо известна и ему, и лошади. Волков давно в округе повывели...

Волохов знал, что нападают они стаями... Этот был один - огромный серый хищник. Выскочив откуда-то сбоку, сразу нырнул под лошадь. И она пала, и потроха, вывалившиеся на снег, дымилась.

Волохов кинул в волка топор. Мимо. Взял наизготовку вилы. Волк стоял, смотрел безжалостными жёлтыми глазами. И вдруг закинул голову и завыл. Ему отозвались. И вскоре стая в десяток голов рвала на глазах Волохова мёртвую лошадь.

Он бежал по санной дороге двенадцать вёрст, оступаясь, падая, проваливаясь под наст... И в ушах стоял тот вой... И от боли и бессилия Волохов и сам выл...

Он уехал в город, там встретил лагерных приятелей, и закружила его опасная весёлая жизнь. Через год снова сел. Теперь уже на десять лет. От звонка до звонка отбыл.

Освободившись, в деревню уже не поехал (мать к тому времени умерла), но и с прежними друзьями-приятелями завязал. Первое время перебивался на разных работах - рыл канавы, разгружал вагоны. Не по нему это было. Но и работать на заводе, опять же «от звонка до звонка» - не хотел. Приятель позвал - и он устроился работать в пожарную охрану, сутки через трое. А в свободные от дежурств дни стал ездить на охоту. Каждый год брал лицензию на лося (да случалось и без лицензии добывать), зимой - заяц, белка, куница...

Не женился, хотя «подруги» были. «Я одинокий волчара», - сам о себе говорил. С сестрой не дружил, редко виделся. В деревне тоже очень редко бывал...

Но когда сестра решила дом продавать (дом на неё был записан), купил у неё (родной дом купил!). Захотелось поближе быть к лесу и охоте...

Весной приехал - вспахал и засадил огород, летом подладил дом, осенью окончательно переехал (впрочем, однокомнатное логово за собой в городе оставил). С покупателем пушнины он давно уже был знаком, знал, что на жизнь себе заработает...

И снова этот вой. И Волохов застонал-завыл - от одиночества, от понимания, что жизнь его мимо... Мимо счастья... Мимо любви...

Он схватил ружьё, сунул в карманы патроны с пулями, вставляя на ходу патроны в стволы, выбежал. Собаку не стал звать, один пошёл за ограду и сразу увидел его - в лунном свете, подняв морду, воеет...

Волохов выстрелил, но волк даже не шевельнулся. «Ах ты... Ах ты...» Волохов подошёл ближе, прицелился, выстрелил... Волк вздрогнул, присел, но тут же поднялся и не быстро, прихрамывая, побежал к лесу. Волохов, вышвырнул горячие гильзы, вставил новые патроны и по насту пошёл за волком, по кровавому следу. Снова выстрелил, увидел, как опять упал волк. Но поднялся и, вскинув морду, снова завыл... Волохов провалился по поясу, не стал выбираться на твёрдое, встал на колени, плотно вдавил приклад в плечо, поймал на мушку лобастую волчью голову...

Справа и слева обступали его неслышные серые тени...

ЗВЕЗДА РОЖДЕСТВА (Рождественская сказка)

Василий Матвеевич наконец-то собрался в лес, за ёлкой. Надо было бы пораньше, да задержали неотложные дела - с утра пришлось расчищать от снега двор и тропу от дороги к дому, потом ещё воды натаскал, прибрался в доме... Вот и припозднился. Впрочем, что для него каких-то полчаса ходьбы по родимому лесу. Только егерем он здесь сорок лет работает...

Он надел ватные штаны, валенки,

бушлат, форменную, только без кокарды, ушанку с загнутыми на затылок «ушами». Топорик привычно ловко сел на боку под старый армейский ремень с жёлтой бляхой. Он взял широкие лыжи, деревянные самодельные санки, вышел во двор. Снег под ногами взвизгивал. Красное солнце опускалось к острым макушкам елей.

Ёлку Василий Матвеевич уже который год ставит не к Новому году, а к Рождеству. Он всю жизнь помнил, как говорил ему его дед: «Неправильный Новый год-то отмечают. Как так - до Рождества Новый год?.. Неправильный...» Ещё знал, что его день рождения, 13 января, как раз на истинный Новый год и приходится. Ещё его называли - Васильев день. И его потому Василием называли - крестили ведь его бабушка с дедом...

Крестили-то его тайком, в какой-то избе - это ему рассказывали. А вот пять лет назад в селе, где он родился и жил, пока после смерти жены на кордон не перебрался, открыли много лет стоявшую в запустенье церковь. И настоятель, отец Владимир, подтвердил, что да - церковное новолетие начинается через неделю после Рождества...

Дочь Василия Матвеевича, Ирина, живёт в городе. Там они: Ирина, её муж Игорь, сын Сергей и встречают Новый год («ненастоящий»), а потом приезжают на Рождество к нему на кордон. И здесь опять ёлка и праздник. Игорь обычно уезжает - у него такая работа, что надолго не оставишь, а Ирина и Серёжка остаются ещё на неделю, как раз до настоящего Нового года и дня рождения Василия Матвеевича... Самые это счастливые дни...

Сегодня, скоро уже, они приедут (от села до кордона три километра - грейдером прочищена дорога). Нарядят ёлочку, а к ночи все вместе вернутся в село, в церковь, славить Рождество Христово...

От дома к лесу - в горку, пологая луговина, Василий Матвеевич не спеша, но споро перешёл это белое пространство, под свежим снегом - твёрдый наст... На снегу отчётливо видны быстрые путанные следы зайца, лисья строчка, веерные от-

печатки крыльев... По краю леса, кустами, недавно прошли лоси...

Когда-то, по молодости, был Василий Матвеевич охотником, как и многие здешние мужики, но уже много лет не охотится. Про спортивную охоту как-то сказал внуку: «В то время мы охотились, потому что еды не хватало. А нынче - зачем? Баловство это. Людям баловство, а зверям горе...»

Охраняет он и лес, деревья. И не только охраняет, но и сам занимается посадками - тысячи ёлочек и сосен посадил он за свою жизнь...

Идёт он по-охотничьи, без палок, санки за верёвочку за собой тянет. Карабин не взял - ни к чему сегодня.

Вот скоро уже и молодые посадки, где и разрешается ему подрубить раз в год ёлочку. За посадками строевой еловый лес, а там уже рядом и большая дорога - шоссе.

...Ошибиться было невозможно - там, за молодыми посадками, работали бензопилы, две или три. Вот качнулась макушка, и с треском повалилось дерево... Рубка явно браконьерская. Какая же ещё - это ведь он на своём участке отводит лес под рубку. На это нужны документы, разрешения... И время-то выбрали, когда вся страна отдыхает после «неправильного нового года».

Мобильный телефон у него всегда с собой, хоть и не везде связь устойчивая. Василий Матвеевич болезненно поморщился, наблюдая, как падает ещё одно дерево. Стянул зубами рукавицу, сунул руку за пазуху, вытащил телефон - нет связи. Но ближе к дороге, на горушке должен заработать телефон...

Он прикинул - лесовоз у них на отворотке от большака, валят прямо у дороги и сразу грузят, там есть, где и развернуться. Значит, нужно незаметно подойти к машине, посмотреть номера, позвонить в милицию и уж тогда испугнуть этих лесорубов. Задержать он их не сможет один, но милиция перехватит. (Он всё не мог привыкнуть называть милицию полицией).

Приняв решение, Василий Матвеевич

уверенно двинул к браконьерской машине. Санки не бросил, тянул за собой. Топорик передвинул за спину.

Но его увидели сразу, едва сунулся на дорогу. Один из них, шофёр, не рубил и не грузил, а именно за дорогой присматривал, сразу дал своим знак. Пилы заглохли.

Василий Матвеевич понял, что его увидели, не стал прятаться, лыжи скинул, воткнул в снег и вышел на дорогу.

Спрыгнул из кабины водитель, шли к дороге от леса ещё четверо...

- Кто старший? Документы попрошу! Егерь Савельев! - Василий Матвеевич, выдернул из нагрудного кармана бушлата удостоверение.

- Ты чего тут делаешь, егерь, чего шумишь?.. - глаза льдистые, безжалостные в него упёрлись, а сбоку уже летел первый удар...

Василий Матвеевич закрывал голову, перекатывался, чтобы смягчить удары ногами... Успел увидеть и запомнил номер машины...

- Хватит, поехали!

Лесовоз, всего лишь с тремя хлыстами, рванул к большаку, оставив за собой запах гари... Василий Матвеевич, нащупал во внутреннем кармане телефон, на панели высветилась одна чёрточка - связь неустойчивая. Пока, сев в снегу, набирал номер, связь пропала вовсе. Он, черпая рукавами снег, упёрся в наст, встал на четвереньки и вылез на твёрдую дорогу, увидел на обочине свои санки, прихватил верёвочку, поднялся на ноги, увидел и выдернул из сугроба лыжи, но надевать их не стал, положил на санки, покачиваясь, пошёл на горушку, санки покатались за ним. Топор его был на месте, заправленный под армейский ремень, а вот одна из лыж соскользнула с санок, он не заметил этого...

Поднялся на горку, набрал номер полиции, продиктовал номер лесовоза и...

...Первым подбежал зайчишка, посмотрел на него и замахал лапой, подзывая остальных зверей.

- И зачем тебе ёлка? - спросил матёрый волк.

- Рождество ведь скоро. Великий праздник.

- А кто родился? - спросил лось.

- Бог родился, Иисус Христос. Когда Он родился, на небе зажглась звезда. И глядя на неё, восточные мудрецы точно пришли в город Вифлеем и поднесли Ему дары. А Он в яслях лежал на скотном дворе...

Вот в честь той звезды и ставят люди в эту ночь на ёлку звезду, - закончил он.

...Впереди шёл, проламывая дорогу, могучий лось, санки тянули, захватив верёвку в пасти, два матёрых волка, по бокам, как почётный эскорт, бежали пышнохвостые лисы, зайцы скакали и сзади, и с боков, и спереди, а белки прыгали с веки на ветку, стряхивая с еловых лап снег, и снежинки искрились в морозном воздухе. Василий Матвеевич сидел в санках, держа в руках пушистую красавицу-ёлку. И думал о зверях: «Какие молодцы! И никто никого не обижает!»

На краю леса лось встал, встали и волки, сгрудились у санок зайцы и лисы, спустились с деревьев белки... Там, под горой, желтело окно его дома. А над крышей, в небе светилась звезда Рождества.

Кто-то из зверей толкнул санки, и они покатались к дому, а навстречу уже бежала дочка, и зять, и внук Серёжка...

- Христос родился, славьте Его! - раздался голос отца Владимира. Или самого Василия Матвеевича. Или это шумел лес...

И наступило Рождество. И славили Рождество Бога люди и звери...

СВЕТ В ОКНЕ

Квартира, в которой живёт Катя Соловьёва и её семья - мама, папа и брат, - совсем маленькая. А ведь каждому человеку хочется иметь своё местечко. Только своё. Нет, это замечательно - сидеть всем вместе за столом и разговаривать... Но потом хочется побыть одному и поговорить с самим собой или, например, с любимым медвежонком...

Мама в кухне себе отдельный столик поставила, на нём компьютер, книжки и тетрадки. Папа сделал себе кабинет в

кладовке. Серёжа в комнате уголок обо- рудовал.

Вот и Катя придумала: подоконник у них в комнате широкий, поставила перед ним стул, убрала всё лишнее, а посадила там своего мягкого медвежонка, положила книжку, альбом для рисования, карандаши. Папа помог ей протянуть электри- ческий удлинитель, и Катя поставила на подоконник настольную лампу с зелёным абжуром.

Села она к окну, занавеску у себя за спиной задрнула - вот и оказалась будто бы в отдельной комнате. Своей...

На заснеженной площадке между домами дети катались с горки, шли по тропке люди, бегали собаки... Где-то там же гулял Катин брат Серёжа...

Катя раскрыла альбом и стала рисо- вать то, что видела за окном.

В окнах дома напротив стал загорать- ся свет. И Катя нажала кнопку на своей лампе. Лампа зажглась, осветив подо- конник и окно загадочным зеленоватым светом. Кате захотелось увидеть ещё раз, как возникает этот свет. Она выключила лампу и включила. И ещё раз: выключила и включила, и ещё...

И вдруг она увидела, что в доме на- против, в окне на третьем этаже, так же загорался и гас свет. Будто бы кто-то от- вечал Кате, подмигивал. И Катя мигнула ещё раз. И ей снова ответили...

Тут с гулянки пришёл Серёжа.

- О, комнатку себе сделала! - оценил он и включил большую люстру.

И Катя перестала мигать лампой...

На следующий день, лишь начало темнеть, Катя была у окна. Она мигнула лампой, и ей сразу же ответили из окна напротив.

Катя рисовала, снова мигала, и ей снова отвечали, и она думала: «Может там, в том доме, живёт такая же девочка, как я. И однажды мы с ней обязательно познакомимся и подружимся... А может, там мальчик. Если это хороший мальчик, то почему бы не подружиться и с ним...»

До Нового года оставалось десять дней. Во многих окнах уже мигали огнями ёлки.

В квартире Соловьёвых тоже появилась ёлка. Папа поставил её на кухонный стол, навесил и включил гирлянду. А малень- кую, и тоже светящуюся, ёлочку Катя поставила к себе на подоконник.

Она включила гирлянду, и ёлка за- мигала красными, синими, зелёными огоньками. Но окно напротив оставалось тёмным. Катя помигала настольной лам- пой, но и на этот раз ей никто не ответил...

За вечер она несколько раз включала ёлку на окне и мигала лампой, но ответа ей не было.

Катя расстроилась. Рано утром, когда ещё все спали, она снова попробовала мигнуть лампой, но проснулась мама и сказала: «Ты что, Катя?»

И вечером окно напротив было тём- ным...

- Что ты там всё мигаешь? - спросил Серёжа. Катя рассказала ему про свет в окне...

Серёжа учится в пятом классе, а Катя во втором. Он очень рассудительный, и Катя почти всегда слушается его.

- Это очень интересный факт, - сказал Серёжа, - давай расскажем об этом папе.

Но папы дома ещё не было, и они рас- сказали маме.

- Слушайте, ну мало ли почему свет не включают, - отмахнулась сначала мама. Но, увидев, что Катя чуть не плачет, ска- зала: - Вот почему ты в последнее время такая... Ну, сейчас придёт папа - посо- ветуемся с ним.

Они ещё раз все вместе пробовали включать ёлку на подоконнике и мигать лампой - всё напрасно.

Пришёл папа. Выслушал Катю и тут же сказал:

- Пойдём туда и узнаем.

Мама покачала головой, глядя на него, и стала одеваться. Быстро оделись и Катя с Серёжей.

Папа с улицы посмотрел, где находится окно на третьем этаже, и уверенно пошёл во двор. В подъезд как раз входила жен- щина, и они прошли за ней. Все вместе поднялись на третий этаж. Папа нажал кнопку звонка... И тут женщина, от-

крывавшая дверь в соседнюю квартиру, сказала:

- А Клавдии Ивановны дома нет.

- А где она? - спросила Катя.

- В больнице, - ответила женщина.

- Что-то серьёзное? - спросила мама.

- К счастью, нет, скоро выпишут домой. А вы кто? - поинтересовалась женщина. - Насколько я знаю, у Клавдии Ивановны нет родственников. Вот и живёт она одна...

- Я Катя, я ей из окна мигала.

- А-а, то-то мне Клавдия Ивановна говорила, что, наверное, в доме напротив живёт такая же одинокая старушка, как она.

Серёжа фыркнул, папа положил ему руку на плечо. А Катя сказала:

- А можно, мы ходим к ней в больницу?

- Почему бы и нет, одной-то ей невесело там. Я заходила к ней, да каждый день ходить некогда...

- Вот и хорошо, мы навестим, - сказал папа.

На следующий день Соловьёвы всей семьёй приехали в больницу. В палату их не пустили, но вскоре Клавдия Ивановна, сухонькая седая старушка, сама вышла к ним.

- Здравствуйте, - первой сказал Катя.

- Здравствуй. Это ты мне мигала? Мне вчера соседка по телефону всё рассказала...

- Да, я мигала... Я думала, что вы девочка.

- А я старушка, - улыбнулась Клавдия Ивановна. - А всё равно - давай дружить...

...Под Новый год весело перемигивались ёлки из окна в окно. А на праздник семья Соловьёвых пошла к Клавдии Ивановне. Потому что, хоть и хорошо иногда побыть одному, но, хотя бы на Новый-то год, люди должны быть вместе.

РОДИНА

В селе Куркино я бывал много раз. Много раз обходил вокруг большого усадебного дома и заходил внутрь... Поэтому

сейчас, снова оказавшись в этом селе по газетной работе и своему хотению, поняв, что приехал рано и решив прогуляться, не стал задерживаться у дома, а сразу пошёл через парк, к прудам и речке.

На скамейке над прудом, рядом с родником, даже сейчас, в ранний воскресный час, сидела тёплая компания местных мужиков. Пруды с зелёной цветущей водой, берега обложены крупными булыжниками. Наверное, скоро здесь будет красиво и чисто...

По недавно сделанным мосткам и тропе я прохожу мимо верхнего и нижнего прудов на плотину через речку Спасовку.

«Спасовка» она только на картах, все называют речку «Дери-нога», видимо, от финно-угорского названия («Дернога» или что-то подобное), приспособленного к славянскому звучанию. В этом народном названии - отголоски давних времён, когда жила здесь легендарная и летописная весь, а рядом с всей селились славяне, русские, выходцы из новгородских и ротовских земель...

Шум воды на стоке плотины завораживает и успокаивает... Утка и её уже подросшие утята, как поплавки, покачиваются, не утлываются...

Перед плотиной река разлилась в озерцо, за плотиной - это ручей в высоких берегах. И если выключить из зрения приметы нынешнего времени, то можно представить, какой была речка и её берега в те древние времена...

Я перешёл на другой берег. Здесь сарай и погреб с двускатными крышами. За сараями луг и лес... Говорят, что именно тут и был «оленик». Будто бы в этом лесу владельцы усадьбы, дворяне Резановы, заводили оленей...

Тихо и уже жарко, и большой шмель перелетает с цветущего лопуха на иванчай, коричневая бабочка недвижно сидит на ромашке...

Жаль, что я не знаю названия всех трав и цветов. Ведь в каждой травине, в каждом названии - мой язык, моя родина. «Лопух», «ромашка» - кто так назвал их и почему?..

Я возвращаюсь через реку и мимо прудов в парк... Старые деревья, запах земли, солнечно-зелёные пятна на траве... В этом парке всегда хорошо...

Пожилой мужчина с ведром в руке нагоняет меня со стороны прудов и родника. Я поздоровался и спросил:

- За водой ходили?
- Нет, в сарайку, скотину кормить...
- А какая скотина?
- Да куры, - усмехнулся.

Разговорились, познакомились.

Николай Николаевич Павлов - местный житель, родился в деревне Слобода, которая была в трёх километрах от села. Её давно уже нет.

- Все мелиораторы запахали. Оставались ещё вековые берёзы, сами погибли потом, - вспоминает он.

Николай Николаевич с 1941 года рождения. Его отец воевал, пропал в 1942 году без вести на Ленинградском фронте. Первые четыре класса учился Коля Павлов в школе в деревне Анчутино, с 5-го класса - здесь, в Куркино. Работать начал в 1957 году, после окончания семилетки. Работал до армии в совхозе «Остахово»...

...Мы стоим рядом с «музыкантским павильоном». Здесь жили барские музыканты. Это даже сейчас, без всяких балконов и веранд, которые были раньше (на фотографиях видно) - красивое здание, хоть уже и пустое, запущенное. Оно красиво своей соразмерностью и простотой. И особенно хорошо смотрится на фоне старых деревьев и стоящего рядом главного усадебного дома. Хороший архитектор был у Резановых...

- А там вон стоял ещё флигель - двухэтажный, деревянный, - кивает Павлов на пустое место. - Недавно и сгорел-то...

Да, флигель сгорел несколько лет назад. Так, уже на наших глазах, распадается, исчезает чудом сохранившийся усадебный ансамбль...

- А после армии где работали? - возвращаю я разговор к его биографии.

- После армии, в шестьдесят третьем году, я сюда и пришёл работать, в Куркино. Тогда предприятие называлось «Во-

логодская государственная селекционная станция». Тут было два даже директора: директор по науке и второй - по производству. По науке директор был - Федотов Фёдор Яковлевич, по производству - не помню... Потом был директор Сахаров... Парк-то недавно привели в порядок, а то было тут запущено, задичало по неуходу. А раньше-то, когда предприятие работало, за парком следили, наводили порядок... И дом, и парк содержали - всё было совхозное. В парке выкашивали траву и всю вывозили на силос. В парке проводились праздники: на окончание посевной, например. Там сцена была, танцплощадка... Пруды тоже в семидесятых годах ещё чистили, содержали в порядке... Все мы очень жалеем, что такое крепкое хозяйство нарушили. И никто не виноват как будто.

Николай Николаевич работал здесь 40 лет, механизатор 1-го класса. Как же не жалеть-то ему и таким же, как он, труженикам, что уникальное хозяйство уничтожено, обанкрочено...

- Хозяйство было племенное, нетелей и быков по всей стране от нас увозили. И элитным семеноводством занимались... А потом всё на спад пошло. Мы-то ещё дольше всех держались, когда в девяностые вокруг уже всё рушилось...

- А церковь старую помните?

- Церковь помню, конечно. Я в школу ходил (старая деревянная школа была на месте нынешнего стадиона) - мы ещё туда бегали, баловались. Дак помню, что там вверху даже роспись стен сохранилась. Там ещё раньше была тракторная ремонтная мастерская. Потом удобрения хранили. А когда новую школу построили году в семидесятом, церковь через несколько лет и снесли, она совсем рядом со школой была - вот и решили снести. Коммунисты сказали - это не дело, тогда ведь была борьба с религией. А зачем это было красоту такую губить... В куполе внутри вся роспись оставалась до самого разрушения - как вчера нарисовано, - Николай Николаевич вздохнул, помолчал...

- Церковь сломать не могли, пока

Два профессора, или Душевное обаяние Русского Севера

Иллюстрации к статье в разделе «Мы и мир», стр. 1

В национальной деревне Русского Севера - Пожарище (Нюксенский район). Слева направо: писатель и кинорежиссер Анатолий Ехалов, руководитель этнокультурного центра Олег Коншин, профессор Чжэн Тиу, руководитель иностранной комиссии Союза писателей России Олег Бавыкин

Профессор Вильям Брумфилд на встрече с воложанами в зале редкой книги областной библиотеки имени И. В. Бабушкина

Осуждение грешников («немцев»). Деталь изображения Страшного Суда на западной стене Софийского собора в Вологде. 20.07.2011

ДВА ПРОФЕССОРА

К приезду профессора Брумфила сотрудники областной библиотеки подготовили стенд с его книгами о городах России

Тотьма. Входоиерусалимская церковь (вид с юго-востока). 06.03.1998

Белозерск. Церковь Ильи Пророка. Вид с юго-запада. 23.07.1999

Белозерск. Улица Коммунистическая, 58. Дом купца Поздынина. Деталь фасада. 03.03.1998

Волгода. Спасский собор (Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня). Вид с запада. 13.08.2010

Церковь Иоанна Предтечи в Рошенье. Южная стена. 27.07.2011

не пригнали два танка. Тросами в руку толщиной разрывали стены... Кирпичом потом некоторые ямы в погребах обкладывали, битым - дорогу подсыпали...

- Что новую церковь построили - хорошо?

- Безусловно! Я всецело за! Но мы с детства к церкви не приучены. Ну, креститься умеем. А молитв не знаем... Да на тракторе не до молитв и постов... Да и не знали ничего... Но, пусть я человек неверующий, как колокол зазвонит, в душе-то отзывается. Если бы не была церковь нарушена, если бы не запрещалось - и мы бы, конечно, были другие... Народ бы другим был. Ведь, вспомните, в девяностых народ как бесноватый стал!.. - снова помолчал. Мы шли по дорожке от парка к пятиэтажным домам, и все прохожие здоровались с нами...

- Раньше такого не было, хоть и не верили, - продолжил бывший механизатор Павлов. - Помогали друг другу, доброжелательнее были. Потом озлобились из-за денег, а ведь это как плохо... Раньше жили небогато, но хлеб и всё необходимое своё было, никто и не рвался до колбасы, покупали только одежду да чай с сахаром... Масло даже своё было. А сейчас и масла нет... Я на рынке иду: вижу там подсолнечное масло, конопляное, льняное... Меня заинтересовало, я спрашиваю: это у вас масло льняное? Она говорит - да. Я говорю - нет, я знаю, какое льняное масло бывает, у вас не льняное. Так она сразу мне: иди, иди отсюда... Раньше-то везде у нас лён выращивали. Тут рядом колхоз был «Север» (это Рождество, Несвойское, Андроновно), у меня там мама работала. Колхоз-миллионер! Это на льне они миллионерами стали. Мама на трудодни льняного масла по эмалированному ведру получала...

Память вернула его в совсем давние годы...

- Вот, скажем, собрали урожай: на госпоставку семена, на посев, в страхфонд, а с остатком чего будем делать? Всё правлением колхоза решалось. А правление было из рабочих. Вот решат - давайте масло

сделаем, а потом на трудодни выдавали. Ни споров, ни ругани не было - сколько заработал, столько и получил. Денег не было, но были свои огороды... Комиссия сельсоветская ходила, контролировала: вот маму спросили - по какое место у тебя огород? Вот по это, вот тут я кошу еще. Так у тебя тут побольше маленько двадцати пяти соток. Ну, побольше - так я не буду тут... А ей: да ладно, мы тебе запишем двадцать пять, вот и всё. А ведь ещё налоги были. Помню, когда я маленький был - скотины-то много держали, так надо было семьдесят килограммов мясопоставки свезти живого веса, каждый год, осенью обычно. А если не хочешь мясо сдавать - плати деньгами. А если больше семидесяти принесёшь, девяносто, например, тебе уже в следующем году меньше надо будет платить. Всему учет был...

Мы неторопливо подошли к подъезду панельной пятиэтажки.

- Живу здесь с женой Натальей Михайловной, дочь в Вологде. Пятиэтажки эти построили в конце шестидесятых, а до них на этом месте был сад селекционной станции. Вон яблоня, ещё от сада осталась... Пробовал яблоки - кислые, выродилась...

Тут ударил на колокольне колокол... И мы, пожав руки, расстались. Я один пошёл к церкви...

Когда я вошёл, батюшка объяснял немногим прихожанам значение евангельского рассказа об исцелении Иисусом бесноватого.

...Потом я ехал домой по дороге, на протяжении трёх километров обсаженной с обеих сторон яблонями. Потом автобус выехал на широкую трассу, и за окном поплыли поля, дома, деревья, травяные луга, речки... Родина...

Старый да малый

Из повести в рассказах

ЖИВОПИСАНИЕ: О САМОМ ГЛАВНОМ

Суетная жизнь. По радио - Украина, по телевизору - Украина: ложь, злоба... Страшно, тревожно, непонятно... Дома ремонт, хлопоты - никак не разберу вещи, книги. На улицах - нашествие машин, тротуары забиты ими... Шум, как в машинном отделении огромного корабля... Почерневшая от мигрантов наша златоглавая Москва с этим никогда не смирится... Везде исковерканная русская речь по-азиатски, по-кавказски...

Но бываю и передышки. Прочитала рассказ Р. Панова «Старый да малый». Хотела записать впечатление, но суета, суета... И вот уже в этом году недавно прочла о новой книге Ростислава Панова, о юбилее и снова перечитала спрятанный в столе рассказ «Старый да малый».

Очень просто, почти по-домашнему, как письмо тебе, написано. В начале, как разгон, очень удачна форма зарисовок: рассказывая об отдельных случаях в жизни героя, его характере, смекалке, умении, автор постепенно подходит к главному. Рассказ о дедушке и его внуке, о природе, с которой человек роднится. Первое, что располагает, - имя его героя: ИВУНЯ. Ласково. Иван, наверное. Ива, ивушка. Одно такое имя красит человека, так можно звать только доброго, мудрого человека.

Рассказ идет неторопко. Всё сначала как бы теоретически: об этом сказал, теперь об этом, вот еще случай... И вот уже по-настоящему всё собирается и объединяется в одну главную тему. Жан Луи Барро, театральный критик, писал о пьесах Чехова, что в них главный герой - время. В самой неспешности действий пьес слышно, как оно идет. Вот и здесь - слышно время.

И вот уже автор берет нас, читающих, за руку и ведет по позже, по берегу крапивы реки. Видишь слоистые песчаные осыпи «разного цвета: голубо-белые, совсем голубые или же оранжево-красные». Вспоминается стихотворение Александра Яшина «Почему не удивляемся», где он описывает берега Юг-реки:

*Над рекою кручи размытые,
Я на срез отвесный гляжу,
Будто в недра земли открытые
По ступенькам цветным вхожу.*

Николай Рубцов в стихотворении «Жар-птица» на вопрос «Так что же нам делать?» передает совет старика, который всего хлебнул в жизни, - о главном: «А ты полюби и жалей, / И помни хотя бы родную окрестность, / Вот этот десяток холмов и полей...». И писатель возвращает нам своим рассказом это главное, зрительную память, в которой всё это богатство спрятано от горожан за тридцатью землей. Сердце успокаивается, душа распрямляется. Дед Ивуня передает своему внуку часть своей любви к этому главному - десятку холмов и полей.

Ивуня берет с собой в поход самое простое и необходимое. Он опытом показывает и доказывает внуку, что можно быть счастливым без деликатесов... ночевать в шалаше, есть простую душистую грибную похлебку... А вот без этих речушек, сосенок, валунов, говорливого ручейка нельзя. Нельзя быть, жить нельзя. Ушинский писал, что географию надо начинать изучать с того, чтобы знать именно эти речушки, овражки, пожни - то, что вокруг дома, своей деревни.

Сначала портрет Ивуня - не черты лица, а его доброта. То он своим примером учит внука, то откладывает на потом ответ, кто такие перестройщики: «Подрас-

тешь - поймешь». Трогательно, что он не знал, как варить макароны - не мудрено: первый раз видит. Чудной, скажут, дикий... Но этот Ивуня открывает мир внуку, каким он его знает, чувствует, понимает, любит. И это главное. Путешествие их недлинное, и слава Богу. Зато сколько подробностей, важных примет - не то что из окна самолета и даже машины. Событий внешних немного, но какие чувства, откровения они вызывают! А всего-то: у малого теория, у старого опыт. Они кратко перекидываются словами, замечаниями: стар и мал.

Написано дивным языком, как у Даля говорится, «живым великорусским языком», легко включая образные слова местного происхождения. А Яшин назвал бы эту прозу - живописанием. Рассказ весь певучий, как певуче имя или ласковое прозвище ИВУНЯ. Спасибо Ростиславу Андреевичу за его живые картины, за то, что он и меня пригласил в такой чудный поход по родному краю, в котором он живет. Я родилась в Москве, но моя родина - и вологодская, никольская земля, и, читая его рассказы-воспоминания, я это особенно чувствую - так близко и дорого всё. Передохнув от круговерти, вдохнула чистого воздуха, и всё наполнилось надеждой, несмотря на то, о чем и мы знаем, и Ивуня говорит: испорченные пруды, сломанная мельница, заброшенные деревни и разрушенные храмы. Всё возродится, воскреснет, пусть и не точно в таком виде. Но внук уже привился к деду, получив уроки любви. Дай Бог, и учителя будут подобны тому учителю географии, как в рассказе. Главное - любить то, что мы еще имеем - нашу землю. Старик учит ненавязчиво, примером. И внук это запомнит на всю жизнь. До своей старости. Одна жизнь перетекает в другую.

**Наталья Александровна
ПОПОВА-ЯШИНА**

**Ростислав
ПАНОВ**

Ростислав Андреевич Панов - поэт, прозаик, журналист. Больше 35 лет проработал в никольской районной газете «Авангард», областной газете «Красный Север». Член Союза журналистов. Выпустил в Вологде, Никольске и Кичменгском Городке более десяти сборников стихов и прозы. Ростислав Андреевич - член Союза журналистов России. Публицистика, стихи и проза Ростислава Панова публиковались в районных, областных и московских газетах, альманахах «Звезда Поюжья», «Северных Увалов эвересты». «Вологодский ЛАД» публиковал стихи и прозу Р. А. Панова, его воспоминания об армейской службе на Кубе.

ЛИШНИЙ ТРУДОДЕНЬ

Под настроение любил Ивуня вспоминать разные случаи.

- Было этак лет мне четырнадцать. Мать пласталась на дворе скотницей, ранехонько пускала стадо в осек, а вечером коровушек полагалось встречать, открывать заворы. На ферме шибко припозднилась. Просит: «Ноги совсем не несут. Сходил бы, соколик, да открыл заворы». Я сам в те поры усталый пришел, но матери послушаться не посмел. Пустился я к осеку, а коровушек у завор нет. Возвращаться без них - дело худое. Влетит от матери, а матери влетит от бригадира или же от председателя: в округе волки бродили.

Бегу я по лесной тропе, во все горло скликаю буренок. Не заметил, как и стемнело.

- Не испугался? - спросил Гриша.

- О страхе не думал, а токмо усталость свалила. Прикорнул под елкой, да в сон и провалился. Очнулся от ночной росы - босые пятки прижгло. И уж тут испугался: чувствую за спиной дыхание горячее...

Ивуня тихонько рассмеялся: «Повернулся назад - а это бычок по кличке Гоша тычется мне в спину. И стадо с ним».

Ивуня вернулся домой как раз к утренней дойке. Довольный бригадир (обошлось без ЧП) поставил Ивуне лишний трудов день.

НА СКОРУЮ РУКУ

Позарез надо было Ивуне сходить в соседнюю деревушку проведать захворавшего двоюродного брата. Полез на печь, достал валенки. А на левом, на запятке - дырка!

- Валенки, валенки, не подшиты, стареньки, - пробормотал Ивуня.

Зимний день короток. Пока настоящему пришиваешь стельку суровой драгтой, глядишь - время к обеду утянется. И решил Ивуня за дело взяться с другой стороны. Нашел заваливающий капроновый чулок и разрезал его на маленькие кусочки. Разогрел с помощью лучины так, что они превратились в серые полужидкие комочки, и приляпал на них стельку. Притопнул валенком - не отваливается.

- Чисто новатор, - одобрил внук.

Весть о подшивке валенок столь оригинальным способом облетела деревенскую улицу, но сам Ивуня к нему более не прибегал. Возвращаясь от братана, он в сумерках налетел на заледеневший конский окатыш - и стельки на валенке как не бывало. Вдобавок при падении расшиб нос. Внуку на его вопрошающий взгляд сказал: «Ничего не делай на скорую руку...»

И более не прибавил ни слова.

КАК ИВУНЯ ГОТОВИЛ РОЖКИ

В послевоенные годы с питанием обстояло неважно, и деревенские правдами и неправдами стремились в леспромхоз, где кадровым рабочим выдавались спецовки, обутки и полагалось жалованье. А самое главное - хлеб и кое-какие продукты.

Ивуню в отделе кадров решили направить на котлопункт в помощь поварихе -

таскать из ручья воду, чистить картошку да растапливать печь с плитой.

- На лесоповал тебе рановато - больно жидковат, - огласил свое решение кадровик, бывший фронтовик с одной рукой.

Ивуня дневал и ночевал на лесной поварне. От легкой и сытной работы набрал вес и глядел весело. Повариха - женщина добродушная, но часто недомогавшая, научила его готовить борщ и рассольник, просяную кашу.

Как-то, уходя в медпункт, оставила Ивуню за себя на целый день. Он без затруднений сварил суп и кашу. А перед большой картонной коробкой с рожками встал в тупик, поскольку рожки видел впервые. И повариха о них ничего не говорила.

- Была не была, - ободрил себя Ивуня и высыпал часть содержимого на противень, на котором обычно жарили картошку. Не пожалел комбижира, заменившего масло. Поставил противень на плиту. Запотрескивало. А вскоре так зачало, что пришлось затушить огонь. Черпнул ложкой для пробы и скривился: обгоревшие рожки с трудом поддавались его молодым, крепким зубам.

За спиной у него раздался хохот. То на кухню заглянул приезжий шофер: «Дурак ты, Ивуня! Разве так рожки готовят? Полагается вначале промыть в холодной воде. А после снова залить. И варить до кипения».

- Не знал я, дяденька, - стал оправдываться Ивуня, едва не плача.

- Делай, как я велел. И об этом никому ни гу-гу. Засмеют, - улыбнулся сочувственно шофер. И ободряюще похлопал по плечу.

БЕРЕСТЯНЫЙ ТУЕСОК

Несмотря на годы, Ивуня так и остался непоседой. С весны до осени не выходит из огорода. Осенью и долгими зимними вечерами рукодельничает возле окна, выходящего на разросшийся куст калины, в давние времена принесенный из лесу.

Окно широкое, светлое, и оттого су-

мерки в него забегают позднее, чем в другие окна.

На калиновых ветках сидят снегири, обклеивая ягоды, специально оставленные для птиц.

Изредка взглядывая в окошко, Ивуня делает крышку к берестяному туесу: из сухой березовой пластины вырезает круг.

- Дед, для кого ты стараешься? Разве мало в доме бидонов и всякой посуды? - тормошил Ивуню внук.

Вырезав аккуратно круг и прибав посередине петельку, Ивуня закончил работу. Вопрос внука, казалось, пропустил мимо ушей.

Прошло несколько дней.

- Гриша, сходил бы ты в магазин за хлебом, - попросил под вечер Ивуня. В глазах старика мелькнула хитринка.

Гриша принес из магазина два каравай ржаного хлеба. Один почали за ужином, а другой каравай Ивуня спрятал в берестяном туесе, плотно закрыв крышкой.

Утром, прежде чем попить чай, Ивуня достал из чугунка отварной картошки, наложил полное блюдо рыжиков-еловиков.

- Ух, поедим! - потер он от удовольствия ладонь о ладонь.

Все было бы отлично, да прикусив вчерашнего хлеба, оставшегося от ужина, Гришка скривился:

- Очерствел хлеб-то!

- А ты отрежь ломоть от другого каравай, что лежит в туесе.

Вкусив, Гриша вынес вердикт:

- Почти как свежий!

- Смекай, внук!

- Чего смекать-то?

- Берестяной туесок особые свойства имеет. Хлеб в нем можно хранить неделю. А также и молоко долго не портится.

Откуда было знать Грише, что в стародавние времена сельские умельцы не только делали туеса и солонки из бересты, но и плели лапти, корзины и пестери. Из бересты гнали деготь, применявшийся в хозяйственных и лечебных целях. А в кожаный обуток подкладывали берестяные стельки, чтобы на ноги не приставала никакая зараза.

САМ ИМПЕРАТОР ДРОВА КОЛОЛ...

Гриша вообще-то был послушным мальчиком. И воду деду носил из ключика, и картошку окупивал, от колорадских жуков спасал. Даже научился рамы стеклить.

В начале марта Ивуне обычно привозили дрова. Кузов самосвала опрокидывался, и толстые березовые и осиновые кругляки скатывались на землю.

Утрами подмораживало, и Ивуня с надеждой посматривал на внука, выжидая, когда ему придет желание взяться за топор. А Гриша медлил - не потому, что силенок не хватало, а по той простой причине, что колоть дрова ему казалось скучно.

Ивуня сие смекнул и в очередное морозное утро сам начал колоть. Поставив ряд кругляков, взмахивал колуном, и они рассыпались на четвертушки, казалось, без всяких усилий.

С часок трудился Ивуня. Вспотел. Отсырел даже лоб.

В какой-то момент на крыльечке появился Гриша. Увидел, как дед выбивается из последних сил. Устыдился. Перехватил колун из его рук. Довольный Ивуня сказал:

- Любая работа человеку к лицу. Сам император Николай Второй не гнушался дрова колоть.

В РОЛИ ГЕОГРАФА

Перед началом летних каникул учитель географии собрал ребят в классе: «К следующему учебному году вы должны представить мне подробное описание местных речек». Пояснил:

- Надо отыскать истоки и пройти вдоль берегов к устью. Обратите внимание на донные отложения. Взять образцы глины, песка, торфа, может быть, известняка. В отчетах рассказать о растительном и животном мире. Представленные материалы обработаем и сделаем первый выпуск журнала «Юный географ».

Гриша, явившись домой, рассказал деду о полученном задании. Ивуня за-

интересовался новостью. Пересчитал на пальцах речки, протекающие вблизи деревни. Кроме Офимкиной, выходило, что четыре речки.

- Которая тебе больше по нраву? - спросил внука.

- Пожалуй, Большая Микитиха.

- Речка баская!

- И ты пойдешь со мной?

- Придется пойти. От верховья до устья наберется с десяток верст. Да всё лесом. А в нем, слышно, не только волки, но и кабаны завелись. Тоже зверь опасный. В особенности кабаниха с детьми.

Ивуня - человек обстоятельный. Видавший виды рюкзак вытряс от накопившейся пыли и высушил на солнышке. А после позвал Гришу:

- Берем с собой связку баранок, чай, сахар, соль, перец, несколько луковиц, хлеб. Возможно, придется сварить грибницу аль уху. Смотря по обстоятельствам.

К истокам Большой Микитихи добирались несколько часов. Миновали осек, чью-то запущенную пожню и долго куликали по едва заметной тропе. Пересекли пологий холм, за которым начиналась низина, сплошь заросшая молочаем. По своим очертяниям походила на округлую впадину. Очевидно, давным-давно на месте ее плескалось озерко. Отсюда и брала свое начало Большая Микитиха.

Пока Ивуня разводил костерок, чтобы приготовить чай, Гриша старательно набрасывал в блокноте контуры впадины. Закончив рисунок, черкнул: «Начало Микитихи».

После чаепития пустились вдоль ручейка. Говорливая струйка то скрывалась в траве, то показывалась на солнце. Они спустились по течению примерно на три версты, пока не уперлись в высокий правый берег. Становилось жарко, и Ивуня предложил передохнуть. Гриша кивнул, но устраиваться с дедом в тенечке не захотел. Его внимание привлек огромный валун неподалеку от обрыва, наполовину ушедший в землю.

Гриша взобрался на крутояр. Такого камня он еще нигде не встречал. На глазок

определил, что в диаметре валун достигал не менее четырех метров и возвышался над землей примерно на столько же метров. Взобраться на него не смог - камень был почти отвесен.

Фотоаппарата у Гриши не имелось. Пришлось ограничиться опять же рисунком.

Возвратившись к деду, не удержался:

- А еще есть ли поблизости такие валуны?

- Есть. Только помельче.

- След от ледника, - уверенно определил Гриша.

Ивуня вопросительно глянул на внука. И Гриша пояснил:

- Наш географ на уроке рассказывал, что когда-то на Земле было великое похолодание. Льды при таянии сползли к югу, ташили за собой, что попадало на пути, в том числе - огромные валуны.

Ивуня поглядел из-под ладошки на солнце и определил время:

- Около четырех. Пора в путь!

Оба берега то сужались, то раздвигались. Попадались супесчаные осыпи с галечником или чисто глинистые. Глинистые были разного цвета: голубо-белые, совсем голубые или же оранжево-красные.

Гриша попросил деда выстрогать небольшую лопаточку и, пользуясь ею, брал образцы глин в целлофановые пакетики.

Если Гриша обращал внимание на структуру береговых отложений и отмечал в своем блокноте причудливые повороты речки, то Ивуня приглядывался к соснычкам, березовым рошицам и зарослям ольхи. В нем просыпался азарт грибника. Не единожды становился на колени перед табунком белых грибов или ядреных рыжиков.

Гриша изрядно опередил своего спутника, но вот остановился перед осевшей насыпью, пересекавшей Микитиху. С полной корзиной через полчаса показался Ивуня, на ходу бросал:

- До реки осталось четыре версты. Дело к вечеру. Предлагаю расположиться здесь до утренней зорьки.

- Согласен, - кивнул Гриша.

Соорудили шалашик, укрыв сверху широкими лапаками. Рядышком развели костерок и принялись варить грибницу.

- Дедушка, что это за насыпь? - любопытствовал Гриша, растянувшись возле шалашика.

Ивуня, почистив картошку и опустив в закипающий котелок, ответил:

- Остатки мельничной плотины. До войны и после нее на мельницу съезжались со всей округи. И я бывал. Даже приходилось ночевать, если накапливалось много помольщиков. А пруд-то какой был! Красавец. Кроме хариуса, водились щуки, окуни, налимы, гнездились перелетные утки. На берегах пруда росли сочные травы. В засушливое лето они спасали колхозный скот от бескормицы. От пруда народу была великая польза.

- Так зачем же бросили мельницу? - озадаченно спросил Гриша.

- «Перестройщики» нашу руку приложили, когда начали переселять насильно мелкие деревни на центральную колхозную усадьбу. Долго тебе объяснять, кто такие «перестройщики». Подрастешь - поймешь.

Ивуня горько вздохнул. А вокруг было хорошо и приятно. Казалось, никаких трагедий не совершалось на этой земле, обезлюдевшей за последнее столетие.

Отведав ароматной грибницы, Гриша нырнул в шалаш и мигом заснул.

А Ивуня еще сидел возле потухшего костерка, вслушиваясь в наступающую ночь.

Вынырнула из неведомых глубин звездочка, другая... Маленько посвежело. Завитушки тумана обвешали кусты, вздымались к верхушкам деревьев, обволакивая ложе бывшего пруда.

Ивуня никогда не впадал в отвлеченность, но тут ему почему-то пришло в голову, что Большая Микитиха - такое же живое существо, как и человек. И, как живое существо, испытала на своем веку всякое: и хорошее, и худое. Такое неожиданное откровение ошеломило его, и он решил при первом же удобном случае поделиться с внуком.

* * *

Гриша проснулся от знобкой зорьки. Как и вчера, у входа в шалашик потрескивал костерок. Почти без дыма, набравший жар от сухих ольховых сучьев.

Ивуня уже умылся у небольшой курпажинки. Снял обуток и забрел в воду, наслаждаясь тем, как отходят затекшие за ночь ноги, как начинает пульсировать каждая жилка. Кончики пальцев ощущали нежное покусывание голянов, но не заметил хариусов. Не потому, что они отличались осторожностью, а потому, что ушли из речки, поскольку омуты замыло, занесло песком вследствие варварских вырубок.

Позавтракав, присыпав тлеющие угольки землицей, путешественники покинули место ночлега.

Микитиха вывела их в заброшенное поле. За ним виднелась деревенька. Ни один дымок не поднимался над избами.

- Нежилая. Как колхоз рухнул, разбежались кто куда, - пробормотал Ивуня.

Гриша мельком взглянул на деревню. Его внимание привлекла выемка на правом берегу, похожая на траншею, а в ней - ямы. Глина одного цвета - красная, почти без всяких примесей.

- Отсюда глину брали фоминские гончары, - сказал Ивуня.

Он махнул в сторону покинутой деревни:

- Почти в каждой семье имелись мастера. Нередко - женщины и девушки. На гончарных кругах под умелыми руками рождались кринки, плошки, кувшины, блюда, солоницы, кружки. Посуда шла нарасхват.

* * *

За неделю до начала нового учебного года Гриша засел за составление отчета. На самодельную карту нанес очертания Большой Микитихи от истока до устья. Указал места выхода глины, песка, торфа. Не забыл упомянуть о флоре и фауне в долине речки. Правда, о зверюшках и птицах - со слов Ивуни. Отчет увенчал гербарием.

В конце сентября учитель географии сообщил о результатах летнего задания. Подробно разобрал каждый отчет.

- Что касается лучшей работы, то я бы первое место отдал Грише, - подытожил учитель.

- Мне помогал дед, - не удержался Гриша.

- Передай ему мою благодарность.

Уж очень пришлось по сердцу благодарность учителя Ивуне, которому в трудные годы довелось поучиться лишь в начальной школе.

С той поры старого да малого водой не разольешь.

ЛЮБЯТ ЧИСТУЮ ВОДУ

К концу лета река мелела.

- А знаешь ли ты, какая раньше река была? Глубокая! Весь май, пока держались вешние воды, по ней самоходные баржи ходили. Жаль, кануло то горячее времечко, - вздохнул Ивуня.

- Дедко, а много ли рыбы в реке водилось? - спросил Гриша.

- Во множестве, иной раз ловили даже стерлядь. А любители полакомиться раками брали только тех, кто покрупнее.

Ивуня опустил босые ноги в воду. Взгляд его упирался в противоположный берег, где на краю, вцепившись в землю, стояли несколько старых сосен - всё, что осталось от некогда красивого бора.

- Под тем берегом и я ловил раков, - промолвил Ивуня.

- Может, и мне сейчас попробовать? - предложил Гриша.

- Ничего не выйдет. Раки любят глубокую воду и, когда она становится грязной, уходят.

Ивуня выдернул босые ноги из воды. На коже осталась едва заметная пленка - след от мазута.

ЕДВА НЕ ЗАПЛАКАЛ

Каждый раз бывая на Животовском озере, Ивуня с болью в душе замечал, что оно с каждым годом мелеет и зарастает. Исчезли заливчики, а середину озера почти сплошь закрыли кувшинки.

Не было никому дела до озера, и только весной появлялись на его берегах люди, перегораживая сетями путь идущей на нерест рыбе.

Ивуня сети не ставил, ловил удочкой. Когда поплавок недолго замирал, Ивуня погружался в дрему. Вот и в этот раз Ивуню сморило, но он чутко улавливал посторонние звуки.

Чу! Словно легонько возле уха ударили ладошкой. Ивуня открыл глаза и увидел какое-то животное. Сперва подумал, что ондатра, но, приглядевшись, понял, что вовсе не ондатра, а самый настоящий бобр. Он безбоязненно глянул на человека и нырнул. У берега качнулись кувшинки, и все замерло. Закончив рыбалку, Ивуня отправился вдоль озера по едва заметной тропе. И тут заметил несколько поваленных осин вершинами к воде. Конечно же, это была работа бобров, ни в чем не уступающих опытным вальщикам.

Шел Ивуня домой с уверенностью, что новоселы-бобры преобразят любимое озеро, когда примутся за постройку плотины. Для хозяйственных нужд возведут обязательно.

А какие они искусные строители, Ивуня знал не понаслышке, однажды побывав в Кемском краю на таежной речке. Плотина поразила его своими размерами и добротностью. Однако бобровую плотину на Животовском озере Ивуне увидеть не удалось. Никак не мог он предположить, что сыщутся негодяи и поднимут руку на трудолюбивых животных.

После Троицына дня - деревенского праздника, дабы проветрить голову, ступил Ивуня на лесную дорогу, ведущую к озеру. Совсем недавно прошел дождь с грозой, и воздух еще не потерял озоновой свежести. Отмякли после ливня деревья и кусты, и от набухшей коры одновременно пахло сладко и горько. Вода уже ушла с дороги, оставив после себя причудливые наносы прошлогодней опавшей хвойной иглы. Висела мгла. А над лесом, где залегли болотца, она вздымалась кверху, как дым от большого костра. Ивуня с

наслаждением вдыхал целебный воздух, и ноги, казалось, не знали усталости. Промелькнула поженка, и дорога устремилась на возвышенный правый берег старицы. Сквозь листву мелькала парная гладь озера. Повернув на знакомую тропу, Ивуня сразу же заметил, что по ней кто-то проходил. О том свидетельствовали согнутые, примятые ветви ивовой поросли, срубленные деревца, мешавшие проходу.

Ивуня прибавил шаг, охваченный недобрый предчувствием. На том самом месте, где он сидел с удочкой в момент встречи с бобром, меж кувшинок лежал плотик, наспех связанный из неокоренных сосновых вершин. У кромки воды лежала ржавая фляга, в которой обычно возят молоко с фермы. От нее густо несло соляжкой. Тут же валялись лопата со сломанным черенком и длинный железный прут.

Ивуня перевел дыхание и остановился. Понял, что опоздал.

Браконьеры были с опытом. Им удалось точно определить местонахождение бобровой хатки, раскопать ее сверху и с помощью соляжки вынудить зверьков покинуть ее. А на воде уже не составило никакого труда их убить.

Ивуня сел на траву и едва не заплакал.

САМ СЕБЕ ДОКТОР

Ивуня, будучи парнем, на весеннем сплаве настудил ноги. Со временем болезнь отступила, и он даже благополучно отслужил в армии.

Но годы шли, Ивуня постарел, стал дедушкой. И вот к непогоде опять начала сказываться давнишняя немочь. Не однажды бывал на медпункте у фельдшерицы, на приеме в поликлинике, а толку почти никакого. И решил Ивуня заняться самолечением, вспомнив советы бабушки-дедуньи.

Под вечер я пришел к Ивуне напомнить, не забыл ли он своего обещания записать в мою тетрадочку названия дальних сенокосных угодий.

- Не забыл, - успокоил Ивуня, просеивая через решето сухую красную глину.

Я углубился в тетрадочку и поразились глубиной душевной народной речи. Вот прозвища этих сенокосных угодий: Летяги, Микишкин ложок, Верхотина, Зяблуха, Чируха, Васина чаша, Погудалица...

- Для забавы или для науки? - подковырнул Ивуня.

- Для тех, кто будет после нас, чтобы не забывали родных мест и красоту родного языка.

- Это так. Ныне свою бабуку, как припекло, так и вспомнил. Ноженьки мои простудные захлябали.

- Знать, не даром за глину взялся?

Ивуня повернулся ко мне и рядышком поставил таз с просеянной глиной.

- Гришуня мой баньку подтапливает. А как вода в котле прогреется, размещу в ней глину до сметанного вида и учну лечиться.

Я изумленно глянул на старика. И дед охотно разъяснил:

- Глина пользительна человеку. Вот, к примеру, детки едва встанут на ножки - и прямиком к печке. Со всех сторон обкормают. Глинку, стало быть, требует организм для дальнейшего развития.

Тут Ивуня прервал себя. Гриша принес ему ведро подогретой воды.

- Лей помаленьку, - велел Ивуня, принимаясь месить глину.

Получился нежный маслянистый раствор - не густой и не жидкий.

- В самый раз, - одобрил Ивуня.

Перед сном он наложил на больные суставы повязки с глиной. Конечно, эту процедуру проделал не раз. Через неделю Ивуня ходил без палочки.

УРОКИ ЧИСТОПИСАНИЯ

Ивуня закончил всего четыре класса сельской школы. С одеждой было скудно, а с обувкой - и того хуже. Бегал в школу в лапоточках. А к учению Ивуня был прилежен. Докукой считал лишь чистописание. А между тем уроки чистописания в те времена, теперь уже далекие, не относились к разряду второстепенных, о чем свидетельствовал хотя бы тот факт, что тетради

в косую линейку не выдавались на дом, а хранились в шкафу у учительницы.

Красиво и чисто писать учила Раиса Николаевна, когда-то окончившая гимназию и с тех пор сохранившая самое уважительное отношение к письму.

Перед тем как начинать урок, она непременно напоминала, как правильно держать ручку, не торопиться, не отвлекаться. И, Боже упаси, - посадить кляксу!

Иным ученикам чистописание давалось легко. А Ивуня сердито пыхтел. Огрубевшие от ранней работы пальцы не ощущали в полной мере ручку. Буквы шли вкось. Уж чего только не предпринимала учительница Раиса Николаевна, чтобы Ивуня прилично писал! И журила. И ободряла.

Переломный момент наступил накануне Нового года, когда Ивуня получил по чистописанию долгожданную четверку. Четверка запомнилась ему еще и тем, что в подарок за старание он получил от учительницы валенки. Они были великоваты, но Ивуня сиял от восторга.

ГОРБУШКА ХЛЕБА

- В последнюю военную весну пахали на быках, поскольку почти всех лошадей забрали на фронт, - сказал Ивуня внуку накануне Дня Победы.

В войне Ивуня не участвовал по малолетству, но в колхозе трудился наравне со взрослыми, главным образом - в поле. Это уже потом подался в леспромхоз от великой нужды.

На улице припекало. От тополей несло пряным духом налитых почек, готовых развернуться первозданным листом. Земля дышала и, казалось, вместе с сиреновой дымкой поднималась в небо.

- Скоро хлеборобы выедут в поле, - определил Ивуня, разминая пальцами влажновато-теплый комочек. По праздничному приоделся, собираясь в школу, когда его пригласили как ветерана труда выступить перед ребятами.

Около школы было разбито несколько березовых аллей вперемежку с кустами

акаций. Аккуратная, чистая дорожка вела к крылечку. Шагая по ней, Ивуня приметил скамеечку, а так как в классах еще не закончились уроки, решил посидеть. Присаживаясь на краешек скамейки, увидел возле нее горбушку булки. Она уже очерствела и от лежания на земле почернела.

Ивуня бережно поднял горбушечку и положил в карман пиджака. Пробудилась грустная мысль: «Не берегут ребятки нынче хлеб...»

В конце своего выступления в актовом зале, когда его рассказ был выслушан с интересом, ответив на множество вопросов, Ивуня вспомнил о горбушке хлеба и достал ее из кармана.

- Давеча подобрал на земле. Может, кому-то покажется это мелочью, не заслуживающей внимания, но в военное и послевоенное лихолетье такой горбушке цены не было. От нее, ребята, зависело, быть тебе живу или нет. Так не забывайте мудрую пословицу: «Хлеб - всему голова».

НЕОБЫЧНАЯ НАЖИВКА

Рыба - не в пример прошлым временам - стала разборчива. То червя ей подавай, то кузнечика, или паута, или закорыша... Собираясь на Селивановское плесо, Гриша взял с собою баночку с живыми колорадскими жуками.

- Не все ботву есть. Может, и сами на прикорм рыбам сгодитесь? - загадал Гриша.

По холодку потопал знакомой дорогой. Над далеким лесом едва просвечивала заря. Как кружевная шаль, осыпанная серебряной росой. Испаряясь, роса придавала шали лимонный оттенок, погода - чуть красный, а затем уж - медвяно-красный. И, наконец, над бором выплывал огненный шар. Он висел настолько низко, что сосны почти касались его и готовы были вот-вот вспыхнуть. Но подобного, как всегда, не происходило. Огненный шар вспыхивал изнутри, даря земле благодатное тепло, от которого пробуждались птицы и звери, поднимались со своего ложа цветы и травы. А

Гришу восходящее светило заставляло торопиться к любимому плесу. Скатываясь с обрыва, он нечаянно обронил в воду припасенных червей-выползков. Конечно, можно было восполнить потерю. Но терять драгоценное время не хотелось. Гуляла рыба на воде - заманчиво расходились круги.

Гриша вспомнил про колорадских жуков. Насадил на крючок пару штук и сделал заброс, сомневаясь в удаче. И надо же! Когда с крючка снимал увесистого голавля, долго не мог прийти в себя от удивления.

ЖЕЛОБОК

Забрела к Ивуне бабка Настя. Перекрестилась в красный угол на иконы и почти жалобно пропела:

- Выручай бедную старушку, Ивунюшка!

Было предвесенье. С крыш капало. Особенно сильно - в ополдень. Снег подтаивал и рушился вниз. Хорошо, если не на голову.

- Великое неудобство, Ивунюшка. Только очищу тротуар, а на другой день опять берусь за лопату. Устала, да и сил нету. Помоги как-нибудь.

Ивуня оделся:

- Пойдем, гляну на твою крышу.

Глянул и сказал:

- Надоть подождать. Как просохнет, излажу желоб.

К концу апреля установилась сухая, немного ветреная погода. И Ивуня принялся мастерить снегозадерживающий желоб. С виду - как обычный. По краям досок Ивуня пропилил ручной пилой отверстия, чтобы впоследствии, при таянии снега, вода могла найти выход.

Приколотил желоб по всей длине крыши кверху горбом. На следующую весну снег не рушился на тротуар, и лопата Насте не понадобилась.

Спасательный желобок, да и только!

РЕШЕТО

В августе удлинились ночи и стали темнее. Звезды сияли на небе - таинствен-

но и жутко. Однажды такой ночью Ивуня постучался через стенку в соседнюю комнату, где спал Гриша.

- Ты не дремлешь вроде? - негромко спросил.

- Читаю.

- Лучше погляди в окошко. Звездочки так и сыплют на землю.

Оба они, наспех одетые, вышли на крылечко, влажное от росы. Ивуня обмахнул полый пиджака скамейку, и они присели, оглядываясь в бездонную чернь, унизанную яркими звездами. Среди них Гриша легко угадал Большую и Малую Медведицы.

- В такую же точно ночь я возвращался домой со станции Шарья. Позади остались сто с лишним километров. Очень устал и подумывал перемочься до первой попавшейся деревеньки. Только подумал о том, как при очередной вспышке мелькнувшей звезды увидел перед собой решето. Я оторопел! Почему оно вдруг оказалось передо мной? - тут Ивуня прервал себя, зорко глядя - не упадет ли вблизи золотой осколочек величиной с булавочную головку. Звездопад то затихал, то вновь оживал. То над заречным бором, то над лугами в Собиных, то над полем.

- Для чего, дедуня, мне об этом рассказываешь? - поинтересовался Гриша.

- Чтобы ты знал, что в природе и в жизни многое нам не понять. Я так вначале и не понял, откуда решето появилось. Закралась в грудь тревога: дома что-то неладно. И верно - ступил через порог, а мать на лавке лежит, стонет... Глянул мельком в куть, где решето всегда на гвоздике висело, а решета нет...

ИВУНЯ ПИШЕТ В ГАЗЕТУ

То давняя история, которую при случае Ивуня нет-нет да и вспомнит. Ивуня никак не ожидал, что его зачислят в славную когорту селькоров, то есть в сельские корреспонденты местной газеты.

А началось с того, что к Ивуне зашел сосед Степан. Стянул с себя в сенцах заляпанные сапоги и за чашкой чая начал такую речь:

- Глуха к нашим просьбам власть. Уж сколь раз просил сельсовет, чтобы починили мост через речку. Совсем прохудился. Говорят, какая-то старушка провалилась сквозь гнилые доски. Хорошо, что не уходила в речке.

Ивуня поинтересовался:

- Может, собственными силами управимся? Был бы материал.

- Нет, двоим не осилить. Кишка тонка.

Степан покрутил седой головой. И вдруг глаза его загорелись. Он даже пристал со скамейки:

- Пиши в газету. Ты говорить мастер и, стало быть, излагать мысли на бумаге сможешь.

Теперь Ивуне пришлось покачать головой. А Степан настаивал:

- Принесу цельную тетрадь и ручку-самописку.

Несколько вечеров корпел за столом Ивуня, а после переписывал набело. Пригодились давние уроки чистописания. Строчки ложились ровные, красивые.

С облегчением опустил письмо в почтовый ящик, очень сомневаясь, что оно будет опубликовано в газете.

Заметка появилась. Без единой правки, разве что знаки препинания были расставлены, где полагается. На выступление в газете в сельсовете среагировали и к сельской поре мост через речку отремонтировали.

В конце осени Ивуня получил от редакции приглашение принять участие в районном слете рабкоров.

После доклада, как полагается, стали отмечать лучшие материалы. Прозвучала и фамилия Ивуни. Вручая Почетную грамоту и денежную премию, редактор выразил уверенность:

- Товарищ Ивуня, редакция надеется на дальнейшее с вами сотрудничество.

ОЗОРНИК

У ветра, как у человека, свой характер. Осенью печально бродит в осиновых рошах, как бы ненароком спихивая с дорожек опавшую листву. Зимой сердито подвывает в печную трубу. Пуржит, заметая дорогу к дому. А весной смягчает.

На пару с солнышком греет всё живое. А однажды довелось увидеть, как он гонял по улице ничего не подозревавших кур. В самый полдень они лениво порхались в песке, стараясь устроиться поудобнее. И тут, откуда ни возьмись, подул ветер. Как оглашенный мотоциклист, пронесся вдоль улицы. Кур разнесло в разные стороны. А вслед гордому петуху закувыркалась разноцветная футболка, сорванная с белой веревки.

- Озорник! - воскликнул Гриша.

- Перед суховеем, - заметил Ивуня.

Прав оказался. Вечером далеко-далеко в черной туче жгли молнии, но дождь не пришел.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

Ивуню нередко называли предсказателем. В сенокосную пору еще с вечера иные бабоньки спрашивали:

- Ивуня, что молвишь насчет завтрашней погоды?

Ивуня с лукавством прищуривал один глаз и отвечал:

- Всё от вас зависит.

- Как так? - бабоньки перешептывались, потом догадывались. - Ладно уж. По зорьке мokrоть разводите с крыльца воздержимся.

И снова подступались:

- Косить или грести советуешь?

Ивуня поглядывал на небо. Солнышко село в чисть. А перед тем облака были перистые. И петух задиристо пел. И воробьи не копошились в песке. Стало быть, одно соображение - загребать.

Окончание в следующем номере.

Мост

**Станислав
МИШНЁВ**

Станислав Михайлович Мишнёв живет там, где родился в 1948 году и вырос, - в деревне Старый Двор Тарногского района.

Член Союза писателей России, автор нескольких книг, публикаций в различных литературных журналах. «Вологодский ЛАД» публикует прозу тарногского писателя с первого номера в 2006 году.

*Бабушка сказывала:
«Человек уже в чреве грешен.
Сидит себе, сжавшись
комочком, а ручки к себе,
к себе гребут».*

Поздняя осень.

Что в такую пору делают грачи? Правильно: улетают. А то - с голоду никто помирать не хочет. На пятьдесят верст в округе поля двадцать лет не пахутся.

Метеорологи страшат ветрами. Главный из них - близко не подходи, в гневе «Трёх богатырей» раскатает, копыта их коней за кордон побросает... Вышел ночью на улицу покурить, глянул в небо, а там... будто на днях выборы депутата в Госдуму! Несутся пенистые облака, луну-проказницу хлещет разлютовавшийся ветер-свистень, луна и так, и сяк юлит, желтоватым обмылком выскальзывает из тучек; поклонявил метеоролог палец, под ветер поднял - не к добру! Так утром и предостерёг всех.

Крепкой стеной стояла дурная трава, а вот на глазах стала редеть, скрипеть и валиться. По утрам под крышами присмиревших изб, над выстеганными ветрами дорогами копошится тягучий сумрак.

На пологом кургане, щедро обросшем многолетней крапивой и лопухами, работает, в одной клетчатой рубахе, человек. Фуфайка лежит рядом. Фуфайка новая. Человек долбит ломом землю, отломанные глыбы откатывает лопатой.

С басовым ворчанием пролетает мимо вертолёт. Винт вертолёта, кажется, стрижет подшерсток с серой, в подпалинах, шкуры. Человек задрал голову и держал её так, запрокинув, словно пил срубаемую винтом сырость. Не было в голове человека судорожного теснения, мол, куда да зачем летит вертолёт. «Шишку какую-то везут», - вот и весь ответ.

Работника зовут Кутькин. Сегодня ему семьдесят лет. В семьдесят в сельской

местности мужика уважительно называют по имени-отчеству, а то и просто по отчеству, но отчество Кутькину «не прижилось», и виной тому один уполномоченный с фамилией Лёха. Телефон был один на весь колхоз, и тот под замком в конторе. Семь километров стрелой летел молодой, счастливый, радостный и босой отец Лёшка Кутькин в колхозную контору - жена рожала в районной больнице, дело было в воскресенье, - надо позвонить, жене сказать добрые слова. К уборщице сбегал, уговорил дать ключ, клятвенно заверил, что счета со стола главной бухгалтерши не украдёт. Смотрит на телефон, насмеливается, как бы чего лишнего не брякнуть, а спросить так культурно, свободно, - тут телефон возьми и зазвони. Он трубку поднимает, с другого конца сварливый лай: «Кто со мной говорит?» - «Лёха Кутькин», - отвечает. «Это я - Лёха! Уполномоченный областной заготконторы Лёха. Где председатель колхоза?» - «Помилуйте, откуда я знаю где. Я в больницу звоню. Жена парня родила!» - «Какое мне дело до твоей жены? Председатель где? Сейчас же!.. Одна нога здесь, другая там!» - «Да почему я знаю? А ты чего на меня орёшь, крендель?» Слово за слово, и обложил Кутькин уполномоченного трёхэтажным матом. А ведь какая была хлещущая через край радость от рождения сына, радость от ощущения любовной связи с малюсеньким комочком, радость от связи с дождём, небом, всем необъятным живым миром! Участковый набегал, хулиган Кутькин смутился духом, вину за собой признал полностью, и умыкнули его в КПЗ на десять суток дрова колотить для той самой больницы, где жена первенца рожала. Десять дней колуном заглаживал промашку колхозного ветфельдшера: не отчитался перед надзорными органами, по какой причине не содрали шкуры с околешших зимой четырёх бычков. С той поры Кутькин ничего общего с «придурками типа Лёхи из заготконторы» иметь не желает. Своя шкура дороже. Так всему обществу и заявил: зовите меня только по фамилии! Пусть фамилия некрасивая, да какой отец

наградил, царствие ему небесное, с той и жить буду! Семьдесят - дата тяжелая: у детей дети переженились, у всех детей и внуков проблемы с кошельками, у всех проблемы с жильём, у всех свои скакуны в голове, все всем недовольны. Дикие времена пошли, джунгли! Вздохом тяжелым никого не наднеси, обидишь. Осторожно так спросил прошлый год ближе к Михайлову дню старшую сноху: «Ленка замуж пошла, шуршит в казёнке куна-то?» Как взвилась сноха, как заревёт, как закричит истерично, что «старьё зажучило, не даёт молодым продыху жить по-людски!», думал - амба, insult размочалит сноху, а его инфаркт законопатит в гроб. Сегодня покорная жена и та забастовку учинила своему угнетённому мозгу:

- Сдыхать буду - в лавку не пойду!

- Папирос бы хоть... - попробовал усовестить жену.

- Вот и иди! Купи на голую рожу!

«Голая рожа» - товар под запись. Иные выбирают до заветного дня всю будущую пенсию, почтальонка принесёт денежки, поддержишь в руках - и со смертной тоской побредёшь в магазин отдавать долги. Отдавать, чтоб снова жить «с поглядю».

Кутькин - высокий, сутулый, хмурый, длинное лицо в морщинах, с постоянным выражением озабоченности. Озабоченность кажущаяся: сорок восемь лет Кутькины проживают в добротной колхозной квартире, как в народе говорят, в готовый лапоть ступили, собачьей конуры не сколотили, детей ничему не научили. Четверо детей у Кутькиных, ни один дома не задержался, потому деревня как в обиде: если старую изгородь не подновлять, долго ли забор простоит? Лет сорок назад в поведении хмельного Кутькина просматривались повадки большого начальника. Просят его доярки то соломы бульдозером толкнуть поближе к воротам, то помочь теленка принять у коровы, а он, как уполномоченный Лёха, делает лицо каменным, деревянными словами вещает: «Нашли затычку». Но годы смяли прыть, теперь он по-мышьиному пискнет в сторону Кремля - и отвоевался: чья

кума хвостом чёрта играет, та и помело вышивает.

Ещё один штрих к портрету Кутькина: жена его незлобно зовёт «чернотропиком». Иногда рубаху можно стирать вместе с шей.

Где-то в этом кургане лежит тракторная телега с навозом. В каком году Кутькин оставил этот прицеп, не помнит, но помнит, что был он в тот день в хорошем настроении - кочегар дядя Вася сташил в магазин два мешка посуды, ещё - была лютая зима, ещё - того году голодный кабан забежал в раскрытые ворота фермы, и бабы с визгом бегали между коров: года два телега выстаивалась, потом он сам же завалил её навозом. Что говорить, при колхозах жили кучеряво. Дизельным топливом только что не умывались, дизельное масло в борозды тоннами сливали, а железа всякого везли и везли!.. В ходу были поговорки: «Не трясись, на Урале железа хватит! Колхоз не лаптями торгует!» Иные машины прямо в ящиках в металллом сдавали, избавлялись как от скверны. Кутькин «съел» три гусеничных трактора, своротил головку колесному трактору МТЗ, в реку опустил Т-40, перечислять всю угробленную технику - посевшей главной бухгалтерше не под силу.

Хороший утиль давно сдан. Наглый сосед квартиру дочери в райцентре за металллом купил. У Кутькина, как у большинства колхозников, «позднее зажигание». Годы понадобились, чтоб дошло, что от колхоза остались рожки да ножки, а он всё ждал чьего-то распоряжения, а когда хватился - вот и работает на перепревшем навозном кургане. Долбит ломом и удивляется умственному перевесу: столько добра лежит ничейного, а ведь начнут и навоз продавать, ещё как начнут!

Едет на самодельном открытом вездеходе вроде как охотник в черной шляпе. Должно быть, из городских. Из богатеньких, должно быть... Приворачивает к каторжанину Кутькину.

Сидит на сиденье тучный мужик, искося поглядывает на «стахановца». Сунул в рот сигарету, ловко зажег спичку, как-то

грациозно описал спичкой круг, сильно грассируя, задал вопрос:

- Това*ищ от*ыл местный Клондайк в чудском ку*гане? - И уж потом, обжигая пальцы, закурил.

Кутькин как очнулся от тягостного своего раздумья, поднял лицо, обелённое проступившей злостью, подозрительно спросил:

- Тебя не Лёхой зовут?

- Золото? - насмешливо переспросил охотник.

- Золото, золото. Давай тебе в машину насыплю.

- П*авильно сказал великий и ст*ашный гегемон демок*атии това*ищ Бульдозе*: «Надо избавиться от позо*оного слова «колхоз». Тепе*ь, това*ищ, *аботаете в своё полное удовольствие? И подгонять не надо?

- Ты кати себе! Гусь свинье не товарищ!

Кутькин сжал в руках лом.

- Вы, това*ищ с нек*асивой фамилией, под здешним мостом в *ечке на т*акто*е плавали. Мне бы глубину знать надо.

- Надо, дак иди и плавай!

- Мет*а полто*a? Меньше?

Охотник уехал.

От нахлынувшего огорчения Кутькин сел на фуфайку, похлопал по карманам - пусто, утром чудом нашел сунутый в щель окурок. «Сволочь картавая! Ишь, вши едучие! А какое твоё собачье дело, в какой я реке был?! Какая-то придурь вроде того Лёхи...»

Положил голову на подтянутые колени и сидел он так, в раздумье, уставившись на мёртвый скотный двор. Он видел сорванный ветром шифер с крыши; по всем бы хозяйским законам, надо на место сорванных листов положить новые, год за годом вода бежит по стенам, кирпич размокает и крошится.

С ломом на плече, с лопатой в руке Кутькин вертается домой. Порезал его «гад», в душу наплевал, иначе как гадом такого человека и назвать нельзя. Завтра он попробует ворошить курган, метра четыре «отъехав» от сегодняшнего шурфа. Кто знает, давно дело было, запомывал,

а может, до него прицеп свистнули? «Да тот же сосед, чтоб ему!..»

Дома за самоваром говорит жене, что мужик был на вездеходе, мост, видно, строить «плануют». Отхлебнул полстакана, посмотрел в пол и, отдуваясь, продолжил:

- Нет у нас порядка в стране. Да откуда ему быть?..

- Лес, видно, возить будут, - помедлив, делает предположение жена.

- Остатки вырубят, - соглашается Кутькин. - Городской. Слова говорит непрозорку.

На щеках и подбородке жены густая сеть разноцветных жилок образуют нечто вроде румянца, и от этого издали лицо кажется молодым и задорным.

- Нашёл городского, - хмыкает жена.

- Да то Витька, малый парень Павлы нашей. Ленина передразнивать мастак.

- Не похож.

- Он! В десятом классе школьный концерт был. Ты тогда поперёк полу в избе лежал. Нам председатель автобус давал. Уморушка! Витька выступал. Руки в бока упёр, рыльце с бородёнкой выладил. «Товарищ Ленин, умных бандитов привезли, грабили германский банк». - «К Дзе*жинскому, к Дзе*жинскому. Постойте, вы сказали - умных бандитов? Если вы вст*етили умного *усского, знайте, это не *усский». - «Товарищ Ленин, Дзержинский говорит, что германский банк - карман товарища Ленина». «Ну, батенька, с*азили! Я покажу этому железному истукану, где *аки зимуют. Г*абилы банк? Ге*манский банк?! *асст*елять! Немедленно! А почему они д*ожат? Немедленно напоите их го*ячим чаем! Неп*еменно го*ячим чаем! Потом немедленно *асст*елять!»

- Давай, Витька на врача учился-то. Павла всё хвалилась: «Ужо, всей деревней к нашему Витьке на приём пойдём».

- Витькину больницу закрыли, народу-то мало стало, изрусела деревня народом. Павла говорила, мол, устроился дорожником в нашем районе. У главы района правая рука.

- Любит эта Павла хвастнуть.

Весь вечер он пребывал в сладком, бездельном томлении. Жена сегодня не узнавала его. В прежние вечера развалится на диване перед телевизором - и брызжит, и брызжит, пускается в отвлеченные рассуждения, «когда ты и сон сморит, дьявола», - мечтает, зевая, жена. Попала Кутькину глаза серенькая книжонка, - жена её использует в качестве подставки под цветы, листает. Автор витиевато рисует сказы русского народа о семейной жизни своих предков, дивуется, как красиво да иронично сочинитель плетёт, будто черемуховую завертку к дровням в крещенский мороз свёртывает. Там автор: «...гляжу в окошко. Бабы воду у колодца набирают. Я ноги в окошко вытянул, они идут да валятся через мои ходули да меня нехорошо честят». Лежит хозяин на кровати поверх одеяла и примерно вспоминает: «А мы, друг ты мой, нынче по рыжики не ходим. Чего ноги мять. У меня, вон, одну ногу дрожь бьёт к непогоде, мозжит, зараза. Окошко открыл, ухватом подгрёб поближе к стене эдак с плетенуху боровиков, и знай себе чисти. Заросли поля лесом. Воду на коромыслах не носим, её на самодельных «тачанках» из колодца возим. Сгорела водочка от молнии три года назад. Столько бумаги исписано про эту водочку... Есть у нас под деревней мостик. Прежде, бывало, соберёмся с мужиками, покурим, смету утвердим - председатель с нами на равных, ориентир весеннего паводка «во-он выше тех кустов вода веком не поднималась», выдержим, дружно согласуем какой край покрепче делать...» Конец данной строчки Кутькин не закончил, поставил многоточие. Память откинула его в своё прошлое. Почему на один край моста клали лишнее бревно для крепости? Потому, что его, Кутькина, при бортовой качке валит на правый бок, при килевой - под правое колено кто-то шилом колет. Вовремя не обследовали досконально, вдруг полушарие правое у него тяжелее левого? Он всегда правый рычаг дергал чаще и сильнее и правой ноги не снимал с педали. «Ну, подышим - и за топоры. Летом реку петух перебредёт, портов не замочит,

ширина-то восемь аршин с четвертью. Упал мостик, царство ему... пускай водяное. Пять лет назад обещал один, потом обещали другие... мост надо, уважаемые господа. У вас, как у волка, одна песня: нет денег. Суший перекося: государство богатое, а власть бедная. При царе Косаре жили как за каменной стеной, а ты, друг ты мой, нашу демократию поколупал бы своим длинным и жёлтым, как восковая свеча, пальцем ...»

На другой день Кутькин рыл другой шурф. Зигзагом. Дерзкое упорство всегда украшает мужчину. Как-то разогнулся - мать честная! Три автобуса один за другим к скотному, без окон, без дверей, двору подруливают. Кутькин от неожиданности надсадно закашлялся и долго не мог остановиться. Крики, смех - разными цветами заалела и засеребрилась территория вокруг бывшей фермы. Запахло дымом. Автобусы привезли школьников. На длинной тычине поднимают флаги, слышны речи, гремит музыка. Прятаться Кутькину не с руки. И возраст не тот, и не преступник он какой-то.

И началось. Через заросли крапивы бегут к Кутькину парами девчонки и мальчишки, все кричат, что он теперь начальная точка, чтоб никуда не уходил, идут районные соревнования по ориентированию на местности. У каждого участника на спине и на груди пришиты номера. В руках компасы, маршрутные листы. Оказывается, все исчисляют азимут на Кутькина.

Кутькин стоял, курил, озирался, глядел, как разбегаются ребятишки кто в какую сторону, - большая часть к реке, в сторону бывшего моста. «И чего к мосту их несёт? Река в том месте чуть ли не в обратную сторону поворачивает. Интересно...» Сегодня, как по заказу, небесная твердь была необычайной чистоты, будто сотворённая из легкого прозрачного и синего инея. На небе млеет от счастья истекающий полумесяц. Вдруг за спиной он услышал шорох. Оглянулся - двое парнишек стоят по пояс в выкопанном им шурфе.

- Дед, ты Робинзон Крузо? - спросил остролицый с номером «б» на клетчатой курточке.

- Крузо, Крузо. Мне вчера четыреста лет исполнилось, - подмигивает парнишке Кутькин.

- Люди столько не живут, - усомнился крепыш в красной ветровке.

- Мало ты знаешь. Колхозники на картошке по пятьсот тянут. Ваши все разбежались, вы чего сачка давите?

- Успеем, - рассудительно сказал остролицый. - Дед, а ты чего ищешь? Клад? Меч Одина? У вас в деревне много было раскулаченных богатеев? Они здесь золото попрятали?

- А ну брысь отсюда!

«Богатеи! Учат их, учат... Кабы крепких мужиков о тридцатом годе не трянули, теплилась бы осень золотистыми стогами соломы, не крапива дол застила... Нет, это надо же! Чему и учат!»

Как потом узнал Кутькин, участникам соревнования надо было пройти девять контрольных пунктов на дистанции два километра.

Ветра нет. Флаги обвисли на тычине.

На месте сбора - непонятный шум, беготня. К Кутькину спешит молодая и статная женщина с тёмными гордыми бровями.

- Гражданин, гражданин... девочка не вернулась, Катя Белякова. Номер 21. Вы случайно не заметили?

- Вон вас сколько, где тут... двух любопытных ребятишек видел, отирались тут, а девочку... - развел руками Кутькин.

Женщина побежала обратно.

«Нашли где соревнования устраивать. Нет бы в лесу или на гладком наволоке, - опёршись на лопату, неодобрительно размышляет Кутькин. - И кому-то ведь такая дурь прикакнула, кто-то маршруты заранее прокинул... Им, видите ли, подавай пересеченную местность. Тут, не знаючи, можно в такую ямину угодить... А что, если девочка сбилась, придумала на другую сторону реки перебежать?» Кинул лопату, поспешил к бывшему мосту.

Несёт река болотные мутные воды. Клокочет вода. На месте, где некогда стоял мост, образовалась запруда из почерневших бревен и свай. Под запрудой, сказывают, яма глубиной метра три, хорошо клюют пескари. С несмолкаемым шорохом и хрустом облизывает волна покрытые белесым мелом сваи. Тут, если что, кричи не кричи, никто не услышит. Походил по берегу Кутькин, ничего такого подозрительного не обнаружил. Вдруг в молочной пене, бьющей из-под травы, между оглоданными топляками мелькнула как бы обшарпанная голова большой куклы. Бросился к самой воде, на колени упал - Матьер Божия! Торчит над колышущейся пеной девичья головка, шея и лицо в облепившем мусоре. В реку прыгнул - по самую грудь глубина, пробует как-то бревно разжать, чтобы девочку высвободить; шевелятся у девочки губы, хотят что-то сказать; смотрят на него глазки-лучики, искрятся эти лучики надеждой: дяденька, пожалуйста, пожалуйста!..

- Ты потерпи, потерпи, - просит Кутькин. - Я сейчас... немного...

Вроде расшатал нижнее по течению бревно, только бы за пошатнувшуюся девочку ухватиться, как волна обратно бревно на место сдвигает. Вдруг ноги нащупали на дне какую-то железку. Удача повернулась к Кутькину зыбким ликом. Окунулся, выташил лом, обросший ракушником, обрадовался.

- Сейчас-то я... только потерпи, держи голову над водой, держи!

Отжал бревно, ломом бревно застопорил, девочку на берег выташил. Лежит на жухлой траве как труп, ни рукой, ни ногой не шевельнёт. Девочка была не по годам крупная.

- Нести, золотая ты моя, мне тебя не унести, давай, давай, поднимайся... Через силу, а поднимайся. Ты сильная, я вижу, что сильная! Ты сегодня победила всех, ты смерть свою победила... Все баллы твои... Вот так, так... шажок, ещё шажок...

С большим трудом выкарабкались в крутой берег, а там уж народ бежит...

Мокрого, вздрагивающего, потерявшего кепку спасителя Кутькина оглаживает руками женщина с гордыми бровями, задыхается, благодарит, целует, приподнимаясь на носках сапог, в небритую щеку.

- К месту лом изладился... - неуверенно улыбается Кутьков, зажав под мышками ладони.

Вся его синюшная от холода натура переливается внутренним светом солнечной зари: какая честь! Продолжая умоляюще улыбаться, бормочет:

- Кабы не лом...

- Какой лом? Вы о чём?

- Стыдно говорить, было раз...

Несчастный случай с девочкой спутал все планы юных спортсменов. На организаторов соревнований напал страх. Палаток не ставили, укрытий от непогоды из подручных средств не делали, картошки на кострах не пекли.

О подвиге Кутькина писали в районной газете. Оказывается, Алексей Зиновьевич неплохо учился в школе, мечтал стать инженером, не вылезал из президиумов на колхозных собраниях, был наставником молодых трактористов, на соревнованиях по стрельбе из малокалиберной винтовки выбивал 90 из 100.

Да-ааа...

На деревне жгут табак пожилые мужики. Кто шиплет ус, кто беззастенчиво сморкается под ноги.

- Чужих учить - не своих, как поучились, так и ладно.

- Это что, я как помню, он из рогатки вынес стекло в кабинете у директора школы, сразу на сотню.

- Вот ведь как повернулось-то! Всё Кутькин был на подхвате, а тут - второй Матросов! А чего, дойди до нас - да каждый бы из нас, верно? Как только нас не гнут, а мы стоим! Интересно, одну грамоту дадут или к грамоте тысьчонку-другую на дно нишей потребительской корзины приклеят?

- Подтруниваем над властью, мужики, а она чья, власть-то, дядина?

- Да наша, наша! Ты взносы партийные кому нынче платишь?.. От богатой пищи

люди зубами сами себе могилу копают, а нынче, смотри, за один год продолжительность жизни на четыре года увеличили!

Женское сословие насчёт «героя» было прохладно. Утрами у колодца сортируются слухи, опровергать, что Кутькин не герой, никто не берётся; многозначительно понижаются голоса, точно кругом теснятся вражеские пеленгаторы, говорят отрывками:

- Место у моста... того, чёртово. В тот раз Кутькин был ни в одном глазу... Не-е, с мостом надо под Татьянину осыпь. Павлу надо... того - чтоб сама вникла и Витьку натолкала...

Прошла неделя. Осень напрягалась, вроде подслащивала день остатками тепла, а сама сдувала сырую изморозь с крыш ледяных погребов.

Маленькая, полненькая, раскрасневшаяся, суетливая продавщица местного магазина стреляет глазами по лицам покупателей, то кинет на прилавок одну вещь, то достаёт с полки другую - всё бабам кисло! У неё поминутно выпадают из-под платка русые прядки, она их толкает обратно и, нахмутив бровки, грозным голосом кричит на покупателей:

- Ну что, что, да очнитесь вы, всем охота в космос слетать?

На седьмую ночь внезапно закопошились звезды, огромная тишина призвала живую плоть к торжественной вежливости; невозмутимый сеятель достал из-за пазухи своё заветное решето, с нежностью качнул им раз через всю волость, сокровенно потрянул им два, и запорхали пернатые снежинки.

За эти дни Кутькин два раза ходил к бывшему мосту. Топтался на берегу, смотрел на воду. Его как тянуло ещё раз броситься в реку, ещё раз испытать себя.

В какую-то ночь Кутькин долго не мог заснуть. Всё вспоминал, как проходили колхозные собрания, как сидел он с попухой головой, силясь понять совершенную безнадежность выкладок в отчетах главного бухгалтера, а сон сгибал спину и клонил голову к долу. Постоянно сидевший рядом с ним кладовщик Трофимович,

бывало, выпускал лёгкий носовой свист... Но бывали собрания, когда взрывались десятки глоток и разом шум, сродни коровьему мычанию, вибрировал от потолка до пола. С собраний его кинуло на церковь: и чего нынче бабы потянулись молиться? Вот он скорее согласится умереть, чем попу рассказывать о своих грехах. Да ни в жизнь! «А почему?» - спросил сам себя. Подумал и ответил сам себе: «Потому как тяжело жил. Не поднять. Ведь утаю, не откроюсь! А поп прочитает утайку в моём лице, подумает: «Глупый старик притащился на исповедь», ничего не скажет, а мне обидно будет. Кто их знает, попа и Бога...» Думал, думал Кутькин, и вдруг его мысли остановились на покойном отце. Про пьяного что говорить - дурак был ещё тот, а вот трезвый... Ему хотелось хоть на самое короткое время перенестись в своё детство, приласкаться к этому вечно занятому работами человеку, приласкаться просто, по-детски, захотелось той чистой детской любви, которую редко вспоминают взрослые. Сесть бы к отцу на колени, обнять, поведать о своих открытиях... Пьяный отец всегда плакал. Слезы душили его, текли по щекам и попадали в рот. Он не мог говорить, он рыдал и грозился истребить мерзкий род людской. Старый сын сел на кровати, чувствуя в себе неподдельное волнение, и сидел так, а в голове родилась совсем глупая мысль, поразившая своим содержанием: «И почему именно я спас девочку? Почему это меня кинуло откапывать телегу с навозом? Ни годом раньше, ни днём позже. Интересно, однако. Ещё тот паразит гнусавый подъедать приезжал... Ты бы, тятя, меня похвалил теперь. Ей-богу, похвалил бы! Признаюсь тебе: худо я жил, бывало, по пьянке и в твой след ступал, и кочевряжился, и с народом был лют, да правду ты говорил, что в одном стремени не проехать через жизнь. Спасти довелось невинную детскую душу...»

Подошёл к окну, отодвинул штору, прижался лбом к стеклу.

«Два раза в жизни я был счастлив: когда бежал звонить в роддом и когда вы-

ташил девочку на берег... А прочая... ну что прочая? Отрепье, изорванное отрепье. Будто вода в ледостав. Дно её, воду-то, под себя уминает, блеснёт искорка на перекате и сгинет. Такого восторга не испытывал больше никогда. Семьдесят лет, жить-то осталось с гулькин нос. Всё бы, кажется, уже во мне остановилось, начало отмирать, хотел ещё телегу с навозом выкопать, а на кой она ляд сдалась мне эта телега? Посмешище! Вот вырвалась горячая струя прямо из-под сердца, про которую я и думать то забыл, согрела меня, разбередила мою совесть и... тятя, как на духу признаюсь: пристыдила меня».

Он передумал эти слова с каким-то странным ощущением свободы. Он как бы топтал свою серую жизнь, а желание продлить самоедство только усиливалось. Слабый голос откуда-то из далёкого тайника души сказал ему: «Перестань, а все не такие?» Он не хотел принимать защиту в свой адрес, потому повёл правой рукой,

как отодвигая невидимого адвоката. Да скажи ему раньше, мол, жил ты, Кутькин, как сорная трава при большой дороге, он бы сумел ответить обидчику, а теперь - руку пожал бы. Не сразу пожал бы, но пожал.

«Треплют в газете, мол, Кутькин совершил героический поступок, да какой поступок, тятя?.. Я предполагаю, что меня Бог намеренно берёт для этого часа. Для меня самого берёт. Дал он мне всего два дня испытать непомерную радость, соединил далёкий берег с близким одним мостом - я бегу в контору, мне надо услышать о продолжении рода моего, я бегу, бегу...»

За перегородкой закрипела кровать.

Кутькин всё стоял у окна, бесцельно глядя в темноту. Уж было хотел взять папиросы и идти к печке курить, - вот до чего ночные размышления доводят, да тяжело вздохнул и пошёл на свою кровать.

«Перестроечная» ЮНОСТЬ

Фрагмент повести

*Полон взгляд тихой боли и страха.
Что тебе я могу обещать?
На пространстве всеобщего краха
Обещаю любить и прощать.*

Владимир Костров

**Николай
УСТЮЖАНИН**

Николай Устюжанин - прозаик, автор повести и рассказов. Член Союза писателей России с 1999 года. Фрагмент повести «Моё советское детство» был опубликован в «Вологодском ЛАДЕ» № 2 за 2014 год. Печатал журнал такж рассказы Николая Устюжанина.

Есть прошлое, настоящее и будущее... Не успел произнести эти слова, как они растворились в прошлом. Настоящее неуловимо, будущее туманно, и очертания его слишком напоминают тени прошедших эпох. Да и зачем предугадывать жизнь? Её конец известен. Если и есть толк в фантазиях, то лишь как план сегодняшнего дня, перекинутый, словно временный мост, в будущее пространство.

Куда важнее понять: сохранится ли память в вечности? Ведь все дела сгорят, изменится земля, и ничто нечистое не войдёт в небесное царство. А память? В ней же есть всё... Разве можно забыть тёплое дыхание матери, бой курантов, первый поцелуй? Неужели мы не унесём с собой дорогие сердцу воспоминания? А потери, страдания и слёзы раскаяния тоже уйдут в небытие?

Меня терзает совесть. Не всё в ней прощено в раздумьях и в покаянии. И самой больной остаётся память о юности.

Думаю, что эта боль - не только моя...

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ

Город моего рождения и младенчества выплыл, словно из русской сказки: белые церкви гордо стояли рядом на высоком берегу реки Сухоны так же, как и в древние времена. Только здесь сохранилось это первозданное великолепие, - чуть позже я узнал, что подводы с динамитом, отправленные весной из Вологды в лихую годину, завязли в

непролазной грязи, и потом их вернули с полпути взрывать другие храмы, повалившиеся под горячую руку.

Быстроходная «Заря», примчавшая пассажиров из Котласа по стальной гледи Северной Двины, пришвартовалась к причалу, я вышел на берег и с опаской стал идти по деревянным мосткам улицы Водников. Между пристанью и речным училищем стоял бревенчатый дом, на втором этаже которого жили родственники: дядя Семён, сын директора Кобыльской школы Валентина Пантелеймоновича, брата моей бабушки, и его жена, тётя Лида.

Дядя Семён, как и его отец, работал учителем истории в школе неподалёку, а тётя Лида вела уроки домоводства. Всегда живые, весёлые, доброжелательные и доверчивые до наивности, они были известны всему городу не только как учителя, но и как лыжники-любители, путешествовавшие по таёжным лесам в любой мороз.

После радостных объятий у входа меня повели по лестнице в трёхкомнатную квартиру, до отказа заполненную книгами и чудесными мягкими игрушками.

За праздничным столом было твёрдо сказано, что конец августа и весь сентябрь я буду жить здесь, а в октябре их хороший знакомый, директор судостроительного завода Соколов, обещал выделить из личного резерва комнату в только что построенном семейном общежитии.

В тот же день, не откладывая, я позвонил в Великоустюгское педучилище. Меня, Юрия Суханова, там ждали.

Я вертел головой во все стороны, медленно шагая к училищу по Советскому проспекту - красота Великому Устюга была нереальной! Город издавна был купеческим, а потому каменным, и денег на его украшение никогда не жалели.

Педучилище оказалось бывшим домом главы Российско-американской компании Михаила Булдакова. На воротах меня встретили бронзовые львы,

а на входе - директор Инна Николаевна Петухова, властная и одновременно улыбчивая полноватая женщина в слишком больших очках и с буклей на голове, по моде сельских учительниц. Она провела меня по этажам, показала кабинеты, канцелярию, музей, где среди выпускных фотографий была и карточка маминой группы - её здесь помнили! Познакомили меня и с будущей наставницей, преподавателем русского языка и литературы Литовкиной, тоже Инной Николаевной. Примерно того же возраста, что и директриса, другая Инна Николаевна оказалась совсем на неё не похожей: сухонькая, сдержанная дама с бородавками на лице и жгучими черными бровями, под которыми серые глаза внимательно смотрели на меня. Показалось, что «литераторша» знакомилась излишне сухо, как будто была чем-то недовольна, но, может, только показалось... А вот преподаватель истории, Елена Ивановна Савченко, встретила меня особенно тепло. Она чем-то напоминала маму (была её давней подругой), это с её лёгкой руки я оказался здесь. Строгий и элегантный костюм ей очень шёл: Елена Ивановна выглядела безупречно. При всей официальности педагогического вида, душевные нотки в её речи звучали довольно заметно.

В учительской меня ждал сюрприз - в ней сидели недавно прибывшие по распределению девушки, выпускницы областных вузов. Познакомились мы стремительно, как и положено молодым. Меня тут же потащили на чай в служебное общежитие, соседнее здание с маленькими комнатами «на двоих» без удобств... Мне было искренне жаль девчонок, ещё не до конца представлявших, что их ждёт зимой, но... молодость беспечна, мила и восторженно встречает новое, неизвестное. У меня всё же за плечами был армейский опыт, и девушки интуитивно почувствовали, что я старше их не только по возрасту.

Среди юных и симпатичных учительниц выделялись две. Высокая строй-

ная, похожая на балерину кареглазая брюнетка с прической «каре» - преподавательница живописи Анна Юрьевна Петрова и немного сутуловатая, нескладная, но с особенным восторгом смотрящая на всё вокруг физичка Дарья Сергеевна Старых, подошедшая ко мне почти вплотную - вероятно, из-за близорукости.

Вскоре у нас оформили документы, а в бухгалтерии выдали талоны на масло и колбасу. Я с изумлением рассматривал бумаженные квадратики, держа их на ладони, - на Кубани ничего подобного не было! Север, оказывается, отличался от юга не только климатом...

С преподавателями-мужчинами столкнулся во время ремонта «своего» кабинета русского языка и литературы. Трудовик помогал мне сколачивать стенды, физрук, чинивший шведскую стенку в спортзале по соседству, тоже заходил в мастерскую, а два «музыканта», один из которых, Евгений Анатольевич Лобытов, подрабатывал в оркестре местного ресторана, пришли просто из любопытства. Все они, кроме Евгения Анатольевича, работали здесь не один год, были солидными отцами семейств, только почти все оказались небольшого роста. Мы с Евгением Анатольевичем выделялись на их фоне и поэтому негласно вступили в партию «завидных женихов».

30 августа в Доме культуры моим коллегам-выпускницам вручили, наконец, дипломы о высшем образовании - теперь «корочки» ждали молодых специалистов по месту распределения, а не в вузах, - я вспомнил, как два года назад многие из моих сокурсниц так и не доехали до Туркмении...

В тот же день на адрес училища пришла срочная телеграмма из Майкопа - меня вызывали в пединститут, на работу в должности ассистента кафедры русского языка. Я, не сомневаясь ни минуты, ответил отказом, поблагодарив декана, - русский язык не был моей мечтой.

Первого сентября в самом большом кабинете педагогического училища состоялось собрание коллектива. Нас, молодых преподавателей, поздравили со вторым днём рождения - первым рабочим днём в жизни, а потом мы разошлись по группам будущих воспитателей детских садов и учителей начальных классов.

В педучилище были перемешаны звания и названия: первокурсники именовались учащимися, преподавателей они величали по привычке учителями, а кабинеты и мы, и они называли классами, тем более что занятия проводились по школьной системе.

Я входил в только что отремонтированный и сверкавший свежей краской класс с волнением, спрятанным глубоко внутри. На мне сидел новый светло-серый костюм, конспект урока был скопирован с самой лучшей вузовской лекции, внешне я был спокоен, и учащиеся встретили меня уважительно, хотя на некоторых лицах светились иронические улыбки.

Лекцию я читал в полной тишине минут тридцать, затем девочки, по возрасту девятиклассницы, и единственный мальчик по имени Вася стали шуметь. Выяснилось, что устанавливать дисциплину я не умел, как ни старался, и ученики радостно сели мне на шею, свесив ноги. Остудил самоуверенность и диктант, проверяя который, я пропустил множество ошибок. Наставница Инна Николаевна сделала мне первую выволочку.

Впрочем, начальные мучения длились недолго, всего неделю. Меня вместе с группой «дошколят» отправили в совхоз.

Трудовой семестр мы проходили в совхозе «Октябрьский». Нас предупредили, что надо одеться теплее, взять сапоги и быть готовыми к любым неожиданностям. В автобусе, пока девчонки распевали песни, я впитывал картины природы, на лоне которой предстояло трудиться: сосновые леса в фиолетовой

дымке, редкие поля, фермы на угорах, дороги с ямами, заполненными грязной водой, и дожди, дожди, дожди...

Поселили нас в избе с русской печкой: работниц - в большой горнице, а меня - в комнате поменьше. Днём мы дёргали из раскисшей от ливней земли брюкву и свеклу, иногда убирали лён. Я трудился вместе со всеми. Когда среди льняных полос смолкали песни - бежал к кромке леса, где горели рябиновые гроздья, срывал северный виноград и, как мог, согривал души скужавших по дому девчонок.

Вечерами заходил в гости на девичью половину (Васю оставили в училище на подсобных работах). Телевизора и радио в комнате не было, поэтому девушки много читали. Я заметил в их руках прекрасно иллюстрированный «Лад» Василия Белова, сборники Ольги Фокиной, томик Тургенева... Тоненькая и трогательная девчушка с удивительной фамилией Золотая прочла наизусть стихотворение Фокиной «Подснежники». Я был тронут до сердечной глубины. Кто знает, тот поймёт моё состояние: стихотворение это не только эмоциональное, по объёму оно - целая поэма!

Вскоре последовала и «неожиданность»: поздно вечером в запертую дверь стали ломиться пьяные парни, желавшие познакомиться. Грохот и мат стоял такой, что я схватился за полено. После очередного удара дверь распахнулась, но воспользоваться «оружием» не пришлось - оказался начеку директор совхоза, примчавшийся на шум. Кулаками размером с брюкву он разметал непрошенных гостей на все четыре стороны...

Перед отъездом моя группа дала концерт в местном клубе. На танцах и произошло «примирение».

По возвращении студентам дали три дня на обустройство. Кто-то уже крепко обосновался в городе, а многие разъехались по деревням. Мне эти трое суток были нужны как воздух - предстояло новоселье в общежитии судостроительного завода на улице Щелкунова.

Вечером в комнате отдыха на первом этаже общежития, где поместился небольшой кинозал (месяц спустя я там смотрел только что вышедшую на экраны комедию «Любовь и голуби»), телевизор с радиолой и столы с подшивками газет, вручали ордера на жильё. Мне хлопали, но смотрели с недоумением - для рабочих семей я был совершенно незнакомым лицом. Директор завода, больше похожий на учителя, пожав руку и протянув ключи, наклонился ко мне и тихо произнёс, чуть улыбувшись: «Если женишься - добавлю большую соседнюю комнату!..» Я знал, что Соколов слов на ветер не бросает - авторитет его на заводе был невероятно высок. По рассказам родственников, он, инженер по призванию, стал руководителем и всё делал для работников, а сам жил с семьёй в обычной квартире и ездил на старом «Запорожце».

Комнатка на втором этаже оказалась очень уютной - комендант выделила новую мебель по моему вкусу: при входе - платяной шкаф с зеркалом, у окна - двухтумбовый лакированный письменный стол, слева - кровать, справа - полка для книг. Я купил квадратный обреза паласа тёмно-вишнёвого цвета и взял напрокат миниатюрный чёрно-белый телевизор «Сапфир». Я ликовал: всё было готово к приезду Маши!..

На переговоры вызвал в воскресенье - знал, что на выходных она всегда в Майкопе, а не в Хатукае. Ещё раз повторил заранее подготовленный восторженный текст, беря телефонную трубку, но сразу всё забыл, когда услышал сквозь потрескивания раздражённый голос:

- Юра, как ты мог отказаться от места на кафедре?!

- Но... Я хотел на кафедру литературы...

- А обо мне ты подумал?

- Да, я всё устроил... Когда ты приедешь?

- Ты наивный человек! Ну, куда я поеду? Из Майкопа в твой Устюг?

- Разве ты не в Хатукае?

- Нет, Юра, я теперь на кафедре, ты же отказался.

- Но ты обещала!..

- Я не приеду.

Разговор был окончен, а я всё стоял в будке и не уходил, не веря в происшедшее. Я был оглушён и убит даже не отказом Маши. От волнения я не совсем ясно понял смысл сказанного, но её голос всё объяснил...

Я шёл домой как в тумане. Купил бутылку водки, которую терпеть не мог, и нагло всем выпил в пустой и теперь совсем другой комнате, где мне предстояло жить одному...

Почти сразу я понял, что методикой владею только на уровне педагогической практики. Одних лекций было мало. Литовкина терпеливо объясняла, как строить урок, менять ритм, работать с учебником. Я решил добавить технику. Показывал диафильмы, диапозитивы, ставил на электрофон «Концертный» пластинки с занимательными уроками «Радионяни», но больше всего любил демонстрировать отрывки из кинофильмов по русской классике. Заправлял плёнку в КППШ (кинопроектор школьный) и «крутил» сцены из «Войны и мира». Смотрели в тишине, но как только бобина пустела - кошмар возобновлялся с удвоенной силой. Я ходил на занятия к обеим Иннам Николаевнам, к Елене Ивановне, - её уроки истории завораживали, но разборы моих педагогических потуг становились всё более критичными. Особенно не любил писать конспекты. «Зачем убивать на них столько времени, если и так всё помню!» - возмущался я, сидя дома за рабочим столом. А ведь меня ожидали ещё и две стопки с сочинениями и диктантами!.. Однажды пришёл без конспекта и «попался». После этого завуч, Виталий Михайлович Бурчевский, всегда жизнерадостный сангвиник, похожий на бодрого профессора из мультфильма, стал требовать план урока прямо с утра, как только заходил в учительскую. Я скрипел зубами, но вынужден был сидеть дома до двух часов

ночи. Выход нашёл позже: стал писать краткие конспекты по шаблону, а материал собирал отдельно. Удивительно, но приём сработал - Бурчевский был вполне доволен. И уроки по «Преступлению и наказанию» удались - сказались любовь к писателю и накопленный за три месяца опыт. Завуч был удивлён и всё повторял: «Надо же, они у вас говорят и даже спорят - у меня так не получалось». Литовкина же «разгромила» и этот урок...

Зато учительская была по преимуществу молодёжной! Мы общались как родные, шутили, обсуждали кинопремьеры (например, рязановский «Жестокий романс»), играли на спортплощадке, а потом и в зале в баскетбол и волейбол, ходили друг к другу в гости. Правда, на девушек смотрел только как на коллег - у меня всё выгорело внутри. Но из женского окружения иногда приходилось выходить с боями...

Ещё в первые дни я заметил, что физичка Дарья Старых всё время оказывается рядом - присаживается ко мне на профсоюзных и комсомольских собраниях, становится в пару у волейбольной сетки, подходит с подносом в столовой. После запланированного наставницей взаимопосещения уроков Дарья Сергеевна стала с восторгом рассказывать о физических явлениях и, взяв меня за руку, водила по своему кабинету. Непонятно как, но через некоторое время она оказалась у меня в гостях. Зимний тёмный вечер и чай с пирожными располагали к интимному общению, но на столе сбоку лежали непроверенные сочинения... Когда я, подав пальто, стал провожать Дарью Сергеевну, то, выходя из подъезда, краем глаза заметил, как две неразличимые в свете жёлтого фонаря фигуры метнулись в сторону... Спустила много лет я узнал, что «на стрёме» стояли подруги физички - смотрели на окно. Если бы погасло - взяли с поличным! Как говорится, «я был на грани провала»...

А вот в комнате Анны Юрьевны Петровой мне было спокойней. Жила она одна, тут же располагалась и ма-

стерская. Как ни зайдёшь - Анна то с кистью, то с карандашом в руках. Художественная натура была видна во всём: в цветовом оформлении жилья, в мебели (с блошиного рынка она притащила старинный стул и долго им любовалась), в одежде, в наблюдательности хозяйки. Пока соседки по преподавательскому общежитию заводили знакомства и болтали вечерами, Анна Юрьевна изучала городскую архитектуру, иконопись, посетила все музеи, особенно краеведческий, где хранились редкие «сухопутные» полотна Айвазовского.

Родом Петрова была из Костромы, она с придыханием рассказывала мне о любимых её уголках, о творческом духе тамошних художников. Из её картин можно было составить основательную выставку - работала она постоянно. Я не очень разбирался в живописи, но сразу почувствовал талант - в пейзажах и портретах угадывались мысль и настроение.

Пока Анна писала картины, откликаюсь на вопросы, я рассматривал художественные альбомы или её эскизы. Мне было хорошо, здесь я отдыхал душой.

Дома же бывало тоскливо, и не только из-за одиночества. Страна с жалостью смотрела, как еле живой Генеральный секретарь Константин Черненко, страдавший одышкой и всеми болезнями сразу, с трудом передвигался по избирательному участку, дрожащими ладонями просовывал бюллетень в урну и мучительно улыбался, глядя в камеру. И в мире длилась грустная осень... В октябре в Индии убили Индиру Ганди. Её сын Раджив плакал, глядя, как по индуистской традиции сжигают её тело, заваленное цветами. У меня защемило в сердце: я почувствовал, что он - не килец. Спустя семь лет смертница повесила на его шею цветочную гирлянду с взрывчаткой...

Так постепенно заканчивалась первая осень в Великом Устюге, наступил ноябрь, а потом и последний месяц года. 15 декабря, ужиная дома, я вдруг подумал, что уходящий 1984-й был ви-

сокосным, но ничего страшного в стране не произошло. «Повезло!» - заключил я, глядя на экран телевизора - там шёл репортаж о встрече самого молодого, но уже лысоватого члена ЦК Михаила Горбачёва с Маргарет Тэтчер. Премьер-министр Великобритании была довольна: «Мне нравится Горбачёв. Мы сможем иметь с ним дело...»

А 31 декабря ударил невиданный мороз - 50 градусов по Цельсию! Город оцепенел. Я изредка выходил на улицу в полушубке из искусственного меха, стараясь до него не дотрагиваться - искрило и потряхивало так, словно это было не статическое электричество, а ток из розетки. Новый, 1985 год встретили, прижавшись к батареям - холод схватил намертво. Веселье в телевизоре сменилось тревожным тоном дикторов: по всей стране выходили из строя отопительные системы, лопались трубы, останавливалось производство. Была образована Чрезвычайная комиссия во главе с Гейдаром Алиевым, кое-где пришлось радиаторы доставлять военно-транспортной авиацией. 3 января занятия отменили только в школах, к техникумам и училищам студенты и преподаватели чуть ли не бегом стартовали от автобусных остановок, чтобы окончательно не покрываться инеем. Зиму мы пережили с горем пополам, ждали весны.

Десятого марта умер Черненко. Председатель похоронной комиссии Горбачёв читал траурную речь с трибуны мавзолея, а мы старались получше разглядеть лицо вождя - всем было ясно, кто будет главным.

Уже 23 апреля на Пленуме ЦК Михаил Сергеевич поразил всех, выступив с «апрельскими тезисами» так, что заговорили вдруг хором и о перестройке, и об ускорении - что-то подобное ждали, не особенно надеясь, и вот это новое, долгожданное, наступило... Правда, не очень понятно было, какой будет эта перестройка, но Горбачёв излучал такую уверенность и был так энергичен, что в него поверили. Ещё бы! Говорил,

не спотыкаясь, без бумажки, да ещё к народу выходил из своего «членовоза», прямо в толпу!

Начался «медовый месяц» новоиспечённого генсека. Он летал по стране и миру, радостно о чём-то щебетал, и встречали его тоже с радостью, любуясь тем, как он двигается и говорит. После старых и смертельно больных Брежнева, Андропова и Черненко румяный Горбачёв казался почти идеалом.

Я следил за событиями с нетерпением, каждый вечер ровно в двадцать один час садился ужинать под знакомые с детства такты программы «Время». Как назло, сломался прокатный «Сапфир», и я купил уже личный телевизор - крохотную «Электронику-408Д» красного цвета.

Накануне сорокалетия Победы физрук предложил мне поучаствовать в забеге «Великий Устюг - Кичменгский Городок»... «Это же сотня километров!» - ужаснулся я, но он только рассмеялся: «Сами всё увидите, Юрий Васильевич».

Рано утром 9 мая возле непривычно пустого и тихого педучилища стояла хилая «группа здоровья» из трёх преподавателей, не сумевших отказаться от спортивного пригласения. Старый «ЛАЗ», стреляя едкими сизыми выхлопами, подъехал к крыльцу и со скрипом открыл ребристую дверцу. Мы поднялись в салон и обомлели: наш физрук и ещё несколько учителей физкультуры из городских школ мирно спали в мягких креслах, будто забыв о забеге. Только футболки и спортивные трусы свидетельствовали о предстоящем «мероприятии». Мы заняли свободные места, и автобус медленно, объезжая ямы на грунтовке, пополз в сторону трассы. Когда позади остался мост через Сухону, я стал переодеваться в узком проходе, оставив рюкзак на сиденье. Физрук, очнувшись, остановил меня: «Не надо... мы сами». Я удивился, но послушно вернулся на место.

За окном мелькали бронзовые стволы сосен и белёсые туловища искривлённых редких берёз - мы ехали довольно споро,

но никто из бегунов не шевелился. «Когда же начнётся забег?» - гадал я. Наконец двигатель умерил свой пыл, и автобус повернул налево. В окне сверкнул указатель: «Совхоз «Октябрьский». Видно, не только трудовая практика связывала его с училищем...

В километре от деревни мы остановились, спортсмены, зевая, вышли и сгрудились на обочине, ожидая ведущего. Физрук, достав из сумки факел, выскочил на дорогу и достал из кармана зажигалку. Через несколько секунд факельное шествие перетекло в бодрый забег по лужам - автобус плёлся сзади.

Оставшиеся пассажиры наблюдали действие каждый из своего окна: праздничная толпа с плакатами, ожидавшая колонну, как по команде загудела, когда ведущий приблизился к ней. Из глубины вышла девушка в клубном кокошнике и с караваем. Главный отщипнул кусок, пожевал и поднял факел как можно выше. Все захлопали и повернули головы в сторону леса - спортивная группа побежала назад. Минут через десять всё повторилось в обратном порядке, и догнавший спортсменов автобус погрузил их в салон и понёсся по асфальту к Кичменгскому Городку. Я развалился в кресле и заснул - последующие события были уже неинтересны.

16 мая вышел указ «Об усилении борьбы с пьянством». К прежним талонам добавили ещё и «водочные». Единственный магазин в городе, где горячительное оставалось в свободной продаже, жаждающие брали штурмом - не помогли и милицейские ограждения. На профсоюзном собрании было сказано, что отныне коллектив будет проводить праздники без алкоголя! Как-то сразу все очнулись и с изумлением вспомнили, что «красные дни календаря» педагоги в полном составе (попробуй не явись!) «отмечали» в столовой училища долго и со вкусом, а мы, молодые, шли потом в спортзал и играли в волейбол... Игрой это сумасшествие не назовёшь - мы лупили по мячу как попало, дико ржали

и были страшно довольны. Однажды в такой суматохе мне «засветили» локтем в бровь, но в пьяном тумане ни я, ни коллеги ничего не ощутили и не увидели, так что мой путь к дому было легко вычислить по снегу, окрашенному кровью.

Только один раз в какой-то очередной праздник мы «сидели» не в столовой, а в ресторане «Утюг»... Вообще-то он назывался «Устюг», но неоновая буква «с» потухла и долго не ремонтировалась, и народное обозначение прилипло к этому заведению навсегда. После торжества я провожал девушек до их общаги, и мы свернули к набережной. Особо вдохновлённая пиршеством Петрова горланила на всю улицу: «Спорит Вологда и спорит Кострома!», потом вдруг взбрыкнула и, неожиданно ловко забравшись на реставрационные леса краеведческого музея, стала крутить на досках фуэте!.. Мы с трудом стащили её оттуда. Оказывается, в детстве она занималась балетом...

К слову, «балетом» бредила тогда вся прекрасная половина человечества. Кажется, Джейн Фонда, американская актриса, придумала спортивную забаву под названием «аэробика» - и понеслось! Вместо утренней гимнастики теперь показывали нечто: изрядно накрашенные длинноногие девушки в полосатых гетрах, купальниках и с лентами на голове, кокетливо улыбаясь, выписывали в воздухе такие «па», что мужскому взгляду оторваться было - ну совсем невозможно!.. Правда, летом, на пляже, я увидел аэробика не телевизионную, а настоящую: обычные отдыхающие дамы в широченных гетрах все как одна пыхтели и с трудом поднимали ноги...

Вернувшись из отпуска, я стал устанавливать дисциплину с первого урока: загружал студентов так, что их головы дымились от работы! На разговоры и шалости теперь не оставалось ни времени, ни сил. А чтобы учащиеся не пали духом, стал изредка строить занятия в виде игры «Что? Где? Когда?». Эффект был потрясающий...

На Вологодчине обожали художе-

ственную самодеятельность. Конкурсы, концерты, выставки и фестивали проводились непрерывно. Педучилище не было исключением. По приказу директрисы мы сколотили пляшущую и поющую группу из преподавателей и учащихся. И тут, после начальных репетиций, выяснилось, что у меня есть голос.

Музыканты буквально вцепились в мой организм, репетировали при любой возможности, и вскоре я уже пел романсы, песни военных лет и мелодии нашего времени. Открутиться было невозможно, - приходилось выступать как в училище, так и везде, куда приглашали: в районных клубах, школах и даже в городском Доме культуры, на сцене которого вскоре должен был появиться сам Борис Штоколов - кто-то сверху решил, что пора народным артистам «осваивать глубинку».

Как водится, нашему великому певцу местные власти поначалу не давали даже пошевелиться: толкали речи, вручали подарки и грамоты и ждали ответной любезности, но Штоколов, загадочно улыбаясь, только кивал и ничего не говорил, - берёг голос. Наконец мельтешение прекратилось, и в зал полился такой чистый и глубокий звук, что все сразу притихли, осознав, какое это чудо - настоящее оперное пение!

Борис Штоколов был знаменит не только как бас, - огромная грудь, выпиравшая из фрака на всю ширь, как и его морская душа, поражала воображение и стала частью известного всем сценического образа.

Вернувшись после концерта, я стал подражать певцу и на все лады тянул: «Белой акации гроздь душистые...» Что-то даже получалось, и я, возгордившись, совершил ошибку, за которую, как думаю, заплатил возможной певческой карьерой: хвастанул перед учителями музыки, что тоже могу исполнять романсы, как Штоколов, а может, и лучше! Неожиданная грустная тишина, повисшая после опрометчивого заявления, сама по себе всё объяснила...

Впрочем, это осталось нашей тайной, петь я продолжал и, наверное, разбивал сердца тех учительских девиц, которые грезили о замужестве. Я женского общества не избегал, ухаживал, по возможности, за всеми сразу, но душа моя затаилась...

Физрук пошутил однажды, что за «простой» с меня надо брать дополнительный налог, но деньги за бездетность и так с меня «взимали» в бухгалтерии. Помню, возмутился во время получки: «Какие дети, если я не женат?!» - и увидел на лицах «бухгалтерин» немой вопрос: «Ты дурак?»

Мои профессиональные возможности, благодаря стараниям Инны Николаевны Литовкиной, а ещё больше - набитым шишкам, росли и укреплялись, но я не оставил намерения заниматься наукой. Выписывал общелитературные и отраслевые журналы, в том числе даже «Филологические науки» - его доставляли в специальном пакете прямо из редакции. Конспектировал статьи, приглядывался к работе других и чувствовал, что могу сказать в литературоведении своё слово. В декабре пришло письмо из Майкопа от женщины-доцента, у которой сочинял дипломную работу по русскому языку. Из него узнал, что филфак, помня обо мне, советовал написать заведующему кафедрой литературы соседнего пединститута, в Армавире, - там освобождалось место ассистента. Я тут же отправил послание профессору Василию Ермолаевичу Беляеву, и под новый, 1986 год, получил ответ. Беляев готов был меня взять, но для этого надо прикрепиться соискателем в московскую аспирантуру к какому-нибудь научному руководителю. Имя, адрес и телефон московского профессора предусмотрительно были указаны ещё в майкопском письме...

Я подгонял новогодние праздники и каникулы и составлял план будущей научной работы. Сомнений, кто будет «моим» автором, не было. Конечно же, Николай Рубцов!

Сразу после каникул я вылетел на Як-40 в столицу, в аэропорт «Быково». Оттуда добрался до центра и позвонил из телефона-автомата Валерию Александровичу Рязанову. Надо было ехать до станции метро «Цветной бульвар», а потом идти пешком. Я впитывал по дороге образы, знакомые с детских лет, проведённых у телевизора: фасадных коней цирка на Цветном бульваре (кстати, почему цветном?), здания, в которых размещались редакции «Литературной России» и «Нашего современника», часы-теремок при входе в кукольный театр Образцова - Рязанов, оказывается, жил в соседнем доме.

Валерий Александрович, - лысый, с редкими волосиками «под Ленина», но без бородки и усов, невысокий, пожилой, но довольно бодрый профессор в вельветовых брюках и жилете, встретил, как показалось, не совсем учтиво, всё время подгонял - видно, спешил. Пробежав глазами по странице письма с рекомендацией, он, взяв меня за плечо, повёл в просторный кабинет с переполненными книжными шкафами сталинских лет. Высокий потолок с хрустальной люстрой подтвердил предположение - такие квартиры с отдельным кабинетом выделяли генералам и видным учёным (Валерий Александрович был заведующим кафедрой советской литературы Московского пединститута имени Ленина). Мы сели за массивный стол со стеклом на поверхности, и я вытащил из «дипломата» план. Рязанов быстро прочёл, поморщился, и стал диктовать «исправительные» замечания. Минут через десять всё было готово, он черкнул пару фраз с подписью на отдельном листе и отправил меня в отдел аспирантуры - надо было оформить соискательство для сдачи первого кандидатского минимума по философии.

Я ехал в метро, стараясь не пропустить станцию «Фрунзенская», и с трудом «переваривал» услышанное. Кроме минимума по философии, предстояло сдать ещё два экзамена: по литературе и иностранному языку, а потом три эк-

замена для поступления в аспирантуру... Я представлял научный путь несколько иначе, но выбор был сделан, Рязанов согласился стать руководителем, оставалось найти время для этих шагов, но как?! Нагрузка в училище не предполагала свободы - я не вылезал с работы и «приходил в себя» только летом... Крепко задумавшись, я всё-таки пролетел мимо «Фрунзенской», оказавшись на станции «Спортивная». Пришлось идти мимо шинного завода и троллейбусного парка к входу в МГПИ.

Просторный зал с широкой квадратной плиткой, статуя Ленина из белого мрамора и бронзовые фигуры преподавателей - героев войны, старинные перила с круглыми колоннами на каждом этаже - всё это показалось знакомым. Поднявшись по ступенькам и шагнув на деревянный пол изогнутого коридора, вспомнил, где его видел - в фильме «Карнавал»!

Возле отдела аспирантуры изнемогала от усталости длинная очередь из таких же, как я, претендентов. Пристроился в хвост и услышал за спиной студенческий хохоток:

- Нет, уж лучше синий диплом и красное лицо, чем красный диплом и синий фейс!..

Я летел в Великий Устюг на крыльях «Аэрофлота» и парил в мыслях о будущем: условие профессора из Армавира выполнено, теперь оставалось написать реферат по философии, доработать до июля и уволиться, а затем подготовиться к минимуму и сдать его осенью. Тему для реферата выбрал сразу: «Философия Николая Фёдорова». Старую курсовую работу предстояло переработать, дополнить и усилить до такой степени, чтобы неведомый, а поэтому страшный экзаменатор был сражён.

С невиданным воодушевлением я набросился не только на подготовку к экзамену, но и на преподавательскую работу. Стал всюду успевать и даже следил за литературными новинками. Все тогда читали «Пожар» Распутина, «Печальный

детектив» Астафьева, возвращённое из небытия «Ювенильное море» Платонова, «Плаху» Айтматова. Из этого списка пока не видел только «Плаху» - она всё время находилась «на руках». Вся страна обсуждала «гостиничный» скандал Пугачёвой, на кого-то там накричавшей, распевала «Лаванду» Софии Ротару, восхищалась могущественной красотой самолёта «Руслан» и пыталась понять, какой смысл Горбачёв вкладывает в слово «перестройка»?.. Январская катастрофа американского космического челнока «Челленджер» поразила и вызвала сочувствие, но она случилась «там», и давно, а у нас всё расцветало и пахло не только от весеннего тепла, но и от предчувствия невероятных событий.

Петрова привила-таки мне вкус к современной живописи, и я стал следить за творчеством Шилова и Глазунова. Выставку Ильи Глазунова в Череповце я пропустить не мог, вырвался на сутки и ходил от одной картины к другой с радостным изумлением. Сюжетные полотна и портреты бередили ум и сердце, но от его ленинградских рисунков веяло такой печалью, что мне вдруг тоже стало больно, неясный голос внутри словно предостерегал от излишних восторгов...

26 апреля вечером короткие волны «вражеских голосов» принесли весть об аварии атомной станции на Украине. Вершали о радиационном загрязнении Европы, о панике, о катастрофе, но телевизор, как ни в чём ни бывало, продолжал спокойно рассказывать о весеннем севе. Прошёл следующий день, напряжение нарастало, все уже понимали, что официальное сообщение не заставит себя ждать слишком долго, тем более в «эпоху гласности». Но в Кремле тянули - видно, и впрямь, случилось что-то ужасное. Наконец, на экране в программе «Время» появилась фотография разрушенного четвёртого блока станции в Припяти, дикторы прочитали скупой текст, и снова всё затихло. Через несколько дней новости как будто с цепи сорвались: один за другим пошли

репортажи о героях-пожарных, о ликвидаторах: академик Велихов, закрыв лысину строительной каской, давал рекомендации о борьбе с радиационным загрязнением. Днём над Устюгом гудело небо: грузовые самолёты перебрасывали технику с Урала. Горькое слово «Чернобыль» повторялось в разговорах всё чаще и чаще. Оно звучало в толпе демонстрантов на Советском проспекте 1 мая, на работе; во время репортажей о победе киевского «Динамо» в Кубке кубков, в газетах, на радио, в мыслях о том, пострадаем ли мы здесь от этой напасти, свалившейся на нас так же неожиданно, как, наверное, 22 июня на наших родителей?..

Май прошёл, но «отмяться» нам так и не пришлось. Разразилась очередная гроза: власти стали сгонять технику к Северной Двине и Сухоне - решили перебросить сток северных рек на юг, в Среднюю Азию. Кто-то уже видел, как экскаваторы роют канал. И тут за Русский Север заступились писатели: Залыгин, Белов, Фокина, Распутин... В один из дней светлого от белых ночей июня в кинотеатре «Русь» собрался почти весь взбудораженный город. Состоялся показ документального фильма о переброске рек. Голос за кадром скорбно вещал: «Если канал будет пущен, то воды пойдут вспять, и Великий Устюг, Тотма

и Вологда окажутся затопленными». Представлявшие фильм авторы и солидарные с ними литераторы (я запомнил темпераментно выступавшего Михаила Алексева) получили такую поддержку зала, что у меня мелькнула мысль: «Отстоим! Переброски не будет».

Завершились июньские страдания аварией местного уровня: в Великом Устюге рухнул целый пролёт моста через Сухону! Никто с него не упал, к счастью, но в «Известиях» появилась ехидная статья - мы всё-таки «прославились».

Июль прошёл под знаком отъезда. Остались позади страсти и обиды прошедшего чемпионата мира по футболу - наша сборная играла как никогда, но вылетела из-за судейских козней шведа Фредрикссона. На работе я отчитался и рассчитался, попрощался с родственниками и ставшими мне близкими людьми, с городом... Накопленное за два года барахло утопил в чреве двух необъятных коричневых чемоданов, сдал ключи от комнаты и на «Запорожце» под управлением заводского директора Соколова был доставлен в аэропорт. В груди спорили два не утихавших чувства: боль от расставания и предвосхищение будущего... Прощай, родной город! Я знаю: ты всегда будешь ждать, и никогда не разлюбишь меня. Только на твоих улицах мне дышится легко, только на твоём берегу я спокоен и счастлив...

Остров во мгле

Фрагмент романа

**Олег
ЛАРИОНОВ**

Олег Иванович Ларионов родился 26 апреля 1959 года в Вологде, где и живет. Прозаик, в 1994 принят в Союз писателей России.

Признан «Писателем года» (2017), став золотым лауреатом одноименной национальной премии России в основной номинации.

О. Ларионов является также лауреатом национальной премии Союза журналистов России «Сельский портрет» (2003), золотым лауреатом международной литературной премии «Триумф короткого сюжета» (2011), дипломантом творческого фестиваля «Русский лад» (2014), номинантом всероссийской премии «Наследие» (2017). Книги выходили в издательствах «ЭКСМО» (Москва, серия «Русский бестселлер»), «Художественная литература» (Ленинград), Северо-Западном (Архангельск), «Русь» (Вологда), «Кобушишобо» (Токио, на японском языке), «LuluPress», inc (США) и др. Редакция журнала поздравляет Олега Ивановича с юбилеем и желает дальнейших творческих успехов!

Антон Воронов любил только будни. Да, они полны забот, но в них есть свобода - его свобода. Впрочем, абсолютной свободы все равно не бывает, думал он. То, что мы называем ею - лишь маленький отрезок пути, на котором из-за шалостей провидения никто пока не может вмешаться в твою жизнь. Небольшой благолепный островок, подмываемый стремниной бурной реки. Крохотная часть суши, по странной прихоти природы вздыбившаяся над озерной чашей и затерянная в зазеркалье вод.

И вот в пятницу, которая для всех счастливых людей олицетворяла собою лишь одно - маленький рай предвкушения выходных, а для него - последние остатки независимости, в мобильнике раздался звонок - бодрящая музыка из далекого прошлого, которая вначале навевала ассоциации с мечтами беззаботного отрочества, а потом притушила и почти надоела.

- Что ты делаешь в выходные, дорогой Тоша?.. Я просто хотел позвать тебя на небольшой пикник.

Спокойный голос казался незнакомым, однако мужчина называл его ласкательно - как в детстве мать, или самые близкие друзья. Антон не хотел показаться невежливым, и потому настроился слушать дальше, по ходу разговора надеясь угадать, кем же все-таки был тот незнакомец.

- Помнишь, я рассказывал тебе об острове? - продолжал незнакомец. - Там у меня целое поместье. Ты будешь приятно удивлен. Да, я понимаю, уже осень, но и в этом сезоне есть свои прелести.

Остров... Ну да, кажется, он начинал догадываться, кто с ним говорит. Но, боже мой, сколько же лет прошло, а Дима - а это был Дмитрий Рошин - почти пропавший без вести, внезапно всплыл, словно и не бывало этой толщи времени.

- Я так давно не слышал тебя, Дима,

что едва узнал. Рад твоему звонку. А что ты вспомнил вдруг обо мне?..

- Но ты ведь мой друг. Единственный друг. И знаешь, больше друзей за все эти годы что-то у меня не появилось, - его ответ был и трогателен, и все-таки, несмотря на подкупающую откровенность, немного удивлял: с возрастом Антон растерял большую часть способности к сентиментальности и доверительности, хотя раньше доверял даже тем, кого почти не знал.

- Спасибо, старина. Годы идут, и мы лишь теряем друзей, новых не заводим. Да и не хочется.

Рошин - рыжеватый мужчина сорока пяти лет, на пять лет постарше Антона, небольшой, шуплый, внешне малопримечательный. Характер же его, самоуверенный тон были прямой противоположностью его внешности. Он был из тех личностей, которые всегда и во всем уверены и всегда всё знали - и за себя, и за других. Его мнение было истиной в последней инстанции. Более того, он умел внушить окружающим, что всё именно таким образом и обстоит. Он обладал почти гипнотическими способностями. Он был из тех, кого принято считать экстрасенсами. Рошин даже умел лечить на расстоянии и много лет назад сколотил на своих способностях неплохой стартовый капитал. Правда, он признавался впоследствии, что по-настоящему лечить может не более одного человека в день, да и то после этого ощущает себя разбитым целую неделю, теряя собственную позитивную энергию. А групповые сеансы а-ля Кашшировский, которые он практиковал в своей новой огромной квартире с целым конференц-залом вместо гостиной, - обыкновенное шарлатанство, рассчитанное на самовнушаемость толпы, впрочем, дающее неплохой доход.

Когда-то Антон нетрадиционную медицину и связанные с нею вещи - биоэнергетику, ясновидение и тому подобное - считал обыкновенной чушью. Как-то в его жизни пошла полоса неудач и сплошных разочарований, он находился на грани нервного срыва... Ничто не помогало.

И Дмитрий спас его. Случилось это давно, на заре юности.

- Вставай лицом к стене, - как всегда решительно, скомандовал Рошин. Антон не видел, что тот делает у него за спиной. А делал он пассы руками.

- Что чувствуешь?..

- Тепло. Мне горячо. Тепло пошло по ногам, вверх...

- Все правильно, - подтвердил Рошин.

Минут через десять Антон с удивлением обнаружил, как черная паточка безысходности исчезла напрочь. Он был поражен, и с тех пор твердо поверил в существование экстрасенсов, провидцев, магов и тонких материй.

- А теперь можно по сто грамм, - сказал тогда Рошин, открывая бар.

- Мне не хочется. Мне и так хорошо, - произнес он удивленно, растерянно.

- Тогда вот тебе телефон, окажи мне маленькую услугу. Спросишь, принимает ли в следующий четверг Джуна. Да, мы знакомы, но я ей изрядно надоел. По старым номерам она не отвечает, а этот - секретный. Только не спрашивай, где я его взял.

Антон набрал номер телефона, и на свой вопрос услышал спокойный и очень знакомый по телепрограммам голос мировой знаменитости. Она медленно, с расстановкой и характерным восточным акцентом произнесла:

- Никогда больше не звоните по этому телефону.

Рошин ухмыльнулся:

- Ребята не обманули, канал рабочий. Да, она меня научила многому. А главное, я поверил в себя... Что ж, на следующей неделе нужно вылетать в Москву...

Был еще эпизод, когда Рошин вытащил Воронова из одной рискованной истории с бизнесом, причем совсем не во благо себе. Тогда Антон по дешевке перехватил у закрывавшейся типографии партию бумаги с намерением заняться книгоизданием. Хранить ее, правда, было негде, и она непременно сгнила бы на улице, если бы не Рошин. Тот через друзей по-тихому пристроил рулоны на склад, а когда с

книгоизданием не все пошло гладко, помог бумагу выгодно перепродать. Получив неплохой куш, Воронов тогда на радостях явился к Рошину, сунул ему несколько крупных купюр:

- Это тебе... Ведь ты меня спас. И деньги у меня благодаря тебе появились.

Рошин холодно отстранил его руку, а банкноты впихнул ему обратно в нагрудный карман.

- Я помог тебе, потому что ты мой друг. У меня нет друзей. Ты мой единственный. Никогда больше не предлагай мне деньги.

Антон помнил тот случай, когда Рошин выручил его, в течение многих лет, но так ни разу и не отблагодарил приятеля. Это был какой-то растянутый во времени долг, словно отложенный выстрел на дуэли в повести Пушкина, только имеющий иной, положительный смысл.

Неотданный долг будоражил его. Заставлял нервничать. Иногда он забывал про него, а потом и... совсем забыл.

Но верил Антон Рошину с тех пор почти безгранично.

Сейчас, когда Воронов слушал возникший из небытия голос Дмитрия Рошина, события давних лет промчались в его голове.

- ...и вот еле разузнал твой сотовый, - продолжал Рошин. - Если честно, Тоша, у меня случились неприятности. Отобрали права на четыре месяца. Задел колесами двойную сплошную, а лейтенантик попался поганенький... В общем, мне нужно забрать из деревни, с острова, бабку. И кое-что из вещей. Выходные обещали теплыми, а с понедельника - похолодание, октябрь все-таки. Да и ураганный ветер в придачу. У тебя машина в порядке, выручишь?..

Ни на какой пикник Антон, конечно же, не поехал бы. Дорога слишком дальняя, никаких летних развлечений, осень уже, купаться не станешь, прохладно, грибы и ягоды отошли. Но это был как раз тот случай, когда он должен был отблагодарить друга за старое добро, отдать долг. И он согласился.

- Вот и ладненько, - сказал Рошин, получив утвердительный ответ. - Насчет домашних не беспокойся, я все улажу, тебя отпустят без проблем. Ты знаешь - мне они всегда безоговорочно доверяли. Машину я тебе заправлю, еды куплю в райцентре по пути, так что не суетись. Рано утром - в путь. И я надеюсь, ты возьмешь с собой Светлану...

- Ну да, я и хотел сказать...

Воронов не закончил фразу. Откуда он знает про Светлану, скользнула настороженная мысль. Света появилась в жизни Антона гораздо позже того времени, когда они в последний раз виделись с Дмитрием. Впрочем, Дмитрий такой общительный, он мог что угодно разнюхать через других. Так подумал Антон - и забыл про эту странность.

- Ну и отлично. Тогда рано утром - в путь!

Светлана была похожа на голливудскую актрису-красавицу Ким Бейсингер и еще на Кэмерон Диас одновременно, в лучшие их годы. Впрочем, что эти бесчисленные, восславленные фабрикой грез разноцветные порхающие бабочки, все эти нимфалиды, стеклянницы, павлиноглазки!.. Таких русских баб не одну найдешь в затерянной провинции, только нет у них чужестранной «раскрутки» да стези дипломированных топ-манекенщиц.

В чертах Светланы было некое врожденное выражение слегка ироничной задумчивости, доброй усмешки и забавного благодушия, за что Антон иногда называл ее «смешной». Но главное - в ней светился ум...

В районном городке Антон заправил полный бак, а в дорожном кафе они взяли по чашечке кофе и вышли на улицу. Большой старый пес с давно перебитой и неправильно сросшейся передней лапой, скорее всего, перееханный автомобилем, с завистью смотрел на завтракавших людей, не решаясь к ним подойти, и в глазах пса словно бы застыла мольба. Светлана скормила ему всю свою лепешку, куски которой собака жадно подхватывала с

покрытого утренним инеем бетона парковочного кармана, неуклюже и очень тяжело опираясь на здоровую лапу.

...«Лада» вышла на трассу, упрямо поглощая километр за километром. По его подсчетам, давно уже должен был появиться пункт назначения, но Дмитрий невозмутимо командовал:

- Езжай и не спрашивай, тебе какая разница.

Последовала отворотка. Здесь, по заверениям Дмитрия, не было постов автоинспекции, и Антон резко увеличил скорость. Машина стремительно съедала пространство, а Рошин, словно не замечая этого, рассказывал какие-то байки. Антон начинал понимать, что Дмитрий явно преуменьшил расстояние, видимо, опасаясь, что приятель не согласится ехать.

- Видите, сосен нет на нескольких гектарах. Реликтовый лес! Дела бабенки одной, прошельги. Глава поселковой администрации. Подожгли с сынком лес. Так, для виду, с краю, чтобы списать. А потом продали под вырубку. Еще махинациями с казенными квартирами занимаемся. Штук восемь хапнула. В общем, стерва еще та. Все вопросы решает только за взятки. И прихватить ее никак не могут. Похоже, у нее высокие покровители. Так вот, когда разбогатела, решила деревню целиком прибрать к рукам, стала прикупать дом за домом: место хорошее. Турбазу собралась строить. А нас такое соседство не устраивает. Бабка знакомая избушку свою продала, а я помог ей на острове дом мельника купить. И мельницу. Главное, земли там много. Всяко у этой твари руки до острова не дотянутся.

Антон краем глаз взглянул на спидометр, не отрывая взора от шоссе: получалось, от райцентра, где они останавливались перекусить и заправиться, машина преодолела уже полторы сотни километров (вот тебе и «недалеко!»). Слово угадав его мысли, Дмитрий сказал:

- Еще минут десять, свернешь направо, там пойдет грунтовка. Скорость можешь держать приличную, грунтовка хорошая.

А вообще, давай, я сяду за руль. Ты подустал. Власти тут уже никакой, так что не беспокойся, никто не оштрафует.

Среди бурелома у подножья обрывистого холма стояли два ржавых железных гаража, упиравшиеся торцами в его почти отвесный мшистый край с янтарными прогалинами обсыпавшегося песка. Рошин отпер замок на одном из них. Неприятно взвизгнули никогда не смазывавшиеся петли ворот. Внутри блистал девственный чистотой японский внедорожник «Лэнд круизер прадо». Рошин загнал «Ладу» на свободное место и закрыл гараж.

Метрах в ста от берега по направлению к ним шел белый каютный катер со стационарным мотором. Палуба его носовой части была слегка расширена, выходя за пределы корпуса, и стильно притуплена под смотровую площадку, огражденную никелированными рейлингами.

- Ну вот и бабулька моя, - прокомментировал Дмитрий. Мини-яхта ткнулась носом в песок. Рошин захватил цепь и намотал ее на истонченную, источенную волнами корягу. Из-за штурвала вышла грузная старуха в старомодном, выдавшем виды черном зипуне. Лицо ее было корявое, грозное, с носом-картошиной, и Светлана нарекла ее про себя «Салтычихой». Внешность оказалась, однако, обманчивой. Салтычиха вроде бы была совсем не вредной старухой, она не ворчала, лишь добродушно побрякивала.

Они поднялись по выставленному трапу, поставив на палубу сумки, и сели в каюту. Дмитрий отвязал цепь, убрал за собой трап, тронул штурвал, и катер резко сорвался с места.

Воды постепенно темнели, судно вышло на глубину. Заветный клочок потерянной земли не показывался, лишь дымчатый край вдали словно отодвигался все дальше и дальше. Очертания прибрежных дубрав мутнели, превращаясь в застывшие силуэты. Казалось, суденышко лишь имитировало движение, зависнув в ровной глади, в петле остекленевшего времени, из которого не существовало выхода.

Не потерять надежду

О книге Александра Цыганова «Помяни моё слово»

Недавно вышла из печати новая книга известного вологодского писателя Александра Александровича Цыганова «Помяни моё слово». Название книги - народная поговорка, на первый взгляд, довольно простая. В «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова значение этого выражения так объясняется: 'будет так, как я говорю, предполагаю, думаю; выражение употребляется для того, чтобы уверить собеседника в правоте своих слов, предположений, мыслей' [8: 427]. В словаре определено основное значение поговорки, однако в живой речи её смысл может всё время меняться. Наши предположения и мысли о будущих событиях бывают как радостные, так и печальные. Да и говорят эту фразу люди по-разному: или с любовью, или, наоборот, со злостью, или с отчаянием, или с надеждой. Соответственно смысл и значение этого выражения будет значительно изменяться в разных житейских ситуациях. Если прочитать книгу А. А. Цыганова да задуматься над тем, о чём же она, то её название окажется вовсе не простым, а очень многозначительным и глубоким. Действительно, выражение «помяни моё слово» встречается в этой книге несколько раз: в названии всей книги, в названии второго раздела этой книги, в названии рассказа и, наконец, в живой речи героев этого рассказа, старой матери и сына. Для них оно - знак родства, знак их возвращающейся из небытия общей жизни. Таким образом, данное выражение для автора книги очень дорого и является ключевым для всего повествования. Почему? Размышляя над книгой, я пришла к выводу: в этом названии книги, как и во всём её содержании, выражена глубокая мысль о том, что **прошлое, настоящее и будущее едины, неразрывны в сознании и памяти народа, в его языке, в его**

слове. Русский народ это чувствует сердцем. Характерная для языка рассказов и повестей А. А. Цыганова насыщенность народными пословицами, присловьями и поговорками так же утверждает эту идею бессмертия народной жизни и его духа, выраженного в своём собственном самородном слове. Автор книги сокровенно передаёт нам, читателям, это единение житейского русского народа, умирающего и вновь воскресающего, вопреки всем невзгодам. Не случайно Василий Иванович Белов обратил особое внимание на слова старой крестьянки - героини рассказа «Помяни моё слово», сказанные с блаженной радостью после перенесённых ею по-

трясений: *«Поди-ко снова надо жить, раз такое дело»* [2: 5].

Подобное самочувствие русского народа нашло отражение в письме Ф. М. Достоевского, лично меня поразившем. Оно было написано 22 декабря 1849 года в Петропавловской крепости после того, как писатель пережил публичное объявление ему и другим петрашевцам смертного приговора, после подготовки к казни и неожиданной отмены этого приговора и затем нового приговора к сибирской каторге. Молодой Ф. М. Достоевский нашёл в себе силы в этот же день написать брату: *«Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и оставаться им всегда, в каких бы то ни было несчастьях не уныть и не упасть - вот в чём жизнь, в чем задача её»* [3]. Эти мужественные слова нашли отклик в душе Игоря Цыплакова, главного героя повести «Вологодский конвой», после всех испытаний в первые дни работы начальником отряда в колонии усиленного режима. Кульминацией тяжёлых событий стал пожар в библиотеке, где он несколькими днями ранее увидел бюст Достоевского и взял для чтения его «Дневник писателя». Чудом миновав смертельную опасность, Игорь спасает бюст писателя из пламени. Этот поступок у одних вызывает негодование, у других усмешку непонимания, и только некоторые свидетели улавливают символический смысл его рискованного поступка [9: 340]. У Достоевского Игорь Цыплаков нашёл эти особые слова, что дают человеку силы жить и надеяться даже в самом бедственном положении. Молодой неопытный воспитатель отряда преступников в колонии усиленного режима, подавленный вначале тяжестью тюремного бытия, обнаружил в «Дневнике писателя» и такое обнадеживающее его размышление: *«У нас есть, бесспорно, жизнь разлагающаяся, но есть, необходимо, и жизнь, вновь складывающаяся на новых уже началах. Кто их подметит и кто укажет? Кто может определить и выразить законы и этого разложения, и нового созидания?»* [9: 328].

Представление о жизни у православных людей очень широко, а писатель А. А. Цыганов - человек православный. В христианском понимании жизнь человека не заканчивается могилой, после смерти начинается новая жизнь в мире духовном: «У Бога все живы». В вечно живой душе человека всегда ощущается эта невидимая связь с Богом. Поэтому своих героев А. А. Цыганов всегда изображает одновременно в земном и духовном видении. Это проявляется в самом сюжете его произведений (например, в таких, как «Защитник Отечества», «Три свечи», «После дороги», «Под сосною, под зеленою», «Помяни моё слово», «Вологодский конвой»), которые только на поверхностный взгляд кажутся фантастическими и мистическими. Я думаю, это вещее сердце автора видит своих героев и все события, случающиеся с ними, в едином поле пророческого зрения. Критик В. Н. Бараков отмечает: «Его мистицизм - не мистицизм вовсе, просто автор, погружаясь в глубины реальной действительности, творчески познаёт её. Если Рубцов слышал «печальные звуки, которых не слышит никто», то Цыганов оком художника видит печальные картины, сокрытые от простого «житейского» взгляда» [1: 372]. Но и простой «житейский» взгляд обычного читателя нередко начинает несмело проникать вслед за писателем в тайну бытия, но сразу не может переступить грань нового для него, непривычного художественного восприятия, поэтому и задаёт вопросы (мне лично их задавали): «Что это было? Фантазии автора? Или это и на самом деле бывает в жизни?» На эти вопросы я бы ответила так: да, так бывает на самом деле. Только мы часто этого не замечаем, потому что не хотим и боимся заметить. Нас отвлекает суeta суeta. Именно поэтому мы становимся читателями А. А. Цыганова не сразу, а постепенно - по мере того, как мы учимся внимать своему сердцу и через его око смотреть на жизнь и познавать людей, о которых идёт речь в его произведениях.

Только человек, мужественно прошед-

ший испытание болью и несчастьем, воспринимающий жизнь не только разумом, но и душой и сердцем, способен не испугаться и приблизиться с сочувствием к чужому горю, искренне разделить чужую беду. К сожалению, многим современным писателям такое самочувствие незнакомо. Их нередко увлекает занимательный сюжет и спасительная ирония, от которой не болит сердце. Но не таков стиль произведений А. А. Цыганова. Он откровенно страдает вместе со своими героями, вместе с ними совершает мужественные поступки или ошибается, расплачивается за эти ошибки душевной болью. Его герои во время беды, войны или душевной смуты проявляют невероятную волю к жизни и духовное мужество, чтобы снова жить. И, конечно, все они никогда не теряют надежды. Не случайно А. А. Цыганов поставил эпиграфом к первой части повести «Вологодский конвой» слова из упомянутого выше письма Ф. М. Достоевского: *«Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте»* [9: 321]. Сохранить дух и сердце в чистоте наставляла Игоря Цыплакова, главного героя этой повести, его мать, когда узнала, что сына направляют работать начальником отряда осуждённых в колонии усиленного режима. Её материнское сердце чувствовало, какие жестокие испытания ждут сына. Советы матери нашли выражение в народных пословицах: *«С совестью не разминуться. ...А добрая совесть - глаз Божий. Ясны очи»* [9: 339].

Эта мысль, по-разному выраженная в сюжетах и судьбах героев, звучит во всех рассказах и повестях книги А. А. Цыганова. Обратимся к наиболее запомнившимся образам из его произведений. Главная черта характера его героев, собственно русская черта, - это духовная сила терпения. Именно духовная сила. Терпению ведь учит глубокая вера в Бога, в Его Благой Промысл, поэтому святые люди - самые терпеливые. Терпению учит тяжелый труд, поэтому русские крестьяне были самыми терпеливыми. Терпению

учит материнство, поэтому настоящие матери - самые терпеливые женщины. Терпению учит воинский долг, поэтому верные присяге солдаты должны быть самыми терпеливыми воинами. Терпению учит любовь. Как сказал апостол Павел, *«любовь долготерпит, ... всё переносит»*. Кто прошел одно из таких испытаний, тот претерпел до конца. А, по Евангелию, *«претерпевший до конца - спасется»*.

Что же такое терпение? Святитель Игнатий Брянчанинов так кратко определил его: *«Терпение - дом души, смирение - её пища»* [6: 400]. Значит, нетерпеливая душа - бездомна, а лишенная смирения - всегда голодна. И одно с другим прочно связано. При этом можно иметь деревянный или кирпичный дом, или даже хоромы, а душа при этом всё равно будет бездомна. Можно и есть сытно, и гордо повелевать другими людьми, а душа всё равно будет голодна! Размышления святителя Игнатия, изложенные в его богословских сочинениях, проистекают из его духовного опыта и христианской традиции. Писатели также приобретают духовную опытность, если их творческий дар обращен к правде жизни, к ее высшему смыслу. Характеры и судьбы героев рассказов и повестей А. А. Цыганова с художественной очевидностью показывают нам, как человек благодаря терпению достигает духовной силы. И с другой стороны, писатель раскрывает гибельность нетерпения.

Героиня рассказа «Ночью месяц пёк» - бесстрашная терпеливая хранительница родного дома, которая *«с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше»* [9: 278]. Образ старой русской крестьянки предельно конкретен, хорошо узнаваем, то есть типичен для вологодской деревни. Не случайно в рассказе постоянно употребляются местные вологодские слова (*месяц пёк, кирилловская трехрядка, отводок, дювья, баской*) и топонимы родного для А. А. Цы-

ганова Кирилловского района (*Славянка, Иткольское*). Вместе с тем, это символический образ, ведь автор даже не дал своей героине имени, называя ее или *она*, или *одинокая женщина в белом одеянии*. Как это и характерно для символа, образ этой героини построен многопланово. Пространственный крупный план - это описанная в мелких бытовых подробностях обветшавшая изба старой женщины, заросшая усадьба. В дальнем плане просматривается северная деревня с заброшенными домами, из которой ушли все люди, кроме этой одинокой хранительницы родного крова. А дальше воображение рисует всю деревенскую Россию...

Временной крупный план изображает подробно все события тревожной ночи, которая могла быть последней для героини, а значит, и для ее дома, и для всей этой деревни... А потом, может, и для всей крестьянской Руси! Такая мысль формирует дальний временной план изображаемых событий.

В сюжете этого рассказа есть прошлое, картины и события которого проливают свет на происходящее и помогают его осмыслить в духовно-нравственном ключе. Автор не ищет виновных, не берется решать социально-политические вопросы, хотя они невольно всплывают в сознании читателя и вызывают горечь. Автор просто изображает, как шла жизнь в северной русской деревне последние полвека, и беспощадно правдиво показывает тьму и свет крестьянского мира.

Да, вряд ли можно рассказать о сокровенном житии русской деревни чужому человеку!.. А вот писатель А. А. Цыганов сумел рассказать об этом, доверчиво надеясь, что его читатель - свой, родной человек, который поймет его. Только все ли его услышат? Ведь чтобы понять крестьянскую жизнь, нужно терпеливо прожить ее или с любовью прикоснуться к ней. Для этого нужно быть христианином (напомним: имя *крестьянин* произошло от слова *христианин*). Именно такой христианкой была главная героиня рассказа «Ночью месяц пёк». Ее терпение и молитва

победили послевоенное ожесточение и дикость мужа, и он стал *хозяином* - так его постоянно называет автор в рассказе. Она победила своим мужеством и духовной силой ночных поджигателей, посланных чужими людьми уничтожить ее дом. Она твердо верит, что Господь ей поможет, и поэтому неустанно молится.

Жизнь русской деревни в XX веке была и страшной, и светлой, потому что она стояла на самой передовой линии духовной смуты. Крестьяне долгие городских жителей хранили в душах веру православную, трудолюбие и терпение, но когда начали их терять, тогда-то и наступили темные времена разорения северной деревни под натиском чужой беспощадной воли. Героиня рассказа - *последняя* хранительница этого истока Руси. Вот это самое страшное. Но не хочется верить, что это последний рубеж. Если народ сохранит дом своей души - терпение, то тем самым сохранит и Россию - наш общий дом.

Обратимся к рассказу со странным названием «Ерпыль». Это местное деревенское слово с очень древним корнем вряд ли известно городским читателям. В самом конце повествования о горькой судьбе нетерпеливого блудного сына автор дает ему народную оценку: *«ерпыль - так здесь издавна прозывали любую непоседливую натуру»*. Русский народ всегда ценил терпение и порицал нетерпеливых, что нашло свое выражение в его языке. В «Словаре русских народных говоров» отмечено, что у слов терпение и *терпеть*, кроме основных значений, есть и другие положительные оценочные значения: *терпеливый* - значит «пригодный, подходящий к чему-либо, для чего-либо», *терпеть* - значит «сохраняться, не портиться». Но *терпеть* еще значит и «страдать, мучиться», поэтому от этого слова образовались слова *терпеливец* и *терпеливица* - это «об очень терпеливом человеке». Для обозначения нетерпеливого человека в русских народных говорах есть много слов (*зуда, сулема* и др.), вот и *ерпыль* имеет однокоренные с ним слова *ерпеца, ерпеса, ерпесило*. Все они имеют

пренебрежительную окраску. Трагизм бездомности героя, которого автор назвал *ерпыль*, потрясает. Если библейский блудный сын всё-таки нашел силы вовремя вернуться в родной дом отца, то вологодский блудный сын спохватился слишком поздно. После многолетних скитаний по чужой стороне он возвращается в родную деревню, но она встречает его не теплом родного очага, а космическим холодом, стылой пустыней и снежной бурей. Героя охватывает тоска, ему страшно внимать вою ветра в этой пустыне: *«перекрывая это вселенское неистовство, и совсем уже неведомо из какой и где уживаемой бездны нет-нет, да и пронзало оловянное пространство надмирным и сиротским плачем незримого малютки, вековечно и одиноко страдающего по обычному, никогда неизбывному участию, нашему телу»* [9: 265].

Терпение во имя высокого предназначения сопряжено всегда с выдержкой и мужеством. В славянском языке *терпеливый* значит и «сильный, могучий», и «мученический». Именно в таких значениях употребляется это слово в славянском переводе Библии. Именно об этих смыслах терпения повествует третий рассказ А. А. Цыганова «Под сосною, под зеленою». Его герой, бывший разведчик, ныне одинокий, старый и, на первый взгляд, слабый человек, который *«готов сидеть день-деньской»* в кафе в окружении мужского общества, так как ему после смерти жены отчаянно одиноко *«в своей пустой однокомнатной панельке»*. Он не пьет вина, обычно молчит, так как к нему здесь относятся насмешливо и называют «Слава-разведка». Вот и в этот день шумная компания ему кричит: *«Слышь, разведка? Еще не всех врагов повязал? Колись, боец!»* [9: 121]. Однако именно этот человек в этот же день вечером мужественно защищает свое человеческое достоинство от приезжих жестоких бандитов, напавших на него недалеко от его дома на безлюдной окраине Вологды. Только терпение и выдержка помогли ему справиться с леденящим душу страхом.

И в этот момент духовного возвышения на помощь ему приходит сам Господь: *«Тогда-то, не покидая его, словно кто-то неведомый и оказался рядом, чтоб до последнего вместе держаться. И, как будто вживую, заодно добавил спокойствия и сил, чтоб в коленках не дрогнуло»* [9: 127]. Обстоятельства неравной схватки складываются так, что два бандита погибают: один, поскользнувшись, напоролся на собственный нож, а второй, в темноте и в состоянии бешенства, - на толстый сук сосны, под которой происходило нападение на старого разведчика. Третий бандит бросается на ослабевшего старика и пытается задушить его *«славинской родительской тесемкой от нательного креста»*. *«И тут все, что осталось в Славе, ходуном заходило: как-то это было совсем уж не по-русски - последний бой проигрывать»*... И он побеждает, хотя и умирает в этом последнем бою: *«И Слава-разведка, недвижимый, продолжал смотреть высоко вверх, словно отыскавший там, наконец, кого-то самого родного, безотрывно и манившего его отсюда, от этой одинокой сосны на голой зябкой земле, - к себе, в долгожданный покой и отдых»* [9: 134].

При внимательном чтении этого рассказа обнаруживается, что за его сюжетом стоит очень многое, что связывает главного героя с русской православной традицией. Главное - это его способность к терпеливому мужеству. В доказательство привожу мысли жившего в XVIII веке святителя Тихона Задонского о терпении, которое проявляет человек в тяжелых и опасных обстоятельствах: *«Терпение мужественным и непобедимым делает человека. Может терпеливый лишен быти всего, ... может убиен быти, но победим быти не может. Ибо крепость его не телесная, но духовная есть: телом побеждается, но духом непобедим бывает, ... и тако над всеми своими врагами духом торжествует»* [7: 137].

В творениях святителя Тихона Задонского звучит гимн терпению: *«О! блажени те домы, грады, веси, села и общества, в которых терпение обитает: оно бо более*

сохраняет общество, нежели оружие, более защищает град, нежели стены» [7: 1039]. В рассказах А. А. Цыганова тоже звучит этот древний русский гимн.

Далее обратимся к рассказу Александра Цыганова «Садовник». Это современная притча, написанная с библейской глубиной постижения мира. Писатели и поэты обладают способностью видеть красоту и истину там, где другие проходят мимо, ничего особенного не замечая, кроме картины обыденности. В своё время Гёте кратко определили эту способность так: «Красота - в глазах смотрящего» [4: 62]. Христианская эстетика считает: талант видения красоты определяется способностью человека к любви. Выдающийся мыслитель XX века митрополит Антоний Сурожский пишет: «Для того чтобы видеть красоту человека там, где другие её не замечают, достаточно полюбить его». И тогда мы не только его внешний облик замечаем, а «видим сквозь это сияние личности» [4: 66].

Писатели нередко болезненно переживают уродства нашего мира. Они следуют завету Н. А. Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Но если безоговорочно опуститься в пучину ненависти, то и любить можно разучиться. Можно и ослепнуть, и красоту мира не увидеть.

В рамках критического реализма этому противоречию не найти решения. Всех нас слишком долго учили только ненавидеть, а любить предлагали фальшивые ценности, поэтому многие из нас утратили чувство красоты. Христианский взгляд на человека открывает писателям другой путь познания жизни: «Когда Бог смотрит на человека, Он видит в нём не добродетели или достижения, которые может и не быть, но ту красоту, которую ничто не может уничтожить» [4: 59].

Писателей, одарённых таким духовным видением, в наше время немного. Один из них - Александр Александрович Цыганов. Сюжет рассказа «Садовник» даёт повод некоторым критикам снова

упрекнуть писателя в мистицизме. Но этот термин многозначен и вряд ли подходит для характеристики творчества Цыганова. Писатель использует палитру критического реализма, но это для него лишь вспомогательное средство. Главное, что определяет художественное видение автора и на что постепенно настраивается взгляд внимательного читателя, - это его *духовный реализм*. Тот самый метод письма, который был освоен ещё гениальными творцами XIX и XX веков: например, Пушкиным в «Капитанской дочке» и «Пиковой даме», Лермонтовым в «Демоне», Гоголем в «Петербургских повестях», Достоевским в «Бесах» и «Братьях Карамазовых», Шмелёвым в «Лете Господнем», Булгаковым в «Мастере и Маргарите», Распутиным в рассказе «Наташа».

На первый взгляд, рассказ «Садовник» - это всего лишь жанровая зарисовка. Как обычно у А. А. Цыганова, в повествовании всё узнаваемо: улицы, церковь, рынок, набережная, ларьки и киоски города Вологды. Вологжанин смог бы провести экскурсию по маршруту движения главного героя. Реалистически изображены типы горожан, с которыми встречается герой. Зоркий глаз писателя точно определяет характеры людей и создаёт индивидуальные художественные портреты всех участников драмы. Но это всего лишь панорама, на фоне которой и происходят главные события. А дальше включается глубинное измерение души героя и его поступков, то есть выясняется его духовная значимость. Главную роль в раскрытии этой стороны содержания рассказа играет композиция, которая придает повествованию звучание трагической симфонии.

В рассказе используются различные имена и названия главного героя. Сначала он назван нейтрально, по фамилии и роду занятий: *Горелов - сторож в кандаейке* (в винном магазине). Фамилия и профессия говорят о том, что это человек с неудавшейся и, видимо, трагической судьбой. Об этом же свидетельствует и его внешний вид: *«Под сорок уже, а на вид и того больше: давно не брит, волосы*

не стрижены, вдобавок еще все старое на нем надето. И пальто, и штаны, и пиджак. А у шапки одного уха совсем нет, оборвалось. Бывает, какую-нибудь зловредную дырку, что совсем на виду, закропаешь, как умеешь, и дальше бегаешь. Может, и рад бы в новое обрядиться, да с такой зарплата быстро закукуешь. Но это еще ладно, платите хоть вовремя, и то бы хорошо. Думают, сторож в кандейке, так уже не человек?» [9: 234]. Таково первичное поверхностное представление о герое. Для чёрствых и озлобленных людей этого достаточно, чтобы называть Горелова бомжом, тронутым, дворником-лентяем, гадом. Даже его гибель при спасении девушки эти холодные люди трактуют как самоубийство и считают: «пьяница какой-нибудь, или с ума человек сошел». В городе оказалось мало людей, жалеющих этого неприкаянного жителя Вологды. Однако и продавщица, и старушка в церкви, которые ласково обращались к нему молодой человек, милосердие, не поняли его.

Холод царит на улицах города, он страшен герою, так как у него нет от него защиты. Ещё больший холод царит в людских душах, он-то страшнее уличного мороза. А теперь обратимся к внутреннему голосу героя, обратим внимание на его слова и поступки. Он незлобив, кроток, честен: «И что с того, если иногда возьмут да бомжом на улице обзовут, сорвется с языка. Не на таковских напали, гореловская порода другая: чтоб с протянутой рукой на люди сунуться, это уже надо особенную натуру иметь. Все нынче на одно лицо - и те, что торгуют на каждом углу, и те, что деньги у каждого встречного без зазрения совести морщат. Раньше тоже всяко жили, но ведь этого не было - откуда что и взялось?» [9: 234].

У Горелова, несмотря на страшную нищету и неустроенность, сохранился внутренний духовный стержень, личное достоинство: он не суетится и не вступает в непристойную борьбу за какие-то жалкие бытовые приобретения. Автор повествует: «... ему давно хватало кружки

горячего чая и куска хлеба. Там, где он проживал, о первом и втором мечтать не приходилось: в зареченской коммуналке, как в общем вагоне, если не хуже. К плите не подступиться: очередь с утра до вечера вперемежку с пьянкой на том же месте. Да и без ругани с мордобоем не обходится. Какое домой идти. Вот и сейчас не тянет. Хоть мороз на улице, а лучше по городу пройтись» [9: 231].

Герой А. А. Цыганова поражает тем, что, постоянно сталкиваясь с уродствами нашей жизни, преодолевает их и выходит «за пределы уродства к иному видению» [4: 134]. Так, грубого, сытого и подвыпившего молодого парня в богатой дублёнке, который его оскорбляет, приняв за нерадивого дворника, он не презирает, не вступает с ним в бесполезный спор, а пытается привести в чувство и говорит добродушно: «Земляк, я такой же прохожий, как и ты». Но его не слышат, и это не его вина. «Я бы сказал здесь то же, что было сказано о красоте: уродство - в глазах смотрящего» [4: 134]. Фраза «Земляк, я такой же прохожий, как и ты» выражает главный жизненный принцип человека, живущего по христианским заповедям. И она по-евангельски многозначна и глубока.

В окружении постоянной несправедливости и грубости душа героя скорбит. Бездна отчаяния звучит в его словах: «На душе и без того худо. Тошно: как по рукам-ногам связали и в колодезь без дна бросили» [9: 232]. Тем более удивительны и трогательны милосердие и щедрость этого нищего и униженного людьми человека. Никому не нужный в своей горемычности, он, тем не менее, помогает, чем может, всем, кого встречает на своём пути: утешает растрёпанного дедушку, счищает лёд на крутой лестнице, чтобы люди не расшиблись, пытается в церкви передать через служительницу деньги чужой девушке, чтобы она не совершила опрометчивого, безрассудного поступка. Особенно поражает милостыня, данная дважды из последних денег, таджикским женщинам, сидящим с детьми на морозе прямо на земле: «Возле нового магазина в гирляндах цветных

шариков и с надписью «Мы открылись!» снова оказалась поскливая фигура в стёганом полосатом халате со склоненной головой и протянутой ладошкой - голой, потрескавшейся на морозе. Тогда Горелов, сжав зубы, выгреб остатки денег, на глазок разделил пополам и половину сунул нищенке, а после, не выдержав, перешел на другую сторону улицы. И сколько бы он ни старался, так и не услышал, что думали эти полубомороженные женщины. Наверное, они давно уже ничего не думали» [9: 235-236]. Все эти поступки тревожат, как-то теребят наши равнодушные души и заставляют устыдиться своей чёрствости. Дважды спасает Горелов встретившуюся ему на рынке девушку-старшеклассницу: сначала от бесчестья, а потом - от смерти. Это юное существо погибало от страсти, типичной для современных школьников: «Ну, я вам устрою, - бездумно глядя глазами, полными слез, на холодные киосковые стекла, негодовала школьница. - Блин, прикольно: смартфон им жалко купить! Все наши уже по второму сменили, а мне фигу показали: потерпи немного, сейчас не можем! Потерплю, потерплю, не расстраивайтесь: такое вам устрою, потом и рады бы всё отдать, да только поздно будет!» [9: 236]. Горелов спасает бросившуюся под автомобиль девушку, но сам погибает...

Во всех этих событиях последнего дня героя он выходит, как мы уже подчеркивали, за пределы уродства мира к иному видению. На обывательском уровне все поступки Горелова кажутся неправдоподобными или бессмысленными. Иные скажут мне: «Таких людей нет! Да и не нужны они вовсе!» Смею возразить: такие люди бывают и такие люди нужны, так как их личность создана по образу и подобию Божию!

Свидетельствую, что среди моих деревенских родственников были такие люди. Они были готовы взвалить на себя твою ношу, накормить последним куском хлеба, отвратить от беды. Я их помню поимённо. Они победили в страшной войне, многократно совершая подвиг самопожертво-

вания. И сейчас такие люди есть, так как наши современники - от корня тех родных нам соотечественников.

Говорить в заключение такие высокие слова справедливо и уместно, так как весь рассказ-притча А. А. Цыганова пронизан евангельским духом. Читая его, вспоминаешь евангельские заповеди и притчи, например, о лепте вдовы, о блуднице, в которую никто не смог бросить камень, о милосердном самарянине. И наконец, вспомним о **садовнике**. Так сам герой назвал себя, по какому-то внутреннему чувству. Так же назвал автор свой рассказ. И это не случайно. Этот человек исполнил многие евангельские заповеди и таким образом уподобился Христу, которого в Евангелии символически называют Господином виноградника (Лк. 20: 9-16) или Садовником (Ин. 20:15-16).

А. А. Цыганов удивительным образом передаёт момент подвига-самопожертвования своего героя как очищение от тёмного начала в человеке и полёт души в бесконечное пространство света:

«Но еще раньше, успев все-таки понять, что такое чужеродное сидело в нем, - Горелов уже точно знал, что станет делать дальше. И тогда, как будто это услышав, что-то дегтярно-блестящее с ревом вышло из его нутра вон, спасительно освободив душу от непосильной маеты. А он сам тотчас прыгнул, оттолкнув от проезжей части вздрогнувшую школьницу прямо к самым деревьям, что тёплой порой не иначе, как самым настоящим райским садом, и не обозвать из-за неизменно благоухающей, буйно-неукротимой зелени...

Горелов видел свое тело с разбросанными руками и разбитой, раздавленной головой, со свивающимися сосульками красных волос. А следом нечпо светлое подняло его уже неосязаемую светящуюся оболочку высоко-высоко, но будто все его, гореловское, светлое, не отставало кричать и кричать, невесомо уходя в за-предельные невозвратные дали. **Только** уж если там, на земле, никто не хотел

слышать - кто же теперь услышит отсюда - **из света?** [9: 240].

Последняя фраза выражает горькую истину - мы не видим красоты человека при его жизни. Для этого он должен сначала умереть. Но и этого часто бывает мало.

В рассказе «Садовник», несмотря на его трагический конец, автор снова ясно выражает самую важную для него мысль о том, что есть в нашей современной жизни люди, которые «с совестью не разминулись», не потеряли надежды и сохранили свой дух и сердце в чистоте. Поэтому вместе с писателем А. А.

Цыгановым мы уверены: «Много дней впереди, много и позади. Но помрут и внуки наши, а конца этой песни не дождутся; и, вспомнив теперь всё происшедшее, передо мной будто бы на миг приоткрылось таинство изначальное, и зрятся сейчас слова моего Великого собеседника - чтоб жить да молодеть, добреть да радоваться!» [9: 339].

Людмила ЯЦКЕВИЧ,
доктор филологических наук,
профессор Вологодского
государственного университета,
член Союза писателей РФ

ЛИТЕРАТУРА

1. Бараков В. Н. Река невидимого духа // Цыганов А. А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В. Н. Бараков] - Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. - С. 371-373.
2. Белов В. И. На взлёте // Цыганов А.А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В. Н. Бараков] - Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. - С. 5.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. - М.: Азбука-Классика. 464 с.
4. Митрополит Антоний Сурожский. Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности. - М.: Никая, 2017. 192 с.
5. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Издание Московского Данилова монастыря, 2006. - 1152 с.
6. Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский. Творения. Книга 1: Аскетические опыты / Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский. - Москва: Лепта, 2001. - 865 с.
7. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского / Схиархимандрит Иоанн (Маслов). - Москва: АОЗТ «Самшит», 1996. - 1180 с.
8. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. - М.: Астрель, АСТ, 2008. - 828 с.
9. Цыганов А. А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В. Н. Бараков] - Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. - 374 с.

В августе текущего года за цикл рассказов Александр Цыганов удостоен Гран-при литературного конкурса Всероссийского фестиваля словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Фестиваль проходил в Борисоглебске (Воронежская область) и объединил более 500 участников. Редакция и читатели «Вологодского ЛАДА» поздравляют постоянного автора нашего журнала с победой в творческом конкурсе.

Ждем новых встреч с прозой Цыганова. Александр Александрович передал редакции рукопись своего нового произведения.

«Тоже несую свой крест...»

Воспоминания об Александре Ивановиче Сушинове

Александр Иванович Сушинов родился в деревне Мушино Вологодской области в 1928 году. В скором времени родители переехали в Лопотово, где у реки Пельшмы и прошло его детство. В 1937 году семья обосновалась в Соколе. Здесь Александр окончил среднюю школу, после школы - ремесленное училище, бумажный техникум. После службы в армии работал в «Сокольской правде», закончил МГУ. Вся его жизнь связана с журналистикой. Послужной список велик: «Сокольская правда», «Вологодский комсомолец», областное радио, «Маяк», «Красный Север», «Лесная промышленность» (Москва), газеты Эстонии, где проработал 17 лет. Член Союза журналистов СССР с 1958 года. Автор двух сборников очерков: «Деревенские окна» и «Березовая слободка». Умер 1 февраля 2000 года. Похоронен в Соколе.

Затихает ясный день второй половины августа. На деревенской улице тишина, безлюдье, только соседские козы шастают по канаве, пасутся на молодой отаве, дружно пошедшей в рост после выпавших теплых дождей. Солнце клонится к кромке леса. На небе нет ни единого облачка. Установилась ясная сухая погода, золотые деньки.

Деревенскую тишину нарушает рейсовый автобус из райцентра. Он проезжает мимо моего дома и скрывается за поворотом. Там, в середине деревни, автобусная остановка. Я перехожу дорогу, направляясь к родителям. Моя небольшая избушка стоит напротив их дома, больше десяти лет назад поставил её на пустыре, где мы, ребяташки, в детстве устраивали свои игры.

На дороге я останавливаюсь, смотрю вслед проехавшему автобусу. Через какое-то время на повороте, из-за полубувалившегося дома, показывается знакомая фигура, в светло-коричневом костюме, с баулом в одной руке. Другой рукой то и дело откидывает назад поседевшую, но сохранившуюся с годами шевелюру. Я улыбаюсь: Александр Иванович Сушинов приехал. А он тоже замечает и узнаёт меня издали, но не спешит, не машет, приветствуя, рукой, а наоборот, делает вид, что ещё не видит меня, часто останавливается посреди дороги, смотрит кругом, крестится на все

четыре стороны и потом, взмахнув рукой, прижимает её к сердцу. Я не слышу, что он говорит, но знаю, что сейчас Сушинов восторженно восклицает: «Красота-то какая! Куриный потрох!» И шагает дальше. Я стою, терпеливо жду. Вот уже Александр Иванович приближается к соседнему дому. В это время выходит из избы соседка, пожилая женщина, идет за своими козами. Сушинов снова останавливается, кланяется ей:

- Здравствуйте! Как живы-здоровы? Василей-то Михайлович дома ли? - спрашивает, будто меня и не видит вовсе.

Соседка здороваётся с ним, смотрит удивленно сначала на него, потом в мою сторону и отвечает:

- Дома. Вон он стоит.

Тут Сушинову делать нечего, он поворачивается ко мне, улыбается во всё своё широкое лицо, машет рукой и кричит на полдеревни: «Василей! Это я, бродяга. Ночевать-топустишь ли?»

И уже торопливо, почти трусцой бросается ко мне.

В шестидесятые годы несколько лет Александр Иванович Сушинов работал в Никольске собственным корреспондентом областной газеты «Красный Север». Жил в трехкомнатной квартире один, закрыв на лето окна вместо занавесок родной газетой, чтоб не пекло солнце. Из всей мебели были

тогда у него только «железная кровать да плитнуса». Легкий на подъем, он изъездил весь наш обширный район вдоль и поперёк, сошелся с людьми и незаметно прикипел к никольской земле душой, которая, как семя на доброй почве, пустила тут корешки, и эти корешки связывали Александра Ивановича с никольской землей всю жизнь. Недаром в одном из писем он как-то написал мне: «Дорогой Василий! Тысячу раз спасибо за обогрев души моей, зябкой и одинокой. Прожив столько много лет, не нашел ничего путного, что бы двигало к хорошему и ясному. Моей душе светло только в Никольске, это моя вторая родина, моё спасение. Умоляю Бога, чтобы дал он тебе здоровья и работы!»...

Вечером к нам в избушку зашел мой старший брат, который приехал в деревню в отпуск. Я познакомил с ним Александра Ивановича, и мы пошли к родителям ужинать. Отец и мать всегда с душевной теплотой относились к Сушинову. Когда он впервые приехал к нам в деревню, вечером долго разговаривал с моей матерью, Фаиной Николаевной, расспрашивал о житье-бытье. Мать отвечала подробно, говорила о жизни, какая она есть у сельского труженика, а потом, узнав, что Александр Иванович приехал по заданию областной газеты, сокрушалась и охала:

- Что я наделала? Всё-то ему рассказала. Вот он сейчас меня в газете и пропечатает на всю область.

Мы сели за стол, разговаривали, отец посетовал, что не уродилось в это лето груздей. Раньше на бор за речку Чонову за груздями ездили на лошади. Грузили на телегу разного рода тару, бочки, ящики и отправлялись в лес. Домой привозили целый воз. Теперь большинство лесов погублено, вырублено или затянуло зеленым мхом-железняком, через плотный ковер которого не пробиться ни одному грибу. Тогда мы еще не могли и представить себе, что пройдет несколько лет, и наши северные леса будут варварски уничтожаться, в том числе и любимые боры над лесной речкой Чоновой.

- Когда я работал мастером лесхим-

участка (организация, занимавшаяся добычей живицы и производством смолы, дегтя, скипидара - В.М.), - рассказывал отец, - то в деревнях на реке Юг часто видел такую картину в августе. Вечером на бонах, на плотиках стояли в светлых платьях женщины с ребятишками и мыли в реке грузди. Как чайки на берегу.

Отец умел рассказывать образно, интересно, живым языком, несмотря на то, что довелось ему, рано взявшемуся за плуг и топор, поучиться в школе лишь два года.

Александр Иванович, всегда чуткий к слову, восторженно:

- Видишь, какой образ. Женщины - как чайки на берегу. По золоту ходим. Слушаем и не слышим.

Потом он использовал этот образ в своей статье, правда, «переместил» женщин с берега на луг, на покос. Многоопытный, талантливый журналист, Сушинов с особой любовью относился к народному языку, чурался в работе казенщины. «Не рассказывать надо, а показывать», - говаривал он и отыскивал все новые и новые «изюминки», неповторимые образы, и сама речь его была образной, с юмором, без смеха слушать порой было невозможно.

Брат сказал, что лето проходит, снова скоро ему уезжать, что уже надоело за жизнь поезда и самолеты. Александр Иванович подхватил тему:

- Я давно уже на пенсии, а дома сидеть не могу. Брожу с баулом по земле. Перестану бродить - погибель мне. А на веку тоже довелось поездить и полетать. Вот расскажу случай. Как-то улетал я сюда, в Никольск. В старом вологодском аэропорту провожали меня ребята, в том числе и Алик Варюхичев (журналист, в своё время работал редактором «Вологодского комсомольца» и в газете «Красный Север» - В. М.). Перед расставанием, как полагается русским людям, немножко выпили. Объявили посадку на самолет. Я баул в руки - и вперед. Вместе с другими пассажирами вышел на лётное поле. В это время Варюхичев из-за сетчатого забора крикнул мне: «Александр Иванович! Ты пулемет-то из-за голенища достань!» Я и улыбнуться не успел, как

двое милиционеров хватанули меня под руки и потащили обратно. Вижу, дело не шуточное. Взмолился перед ними: «Ребята! Какой пулемет? У меня и голенищ-то нет! Видите, ботинки на ногах». Не внимают моим словам, тащат, и всё. Едва потом сообща образумили. Чуть на самолет не опоздал. Слава Богу, обошлось. Улетел. Теперь всех провожающих сразу предупреждаю: о пулемете ни слова!

Хорошо и легко чувствовал себя Александр Иванович за деревенским столом, за общим разговором, но знал я, как и на него порой накатывала усталость, подминала под себя, и выпадала авторучка из обессиленной руки. «Дорогой Василий Михайлович! Милые твои домочадцы! Спасибо за письмо, за слова добрые, ободряющие. Вот уже месяц не был в Вологде, в редакции. (Сушинов жил в то время в Эстонии, в Усть-Нарве - В. М.). Видимо, за лето устал, да и насмотрелся всякой всячины, руки опускаются, дорогой. Никогда такого со мной не было... Ты не знаешь, как я жил, топтанный, ослепанный, распятый молодой газетчик в те времена. У меня сломлен нравственный позвоночник, но не выбита душа русская, вера, что всё образуется. Я голодал, холодал, нигде меня не брали, как прокаженного, на работу. Но я выстоял от унижений, дорогой мой молодой друг! А что делали с Яшиным? Терпи, Бог любит терпеливых. Бессонница, душа скулит от бардака вселенского. Тоже несущ свой крест...»

С утра отец натопил баню. Сушинов ушел париться, а я сидел на скамейке возле бани, курил и наблюдал, как отец ладит новое топориче. По-прежнему погода стояла ясная, и всё вокруг, дома и деревья, даже молодая отава, вбирало в себя солнечное тепло уходящего лета.

По дороге туда-сюда прохлопала литыми сапогами старуха Поля. Отец не удержался, заметил:

- Посмотри-ка, как вальдшнеп на тяге. Бродит из конца в конец.

Из банного жара доносилось привычное сушиновское:

- Красота-то какая! Куриный потрох!
Где-то через час, распаренный, удовлет-

воренный, вывалился Александр Иванович из бани, присел рядом со мной на скамейке и поглаживал себя по груди.

- Спасибо, Михаил Андреевич, за баньку, - поблагодарил он отца. - Вот теперь и жить можно.

... Мы поехали на Бобришный угор. Сушинов сидел на переднем сиденье и перед каждой деревней спрашивал, есть ли там «лавка». Я молчал до самого Блуднова, и только там, когда брат спросил, надо ли заезжать в деревню, ответил ему, что всё есть, заезжать не будем. Полудремавший Сушинов сразу встрепенулся, весело оглянулся на меня и зашел: «Серебряные свадьбы...»

Приезжая в последние годы в Никольск, Александр Иванович всякий раз вздыхал:

- Василей! Может быть, в последний раз... Мне никогда не стыдно перед никольчанами. Я в жизни не гадил никольской земле.

И действительно: в какой бы газете он ни работал, его публикации о нашем районе и его людях всегда были наполнены добротой и душевной теплотой.

Вместе с Александром Ивановичем Сушиновым ушла из вологодской журналистики целая эпоха. Он был «последним из могикан». Теперь так, как он, о нашей многострадальной земле и живущих на ней людях уже не пишут. Сам Александр Иванович о работе журналиста говорил:

- Писать надо вкусно. Чтоб люди тебя читали. Чтоб от написанного тобой ёкало у них в левом боку.

Каюсь, не смог я проводить своего друга в последний путь, хотя в день его кончины приехал в Вологду и там узнал от журналистов «Красного Севера», что умер Сушинов. До сих пор чувствую в своём сердце неутраченную боль и вину, живет во мне желание выбраться в далекий от меня Сокол, посетить кладбище и склонить свою голову над могильным холмиком, под которым нашел своё успокоение мой давний друг и неутомимый газетчик - бродяга Александр Иванович Сушинов.

Василий МИШЕНЁВ,
писатель
г. Никольск

Последняя книга Владимира Наволоцкого

Три года назад, в 2016 году, «Вологодский ЛАД» отметил 90-летие постоянного автора журнала Владимира Анатольевича Наволоцкого статьей Вадима Дементьева «Чем жив человек». Следующий юбилей - столетие - будем отмечать уже без него: в феврале 2019 года на 93-м году жизни полковник медицинской службы профессор В. А. Наволоцкий скончался.

Родился Володя Наволоцкий в 1926 году в большой и дружной семье на окраине Кичменгского Городка. Его дед Степан воспитал 8 детей, да и семьи братьев деда отличались многодетностью: у Ивана, например, было 19 детей. Мама будущего профессора, Александра Симоновна, - учительница начальных классов; папа, Анатолий Степанович, преподавал физику и математику, потом стал инспектором районного отдела народного образования. В 1937 году его арестовали, и много лет семья о судьбе Анатолия Степановича ничего не знала. Через 55 лет выяснилось, что его расстреляли в декабре того же 1937 года. Погиб в ходе репрессий и папа Александры Симоновны - священник Симон Кузнецов, были в семье Наволоцких - Кузнецовых и другие жертвы. Александра Симоновна одна поднимала Володю и двух младших девочек, Ганну и Нину.

В 1943 году 17-летнего Володю призвали в армию. Служил в Заполярье, в 1947 году поступил в Военно-медицинскую академию. 44 года посвятил воинской службе. Автор более 120 научных работ и трех учебников по актуальным вопросам военной медицины. Кандидат медицинских наук, профессор, много лет преподавал в государственном военном институте усовершенствования врачей.

После выхода в отставку начал серьезно изучать историю родного края. Больше двадцати лет Владимир Анатольевич занимался исследованием родословия своей семьи. В 2012 году в Вологде выпустил

Рядовой Владимир Наволоцкий принимает присягу. 1943 год

книгу «Родословная Наволоцких и Кузнецовых». На примере истории двух больших семей - крестьянской и священнической - В. А. Наволоцкий показал ход истории Северной Руси. Владимир Анатольевич создал 110 документальных видеофильмов, они рассказывают о родных краях автора, о важных событиях в жизни страны и Кичменгско-Городецкого района.

Исследования В. А. Наволоцкого были опубликованы в журналах «Вологодский ЛАД» и «Благовестник», других периодических изданиях России.

Девяносто лет - немалое время. Владимир Анатольевич сумел наполнить свою жизнь таким количеством добрых и важных дел, что остается только удивляться, как он один со всем этим справился. Не жалея себя, не обращая внимания на недуги, он работал каждый день - до тех пор, пока силы не начали его оставлять.

Уже незадолго до кончины, в декабре 2018 года, В. А. Наволоцкий издал свои последние книги. Одна из них, «Книга о моём отце. Рассказ в документах», свидетельствует о жизненном пути Анатолия Степановича Наволоцкого, безвинно погибшего в репрессиях 1937 года.

«Помню, - говорится в «Книге о моем отце», - когда я последний раз видел папу. Я утром шел в школу, а его вели с ночного допроса с ружьем наперевес. Усталый, изможденный, избитый, лицо в крови и в синяках. Я боялся подойти. Папа спросил: «Как мама, что делает?» Я растерялся и сказал: «Ничего не делает». Его повели дальше.

До сих пор ругаю себя и возмущаюсь собой за ответ папе... Я недоволен тем, что тогда не подошел к папе, не сказал ему, что мы его любим и верим ему, что ждем его домой, не обнял его. Дикий, животный страх перед винтовкой парализовал меня, хотя конвоир был учеником папы.

Время шло. В доме как-то опустело. Тоска. Неизвестность. Мама весь день в школе, вечером проверяет тетради и пишет подробные конспекты к урокам... На страничках, написанных в сентябре, следы капель маминых слез. Не могу спокойно говорить и писать об этом.

...Через день после ареста папы ученица мамы, дочь начальника НКВД Степанова, поведала маме, что её папа спросил: «Как вела себя на уроке Александра Симоновна, плакала?» - «Я, - рассказала мамина ученица, - ответила, что она была обской и, как всегда, улыбалась». А через несколько дней Степанов вернул маме книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», изъятую при обыске как контрреволюционная литература. Эта многострадальная книга, побывавшая в застенках НКВД, сейчас находится в моем

Полковник запаса В. А. Наволоцкий на встрече с московскими кадетами

книжном шкафу, постоянно напоминая мне о том страшном времени».

Всё, о чем рассказывает Владимир Наволоцкий, подкреплено многочисленными документами. Фотографии, удостоверения и справки, переписка с прокуратурой по вопросу реабилитации А. С. Наволоцкого... Документы достоверно передают читателям атмосферу того времени.

Продолжает и дополняет «Книгу об отце» очерк об учебе В. А. Наволоцкого в речном техникуме, который редакция «Вологодского ЛАДА» предлагает читателям. Автор вспоминает, как трудолюбие и стремление к знаниям помогли пареньку из Кичменгского Городка не сломаться в тяжелых испытаниях.

Конечно, сделанное Владимиром Анатольевичем Наволоцким ещё будет осмыслено и должным образом оценено. Он был настоящим русским воином, который почти полвека стоял на страже Отчизны с оружием в руках, а в последние годы жизни все силы отдал тому, чтобы рассказать людям о замечательной истории Русского Севера, о его людях. Теперь он сам встал в героический ряд крестьян и священников, воинов и ремесленников, которые создавали Россию, укрепляли ее и своими молитвами помогают ей выстоять.

Редакция «Вологодского ЛАДА»

Учеба в речном техникуме в годы войны

Однажды в детстве, в Кичменгском Городке, в далекие тридцатые годы, когда мы с отцом сидели на балконе нашего дома, на меня, сельского паренька, произвел потрясающее впечатление большой двухпалубный белый пароход. Он вечером шел по реке Югу мимо нашего дома. Огромный, залитый ярким светом, с красными и зелеными огнями по бортам, хлопал пароход лопастями колес, красивым, низким, мощным гудком сообщая о своём прибытии.

Это было сказочное зрелище, совсем из другого мира - не такого, в котором я жил. И у меня появилась мечта стать капитаном такого корабля.

Когда началась Великая Отечественная война, я с двумя одноклассниками поступил в Великоустюгский речной техникум на судоводительское отделение. Исполнилась моя мечта - я учусь на капитана.

У меня остались самые хорошие, самые светлые воспоминания о техникуме в то военное время, хотя было оно очень непростое. Директором техникума был Н. Л. Тюкавин, строгий, требовательный, справедливый человек. Дисциплина в техникуме и в классах была очень высокая. Все учителя нравились мне, особенно запомнились математик Федор Чербунин и преподаватель логии Илья Васильевич Брюхов. У меня сохранились все домашние и классные тетради, в которых очень подробно, с рисунками законспектированы учебные материалы. Сохранились и чертежи, схемы участков фарватера Двины. Эти тетради сохранила моя мама. Я благодарен ей за это.

Жили мы в общежитии на улице Красной, в двухэтажном каменном доме, в комнатах по 15-20 человек. Столов и стульев не было, занимались, сидя на кроватях, писали на коленях. Было очень темно

Володя Наволоцкий (слева) и его одноклассник и земляк Володя Шашерин

- единственная лампочка под потолком давала очень мало света. Но главная трудность - это жуткое чувство постоянного голода. По карточкам получали 400 граммов хлеба. Был в общежитии, правда, титан с горячей водой. Обед не было. Но так как голодала вся страна, мы считали, что надо терпеть. Денег, конечно, у многих, в том числе и у меня, не было. В техникуме стипендию давали только отличникам. Так уж получилось, что на нашем курсе отличником оказался я один. Поэтому со второго семестра я получал 74 рубля в месяц - для меня это было спасением, деньги нужны были на телефонные разговоры с мамой, я очень беспокоился за родных.

Всех студентов обязательно подписывали на Государственный заем, меня подписали на 120 рублей. Для меня это была серьезная сумма. Чтобы как-то заработать немного денег, я упросил старшекурсников взять меня с собой грузить кирпичи на кирпичном заводе. По воскресеньям ходили мы далеко пешком по реке Сухоне в бывший Гledenский монастырь.

Кирпичи на тяжелых тачках возили по узким обледелым доскам, укладывали их в штабеля. Еда - то, что взял с собой, - это маленький ломтик хлеба. Воды не было, ели снег. За день такой изнурительной работы нам дали по 1 рублю 20 копеек. Мало. А где заработать больше? Я сходил на работу несколько воскресений, но больше не смог, так как совсем ослаб.

Вся жизнь была подчинена учебе, никаких развлечений и гуляний. Сейчас, много лет спустя, перебираю свои конспекты, чертежи и записи лекций - и поражаюсь, как я смог всё это сделать аккуратно, красиво в тех ужасных бытовых условиях, в которых мы жили и учились.

Недалеко от техникума стоял большой храм, превращенный в клуб. Однажды в морозный день в ноябре я прочитал на доске объявлений, что состоится открытое заседание военного трибунала, будут судить дезертира. Мне было интересно посмотреть на этого дезертира, мы были все отчаянные патриоты. Кроме того, мой папа, инспектор роно, вместе с учителями и директорами школ был репрессирован в 1937 году, и мы до тех пор ничего не знали о его судьбе, жив ли он и где он. Как заседают трибуналы, тоже хотелось посмотреть.

Огромный зал клуба был пустым, в нем - полумрак. На сцене за столом сидели три офицера - члены трибунала. Запомнились их ярко начищенные сапоги. Привели под конвоем паренька, худенького, истощённого, плохо, не по зиме одетого. Оказывается, он был на призывном пункте и ушел, как он говорит, на несколько минут проститься с мамой. На улице его и поймал патруль. Председатель военного трибунала зачитал приговор о высшей мере наказания - расстрел. Приговор должен был быть исполнен немедленно. Плачущего навзрыд паренька утащили конвойные. Он кричал, что хочет служить, защищать родину. Вот и всё - 15-20 минут, и нет человека. Так, наверное, обращались и с моим папой. У меня шла дрожь по всему телу, и не от холода в зале, который был не топлён, а от страха перед всемогущей

Удостоверение студента речного техникума. 1942 год

Рисунок из конспектов Владимира Наволоцкого

системой НКВД. На всю жизнь в мою память врезался этот эпизод.

После трудной военной зимы в конце апреля началась производственная практика на судах. Вначале получил направление для прохождения практики штурвальным на буксирный пароход «Трудовой», но по рекомендации преподавателя лоции И. В. Брюхова, которому нравились мои ответы на занятиях, был назначен на пароход «Моторист», капитаном которого был он. Вместе со мной проходил практику на этом судне и мой школьный товарищ Владимир Шашерин.

«Моторист» был самым новым и большим буксиром в Северном пароходстве после пароходов «Павлин Виноградов» и «Роза Люксембург». Он был сделан на верфях Германии незадолго до войны. По тем

Продовольственная карточка осталась неиспользованной - в Великом Устюге Владимиру по ней ничего не выдали

временам мощность его была очень большой, кажется, около 400 лошадиных сил.

Команда была укомплектована не полностью. У капитана - всего один помощник, студент старшего курса нашего техникума, место второго было вакантным. Вместо трех штурвальных - один, учащийся старшего курса Котласского училища, поэтому нас с Володей Шашериным зачислили штурвальными, хотя официально мы числились практикантами. И. В. Брюхов был очень осторожным человеком, всего боялся. Вообще-то, наверное, это в военное время было правильно. Штурвальный мог допустить аварию, нанести ущерб, тогда разговор был простой - обвинение в диверсии, расстрел. Мне тогда еще не исполнилось 16 лет. Хотя за штурвалом сидел в самое трудное время - капитанскую вахту, ночью с 4 до 8 часов и с 16 до 20. Конечно, было тяжело. Спасало то, что штурвал был паровой, это экономило силы. Только в июле, после моего дня рождения, меня уже официально назначили штурвальным. В машинном отделении служил механиком пожилой,

малоразговорчивый, добрый человек. У него всего один помощник - татарин Давлетша Давлетбаев, бесшабашный и веселый. Два масленщика - юнцы из ремесленного училища. Кочегары: здоровый, мрачный западный украинец и женщина. Матросы - четыре или пять девчушек по призыву из деревни и кок. Помощник механика и кочегар прибыли на судно из лагеря после досрочного освобождения. Вот и вся команда.

Самым трудным в нашей работе была погрузка дров на пароход. Приходилось иногда целыми сутками, до полного изнеможения, носить большие тюльки (так называли большие поленья) на самодельных носилках-палках с берега по неустойчивому трапу. Два огромных котла при непрерывной работе парохода съедали уйму топлива. Его требовалось огромное количество, а силёнки у нашей команды были не ахти.

Вторая трудность - постоянное чувство голода, всё время хотелось есть. Получали мы, правда, рабочую норму - 600 грамм хлеба; на обед варили мучную болтушку с солёной рыбой и ячменную кашу. Никаких овощей, зелени, мяса и в помине, конечно, не было. На берег мы попадали только при погрузке дров. Никуда отлучаться было нельзя. На дровяных складах иногда удавалось найти немного травы, которую мы жевали «с удовольствием».

Меня не покидало чувство огромной ответственности, которое свалилось на наши юные головы. Наш пароход по Вычегде и Большой Северной Двине от Сыктывкара до Архангельска буксировал очень большие плоты леса или связки груженых барж. Обрато - связки гружёных или пустых барж. Боюсь ошибиться, так как прошло больше семидесяти пяти лет с тех пор, но мне припоминается, что иногда количество барж в связке достигало 15 и даже 22. Сидеть за штурвалом ночью в 15-16 лет, голодным и усталым, вести пароход с плотом или баржами по изгибам реки, не имея опыта и не зная линию фарватера, по сложнейшим перекатам обмельевших рек ой как не просто.

Очень страшно было стать виновником аварии, в те времена даже детей в 12 лет приговаривали к большим срокам заключения, а то и к расстрелу. Но молодость брала своё, всё казалось по плечу.

Капитан Илья Васильевич Брюхов всю жизнь проработал на судах. Был знающим и опытным речником. Свои знания передавал будущим капитанам в речном техникуме, преподавал лоцию. Был он человеком порядочным, справедливым, никогда, даже в экстремальных случаях, не повышал голоса, не ругался; был очень молчаливым, замкнутым, суровым и добрым одновременно. В рубке мы всю вахту были вдвоем, иногда в течение четырех часов он не произносил ни слова. На мои вопросы просто не отвечал. Поправлял мои неправильные действия жестом, взглядом, иногда покрыванием. Мне было как-то неловко, но со

временем я попривык к этому. Иногда он надолго уходил в каюту пить чай (конечно, без сахара). Я оставался один на один с мощным буксиром, огромным плотом леса, большой и незнакомой рекой, освещаемой призрачным лунным светом, и тишиной спящей земли, которая нарушалась только хлопаньем лопастей колёс нашего парохода. Пароход чутко подчинялся моей руке на штурвале. Феерическое зрелище, и у меня в душе появлялось чувство значимости и эпохальности момента. Такое запомнилось на всю жизнь, и сейчас это воспоминание волнует и радует меня.

После вахты, когда очень хотелось спать, Илья Васильевич заставлял зарисовать схему пройденного переката, внести коррективы в атлас. Бумаги на судне не было, но у меня была школьная тетрадоочка, в которой к концу навигации

ПЕРВЫЙ				КУРС <u>Наволоцкий В. А.</u> (фамилия, имя и отчество учащегося)			
I семестр				II семестр			
№ по пор.	Наименование дисциплины	Оценка	Подпись преподавателя	№ по пор.	Наименование дисциплины	Оценка	Подпись преподавателя
1	История СССР	Отл	А. М. Мещеряков	11	Грузоведение	отл	М. М. М.
2	Русский язык	Отл	С. Г. С.	12	Военно-дежурная служба	хор.	И. И. И.
3	Математика	Отл	С. Г. С.	13	Физкультура	отл	С. Г. С.
4	Физика	Отл	С. Г. С.				
5	Химия	Отл	П. П. П.				
6	Военно-дежурная служба	Отл	И. И. И.				
7	Черчение	Отл	С. Г. С.				
8	Литература	Отл	В. В. В.				
9	В. В. Л.	отл	И. И. И.				
10	Судовая практика	отл	М. М. М.				
Выполнение производственной практики Характер практики _____ Продолжительность и место _____ Оценка практики _____ Заведующий отделением _____				Заключение о переводе на следующий курс _____ _____ _____ _____ Заведующий отделением _____			

Зачетная книжка Владимира Наволоцкого. 1941 год

у меня была нарисована схема всех перекатов Северной Двины и Вычегды.

Илья Васильевич так и не рассказал ничего о своей семье, жизни, друзьях. Может быть, полгода нахождения на судне без семьи, в маленькой каюте, без собеседников, без радио, кино, газет и книг наложили отпечаток на его характер.

Всю навигацию команда работала из последних сил. Не было часов безделья, не было никаких развлечений, песен. Очень уставали, только бы соснуть. Мне досталась темная каюта на троих, иллюминатор выходил в область работающего колеса. Лопасты с невероятным грохотом били по воде круглосуточно, брызги воды летели в каюту. Закроешь - духота, дышать нечем. Моя койка была у металлической стенки, отделяющей каюту от машинного отделения. Страшный грохот, вибрация. Иногда мне казалось, что я сойду с ума, какой уж тут сон и отдых! Однако через три месяца мне повезло: первого помощника капитана в Архангельске сняли с судна, призвали в армию и отправили на фронт, меня перевели в его каюту на самом носу судна. Каюта светлая, а главное - тихая. Вот это, как мне казалось тогда, было настоящим счастьем в моей жизни.

Отношения среди членов команды сложились деловые, ровные, не было ни ссор, ни скандалов, несмотря на очень трудную, тяжелую и скучную жизнь. По-видимому, это - заслуга капитана.

В 1942 году на фронтах положение было очень сложным. На пароходе радио не было, узнавали новости обычно на стоянках, когда шла погрузка дров, или по рупору с проходящего мимо пассажирского парохода.

В Архангельске мы были задействованы в оказании помощи судам конвоев союзников. Теперь, задним числом, можно предположить, что это были, возможно, и суда конвоя PQ-17. Авиация немцев совершала массированные бомбовые удары на город и порт. Наш пароход тоже попадал под бомбежку. В городе были большие разрушения и пожары, много жертв. При очередном налете, когда наше судно было

пришвартовано к пристани на правом берегу, мы стали свидетелями пожара. Горел разрушенный лесотехнический институт. В нем размещался военный эвакуационный госпиталь. Капитан отпустил нас с Шашериным помочь в эвакуации пострадавших. Впервые я испытал ужас войны, когда увидел, как раненые, не имея возможности выбраться из горящего здания, прыгали с верхних этажей на землю и разбивались. Мы пытались в этой неразберихе что-то сделать, как-то помочь.

В Архангельске было полно американцев, рослых, здоровых, доброжелательных. Много было и негров, которые занимались торговлей, продавали продукты, разные тряпки. На фоне истощенных и плохо одетых местных жителей эти негры выглядели крайне неприятно.

Уже в конце сентября у нас случилась авария. Ночью перед Архангельском около Бобровской запани, во время непогоды и шторма, огромный плот леса сел на мель, и началось столпотворение. Проектор парохода высвечивал страшную картину. Бревна громоздились друг на друга, под напором ломались как спички, все трещало, грохотало. Плеск волн, свист ветра... Капитан приказал нам с Володей сесть в лодку и в кромешной темноте попытаться прикрепить толстые тросы к задней части плота. Задача очень сложная. Что могли сделать мы, шестнадцатилетние юнцы? После многих попыток нам удалось, наконец, один трос закрепить на плоту. Буксир, надрывно работая лопастями, сдержал продолжающееся нагромождение бревен. Аврал продолжался до рассвета. Часть плота удалось спасти. Я тогда чуть не утонул, сорвался в ледяную воду. Мы с моим другом Володей Шашериным долго отогревались в кочегарке у топок котлов. Капитан скупно поблагодарил всех, сказал: «Ладно уж. Все живы - и хорошо».

Мне запомнились берега Вычегды. Взору открывалась мрачная картина: лагерь, лагерь, бараки, бараки. Тысячи политических заключенных, невинно осужденных, оклеветанных людей, чест-

ных тружеников и настоящих патриотов. Я своими глазами видел этих людей, измождённых, оборванных, больных, с потухшим взором, потерявших всякую надежду в жизни. Этим людям в те тяжелейшие годы войны не доверяли даже защищать свою родину на фронте, хотя они этого добивались. А среди общего кошмара запомнились тупые физиономии откормленных, ленивых и грубых вооруженных охранников НКВД. Когда на пристани Айкино ко мне подошел заключенный и хотел что-то сказать или передать записку, охранник с перекошенным от злобы лицом лязгнул затвором, пригрозил застрелить обоих, ударил несколько раз заключенного прикладом. Мне стало жутко; вспомнился папа - где-то он в лагере, с ним ведь обращались так же.

В целом, несмотря на тяжелейшую физическую нагрузку и голод, во время производственной практики было много романтики, много интересного, много поучительного. Часто вспоминаю нашу широкую, спокойную Большую Северную Двину, высокие лесистые берега с уютными деревеньками, удивительные белые алебастровые скальные берега в Орлецах, стаи журавлей высоко в небе... Особенно красивы восходы солнца, белые ночи в начале лета, туманы, лунные ночи осенью... А что может быть прекраснее встречи с белым многопалубным лайнером, радостно услышать его низкий бархатный гудок приветствия!

Наступил октябрь. На реке появилась шуга. Резко осложнились на фронте условия навигации. В Архангельске пароход вмерз в лед. Капитан Брюхов 13 октября скрепя сердце отпустил нас с Владимиром Шашериным в Великий Устюг в техникум. Его понять было можно, так как на пароходе работать было некому.

На судне не было ни клочка бумаги, поэтому для того, чтобы написать мне характеристику, Илья Васильевич вырвал из журнала часть заявки на ремонт и использовал оборот листа. В характеристике написал, что я «прилежно стремился к изучению реки и управлению судном».

И далее: «Относился к своим обязанностям аккуратно и добросовестно, дисциплинированный, имел общественную нагрузку, взысканий не имел. В навигацию 1943 года рекомендую продолжить практику штурвального-рулевого».

Написано скуповато, но, учитывая характер нашего капитана и его стиль выражения своих мыслей, можно считать, что это была высшая похвала. При прощании на его суровом лице появилась даже трогательная улыбка, которая мне вспоминается до сих пор. Больше я Илью Васильевича никогда не видел.

Володю Шашерина капитан попросил остаться на несколько дней, а я с огромным трудом на попутных пароходах добрался до Великого Устюга. В техникуме выполнил поручение капитана - сдал на хранение чемодан первого помощника, призванного в армию и снятого с парохода в Архангельске. В канцелярии я узнал, что практически все студенты техникума, кроме нас, малолеток, ушли на фронт. В техникуме я встретил Володю Шиловского из Городка, мы учились с ним в одном классе.

Думали, что нам делать, и решили уйти домой. Мы еще не знали, что нас ждут новые испытания. От Великого Устюга до Кичменгского Городка 100 километров. Транспорта никакого не было. Решили идти пешком. Был мороз около 25 градусов, у нас не было зимней одежды. Ботинки изношены, подошва привязана веревочкой. На голове - летняя кепочка. А главное, нам по нашим продуктовым карточкам не выдали даже хлеба, карточки с парохода оказались недействительными. За первый день с трудом прошли около 15 километров. Вечером добрались до деревеньки, занесенной снегом, обошли несколько домов, просились на ночлег, но везде получили отказ. К великой нашей радости, в последнем доме глубокий старик разрешил нам расположиться на полу около входной двери. Семья ужинала. На столе стоял чугунок с дымящейся, ароматной картошкой. Нас не пригласили, а так хотелось есть...

что оставляет меня в волоку: я, мол, бреду очень медленно, а он в деревне скажет, чтобы за мной приехали. Силы совсем оставили меня. Дальше я полз на четвереньках. Деревня Подволочье оказалась рядом. Нашел дом, в котором жил учитель, с его сыном Ваней мы вместе учились. На крылечке потерял сознание, очнулся уже на печке. Меня накормили и я уснул, проспал до утра следующего дня. И пошел, а не побрел домой в Городок, осталось всего 10 километров! А дальше встреча с мамой и сестрами Ганной и Ниной.

С Володей Шашериным поступили в 9-й класс. Через несколько месяцев, в 1943 году, когда нам исполнилось 17

лет, мы всем классом были призваны в действующую армию в части Карельского фронта, которые принимали участие в обороне и обеспечении полярных конвоев союзников на Севере. Другу моему Владимиру Шашерину, с которым мы вместе служили, не суждено было вернуться домой. Позднее я находился в частях 31-го корпуса, действовавшего в Заполярье. Войну окончил сержантом, помощником командира взвода.

**Владимир Анатольевич
НАВОЛОЦКИЙ,
полковник медицинской
службы, профессор,
участник Великой
Отечественной войны**

Почти такой же пароход поразил в детстве Володю Наволоцкого

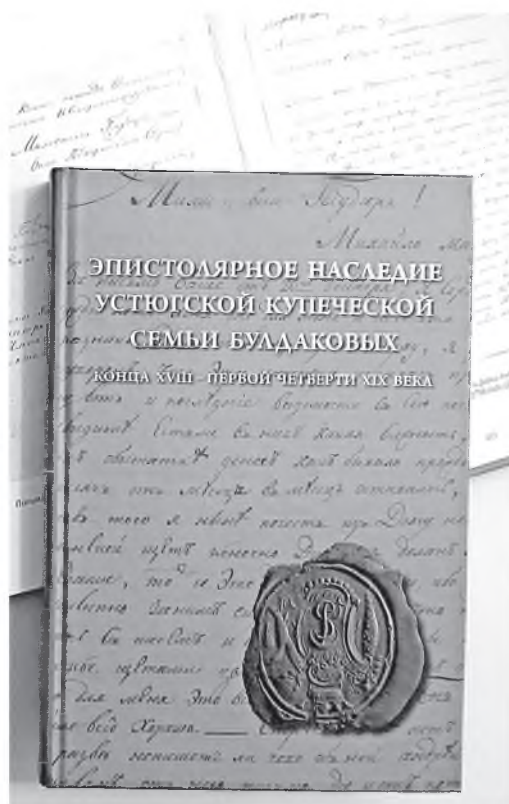
Слово купеческое

Об эпистолярном наследии купцов Булдаковых

В конце 2018 года вышла в свет книга «Эпистолярное наследие устюжской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII - первой четверти XIX века: тексты и исследования» (Вологда, издательство «Древности Севера»).

Объёмный том состоит из 412 страниц. В нем впервые опубликованы 179 писем купеческой семьи Булдаковых из Великого Устюга, относящиеся к концу XVIII - началу XIX века, большинство писем - из фондовой коллекции Вологодского государственного музея-заповедника. Публикацию писем сопровождают научные статьи о повседневной жизни, общественной и торговой деятельности купцов, генеалогии Булдаковых, особенностях языка бытовых и деловых писем купечества, написанные историками, архивистами и лингвистами из Вологды и Великого Устюга: Ф. Я. Коноваловым, Ю. С. Егоровой, В. А. Коноплевым, М. В. Мальцевой, Г. Н. Чебыкиной, Э. Л. Трикоз. Корреспонденция обращена к самому известному представителю устюжского рода Булдаковых - Михаилу Матвеевичу, который был крупным купцом, первенствующим директором Российско-американской компании, членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Однако его писем в этой книге - только два.

СЕМЬЯ БУЛДАКОВЫХ: ОТ ПРОСТЫХ РЕМЕСЛЕННИКОВ ДО КУПЦОВ ПЕРВОЙ ГИЛЬДИИ

Фамилия Булдаковых - одна из старейших в Великом Устюге, первые упоминания о ней относятся к первой трети XVII века. Все представители рода были известными гражданами Великого Устюга. (Истории семьи посвящена объёмная статья, написанная историком Галиной Николаевной Чебыкиной).

Дед М. М. Булдакова по отцовской линии был мастером-медником и котельником, как и его предки. Отец Михаила Булдакова, Матвей Андреевич, продолжал дело медника и одновременно занимался торговлей российскими, немецкими и китайскими товарами, в конце XVIII века состоял в купцах второй гильдии. У него было три сына, которые, став совершеннолетними, как и отец, успешно вели торговлю по всей России.

Наиболее успешным из братьев Булдаковых стал младший - Михаил. Уже в 15 лет он вместе с братом Петром впервые

побывал в Сибири. В 16 лет на целый год уехал в сибирские земли, а позже стал служить у известного иркутского купца Григория Ивановича Шелихова. В 1799 году, в 31 год, уже был назначен на должность директора Российско-американской компании, которую занимал 27 лет. Михаил Булдаков был организатором кругосветных экспедиций русского флота, членом-корреспондентом Академии наук.

Михаил Булдаков женился в 29 лет на дочери Григория Шелихова - Авдотье Григорьевне. Супруги имели четырех дочерей и сына Николая, не продолжившего коммерческие дела отца. Он окончил Московский императорский университет, работал в Министерстве финансов, служил при МИДе, был симбирским губернатором. Дружил с Антоном Дельвигом, был знаком с Александром Пушкиным.

ПРАВИЛО ЧЕСТНОГО КУПЕЧЕСКОГО СЛОВА

Товарищ Михаила Булдакова - архангелогородский купец, историк, известный в XVIII веке общественный деятель, член-корреспондент Императорской Академии наук Александр Иванович Фомин. В книге опубликованы три его письма.

Письма А. И. Фомина искренни и деликатны по отношению к собеседнику. Из одного письма к Булдакову 1800 года: *«Откровенность ваша, которою вы меня удостаиваете, весьма трогательна, но не опасайтесь приятель, я научен и во сне хранить дружественный интерес и сие наблюдение усвою важнее всякаго налетнаго благородия. Увертись сим, и не опасайтесь присылать ко мне списков. Мое искреннее старание было и есть солюбить честь при моем имени».*

Возможно, непривычно осознавать то, что прежде деловая этика включала в себя даже необходимость «во сне хранить дружественный интерес». Подобные выражения доверия, верно, помогали формировать и духовное единение людей в торговой среде, которые неукоснительно следовали правилам честного купеческого

слова. Эти правила, кстати сказать, в XVIII веке четко сформулировал в своей работе «Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании...» Александр Фомин: *«Следует купцу быть трудолюбиву, ласкову, обходительну, учтиву, честну, скромну, умеюще говорить красно и порядочно и словом, вкрадывающемуся так сказать в людей. Надобно, чтоб бодрость и предприимчивость были ево удел; осторожность и быстрота мыслей - ево счастье, а довольная опытность и осмотрительность - ево подпора. Весьма противостоит купцу быть лениву или тратить время в излишних забавах. Но при том всем купец за самое главное правило почитать должен честность и непоколебимое держание своего слова».*

«ОБ ДЕЛАХ СВОИХ ДОНЕСУ...»

Имя Михаила Матвеевича Булдакова тесно связано с Российско-американской компанией, но фактического материала по этой теме в книге «Эпистолярное наследие...» не так много. Однако порой попадаются истории о непривычном для северного купца житье-бытье на чужой земле: *«Находясь уся Америки матерои семли уся, в крепости нашево общества, при артели с Васильем Малаховым живу. Питаемся летом свежим кормом - рыбой, а в зиму приготавлием юколу (мороженая лососина. - Э. Т.) и протчие семныя сараны (дикорастущие лилии, употребляемые в пищу. - Э. Т.), и морскими китами, и мясами. Российским природным отвыкли хлеба, а природа не забывает - нужда всему досволяет быть»* (1798 г., из гавани Павловской, в Кадьяке, Петр Протодыяконов).

Авторы писем описывают быт провинциального купечества, рассказывают о семейных и деловых отношениях, описывают благотворительную деятельность. Немалая часть переписки посвящена деловым распоряжениям и отчетам. Но в них, даже если только судить по названиям товаров, совсем другой мир - с непонятными для нас реалиями: *«Об делах*

Милостивни Государя!

Михайло Матфеевичъ

Ва письмо Ваше отъ 20го декабря, я сердечно благодарю, и жду чтобъ Лета еще для меня и не весьма приятно, и для праздника Дала мнѣ хорошаго удоволья, я давно желаю извѣрствъ что эти материя не только производитъ — ну вотъ и послѣдніе извѣстности съ сего погоста послала, увидитъ Естали въ мѣсяцъ какая вѣрность, медуто думаю чтобъ обвѣстятъ деней каибъ бѣжало прежде поименному тѣмъ отъ мѣсяца въ мѣсяцъ оставалось; нетъ, непротиве того я ивѣст погоста иръ Дуку не вѣроч; а кой рививей ивѣст погоста Дулатомъ деланъ этого свѣтъ мѣсяцъ Делали, то и это для меня обвѣст, что я съ 1го мѣсяца не вѣрочо деланъ сидеть, потому что каибовъ бѣло извѣст съ паслѣвъ и съ вѣрочности ивѣст и иръ мѣсяцъ обвѣст съ пог. ивѣстии ирѣ Деланъ къ вамъ отправляемъ, но для меня это вѣдъ нѣчего, подай боже что въ укаибъ бѣло вѣдъ хорошаго. — Стрѣги каибовъ нетъ въ прикѣнѣтъ, а развѣ напишете ли того обвѣст ивѣстѣ матеріевъ при сѣлѣ отъ него письмо да чтобъ петра матеріевъ на Другое. — Съ прошедшей погостой я къ вамъ мѣсяцъ писалъ и деней 1500-руб. отправивъ каибовъ.

Письмо Фёдора Шергина от 27 декабря 1798 года (Д. 24. Л. 1)

своих я вам донесу: задние якутские товары з Америки в Орленге ис коих пышные сюда все доставлены и отправлены в Кяхту, и кость на сих днях ожидаю сюда с первых судов. Якутские товары в Кяхте Шаровым променены были: белка 2-й сорт бусая, искра вокруг, на 103 руб. на ламску пекински, но я принимал по 10 руб., лисицы красной 620 по 2 руб. 88 коп.; недопесков - 600 по 1 руб. 35 коп. все на болшу нелощену, лисицы прошлогодня 241 за 11 ящиков чаю жуслану насыпново и 60 байхово средней доброты, сукна корновы прошлогодни нарезные партии и с товары и разными ценами на чай кирпичный по 20 руб...» (1798 г., из Иркутска, Андрей Булдаков к брату Михаилу). Только попробуйте себе представить без словаря бусую белку, кирпичный чай или качество байхового чая, который «средней доброты»!

Сейчас слово «бусый» уже не употребляют, раньше же оно означало тёмный оттенок голубо-серого цвета. Кирпичный чай, знали старопрежние купцы, это самый худший по качеству черный чай, его запрессовывали в плитки, похожие на кирпичи, а отсюда и название пошло.

«Я УЖЕ ВОЗРОСТИЛ ЧЕТВЕРТОЙ АНАНАС»

В бытовых письмах в кудрявых завитках скорописи красуются комплименты и выражения уважения и нежных чувств к близким, выражаются просьбы о пересылке необходимых вещей, много рассказывается о семейных, повседневных городских историях, проблемах. Приведем лишь несколько отрывков из писем.

О жизни Великого Устюга. Например, о создании сада в городе, который в 1824 году Михаил Булдаков подарил городскому обществу. Иван Булдаков в 1806 году пишет двоюродному брату Михаилу:

«Позвольте мне доложить: видел я расположение ваше развестъ [сад] по здешнему климату, хотя наперво маленькой. Это бы всему городу нашему было удовольствием. Но для сего предмету, хоша б не корыстной,

но практикованной человек [нужен], бес того труды и намерения будут тщетны. Ибо я уже испытал и довольно из Москвы деревья перевозила, но все без практической науки без успеху. А могу вас уверить, а здесь яблони и вишня будут под хорошим присмотром родитца, а особо ежели в тепличке, а в парниках дыни и арбузы, а без знающево человека такой же сад будет, как у меня под названием огорода... Я уже возросил в своих покоях четвертой ананас, которой уже дозревает по благоприятству весны. Цвел еще на светлой неделе, а теперь с 9 числа сего месяца пошел ветер северный и погода стала гораздо холоднее». Не многим известно, что в Великом Устюге, на Севере России, выращивали фруктовые деревья и даже ананасы.

В 1802 - 1804 годах Иван Осипович Булдаков был городским головой, как раз в эти годы в Великом Устюге шла напряженная и при этом достаточно успешная работа по составлению генерального плана города. При работе над планом были учтены пожелания большинства городских жителей, «все нужды города выполнены, исключив только того, что не достает места для построения гостиного двора». Иваном Булдаковым было предложено место для двора - архиерейский дом, сильно пострадавший от пожара 1782 года и пришедший «в ощутительную ветхость... занимая лишь самое лучшее в городе место», который не приносил «какую-либо пользу, но только отнимал вид». Чтобы помочь благоустроить город, Иван Булдаков обращался с просьбами к брату, эмоционально формулируя: *«Архерейскои дом у нас разваливатца без действия. Я много ворчал, а кусать - зубы худы, никто не помогает, как будто он чужой, видно, и остатки развелятца и растащат... Впрочем я спокойно живу хорошенким паном: хочу - з двара иду, а не то с робятами играю. Вот моя жизнь. А толки еще умишко прошу, чтобы и к вам побывать, да что и дорог ноне стал трусить, не по старому, не с аппетитом, вот до чево дотянулся - сам себе дивуюсь»* (1806 г., из Великого Устюга).

Памятник Михаилу Матвеевичу Булдакову в Великом Устюге открыли в нынешнем году

Гостиный двор с помощью М. М. Булдакова был обустроен. Городскому обществу купцом был отдан участок земли для пользования, принадлежавший бывшему архиепископскому дому, на улице Набережной, где в 1817 - 1819 гг. построили гостиный двор.

О чем думали купцы, как письменно выражали чувства и эмоции, как выстраивали этикетные и психологические границы с собеседником - всё это тоже можно найти в опубликованных письмах. Предлагаю фрагмент из письма М. М. Булдакову воспитателя Василия Шелихова Н. Дрозд-Боначевского (который приходился шурином Михаилу Булдакову):

«Что касается до меня и Василия Григорьевича, то мы, по милости Всевышнего, подвигом добрым подвизаясь, совершили течение прошедшаго благополучно... Извинште, пожалуйста, что я вам столь долго не писал... я находил сии заботы нужнейшими всякой переписки, почему и отложил до ныне оную, яко излишнее многоглаголанье, в нем же несть спасения, тем паче, что я из вашего молчания и из

политических обстоятельств, заключил, что вы также много обзабочены и не имете ни времени ко взаимной переписке, ни помышления с меня за оное взыскивать, довольствуясь теми известиями, каковы Василий Григорьевич посылает еженедельно» (1808 г., из Дерпта).

Другой эмоциональный фрагмент из письма Натальи Тимковской, сестры иркутского врача, к Авдотье Булдаковой: *«Прашу вас милая мая не забывать ту, которая вас много любит и заочно целуишь тысячу тыщи раз и астаеся навсегда вашим другом и сестрой, Наталья Тимковская» (1799 г., из Москвы, к М. М. Булдакову).*

КУПЕЧЕСКОЕ ПИСЬМО В ЗЕРКАЛЕ ЭПОХИ

География переписки широка: Великий Устюг, Санкт-Петербург, Москва, Архангельск, Иркутск, Ирбит, Кяхта, Киев, Дерпт. Письма из «Эпистолярного наследия...» созданы не только хорошо образованными купцами, промышленниками, учителями-воспитателями, чинов-

никами, но и женами купцов, их детьми.

Покажите ребенку бытовое письмо из этой книги - и он не найдет в нем ошибок. Письма показывают: как слышал человек слово, так и писал его. Дети и сейчас нередко делают то же самое.

Многие тексты сохранили правописание «по слуху»: *збавили, збиратца, збор; вотка, претиси, ретко, шездесят; тавар, команда, галанцы, лутче, протчем, одчаяние, отчаеваюсь, начштаетца, дотпти* и т.д.

Купцы были точными и обстоятельными людьми в делах и быту, в выборе слова. Они обращали внимание на незнакомые слова, разъясняли смысл новых слов и описывали практическую ценность предмета: *«Белку вашу, называемую князьками, между коими довольно было и серой, в Макарьевске продал по 55 коп. за деньги, больше никто дать не согласился...»* Или: *«В прилагаемой к письме матушкиной фактуре значится маленькая посылочка с тремя стручками гюда, называемаго Кассия, или Девий мед, коим, сказывают, Иван Предтеча, в пустыне живя, питался. Посылаю оные вам, милостивый государь, гостинца, хотя ничево и незначущие...»*.

Пишущие прежде жили правилами «совершенного купца», эти правила касались и делового общения. О краткости речи: *«Извините меня, что не могу в краткости изяснить отличия нашей торговли с заморьем связанной»*. О необходимости переписки и документального порядка: *«А к переписке, которая вам при первом шаге вступления будет казаться затруднительной... по времени вы к ней нечувствительно привыкните, и всю само по себе пойдет на порядке. Прошу по своей дружбе письмами не оставлять...»*.

Эти письма - материальное свидетельство живой разговорной речи, культуры письменного общения.

Современный человек не представляет сейчас, как говорили люди XVIII - XIX веков, зато, прочитав несколько писем, легко погрузится в язык эпохи. Для примера: *«моя прозба уснула без действия», «братец, плечи пониже поясницы на под-*

коленки сядятца (от работы. - Э. Т.)», «не хуже бы и помешкать по старой пословице: намрутся - скорее купят», «точно как деревенской мужик по пословице: гром не грянет - мужик не перекрестится, так и наш сват», «где не гуляй, не живи, а будешь на том месте, где определено» и др. Обращает на себя внимание искренняя, раскованная (с юмором, с просторечными словами и выражениями), образная речь в булдаковских письмах.

«Эпистолярное наследие...» поможет читателю погрузиться в атмосферу эпохи, индивидуальный стиль пишущих, деловую и разговорную речь того времени.

В письмах нет привычных для нас знаков препинания - двоеточий, кавычек, многоточий, хотя «Российской грамматикой» Ломоносова (1755 г.) их употребление уже было описано. Порой из-за спешки авторы писем вообще не ставили знаки препинания и, если б создатели книги их не поставили, современному читателю вовсе бы трудно было понять содержание старых листов: *«Не погневайся, батюшка Михайла Матфеевич, что много марал, да не очинь порядочно - торопился. Егор Андреевич поспешил письмо печатать»*.

Купеческие письма демонстрируют смешение элементов разных стилистических пластов - в деловых и бытовых письмах. Нас отделяет всего два века от того времени, но очевиден факт: раньше не было такого жесткого деления на стили. В рамках документального трафарета свободно функционировала как официальная, так и повседневная разговорная речь. По сути, пишущий человек тогда был творцом языковых норм, импровизатором в границах делового письменного общения, даже в некотором роде учеником, позволявшим себе речевые вольности, небрежности, употребление местных слов, при этом понимавшим «столичные» и «провинциальные» нормы.

Эльвира ТРИКОЗ,
кандидат филологических наук,
сотрудник музея-квартиры
В. И. Белова

Между Вологодой и Устюгом

Литературное объединение «Тотьмяне» родилось в 2003 году с выходом в свет первого коллективного поэтического сборника тотьмичей. В 2018-м творческое объединение отметило 15-летие.

Поэтическое сообщество в Тотье существовало и ранее: в разные годы творческие земляки собирались в редакции районной газеты «Ленинское знамя», сейчас - «Тотемские вести». Когда стали активно выезжать на литературные фестивали в соседние районы, с лёгкой руки редактора «районки» Валентина Дурова назвались «Тотьмяне». После ухода из жизни Валентина Клавдиевича бразды правления объединением переняла журналистка Ирина Рычкова. Очень жаль, что коварная болезнь унесла из этого мира и её. Оба этих светлых человека сделали немало для становления творческого сообщества. Именно они были инициаторами выпуска литературных альманахов «Тотьмян», способствовали творческому развитию участников объединения, помогали принимать участие в литературных фестивалях Вологодчины.

При поддержке спонсоров вышли в свет три коллективных альманаха, для названия которых тотьмичи выбрали строки из стихотворений Николая Рубцова: «Тот город зелёный и тихий», «О чём шумят друзья мои, поэты...» и «Между Вологодой и Устюгом». Каждый из них включает в себя произведения почти трёх десятков авторов.

Помогает популяризировать творчество тотьмичей районная библиотека.

Своими силами коллектив издал книги «Пишу стихи, как сердце мне велит» и «Стихи расскажут о войне». Не зря библиотека носит имя Николая Рубцова. Здесь регулярно устраивают поэтические вечера, организуют презентации новых книг «Тотьмян».

Есть в творческом сообществе представители почтенного возраста и молодёжь, каждый год открываются новые имена. Мы, безусловно, гордимся тем, что среди «Тотьмян» есть уже и члены Союза писателей России: Александр Добрынин и Людмила Новикова - сейчас они живут в других городах, но не упускают возможности пообщаться с собратьями по перу на родине, помочь советом, оказать поддержку.

Участники нашего литобъединения состоят и в других творческих союзах: Наталия Трофимова и Валентина Козлова - в Союзе журналистов РФ, Валентина Прокофьева - в Российском союзе писателей. А все вместе мы - тотьмяне, мы любим наш родной край и выражаем свою любовь и признательность в наших стихах и песнях, рассказах и повестях.

Ольга ЛАВРОВА,
руководитель ЛИТО «Тотьмяне»,
сотрудник газеты «Тотемские вести»

Мир счастьем болен

Евгений Борисович о себе сказал так: «Биография укладывается в типичный ряд: октябрёнок, пионер, комсомолец, беспартийный. Ничем выдающимся свой жизненный путь до сего времени не отметил».

Отнюдь! Евгения Елисеева многие тотьмичи знают как хорошего мастера - столяра, плотника, он долгое время он работал в «Тотьмареставрации», до сих пор увлечён тотемской деревянной архитектурой.

Стихи начал писать давно, постоянно публиковался в тотемской районной газете, выпустил два сборника стихов: «Грани» и «Мельница». Евгений Борисович является постоянным редактором тотемских альманахов, некоторое время вёл кружок «Вдохновение» в районной библиотеке.

А. Смолину

Мне снилась Тотьма, в том снегу
венчальном,
Что отроку влюблённому мила.
Судьбой какой - расчетливой, случайной -
Вновь позвоню в твои колокола?

Ни повода, ни худенькой попутки
Сбежать от надоевшего венца.
От часа к часу - всё грустнее шутки;
И тьма, и морось прямо от крыльца.

Но ждёшь ли ты, залюбленная всеми,
В скупом быту обыденных хлопот
Забывшего о славе и богеме,
Проспавшего последний теплоход...

Вновь за окошком к ночи снег волнится;
Вокруг бессмысленна мышьяная возня...
Брожу по Тотьме - в полудрёме мнится -
И этот сон преследует меня.

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ

Всех друзей я привечая,
братству возношу хвалу
Наливай, чайханистик, чаю
в расписную пиалу.
Пламень ароматной влаги
пить в жару заведено -

Не по рангу работаге
страстно-терпкое вино.
Развернём беседы свиток;
каждый здесь общенью
рад.

Душу греет не напиток -
разговоров аромат.
Все мы добрые селяне,
все проверены нуждой.
Благо - с ближним поделиться
и лепёшкой, и водой.
Пусть скупые баи бают,
мол, в богатстве жизни
суть;

Разве баи понимают -
деньги душу не спасут.
Не купить ключи от рая,
по себе не спеть хвалу.
Наливай, чайханистик, чаю
в расписную пиалу.

* * *

Звук редки в полуночной глуши -
Спят беспробудным сном.
Хочется дальний вояж совершить,
Не покидая дом.
Хочется солнце рукою ласкать
В бликах трепещущих вод,
Звёзды предгорий в букет собирать,
Снежный встречая восход.
Грезить лазурный банановый рай,

Ценишь альбатроса полёт,
Болтаются по палубам, как Шалтай,
Круизный качать теплоход.
Хочется... хочется много чего
У горизонта лет,
Из полумрака дрёмы зевок
Сна, которого нет.

* * *

Вечереет. Ночь бела.
Звёзды дремлют в зеркалах.
У недвижимои воды
Ив таинственны кусты.
Каждый шорох, каждый всплеск,
Затаясь невдалеке -
Вспышка страха, арабеск,
Не замеченный никем.
Прогорающий костёр,
Грёз неспешных череда,
Задушевный разговор,
Полунощная еда...
Скоро утро. Ночь бела.
Звёзды гаснут в зеркалах.
По реке, в куделю пьян,
Растекается туман.

* * *

В первых льдинках хрустальных лужицы,
Значит, скоро грядёт зима,
Значит, скоро снега завьюжатся,
Превращая дома в терема.
Север, холодом ярим потчюя,
Раздразнит молодую кровь -
Возвратится к себе на вотчину
Недосказанная любовь.
В зимних празднествах за салазками
Будет ветер с горы свистеть.
Ввечеру, собравшись за сказками,
Детвора прекратит галдеть.
Будет вьюжить и петь метелица,
Будут долги и чудны сны.
Закружат в небе крылья мельницы,
Ожидая приход весны.

* * *

Чадит свеча - огарок узенький.
Сплетён очаг дыханьем музыки
Из тишины, из бликов вечности.

Приходят сны, не музой венчаны.
Скрипит перо - бумага белая
Надрывность строк вбирает телом всем.
Черновики с упорством множатся,
А тьма звездит и коршит рожцы.

* * *

Чуть уляжется, как ветер,
Пыль дорог,
Вдаль манит о белом свете
Говорит:
Дескать, есть чудные страны
За леском -
Нужно лишь оставить рано
Милый дом
И отправиться навстречу
Чудесам,
Ветра слушая наречий
Голоса.
Но прибьёт дождём под вечер
Пыль дорог,
Выйду к звёздам я навстречу,
На порог
И, коснувшись этой бездны,
Вдруг пойму:
Не объять миров безбрежность
Никому.

* * *

Среди осенних ясных дней
Есть череда неуловимых
Мгновений. Пролетая мимо
В тиши аллеи,

Блистая золочёной негой,
Из бездны неба вечность пьют.
Душа находит свой приют
В мирах, где не был.

Не откликается ветрам,
Пророчащим веселье бури.
В те дни так хочется лазури
К святым дарам.

Свободой дышится крамольной.
Рассудок буйством красок пьян.
Недвижен вечный океан.
Мир счастьем болен.

* * *

*Дремлет ночь в светёлке лета.
Вдоль реки туман.
В небе чуть заметен где-то
Звёздный океан.
Трепет соловья чуть слышен.
В горнице темно.
Юный месяц тихо вышел
Заглянуть в окно.
В скоротечной полудрёме
Растворилась весь.
Ветер странствий прочь не гонит -
Благодатно здесь!*

* * *

*Свежо на заре... Уснули ветра.
Свежо на заре... Лишь дымка костра.
Свежо на заре... В прохладе ветвей,
Как счастье само, поёт соловей.*

*Свежо на заре... Проснись. Над рекой
Свежо на заре, туман и покой.
Свежо на заре... Нетрудно проспать:
На глади речной - до солнца тропа.*

Валентина ИГОШЕВА

Я не печалюсь, что осень в разгаре...

Валентина Игошева живёт и работает в селе Никольском, известном как духовная родина Николая Рубцова. Валентина Геннадьевна окончила физико-математический факультет Вологодского педагогического института. 36 лет проработала учителем в родной школе. В 2014 году вышел первый сборник стихов Валентины Игошевой «Воздуха глоточек». Нынешней осенью произведения Валентины Игошевой вошли в шорт-лист VII международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник - 2019» в номинации «Философское эссе».

УХОДИТ СОЛНЦЕ НА ПОКОЙ...

*Уходит солнце на покой
До завтра. Завтра будет снова!
И день, конечно, будет новый,
Не как сегодня, а другой,*

*В котором - новые мечты,
Тревоги, радости, успехи
И даже - новые грехи
И... бесполезность суеты -*

*В ней тоже будет новизна.
Но это только завтра будет,
Когда мир солнышко разбудит.
Сейчас - спокойно всем сна!*

НЕ СПАЛОСЬ

*Не спалось мне в уютной постели
У раскрытого настежь окна...
То ль от песен ночных коростели,
То ль от думушек не было сна.*

*Может быть, от жары? В ней причина?
Как калило - земля горяча!
Вот и мучила сердце кручина,
Да ещё здесь и песнь дергача...*

*Мысли всякие... Вяско-тягучи...
Не поймать... Не домыслить никак.
Помню: вечером - туча за тучей
И... не белая ночь - полумрак.*

Тина КОЛЫЧЕВА (Валентина Прокофьева)

Теперь недолго до метелей...

Валентина Васильевна родилась в деревне Сергеево Вожбальского сельсовета Тотемского района. Четверть века работала певицей в Государственном академическом Северном русском народном хоре Архангельска. Стихи пишет недавно. Но какие! Все они - о деревне, её быте, жителях-стариках и... умирании. Публикует произведения на сайте «Стихи.ру» под псевдонимом Тина Колычева и в СМИ. Номинант национальных литературных премий «Поэт года» (2014, 2015) и «Наследие» (2015, 2016), «В начале было Слово» (2017). Валентина Васильевна живёт на своей малой родине. В прошлом году тотмичку приняли в Союз российских писателей.

ДЕРЕВНЯ СЕВЕРА

* * *

Дома ядрёны воплоток*,
Да по угорам, да в рядок,
А вдоль заборов из жердин
Берёзы в горечи рябин.
Скудны погода и земля,
И не в чести здесь тополя.
Родится жита пусть с пучок -
Распахан будет и клочок.
Колодцы - стайка журавлей -
Бренчат цепочками бадей,
Где бабы с раннего утра
Звонят в свои колокола
И до последнего двора -
А кто... зачем... куда вчера?
И ребятышек - ровно* блох...
Украдкой в поле - на горох...
Звенят, звенят их голоса
Пока не выпадет роса...
А что с деревнею теперь?
Упал последний журавель*.
Среди скелетов тех домов
Удел забытых стариков,
Бурьян, польнь, крапива ввысь...
Россия, милая, очнись!

Сколько раз я уезжала,
Но звала назад земля,
Старый дом да два сарая,
Незабудки у плетня,

Синь льняного покрывала,
Что тянулась до небес.
А деревня умирала...
Вместе с ней и лён исчез.

Помню - баушка казала,*
Открывая сундуки,
Из лотонья* вылетали
«Расписные петухи»:

- Тут крестом я вышивала,
Эта пара* - под венец...
Где-то без вести пропал он
На войне, мой молодец!

Вскользь слезинку утирая,
Уходила в закуток,
Где над кроснами,* летая,
Торопил её челнок.

*воплоток - тесно

*ровно - точно

*журавель - шест-рычаг для подъёма воды

* баушка казала - бабушка показывала

*лотонь, лотонье - одежда

*пара - народная кофта-казачок + юбка

*кросна - ткацкий станок

А когда, уж и не знаю,
Только он всё рос и рос -
Знать, ночей недосыпала -
Небелёный длинный холст.

Ранней ласковой весной
Попечёт водою наст,
Солнце - жаркою свечою...
Холст им серость и отдаст.

Понашьют потом рубахи
И порты, какие надь,*
На рукав цветы да птахи -
Ниткой крашеною гладь.

А теперь мы, надевая
Из Туретчины «шивьёт»,
Удивляемся немало:
Брюхо зудит! нос дерёт!

ВЧЕРА ЕЩЁ ЖЕЛАННАЯ...

Вчера ещё желанная -
Сегодня не мила.
Подружка окаянная
Верёвочку свила
И увела невольника
Окольную тропой.
Рябины ветка горькая
Сломилась надо мной.
Отброшу прочь я горькую,
А слёзы сберегу...
Да соловьём! Да звонкую!
И вору... и врагу...!

Теперь недолго до метелей -
Зима готовит свой наряд...
Вчера все гуси улетели,
Сегодня - лебеди летят.

И голый лес в раздумье мрачном
Нахмурил скорбные глаза,
Шумит о чём-то безучастно,
Печально глядя в небеса.

И солнца луч поля не будит,
Лаская тающим теплом.
Озимой ржи лишь изумруды
Стремятся к жизни напролом.

Крикливых галок села стая
На ветви вислые берёз,
Недолгой сорой нарушая
Недельный шёпот тихих слёз.

А беспокойные метели
Уже на Севере шумят...
И я забуду те недели
И наши встречи невпопад.

АВГУСТ

Кистью зарделась рябина стыдливо -
Скоро займётся костром.
Будет пылать, безнадежно красива,
Над пересошим прудом.

Кутаясь зябко в густые туманы,
Где-то скитается зной;
Днём обогреет цветок запоздалый.
Ночью по росам - босой...

Август манит на свои именины
Ярким сияньем зарниц.
Ночи его, канипельно-ленивы,
Падают звёздами ниц.

В мутной речке доньшко
можно ль увидеть?
Укатилось солнышко с кем-то ночевать.

Брошена, не брошена... Горюшко ль теперь?
Пусть в лугах нескошенных плачет
коростель.

Цепкой повишкою ног не обовью,
Ворожбу не кликаю, ни беду твою.

Тропиной* нахоженной - тройксе
не догнать -
Укатилось солнышко с кем-то
ночевать.

Укатилось солнышко с кем-то
ночевать...
В мутной речке доньшко
можно ль увидеть?..

*надь - надо

*Тропина - тропа (местный диалект)

В синем сумраке вечера зимнего

Виктор Сергеевич Некрасов родился 28 июля 1939 года в Ленинграде. Во время Великой Отечественной остался сиротой: пропал без вести отец, умерла мать. По Дороге жизни эвакуировали маленького Витю на Вологодчину, в село имени Бабушкина, где проживали родители отца. Окончив среднюю школу, Ленинградский издательско-полиграфический и Кадниковский сельскохозяйственный техникумы, долгое время работал в бабушкинской районной газете «Знамя». Виктор Некрасов выпустил несколько сборников стихов: «Берёзовая тишь», «Серебряные росы», «Сказка о потерянном кладе», «В рассветной тишине». Подборки его произведений вошли в литературно-поэтический сборник «Взмахните, ангелы, крылами» 2012 года с рецензией Ольги Фокиной. Виктор Сергеевич - номинант международных премий «Филантроп» в области поэзии за 2008, 2010, 2012 и 2014 годы. С 2012 года проживает в Тотьме, стихи нередко публикует в газете «Тотемские вести». Многие его произведения положены на музыку вологодскими авторами.

В РАССВЕТНОЙ ТИШИНЕ

Прекрасен мир
В рассветной тишине,
Когда простор
Покою сонным дышит,
Прислушайся -
И шепот трав услышишь,
И родников журчание во сне.

Меня сюда
Неистово влечёт,
Таинственный
И вечный зов природы,
И я иду
Под радужные своды,
Где всё вокруг,
Безмолвствуя, поёт.

Где камыши
купаются в тиши,
Где ландыш пьёт
Росы живую влагу,
И ручеёк
Струится по оврагу,
Впадая прямо
В озеро души.

Люблю тебя,
Мой светлый тихий дом,
За шум берёз
И тишину рассвета,
За родники
И ласковое лето,
За жаворонков
В небе голубом.

Ещё тепло
Исходит от земли,
Ещё луга
В ромашковой метели.
Приду сюда,
Пока не улетели
С осенним ветром
К югу журавли

Когда они,
Смахнув крылом росу,
Взлетят,
Прощаясь с Родиной,
Заплачут,
Зажму ладонью
Сердце, а иначе,
Сам уроню невольную слезу.

ВОСПОМИНАНИЕ

В синем сумраке
Вечера зимнего,
Где за печкой
Сверчки-соловьи,
Под жужжание
Старого «Зингера»
Пела бабушка
Песни свои.

Нележки
Её думы вечерние
И тоски,
И печали полны:
Три сынка -
Три надежды последние -
Не вернулись
С проклятой войны.

Допоеёт,
Остановит машинку
И к кроватке моей
Подойдёт.
Постоит в тишине
И слезинку
Рукавом
Незаметно смахнёт.

И покатится
Эта слезинка,
Как свечи
Оплывающей воск.
- Спи, родной,
Спи, моя сиротинка!
И погладит
По шёлку волос.

РАЙОННЫЙ МАГАЗИН

Торговый зал, залитый светом,
Реклама, золото витрин...
Но мне запомнился не этот,
А наш, районный, магазин.
Где на одной и той же полке
Лежали мыло и вино,
И хлеб, и с нитками иголки,
И на рубахи полотно.
Где, не судите слишком строго,

Солевая скважина в русле реки Ковды, деревня Варница Тотемского района. Фото Михаила Климова

Кто голодал, тот всё поймёт,
Мы за краюшкою ржаного
Стояли ночи напролёт.
Война все судьбы воедино
Сплела в большой тугой клубок.
И люди здесь семьёй единой
Держались крепко, бок о бок.

Через войну, сквозь дым пожарищ,
Под вой снарядов и машин,
Шагал земляк Иван Степаньч
Дорогой длинной на Берлин.
Но подвела судьба-злодейка:
Отведав всласть госпиталей,
Он боевую трехлинейку,
Сменил на пару костылей.
Пришёл - не мило всё на свете:
Хромой, с озлобленным лицом.
Но предложили в сельсовете
Пойти работать продавцом.
И, дав согласие, спозаранок
Надев мундир солдатский свой,
Он в магазине за прилавок
Встал, будто на передовой.

Оставив впрок дела иные,
 Сюда со всех концов села
 Шли, чтоб узнать про мировые
 И про районные дела.
 Собрав последние копейки,
 Заботы эти нележки,
 Частенько ради опохмелки
 Туда сходились мужики.

Порой мужик, хлебнув хмельного,
 Набив махоркою кисет,
 Идёт, как будто не в торговый,
 А в стратегический объект...

Прошли года. Уже не стало
 Давно Степаныча. Тех дней
 Однако добрые остались
 Воспоминанья у людей.

Торговый зал, залитый светом,
 Реклама, золото витрин...
 Но мне запомнился не этот,
 А тот - районный - магазин...

ПАМЯТЬ

Под спуд ещё
 Не сложены года,
 Хоть их осталась
 Малая частица,
 Ещё летит, летит
 Моя жар-птица,
 Ещё горит в ночи
 Моя звезда.

А вот душа
 У памяти в плену...
 Перелистав
 Судьбы своей страницы,
 Я вспомнил
 Сорок пятого весну,
 Односельчан
 Улыбчивые лица.

Как матери
 Встречали сыновей,
 Когда над миром
 Замолчали пушки.

И как молились
 Набожно старушки
 На стены
 Обезглавленных церквей.

Как празднично
 Блестели зеркала,
 Когда пред ними
 Красились девчонки...
 А над селом
 Черемуха цвела,
 И в чистом небе
 Пели жаворонки.

Ах, как играла
 Весело гармонь!
 Повсюду песни
 О Победе пели...
 Другие,
 Прислонив к глазам ладонь,
 В седую даль
 С надеждою смотрели.

Была пуста дорога
 И грустна.
 И на нее,
 Колесами разбитую,
 Глядели
 С неподдельною обидою,
 Как будто бы
 На ней была вина

За кровь и слезы,
 За огонь и дым
 И за сирот,
 Ни в чём не виноватых,
 За всех от нас
 Ушедших молодых,
 Не досмотревших
 Летние закаты.

У памяти сыновней
 Нет конца.
 В ней всё прошло
 Сквозь годы лиховые...
 Храню святые
 Письма фронтовые
 И выцветшие
 Карточки отца...

ПОСЕЛЕНЦЫ

*Жертвам
политических
репрессий*

Собрание шло,
Кипел страстей накал,
Табачный дым
Гасил огарок свечки.
В сердцах уполномоченный
сказал:

«Кончай базар,
К чему пустые речи?
Теперь известны
Ваши кулаки.
И мы, согласно
Сталинских законов,
Их завтра же -
В Сибирь, на Соловки
Отправим всех
В столыпинских вагонах».

Тридцатые!
Забыть их нелегко.
Суровые шли годы,
Лиховые.
Законами рубили мужиков,
Валили,
Как деревья вековые.
Застыла
В скорбной памяти земля.
Без мужиков
Она осиротела,
Но каждою песчинкою
Хотела
Амнистию дожидаться
От Кремля.

Но было всё страшнее
Страшных снов.
Потоки всё
Сметающей лавины
Своих в Сибирь
Загнали мужиков,
Сюда ж везли
Этапом с Украины.

Их привезли, пересчитали.
Дела в районе
сдал конвой.

А штык блестел полоской стали
У часового за спиной.
Луна играла
Мертвым светом,
Крещенский
Лютовал мороз.
Под жгучим небом
До рассвета
Стоял на улице
Обоз.

А утром - в путь.
Сквозь волны стужи
Томились люди
В полусне.
Дорога в лес
Все уже, уже,
И, наконец,
Во всей красе
Предстал
Стволами вековыми -
Сосна к сосне,
Сосна к сосне.

И встали кони.
Поселенцы,
Ещё от холода дрожа:
- Костер бы нам -
Согреть младенцев...
Но по обозу:
- Вы-гру-жа-ай!
Лишь воронья
Кружила стая,
Да звёзд январских
Хоровод.
О, сколько вас
Земля сырая
К себе до срока
Заберёт!..

За все круги
Земного ада,
Что в жизни
Вынесли они,
Не забывать,
По праву надо
Зажечь бы
Вечные огни!

Счастье не спешить...

Произведения Ольги Лавровой публиковались в районной и областной печати, коллективных тотемских альманахах. В 2015 году издан сборник стихов «Птичья песня».

ЖИТЬ...

Какое это счастье - не спешить:
Снежинок хруст услышать под ногами,
С листом осенним, падая, кружить,
А в летний зной речными стать волнами...
И зная, сколько надо совершить,
Какое это счастье - не спешить...
Какая это радость - просто жить:
Дышать любовью близких и любимых,
В уютной суете дела вершить...
Несётся время вскачь неумолимо,
Порой внезапно обрывает нить...
Какая это роскошь - просто жить!

СЛУШАЙТЕ - И УСЛЫШИТЕ

Выйду ночью послушать,
как медленно падает снег.
Если снега не будет,
я стану на звёзды смотреть.
Если кончится ночь,
отыщу горизонт, где рассвет.
А рассвета не будет - уйду
в предзакатную медь.

За окном занавесил простор
восхитительный дождь?
Не беда - он отлично слезу
маскирует водой.
А жара? От неё же спасение
быстро найдёшь:
Прелесть в каждом тенёчке,
окутанном тёмной листвой.

Есть во всём и везде то,
что манил пойти за собой,
Радость в существовании ночи
и каждого дня.
Чтоб счастливее стать,
надо только с открытой душой
Научиться смотреть,
научиться любить, понимать...

* * *

Вот ещё один день покрывалом
пушистого снега
Опустился на город январской
холодной порой.
Я смотрю в календарь...
Восемнадцать вот стукнуло мне бы!
Но четвёртый десяток оставлю
уже за спиной.

Где-то птицы щебечут - им даже
морозы не в тягость.
Ну и я постараюсь на годы смотреть
свысока.
Ведь бывает такое, что в двадцать
на сердце усталость,
А бывает - и в сорок душа, словно песня,
легка!

РУБЦОВСКИЙ КОСТЁР

В краю лесов, полей, озер
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костер,
Как мимолетный сон природы...
Н. Рубцов

Когда собираются вместе друзья,
Когда полыхает костёр над рекою -
Такого нигде не найдёшь ты покоя,
Такое забыть невозможно, нельзя...

Здесь вечер неспешно крадётсЯ сквозь лес,
Бредёт по полям, переплыв через речку,
Туманом слегка обнимает за плечи
И звёздами тихо целует с небес.

А дым от костра лёгким облаком - ввысь,
И с ним наши мысли и чувства спокойные.
Ведь там, наверху, уже странники
вольные,
Друзья наши давние в круг собрались.

Пролегла к дому стѣжка-дорожка,
С той дорожкой не всякий знаком.
Если б знать, что же там, за окошком,
За дощатую дверью с замком.

Может, что-то печальное скрыто,
А быть может, он с миром в ладу,
Непокинутый и незабывтый,
У округи у всей на виду.

Как хотела забыть и забыться
Я в плену одиноких ночей,
Только снова и снова мне снится
Чудо-терем из сказки моей.

Вновь живу в ожидании странном,
Будто всем и всему вопреки
Позовёт вдруг меня сквозь туманы
Тихий домик у светлой реки.

ЖИВИ, ДЕРЕВНЯ!

Я знаю хлеба вкус из русской печки,
И запах трав медовых мне знаком.
Я знаю, как поёт туман над речкой,
Как пенится парное молоко.

Как по утрам, на раннем на рассвете,
В деревне запевают петухи.
И нет красивей музыки на свете,
И я готова вечно слушать их.

Здесь каждый день заботою наполнен -
Пораньше встать, подальше бы шагнуть,
Чтоб всё свершить, чтоб всё
успеть исполнить
Всегда нелёзок был крестьянский путь.

Среди полей, среди родных деревьев
Твоим теплом дышу не надышусь.
Люблю тебя, кормилица-деревня,
Люблю тебя, моя святая Русь!

Я сердцем и душой всегда с тобою,
Твоя по крови, что тут говорить,
И гордости своей нигде не скрою -
Нам друг без друга просто
не прожить.

И потому не ошибусь, наверно,
Если скажу, что нет тебя милей.
Живи всегда, живи, моя деревня -
Душа великой Родины моей!

* * *

Поют в деревне петухи,
Как соловьи на зорьке ранней,
А где-то в заводях реки
Ещё курчавятся туманы.

Топорщат листья лопухи,
Деревья - будто часовые,
Поют под утро петухи,
Поют, как ангелы земные.

Остановись, послушай их,
Замри на миг, хоть на мгновенье,
Поют в деревне петухи,
Округу будят чудным пеньем.

Теперь уж людям не до сна,
Едва рассвет умоет небо -
Уже царит во всех домах
Пьяняще-сытный запах хлеба.

Идут на пастбище стада,
В полях работа закипела.
В деревне было так всегда:
Поменьше слов - побольше дела.

А стаи птиц над перелеском
Кричат, взмывая в неба синь.
В многоголосье деревенском
Я слышу голос всей Руси!

ПОЗВОЛЬ, РОССИЯ, ПОКЛОНИТЬСЯ...

Душа взмывает вольной птицей,
Внимая звонким голосам.
Позволь, Россия, поклониться
Твоим бездонным небесам,

Осинкам скромным на опушке,
Просторам вспаханных полей
И кукованию кукушки,
И крикам гордых журавлей.

*Берёзкам белым у дороги,
Родным рябинам у крыльца,
Тропинке к отчему порогу,
Могшам мамы и отца.*

*Нам не забыть и не забыться,
Ведь боль тревожит наши сны.
Позволь, Россия, поклониться
Всем не вернувшимся с войны.*

*И тем, о ком так ноют раны,
Кто на земле так мало жил,
Тем, кто в Чечне или в Афгане
Безвинно головы сложил.*

*Не перестану я гордиться
Красой и силою твоей.
Позволь, Россия, поклониться
Тебе, как матери своей.*

*Чтоб в эти тяжкие годы
И до конца, сколь длится век,
С тобою быть во всем единой,
Чем жив и счастлив человек!*

Я НЕ УСТАНУ ЖДАТЬ ТЕБЯ

*Поёт зима, метут снега,
Гуляет вьюга.
Мы не забудем никогда
С тобой друг друга.
Ты для меня как свет в окне,
Как солнца лучик.
Ты для меня дороже всех,
Ты самый лучший.
Пусть звёзды светят нам во мгле,
Давая силы.
За то, что есть ты на Земле,
Спасибо, милый.
Пусть лить дожди, мести снега
Не перестанут.
Я не устану ждать тебя,*

*Я не устану.
Растает снег, придет весна
И мир разбудит,
Я не устану ждать тебя
И не забуду.
Душа, как птица, рвётся ввысь
Сквозь плен тумана.
Я буду ждать тебя всю жизнь,
Я не устану.*

ПАДАЛ СНЕГ

*Пал снег, искрясь на солнце,
Лёгкой тонкой паутиной.
Постучал в моё оконце
Ветер веткою рябины*

*И помчался вдаль куда-то,
Закружился снежной пылью.
А по небу, словно вата,
Облака куда-то плыли.*

*Примостившись у кормушки,
Возвестив округу громко,
Все в снежинках, как в веснушках,
Птицы спорили о чём-то.*

*Снег раскинулся далёко
Покрывалом белым-белым.
Улыбаясь мне сквозь стёкла,
Солнце в комнату смотрело.*

*В то, что жизнь не станет хуже,
Так хотелось верить снова.
«Снег летит - гляди и слушай», -
Вспомнились стихи Рубцова.*

*Этим чудом наслаждаясь,
Замерев, на мир глядела.
Пал снег, жизнь продолжалась
И душа на миг светлела.*

Пусть будет хорошо

Надежда Слободина родилась в 1949 году и провела всю жизнь в лесном посёлке Чуриловка, что стоит на живописном берегу Сухоны. Вологодское медучилище, Сокольское педучилище, а затем Ленинградский пединститут. Работала фельдшером в медпункте. Много лет заведовала детским садом. Сейчас - предприниматель. Автор нескольких поэтических сборников, участница межрайонных и межрегиональных литературных фестивалей и семинаров. Надежда Павловна сочиняет и песни. Одна из них стала гимном Тотьмы. Стихи её естественны, как дыхание, как песня, как слеза, как улыбка, как Родина. Именно чувство дома, родного края, Отчизны - в них самое главное, самое драгоценное и постоянное.

* * *

*Соскользнул апрель
с тесовой крыши...
Молодецки шапку заломив,
Он идёт деревней -
будто пшшет,
Напевая простенький мотив.*

*Распушил апрель
на вербах почки,
Растрепал причёски у берёз.
Снег согнал
с большой болотной кочки,
В первый день
смешил людей до слёз.*

*Ледоход, капель,
большие лужи.
Нет зимы,
морозов больше нет.
Отчего же голос
мой простужен?
Почему погашен
в доме свет?*

* * *

*Ещё лежат
роскошные снега,
Но есть весны
весёлые приметы,
Как будто
приосанились стога,
С плеч отряхнув
сырые эполеты.*

*Ещё молчит
доверчивый ручей,
Ему б весны чуть-чуть,
совсем немного,
Тогда б он с каждым днём -
звончей, звончей -
Играл и пел
обочь большой дороги.
Как не заметить -
весел воробей,
Порхает день-деньской
не уставая.
А всё - весна,
и вся причина - в ней.
Вот вроде бы - хожу,
но я - летаю.*

* * *

*Пусть будет хорошо там, где мы есть.
Чего желать, когда река и поле,
Могучий лес, где вольным ветрам воля
И где звериных троп не перечесть?*

*Чего желать, когда сошли снега,
Когда согрета каждая былинка?
Стоит берёза с тополем в обнимку
И будто расступились берега.*

*Чего ещё, когда весны приход
Волнует кровь и будоражит душу?
И месяц отразился в сонной луже,
И зацветёт черёмуха вот-вот.*

Пусть будет хорошо там, где мы есть:

Кукушка долгой жизни наколдует,
Тепла и света все ветра надуют
И весть любая - радостная весть.

* * *

Снег не потому,
что зябко крышам,
Что продрогла стылая земля,
Снег пошёл -
нарядный, лёгкий, пышный,
Укрывая голые поля.

Снег - не потому,
что сроки вышли,
Что всему приходит свой черёд.
Серый день
белейшей нитью вышит,
Снег не знал, что к вечеру сойдёт.

Снег пошёл -
я знаю - для того лишь,
Чтоб на волосах лежать моих.
Снег затем,
что ты себе позволишь
Сдуть снежинки
с локонов седых...

* * *

Помнишь дождь,
не быстрый и не частый,
Лужи, голубые фонари,
Мы стояли на пустой террасе,
Ты всерьёз о звёздах говорил.

Там ещё росли кусты сирени,
И блестела мокрая трава,
Помнишь, мы вполголоса запели,
Путая прекрасные слова.

Там ещё грачи сидели в гнёздах,
Ветер их рассеянно качал.
И ничто нам не казалось поздно,
Мыслились и лодка, и причал.

Нас луна разглядывала в щели,
Раскрывала тайну, не щадя.
Что с тобой случилось?
Неужели
Ты не помнишь этого дождя?..

Он с нами - Бог, и Он - за нас! -
Нет прощя истины.
Спокойно плещется волна
У старой пристани.
Здесь парходные гудки
Остались в памяти,
Но - белый с красным - бакена
В туманной замяти.
Как хорошо по вечерам
Брести углёсками,
Когда закатные лучи
На волнах - блёстками.
Потом в волну войти по грудь,
Нырнуть и вынырнуть,
Печали брызгами стряхнуть,
И горе - выдохнуть.
Он с нами - Бог, и Он - за нас -
Нет прощя истины.
Бегут года, бежит вода
У старой пристани.
И огоньки на бакенах
Спокойно светятся.
Теплыни-солнца впереди
Немало месяцев.
Уходит солнце на покой,
Всё повторяется.
Пусть - красный с белым - бакена
Легко качаются.

* * *

Два воробья, наверно, муж с женой,
Чирикают, беседуют друг с другом.
Ерошит перья ветерок упругий,
Уж оттепель, повеяло весной.

Любуюсь ими, хорошо им вместе.
Жилище их под старенькой стрехой
Того домшиси, что по-над рекой.
Нет ни обмана, нет ни лжи, ни лести.

Зачем я в бесприютные года
Искала сокола за синей далью?
Всё обернулось пустотой, печалью,
Я не свила уютного гнезда.

А может, лучше - рядом воробей,
Простая незатейливая пташка?
Стирала б ему серые рубашки,
Текла бы жизнь без красок и затей.

Громышок

Сказка

Высоко, высоко в облаках - куда (даже если табуреточку подставить) не заглянешь, в большой и шумной семье строгого папаши Громовержца появился как-то на свет сынок.

- Громышок, Громышок! - сразу прозвали его приметливые жаворонки, подивившись, что не умел новорожденный, как назначено ему природой, ни рычать грозно, ни смеяться раскатисто. А звёздочки-хохотушки, те и вовсе потешались над ним: «Посмотрите, подружки, какое чудо народилось! Голосок у него будто бубенчик звенит. Ну, какой же это гром? Это, скорее, колокольчик!»

Громышок не обижался. Он кружил себе беспечально над миром. Свесив с радуги ножки, купался в прохладе небес. Много видел. И ему было радостно жить. Но вот однажды, где-то над студёным морем, пересёк его путь клин журавлей. Бубенчик живо наблюдал за незнакомыми странниками и не сразу понял, что творится неладное. Видимо, холод и усталость делали своё дело - стая всё ниже и обречённей опускалась к воде. Громышок застыл в ужасе: ещё миг - и пучина поглотит птиц. Но! Рыданье непогоды вдруг перекрыл звучный призыв вожака: «Держитесь, братья, нас ждёт впереди Родина!» И - о чудо - журавушки выровняли полёт. Сомкнули потрёпанные ряды и медленно, но решительно потянулись ввысь. Громышок от радости залился колокольчиком и захлопал в ладоши. Он не мог видеть, как птицы стали удивлённо оглядываться и махать ему благодарно: «Спасибо, незнакомый друг, за поддержку. Мы будем помнить тебя!»

Уже первый луч солнца ласкал бока улыбочивых тучек, а Громышок всё кряхтел и ворочался в своей постели. Вчерашняя

встреча и взволновала, и опечалила его: «Как много я, оказывается, ещё не знаю. Вот, про Родину, например. Что она такое? Отчего, услышав о ней, журавли будто водичи живой испили? Почему мне никто никогда не рассказывал об это загадочной штуке? Может, отца спросить? Да нет, осерчает. Сестрицу Молнию? Посмеётся. Кого же тогда? Сиверка - ветерка? Попробую. Он, хоть и бывает грубоватым, зато не разболтает никому».

Сиверку не понравился вопрос Громышка.

- Выбрось эту чепуху из головы, не-смышлёныш. Нам ли - вольным обитателям неба - интересоваться такой ерундой? Ты замечал: там, внизу - жилища тесные и душные? И скучный клочок земли возле них, где даже разгуляться негде? И не-приветливых существ, бранящих нас, как только мы являемся к ним в гости? Всё это, говорят, и называет кто-то Родиной.

- Но журавли, журавли! - не верил Громышок.

- Что журавли? Встречал я твоих крикунов. Не нашего они рода-племени. Колдуны какие-то. И тоску наводят. Не ищи с ними дружбы, пропадёшь.

- Хорошо, Ветерок. Только уж очень мне интересно, почему журавушки - даже на краю погибели - об этом «скучном клочке земли» помнят и так радостно стремятся к нему?

- Птичьи души тёмные. Нам их не понимать. Если не веришь мне, давай к Снежичу летаем. Он каждый год подолгу на земле живёт. В человечьих селеньях много чего видел и слышал.

У Снежича на скромной тучке - белый теремок.

- Вот так да! - удивился старик, увидев гостей. - Помнится мне, добропорядочное

семейство Громов никогда не водилось с забияками Сиверками! Что вас привело ко мне, да ещё вместе?

Громышок несмело выступил вперёд, смущённо поздоровался и тихо спросил:

- Что такое Родина, сможешь объяснить?

Снежич привстал с ледяного стула.

- Родина? Гм...

По тому, как царь снега стал нервно перебирать бороду, было видно, что вопрос оказался для него неожиданным.

- Простите меня, я немного растерялся, - после некоторого молчания заговорил он. - И даже не знаю, что вам ответить. Наверное, Родина - это такое место, которое любят как-то особенно. Оберегают его. Скучают по нему. А нам, вечным скитальцам, этого не дано. Вот, я бывает, зимой подолгу оседаю на одном месте и замечаю: многие рады моему появлению.

Мы играем с детворой в снежки и строим ледяные крепости, катаемся на лыжах и наряжаем праздничные ёлки. Но приходит Весна. Солнышко забирает меня на небо. Никому не нужный, я плачу всё лето дождями или прячусь по тёмным углам, чтоб не пропасть. Нет у меня, выходит, родного места, бесприютен я.

- Значит, ты не сможешь нам? - приуныл Громышок.

Снежич опустил глаза.

Тут вступил в разговор Сиверко:

- Слушай, старик, тут Колокольчик всё про журавлей мне твердит. Они ему родиной этой душу перевернули. Может, и правда они что-то знают?

Царь снега подумал:

- Что ж, журавлей спросить стоит. Я слышал, что в людском мире многие считают их частицей своей Родины. Найдёте частицу, потом другую. Так, глядишь, целое и соберётся. Лёгкой вам дороги.

Следы знакомой стаи приятели отыскали не скоро. Осторожные птицы устроились на постой на пастбище за нехоженными вековыми лесами, куда и ветры-то не всегда залетают. Лишь через несколько дней поисков начавший уже злиться Сиверко заметил внизу птичью станицу.

- Кажется, здесь, - махнул он Громышку.

И они опустились на край раздольного поля. А там по молодой мягкой траве кружился настоящий весенний бал. Тонконогие танцоры выбирали себе пару. Выходили в круг и важно кланялись друг другу. Забавно подскакивали. А то вдруг начинали щёлкать клювами и хлопать крыльями. Их длинные шеи плавно выгибались. Иногда плясуны замирали, осматривались вокруг и снова начинали прыгать. Грекло солнышко. Пахло прелью. И далеко-высоко разносилось необычное пение журавлиного торжества. Покатился-раскатился над праздником и весёлый бубенчик Громышка. Пляска неожиданно прервалась. Чужаков заметили и угрожающе обступили.

- Кто вы? И не вам ли принадлежит голос, смутивший моих сородичей? - горланно выкрикнул самый крупный журавль.

- Не пугайтесь! Это я так приветствовал вас. Меня зовут Громышок, а рядом - мой друг Сиверко. Мы рады, что нашли вас!

- Громышок? Ласковое имя. А скажи мне, незнакомец, не твоя ли песенка помогла нам недавно одолеть и ночь, и шторм в океане?

- Просто я тогда порадовался за вас. Вы - сильные и отважные птицы. И у вас есть Родина.

- А разве у тебя её нет? - вожак удивлённо обвёл взглядом притихших собратьев. - Ведь ты тоже родился где-то? У тебя должен быть свой дом, родные места, семья, наконец!

Громышок вздохнул:

- Родился я на облачке, а где оно сейчас, даже отец не скажет. И места, по которому, как у вас, болело бы сердце, у меня нет. А я хочу, чтобы оно было.

- Но родители! Что скажут твои родители? Они ведь могут рассердиться на тебя. Ты же хочешь оставить их, изменить свою жизнь!

- Я уже почти взрослый. Да и Сиверко вот оберегает меня.

- Возьмём его под своё крыло, вожак! - зашумела вокруг птичья ватага. - Малыш понравился нам. Нельзя отказывать тому, кто хочет иметь свою Родину!

- Слышишь? - старый вожак одобрительно закивал. - Ты можешь считать, что получил нашу поддержку. Однако надо крепко подумать, как помочь тебе. Давай-ка обсудим всё завтра, а сегодня продолжим праздник. Пой свои серебряные песенки. Мы ещё не танцевали под такую музыку.

Ранней зорькой вожак пригласил гостей на беседу. Пошли к журчащему поблизости ручью. У самой воды остановились. Старый журавль внимательно посмотрел на Громышка:

- Ты хотел знать, что такое Родина?

Бубенчик согласно кивнул.

- Рассказать о ней только словами - не получится, поэтому мы решили предложить тебе вот что. Тут недалеко у реки живёт одна больная старуха - Гора. Время обошлось с ней безжалостно. Она разрушается и пропадает. Да ещё злой и нахальный молодёжник* не даёт ей дышать, рвёт корнями тело, оплетает сучьями. А что если подобрать уютное пушистое облако и надеть его на макушку, будто шапку Горы? Получится хороший домик. А чтобы его не сорвало, привязать крепкой верёвкой из чудо-травы, которая растёт в углах, известных только нам. Вот и будет тебе родное место. На свой лад украсишь его. Возвращаться туда станешь после путешествий. В нём будешь играть с друзьями, и принимать гостей. Поживёшь, а там видно будет.

- А если бабушка погонит меня? Ведь я и шумным бываю и заплакать иногда могу, - испуганно посмотрел Громышок.

- Ну, во-первых, ты сам сказал, что уже не маленький. А, во-вторых, злом на добро у нас отвечать не принято. Если ты будешь помогать старушке, беречь её и слушаться, то и жить станете в согласии. Решайся.

- Боязно мне что-то, - опустил голову Громышок.

- Новое дело всегда начинать трудно. Особенно такое, - убеждал вожак. - А что тебе сердце твоё подсказывает? Соглашаться? Ну, вот. Тогда и начнём, не откладывая.

Скоро в птичьем стане закипела работа: кто верёвки плёл из чудо-травы, кто

кроватьку мастерил. Сиверко нашёл и протянул поближе облако, которое журавлихи осмотрели и подштопали, где надо. Затем все дружно подхватили новый дом Громышка и... Гора, осмотрев себя в зеркало, закокетничала старомодно:

- Какое благолепие вы мне подарили! В таком уборе я и не замёрзну. И вообще - красавицей стала!

Так началась новая жизнь Громышка. Устройство дома и участка вокруг него, знакомство с новыми друзьями и беседы со старухой Горой занимали много времени. Некогда было даже окрестности осмотреть хорошенько. А следовало. Если бы он заглянул хотя бы во-он в тот глубокий овраг, то увидел бы, как - озираясь, тайно - собирались там три заклятых друга. Прилетал хитрый филин по прозвищу «Ах, извините», вползало бестелесное утрюмое существо - Тишина, а третьим вкатывался Мухомор, которого заединщики за глаза презрительно звали «Мармелад в крапинку».

Встретились они и сегодня.

- Слыхали? - пожевал мясистыми губами Мухомор, - Гора себе дитя завела. Нахального, звонкого.

- Угу, - нахохлился филин.

- А ты чего молчишь, тень немая? - хохотнул ядовито гриб, взглянув на сучающую Тишину, - Так я говорю: каков, а? На нашей земле родину какую-то себе обустроить собрался. Облаком-платком эту старую ведьму греет. Сады, слух идёт, разводиться задумал. А мы куда?

- Ах, извините, я вас перебую, - открыл жёлтый глаз филин. - Ничего обустроить не дадим. Ни родины, ни грядок, ничего! Гнать будем пришельца далеко и навсегда. Двигайтесь ближе, план один нашепчу.

И вот как-то под вечер окошечко в доме Громышка закрыла чёрная тень.

- Можно узнать, а орёл Хват не здесь ли гнездится? - послышался чей-то неприятный смешок. - Нет? Ах, извините, вы нас очень огорчили. Ха-ха-ха!

Через короткое время тот же голос зашелестел над оврагом:

- Эй, в крапинку, у вас всё готово? Тогда ждите моего знака.

* Молодёжник - молодая поросль леса

Мухомор и Тишина с припрятанными под одеждой мешками выбрались из логова. По диким зарослям орешника прокralись к подножию горы, притаились.

Громышок занимался гимнастикой, когда раздался стук в дверь.

- Заходите, у меня открыто.

- Ах, извините, я на минуточку, - перевалился через порог филин.

Огляделся и заохал, запричитал:

- Помогите, помогите несчастному. Мой Мухомор, мой последний друг Мухомор заболел. Вернее, отравился. Каким-то ядом. Собирал, знаете ли, травы и жжение в животе обнаружил. В лесу жужжат, что только вы сможете облегчить страдания бедняжки. У вас есть, к примеру, микстура от палящего озноба?

Громышок, озадаченный как появлением странного гостя, так и его не менее странной просьбой, залепетал:

- Простите, но я не умею лечить. Вас кто-то обманул!

- У нас не любят обманывать. Вы же лечите свою старушку?

- Да, но...

- Никаких «но». Больной лежит недалеко. Вы осмотрите его и получите вознаграждение - мою вечную дружбу.

Бубенчик попытался возразить, однако ночной разбойник перебил его:

- Послушайте, а что если мы поступим проще? Сейчас я распоряжусь и болящего доставят прямо сюда. Ах, извините, я так рад, что меня посетила эта хорошая мысль.

Филин скакнул к окошку и махнул крылом. Внизу его сигнал увидели. Мухомор толкнул дремлющую спутницу. И та сразу стала надуваться, разрастаться в размерах, обволакивать лес, поляны, неслышно опускаться на холмы. Постепенно кругом пропали и пение птиц, и шум деревьев. Смолкли голоса ручейков и животных. Нюмота укутала журавлиное болото. Полное безмолвие воцарилось вокруг.

Можно было начинать. Тишина скользнула в жилище Громышка и прилепилась к потолку. Филин, уже не боясь быть услышанным, спросил её:

- Справилась? Теперь выгляни и посмотри, спит ли Гора? И толкай чужака в мешок. Спешить надо.

Тут и Мармелад появился - в крапинку. Оглядевшись, сразу бросился на Громышка. А тот не понимал, что происходит. И, главное, совершенно не слышал ни своего голоса, ни того, о чём говорят непрошенные гости.

Но когда какой-то страшноватобагровый шар покатился на него с мешком, сообразил: надо спасаться. Как? А, пожалуй, вот так. И он вцепился мнимому больному в отвислый нос. Никак не ждал гриб к себе такого отношения - закрутился, заголосил. Филин же, видя, как дружок его покатился к выходу, разозлился:

- Не отступать! Мешки готовы! Окружай!

Колокольчик звал на помощь, отбивался по мере сил. И всё же троица прижала его в угол. Филин развёл крылья в стороны:

- Ах, извините!

И Тишина сверху ловко бросила мешок.

- Теперь, - командовал уже в овраге филин, - ты, Мухоморка, на случай погони, останешься здесь. Направишь её куда-нибудь не туда. Хотя кто этого заморыша искать будет? Я же к властелину небес с подарочком подамся. Очень он ждёт его. Если дельце опрятно достряпаем, ох, и жизнь у нас потечёт небывалая. Сладкая, ленивая. Награду я думаю получить от Громовержца. И - немалую!

«Мармелад в крапинку» слушал и обмирал от счастья. Грезилась ему уютная полянка. Бабочки над ней порхают. И он - до чего красивый - скачет по мягкой травке и бабочек тех сачком ловит. А рядом хор поганок поёт для него «Во саду ли, в огороде»...

- Хватит мечтать, - оборвал его дрему филин. - Завяжи мешок потуже, да помоги из оврага выбраться.

Низинами и глухими местами поташил злодей Громышка на Лихое Безлюдье. Там замыслил он с главой семейства Громов свидеться и передать тому блудного сына. Одного не учёл желтоглазый воришка: полюбили обитатели этого дикого края сладкоголосого и доброго нравом новосельца. И потому, как только змеинные

чары Тишины рассеялись, лес наполнился тревогой: «Громышок исчез! Пропал наш малыш!» Гора тряслась от рыданий:

- Не углядела! Размякла, старая! Погодите, тут, кажется, филин крутился. А потом странная тишина навалилась внезапно. Сколь долго живу, не бывало такого! Не он ли устроил злодейство неслыханное?

Начались поиски. В самые дальние концы леса поскакали быстроногие олени. Расползлись по тайным тропинкам муравьи и улитки, проверяли дупла, берлоги, бобринные хатки. Наткнулись и на спящего в овраге Мухомора.

- Эй, сморчок, - поддел его лапой медведь. - Громышка нашего не встречал случайно?

На Мухоморе пропали крапинки - до того он побледнел:

- К-какого Громышка? Не мешайте мне болеть. Я сладкого объелся.

- А глаза почему суматошные такие? Говори, пока я из тебя большую лепёху не сотворил!

«Кто для меня опасней? - трудно соображал Мухомор, - Филин или медведь? Медведь или филин? Тот далеко, этот рядом. У того - клюв, у этого - пасть, вон какая, брр...»

- Миша, - наконец решился он, - я сам ничего не видел, только помогал. А всё он, ушастый: и мешки принёс, и Тишину подговорил. На Лихом Безлюдье Громышка вашего мучает.

Медведь рывкнул, и тот, что в крапинку, рухнул безжизненно.

Филин в это время, бросив мешок с ценным пленником под куст, пообедал пойманной накануне мышью и очень удивился, увидев над лесом тысячи птиц. Каркая, курлыча, щебеча и чирикавая, армада пернатых сваливалась на него. «Выследили», - догадался прохиндей и пустился наутёк.

Радость лесных обитателей была всеобщей. Бубенчика долго расспрашивали и тормошили со всех сторон. Вместе с ним смеялись над незадачливыми похитителями.

- Спасибо, друзья. У них не получилось разлучить меня с вами. И, кажется, я нашёл

ещё одну частицу Родины - вас, - улыбался Громышок.

Он вернулся в свой дом-облако. Старуха Гора ждала его. Пожаловалась, что потеряла сон, и пожурила за беспечность:

- Зла на свете тоже хватает, сынок. Трусливым не будь, но осторожным - пожалуйста!

Объявился скоро и Сиверко. Стал рассказывать. Оказывается, он случайно подслушал разговор своих врагов - огненного ветра Самума и коварного Урагана. Взялись они по указанию Громовержца отыскать Громышка. Да охотников помочь им не нашлось. Как они с филином уговорились, что ему наобещали - никто не знает.

- Только я - на всякий случай - стал дежурировать под облаками, - рассказал Сиверко. - Не позволил бы разбойнику унести тебя. Крылышки у него слабые, чтоб со мной тягаться.

- Я знал, Сиверко, что ты не дашь меня в обиду, - обнял друга Бубенчик. - Пошли чай пить, бабушка блинов напекла. Вку-усные!

Что же дальше случилось-случилось?

Про грибочка сказывают так. Лежал он как-то ввечеру у пенёчка. Мечтал по обыкновению. Брюхо развалил, ручки на нём сложил, ножки одну на другую закинул. Посапывает довольно, носом шевелит. Филин в эту пору на охоту вылетел. Ну и приметил под пнём кусок съестного. Прыг к нему. И шевеленье коготочком прекратил. Взлетел на ёлочку. И уже хотел было жертву клювом в черепья разнести, как услышал жалобное:

- Это же я, друг твой Мухомор!

Филин пригляделся - точно:

- Ах, извините, - и разжал лапу.

И злосчастный гриб развалился, почернел. Испустил дух, в общем. А филин из леса сбежал. Он сейчас в других местах промышляет. Громышка-то ему так и не простили. Сам же Бубенчик помирился с отцом и продолжает жить в построенном с друзьями доме. И если вы летом после грозы где-нибудь на лугах, когда в мире становится как-то особенно тихо, услышите вдруг серебряные голоса, знайте: это он, Громышок, поёт свою добрую песенку, а колокольчики луговые отвечают ему согласно.

Душа Усть-Печеньги на полотнах Владимира Федукова

Владимир Александрович Федуков

Поленовский Борок, или левитановский Плѣс, или Абрамцево, где писали картины Валентин Серов, Виктор Васнецов, Михаил Врубель - каждый из этих уголков России знаменит на весь мир. А кто слышал про Усть-Печеньгу?

- Чистотой от этих работ веет, - раздумчиво говорит Любовь Соснина, сотрудница картинной галереи. - Так это редко теперь можно увидеть...

В Шаламовском доме проходила выставка работ Владимира Федукова «Уголок России». Усть-Печеньга - старинное село в Тотемском районе, в нынешнем году ему исполняется 400 лет. Село тянется

Выставка художника из Усть-Печеньги с успехом прошла в Шаламовском доме областной картинной галереи

Академик Дмитрий Никитович Тугаринов: «В картинах Володи есть четвёртое измерение»

по высокому берегу Сухоны, окружая Покровский храм, который возвышается над домами, над рекой. Церковь видна с любого конца села, она по-особому организует пространство вокруг себя: ведь это не просто красивое высокое здание, это наглядное свидетельство связи человека с небом.

В традициях русского искусства - православный взгляд на мир как творение Божие, а не как площадку для человеческих экспериментов. Впрочем, храм для живописца Федукова - не деталь сельского пейзажа, а основа человеческой жизни. Больше 20 лет назад они с женой Жанной и маленькой дочкой Машенькой приехали в Усть-Печеньгу работать при храме. Здесь родились и выросли еще три дочери и сын. В храме трудятся всей семьей: кто печь топит, кто на клиросе поет, ведет бухгалтерию - хоть и невелик приход, но порядка и учета требует. Священника постоянного в Покровском храме нет. Настоятель, отец Серафим Розин, живет в поселке Юбилейном, служит в тамошнем храме и приезжает, когда может, но общая молитва в Усть-Печеньге не прекращается: прихожане собираются в храме по воскресеньям и праздникам, читают

акафисты. Конечно, храм присутствует на многих полотнах художника Федукова, но даже и там, где он не изображен, чувствуется какой-то особый свет. Святыню под спудом не спрячешь...

- Это продолжение классических традиций русского реалистического пейзажа, - говорит о творчестве Владимира Федукова известный художник-реставратор Александр Александрович Рыбаков, доктор искусствоведения.

Народный художник России, академик Российской академии художеств Дмитрий Тугаринов - однокашник Владимира Федукова по Московскому художественно-промышленному училищу имени Калинина. Дмитрий Никитович - скульптор, и к живописи относится... ну, не то чтобы пренебрежительно - с пониманием определенной ограниченности этого вида искусства в сравнении с трехмерной скульптурой. Однако живопись соученика академика Тугаринова приятно удивила:

- В картинах Володи есть четвертое измерение, его нельзя описать, но оно явно чувствуется...

И действительно: как описать душу? Картины Владимира Федукова - именно о душе села. Поэтому все его деревен-

ские пейзажи - совершенно разные, хотя изображено на них одно и то же место. Кажется, об этих сельских видах восторженно писал Николай Рубцов (кстати, Николай Михайлович бывал в Усть-Печеньге): «О, дивное счастье родиться в лугах, словно ангел, под куполом синих небес...». Именно с тем, что художник видит, как в этих дивных видах отражается душа, связано, по-моему, важное свойство федуковской живописи - лучезарность. Да, древняя Усть-Печеньга лучшие времена, к сожалению, пережила, она на глазах пустеет - но Владимир Александрович рассказывает нам не об упадке, а о душе, которая бессмертна.

- Думаю, мы правильно сделали, что разместили выставку Владимира Александровича именно здесь, в Шаламовском доме, - считает заведующая отделом современного искусства Вологодской картинной галереи Юлия Горелькова, куратор выставки «Уголок России». - Работы художника, мне кажется, в этом небольшом уютном зале по-особому приятельны для зрителя...

Персональная выставка - это праздник и для художника, и для зрителей. Недоумение вызвало только одно: как можно было так долго не показывать людям такие прекрасные работы? Ведь не от жадности же держал Владимир Александрович свои картины дома столько лет? Будем считать все-таки, что это говорит не столько о нежелании художника делиться богатством, сколько о его взыскательности, о нежелании выносить на суд людской несовершенные работы.

- Когда я на выставку решился, - говорит Владимир Федуков, - то была у меня такая цель: развесить картины по стенам, сесть посередине и внимательно рассмотреть, куда же я все-таки пришёл.

Развесил, сел, посмотрел... А на вопрос, что увидел и понял, ответил неожиданно:

- Не скажу, это важно только для меня. Многое понял, как дальше надо работать...

Будем, выходит, ждать новой выставки.

Андрей САЛЬНИКОВ
Фото Алексея Колосова

На открытие выставки Владимира Федукова пришли друзья и знакомые, родные и коллеги художника

Схиархимандрит Илий: «На Вологодчине ВОЗДУХ ЧИСТЫЙ!»

В конце июля на Вологодчине побывал схиархимандрит Илий, духовник Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Вместе с сопровождавшим его руководителем проекта «Вятский посад» Геннадием Цурковым отец Илий побывал в Череповце и Кириллове, Великом Устюге и Вологде. Старец посетил монастыри и храмы трех епархий Вологодской митрополии - и действующие, и еще не возрожденные, встретился с духовенством. Гость навестил село Покровское в Грязовецком районе, где родился и вырос святой Игнатий Брянчанинов.

«МНЕ БЫ ТОЛЬКО ЕГО УВИДЕТЬ...»

Когда отец Илий выходил на крыльцо собора Спасо-Прилуцкого монастыря, к нему бросилась женщина:

- Скажите, что будет с нами, с Россией?

Старец, наверное, и не услышал этих слов: его окружали люди, рвавшиеся взять благословение, вместе со всеми он спустился по ступенькам - и вопрос вроде бы остался без ответа. Вроде бы - потому что на самом-то деле старец Илий постоянно говорит, что с нами будет:

- С Богом всё есть! Несчастный человек, который отказывается от Бога; как это он от жизни отказывается! Можно

не только тысячи - миллионы, думаю, набрать свидетельств и аргументов, что есть Господь.

Будем с Богом - тогда и будет жить Россия, отец Илий постоянно это утверждает. И собственным примером показывает, как жить с Богом, жить в Боге.

Где бы старец ни появлялся, народ к нему тянется:

- Думала: мне бы только его увидеть, а я благословение отца Илиия получила, рядом постояла - какое счастье! - радостно улыбается прихожанка Дмитриевой обители.

Конечно, люди ищут возможность побеседовать с отцом Илием - как правило, старец никому не отказывает в кратком разговоре. С чем идут к старцу? Девушка заканчивает школу и хотела бы поступить в столичный вуз, но боязно оставлять дом, да и родителям нужна помощь - подрастают младшие братья и сестры. Иеромонах, начинающий возрождение небольшого монастыря, испросил молитвенной помощи и благословения на труды. Мальчик в раннем детстве перенес тяжкий недуг, врачи советуют сделать операцию - а родители сомневаются, не стало бы хуже....

Казалось бы, отец Илий - не медик, не учитель, не строитель, зачем с такими вопросами к человеку лезть? Так ведь старец отвечает не как медик или строи-

«Услыши нас, молящихся тебе!» - обращается отец Илий к Пресвятой Богородице

В алтаре Софийского Успенского кафедрального собора в Вологде

тель: батюшка Илий не ставит диагноз, не оценивает методику лечения или выбор строительных материалов - он говорит о духовной жизни. А в ней чаще всего и коренятся все наши нестроения, проблемы, да и многие недуги...

Вот только откуда старец силы-то черпает для всех этих встреч, разговоров, богослужений? Ведь отцу Илию уже 87. Возраст солидный, но ветхим батюшка отнюдь не выглядит. Да, ему уже сложно много ходить, порой голос срывается - но о немощах старца забываешь, когда видишь его живые глаза, с отеческой любовью вззирающие на всех нас...

Старец был во многих храмах, больших и малых, древних и недавно построенных - и в каждом он не архитектурой любовался или церковной живописью. В любой храм отец Илий заходил молиться. Батюшка прямо светится, как только переступает церковный порог, он солнышком улыбается всем, прикладывается к иконам, кладёт перед святынями земные поклоны, поет тропари и величание... Не потому, что

так полагается, - отец Илий рад любой возможности обратиться к Богу.

- Услыши нас, молящихся тебе! - громко произносил схиархимандрит молитву к Пресвятой Богородице перед Покровским образом, и всем вокруг казалось: эти слова Пречистая слышит.

Вот и ответ, откуда силы у старца, - их дает молитва.

- Задача у нас одна - Господу больше послужить, - считает отец Илий, потому и не жалеет сил на встречи и поездки: в этом он видит важную часть своего служения.

В ГОСТЯХ У СЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ

В последний день пребывания на Вологодчине, 28 июля, архимандрит Илий посетил Покровское - село, где родился и вырос святитель Игнатий Брянчанинов, великий русский духовный писатель и богослов. До того отец Илий побывал в Спасо-Прилуцком Димитриевом мона-

стыре. Там не только монахи живут, но и семинаристы, будущие священнослужители. Гости осмотрели аудитории, библиотеку. Батюшка спросил, издается ли в епархии журнал, ему показали один из номеров «Благовестника» прошлых лет - выпускать журнал сейчас не позволяют финансовые сложности, но прежние номера хранятся, их читают.

- Журнал епархии нужен! - считает отец Илий. Он со вниманием добросжелательно перелистал номер со статьей о семинарии - читать времени не было, пора было отправляться в Покровское. Конечно, заинтересовался схиархимандрит, есть ли в семинарской библиотеке творения святителя Игнатия, и ему с гордостью показали целую полку: что за учеба без брянчаниновских текстов!

Чуть позже гости своими глазами увидели, в каком дивном месте вырос будущий святой.

У храма в Покровском батюшку встретила Татьяна Ватсон - внучка последнего владельца Покровского Владимира Николаевича Брянчанинова, внучатого племянника святителя. Татьяна Александровна родилась за границей, уже 70 лет живет в Австралии. Нынешним летом исполнилось 25 лет, как она ежегодно приезжает в Покровское на три летних месяца. Татьяна Александровна помогла восстановлению храма и усадебного дома, она сумела привлечь внимание властей к исторической усадьбе, и это во многом её заслуга, что проведена масштабная комплексная реставрация. Сейчас в доме, где вырос великий русский святой, размещается культурно-просветительский и духовный центр «Усадьба Брянчанинова».

- Отец хотел видеть генералом своего сына, - улыбаясь, сказал старец о святителе Игнатии, - а он стал архиереем. Конечно, выбрал лучшее, душу спас. Но я считаю: если бы стал благочестивым генералом, возможно, подвиги совершил бы... Но святитель, конечно, выше генерала...

Из храма перешли на кладбище, где похоронены родные святителя Игнатия, в том числе - родители святого, а также

дедушка Татьяны Ватсон, прах которого она перевезла из Франции. Совершили литию - краткое молебствие по усопшим («литичку» - сказал архидиакон Илиодор, путешествовавший по Вологодчине вместе с батюшкой Илием).

К святителю Игнатию у отца Илия особое отношение.

- На родине батюшки, в Вятском Посаде Орловской области, - рассказал Геннадий Николаевич Цурков, - по благословению отца Илия построили духовный православный центр. В Сретенском соборе, главном храме центра, находится частица мощей святителя Игнатия.

Чайный стол накрыли во флигеле, где останавливался святитель Игнатий, когда приезжал в Покровское. Можно сказать, сам святитель принял дорогих гостей в своих покоях...

Татьяна Ватсон показала фотографию руин Покровского храма:

- Вот так храм выглядел, когда я приехала в 1994 году.

Вид страшный: крыши нет, между полуразрушенными стенами трава по колено...

- Вот вам коммунистическая власть, - вздыхает отец Илий. - Они разорять только могли, а что создали? Ничего.

«Посоветуйте, батюшка, как быть?..»

ПЕРЕВОРОТ БЫЛ ОСНОВАН НА ЛЖИ И ДЕНЬГАХ

Отец Илий и в проповедях, и в личных беседах не раз говорил о трагической судьбе России в XX веке.

- Я знаю, что Россия больна очень, - считает схиархимандрит Илий. - Была великая страна, богатая, огромная - а что с ней стало? Похожа она на страну, которая была Россией? На чём переворот этот был основан? На лжи, деньгах и простоте русского человека. Дьявол сумел обмануть людей.

Старец убежден:

- Священники должны говорить народу правду: дьявол посеял смуту, революцию, чтобы убить Россию, - и наполовину её убил. Мне за примером далёко не ходить, у меня дедушка и бабушка умерли с голода. С голода - как это так? Люди жили, других кормили, они, по-нашему говоря, свой бизнес имели, делали жернова для мельниц. Бабушка пошла взять хлеба, когда их с дедом выгнали из дома, - так её вытолкали на улицу. Что коммунисты сделали за сто лет? Нам говорили про светлое будущее - какое светлое будущее, где оно... Наоборот, тьму посеяли. Сейчас пытаются доказать, что коммунисты принесли пользу, они победили в Великой Отечественной войне, Сталин благодетель... Какой там Сталин - это Господь дал нашему народу победу над врагом! Говорят, якобы сейчас коммунисты не те, они люди хорошие, есть верующие среди них. Не-ет! Ясно говорит апостол Павел: «Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?»

За время гонений на веру Христову Церковь очень пострадала.

- Возьмем православный календарь, - говорит отец Илий. - Каждый почти день - память нескольких новомучеников. А ведь из всех убитых за веру только 50 процентов канонизированы, наверное, меньше даже. Господь не допустил полного убийства Церкви, а ведь коммунисты стремились совсем уничтожить веру. До конца. И шли к этому. И ведь никто еще не

Отец Илий у колодца, ископанного преподобным Димитрием Прилуцким в Свято-Прилуцком монастыре

сказал: да, действительно, с коммунизмом всё кончено... Раз никто правды об этом не говорит - они могут залезть во власть!

Особая опасность кроется, по мнению старца, в растлении душ человеческих:

- Нужно особое внимание к семье, нужно рассказывать, что такое брак. На Западе всячески пытаются убедить людей, что однополые браки - хорошее дело, а ведь это против заповедей! Надо писать и говорить о целомудрии, о чистоте жизни.

По мнению отца Илия, основой русской жизни было и остается православие:

- Россия жива за счет Церкви. И если повторится то, что было столетие назад, что останется от России? Господь дал нам молитву, дал возможность храмы построить. Всякая смута, всякий переворот ведут только к гибели, к тому, чтобы добить Россию. Нужно, чтобы сейчас сохранялось то, что есть. Президент у нас верующий, надо молиться о нем, чтобы он сохранял Россию. Святая Церковь каждый день молится за любовь, своей любовью может охватить всех...

ОТ ЧИСТОТЫ ВОЗДУХА ЗАВИСИТ И ЖИЗНЬ ДУШИ

За четыре дня отец Илий объехал чуть ли не половину области. Какое сложилось у гостя впечатление о нашем крае?

- Мы молимся за вашу вологодскую землю, за вологодский народ, - говорит архимандрит Илий. - Я послужил в Софийском соборе, приобщился Христовых Таин, и вижу - в вашем городе много людей, которые любят Господа, стремятся к самому необходимому, а самое необходимое для нас - наше спасение.

По мнению отца Илия, раньше люди шли на Север, чтобы устраивать обители:

- Они искали, где больше пользы для души. А сейчас люди всё больше думают о прибыли, о деньгах, и все тянутся, ползут в Москву. Думают, что в Москве побольше денег найдут - нет, деньги не помощь нам для спасения души. Нет другого смысла и цели в жизни, кроме спасения души. Спасение в том, чтобы жил с нами Господь.

В таком гигантском городе, как Москва, жить порой опасно для жизни, считает отец Илий:

- Мне нередко приходится бывать в Москве, и каждый раз думаешь: как бы скорее проехать... Буквально не хватает чистого воздуха, нечем дышать - а ведь

от воздуха зависит и жизнь души нашей с Богом. А пробки эти? Когда постоят люди в пробке час или больше, становятся нервными. От воздуха ненормального, от настроения ненормального - от этого они заболевают. Слава Богу, на Вологодчине можно жить, здесь воздух чистый.

Наш край батюшке понравился.

- Дай Бог, чтобы преумножилась вологодская земля своей духовностью, - говорит духовник Патриарха, - чтобы люди жили по-православному, соблюдали посты, молились усердно. Будет молитва - будет всё, понимаете... Мне радостно, что народ здесь простой, христианский, что здесь сейчас церкви действуют, слава Богу. Только нужна крепкая вера, желание жить по-христиански, творить дела Божьи. Что нам нужно? Нам нужно терпение, смирение, молитва, дружба, любовь.

Андрей САЛЬНИКОВ
Фотографии информационно-аналитического отдела
Вологодской митрополии

«Нет в Австралии коммунистов? И не пускайте!»

Машина вологодского времени

Издательство «Арника» выпустило фотоальбом вологодского фотохудожника Олега Зажигина «Вологодская область. Душа Русского Севера». Издание продолжает проект «Вологда прежде и теперь», начатый книгой «Вологда в объективе времени», выпущенной «Арникой» в 2018 году.

Чуть больше двух лет назад известный вологодский фотограф Олег Зажигин поместил в соцсети коллаж, соединивший два снимка вологодского храма Святителя Николая на Глинках: один был сделан за день-два до публикации, другой - лет на сто раньше. Смотришь на эту встречу веков - и начинаешь сердцем чувствовать, что были и до нас люди, вот как этот человек в форменной фуражке и белой тужурке. Как он внимательно в нас вглядывается - сквозь годы и войны, сквозь бунты и парады... Что-то видит?

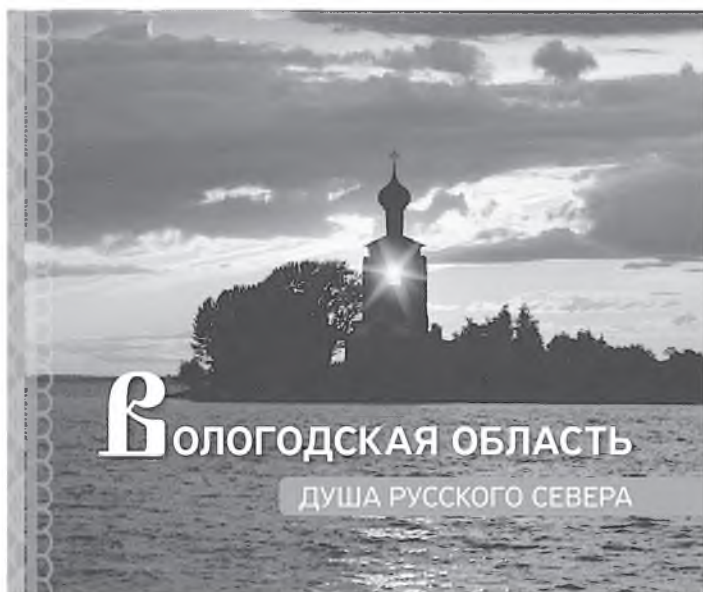
И еще открытие: разные стороны улицы на снимке неожиданно объединились. Не образец, конечно, архитектурной

гармонии, но всё-таки вполне уживаются современные строения с деревянными домиками. Потому что это жизнь, в которой находится место всему.

Можно сказать, Олег Зажигин построил машину времени. Правда, времени вологодского, так ведь нам это и интересно прежде всего.

«Душой Русского Севера, - пишет во вступлении к книге директор «Арники» Фёдор Суханов, - называют Вологодскую область именно за то, что у нас традиции не консервируют, а стараются наполнить новой жизнью».

Автор во второй книге расширил пространственные рамки путешествия на всю область: читатели видят фотографии Вытегры и Великого Устюга, Грязовца и Спасо-Каменного монастыря... В книгу вошло больше 130 работ. Край наш богат необычайно, есть что показывать и о чем рассказывать. Будем надеяться на продолжение!

И НЫНЕ, И ПРИСНО	
Старец Илий на Вологодчине	
..... 2 стр. обложки, цв. вклейка	
Андрей Сальников. Схиархимандрит Илий:	
«На Вологодчине воздух чистый!»	234
МЫ И МИР	
Андрей Сальников. Два профессора,	
или Душевное обаяние Русского Севера.....	1
КЛЮЕВСКИЙ КОНКУРС	
«Я знаю, родятся песни...».....	6
Есть две страны - одна Россия. Другая - Небо...	
<i>Стихи участников конкурса</i>	7
СТО ЛЕТ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКЕ	
Ирина Колесова. Писатели - читателям	
богоспасаемой Вологды	10
И жизнь пробуждается!..	
<i>Встреча с Ириной Кемаковой</i>	15
«Сто стихотворений» Михаила Сопина:	
начало новой судьбы?.....	17
ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ	
Новые книги о современном классике	18
Литературные альманахи.....	19
Эльвира Трикоз. Слово купеческое.	
Об эпистолярном наследии купцов	
Буддаковых	202
Машина вологодского времени	239
ПОЭЗИЯ	
Ольга Фокина. С добром - не пропаду!	20
Николай Дегтерёв. Выходи ко мне!.....	24
Елена Виноградова. Песни осеннего	
сердца.....	28
Сергей Пахомов. Снега	32
Александр Пошехонов. Опять задумаюсь	
о жизни... ..	36
Андрей Лущников. Две глубины.....	38
КНИГА В ЖУРНАЛЕ	
Наталья Мелёхина. Дашка из Паутинки	
и её друзья. <i>Рассказы</i>	43
Сергей Шадрунов. Записки натуралиста.	
<i>Рассказы об увиденном своими глазами</i>	57
День за днём. <i>Главы из книги</i>	66
НОВОЕ ИМЯ	
Людмила Шаткова. Бабушка-гора.	
<i>Из детских воспоминаний</i>	78
Алла Касецкая. Снег пахнет небом.....	81
Надежда Юрова. Ниточка с иголочкой.	
<i>Рассказы из книги</i>	84
Любовь Лихоманова. Нескончаемо чудо	
природы	96
Леонид Лешуков. Туманы в Поюжье	98
ПРОЗА	
Ольга Селезнёва. Утомление солнца.	
<i>Повесть</i>	100
Анатолий Ежалов. Тринадцатый квартал.	
<i>Главы из новой книги «Детство золотое»</i> ..	120
Дмитрий Ермаков. Родина. <i>Рассказы</i>	134
Ростислав Панов. Старый да малый.	
<i>Из повести в рассказах</i>	146
Станислав Мишнёв. Мост. <i>Рассказ</i>	157
Николай Устюжанин. «Перестроечная»	
юность. <i>Фрагмент повести</i>	165
Олег Ларионов. Остров во мгле.	
<i>Фрагмент романа</i>	176
ВОЛОГОДСКАЯ ШКОЛА	
Людмила Яцкевич. Не потерять надежду.	
<i>О книге А. Цыганова «Помни моё слово»</i>	180
ЖИВАЯ ПАМЯТЬ	
Василий Мишенёв. «Тоже несусь свой	
крест...». <i>Воспоминания об Александре</i>	
<i>Ивановиче Сушинове</i>	189
Последняя книга	
Владимира Наволоцкого.....	192
Владимир Наволоцкий. Учёба в речном	
техникуме в годы войны.....	194
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ	
Ольга Лаврова. Между Вологодой	
и Устюгом.....	208
Евгений Елисеев. Мир счастьем болен....	209
Валентина Игошева. Я не печалюсь,	
что осень в разгаре... ..	211
Сергей Клепиков. В воздухе повисла	
тишина.....	212
Тина Кольчева (Валентина Прокофьева).	
Теперь недолго до метелей... ..	214
Виктор Некрасов. В синем сумраке	
вечера зимнего.....	216
Ольга Лаврова. Счастье не спешить... ..	220
Валентина Скорюкова. Душа великой	
Родины моей!	221
Надежда Слободина. Пусть будет	
хорошо	224
ПРОЧТИТЕ ДЕТЯМ	
Виктор Зайков. Громышко.....	226
ИСКУССТВО	
Андрей Сальников. Душа Усть-Печеньги	
на полотнах Владимира Федукова	231

На 1-й и 4-й страницах обложки - фотография Алексея Колосова «Вид на Тотьму с моста через Сухону»

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД

Литературно-художественный журнал

2019, № 1 (37)

В 1991-1995 годах выходил под названием «Лад. Журнал для семейного чтения». С 2006 года - «Вологодский ЛАД»

Главный редактор - **А. К. Сальников**
Адрес редакции: 160009, Вологда, ул. Козлёнская, д. 33, оф. 309
Телефон: (8172) 72-42-90, e-mail: salnikovandre@yandex.ru

Адрес типографии: ООО ПФ «Полиграф-Пресса», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Тираж 1500. Объем 15 п.л. Формат 70х100/16. Печать офсетная. Подписано в печать 5 сентября 2019 г. Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 10 час. Дата выхода номера - 12 сентября 2019 года. Заказ № 589. Свободная цена.

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Учредитель - автономное учреждение Вологодской области в сфере средств массовой информации

«Вологодский областной информационный центр»

Адрес издателя: АУ ВО «Вологодский областной информационный центр», юридический адрес: 160000, Вологда, ул. Козлёнская, д. 33; почтовый адрес: 160000, Вологда, ул. Козлёнская, д. 33, оф. 309

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Вологодской области, регистрационное удостоверение ПИ № ТУ 35-069 от 26 декабря 2011 г.

16+

Душа Усть-Печеньги на полотнах Владимира Федукова

Иллюстрации к статье в разделе «Искусство», стр. 231

Солнце садится. Холст, масло. 2008

Мокрый день. Холст, масло. 2009

Река еще не стала. Холст, масло. 2009

Осенний этюд.
У Никулинских
новая баня. 2016

Большая вода. Устье. Холст, масло. 2017

Выпал снег. Холст, масло. 2018

Зимний вид. Устье. Холст, масло. 2008

Татьяна Ватсон

В нынешнем номере рассказывается о многих прекрасных людях - учёных, писателях, священниках... Среди самых замечательных людей нашего времени Татьяна Александровна выделяется самоотверженностью в служении делу сохранения великого наследия русской культуры. Хранительница памяти великого русского рода Брянчаниновых, Татьяна Ватсон вот уже 25 лет ежегодно приезжает из Австралии на лето в Покровское, а ведь ей 85. Без ее финансовой помощи, без ее удивительной деловой активности и организаторского таланта вряд ли удалось бы вернуть Покровскому дивный облик прекрасной усадьбы XIX века, которым сейчас гордится Вологодчина.

Фото Алексея Колосова